

БИБЛИОТЕКАРЬ

*Сергей
Брисюк*

КУРГАН
2021

Сергей Брисюк

Библиотекарь

Философско-художественный роман с элементами мистики
и физики.

Оглавление

[Глава 1. Ошибка Ленина.](#)

[Глава 2. Первые вести про Михеича. Многомерность 1.](#)

[Глава 3. Многомерность 2.](#)

[Глава 4. Гегель-могиль.](#)

[Глава 5. Картошка в полете.](#)

[Глава 6. Юродивый таракан судьбы.](#)

[Глава 7. Глафира.](#)

[Глава 8. У Михеича. «И невозможное возможно...».](#)

[Глава 9. Канта одним махом побивахом.](#)

[Глава 10. Михеич отводит опасности.](#)

[Глава 11. Перышкин.](#)

[Глава 12. Стих Николая.](#)

[Глава 13. Агент в действии.](#)

[Глава 14. Науки юношей питают.](#)

[Глава 15. Знакомство с отцом Пахомием.](#)

[Глава 16. Тайна миссии 1.](#)

[Глава 17. Тайна миссии 2. Смерть, где твоё жало?! Ад где твоё
победа!?](#)

[Глава 18. Тайна миссии 3. Поцелуй Иуды.](#)

[Глава 19. В предчувствии будущей встречи.](#)

[Глава 20. Рассказы Глафиры 1. Сказки равви Гелеба.](#)

[Тайна Гелеба.](#)

[Колодец-ловушка.](#)

[У костра.](#)

[Глава 21. Рассказы Глафиры. Продолжение.](#)

[Фаворский свет \(На вершине горы\).](#)

[Сговор в Капернауме.](#)

[Путь в Иерусалим.](#)

[Прощание.](#)

[Глава 22. Разговор с отцом Пахомием.](#)

[Глава 23. «Консилиум 1».](#)

[Глава 24. Отождествление.](#)

[Глава 25. Консилиум 2.](#)

[Глава 26. Консилиум 3.](#)

[Мировая Воля и разговор ни о чем.](#)

[Глава 27 . Струны и браны.](#)

[Глава 28. Божественный Логос. Имя Божье.](#)

[Глава 29. Человек.](#)

[Искажения триединства](#)

[Глава 30. Мысль материальна.](#)

[Глава 31. Эгрегоры. Наполеон.](#)

[Глава 32. Серьезный разговор.](#)

[Глава 33. Роль личности в истории.](#)

[Глава 34. Тревога.](#)

[Глава 35. Дракон.](#)

[Глава 36. Кот Шредингера нюхает «цветок» Гюйгенса.](#)

[Глава 37. На гребне вселенской волны.](#)

[Глава 38. Венчание.](#)

Глава 1. Ошибка Ленина.

Друг моего детства как-то рассказал мне одну замечательную историю, точнее один феноменальный эпизод детства, который является ключом к данному роману. Дело было весной, не ранней, когда еще снег да лужи. Когда ночью их сковывает предательский лед –

отрыжка зимы. А весной полноценной, вошедшей в силу, когда солнце уже вовсю согревает первые одуванчики. Когда помина нет от снегов нашей долгой зимы, когда пахнет первое по-летнему уверенное тепло. Мы выходили, почти все пацаны, поголовно, кататься на велосипедах. Летали так, что ветер гудел в ушах, упивались стремительным движением, которое дается почти без усилий. Крутеж педалями усилием в детстве не считался. Гонялись друг за другом, кричали что-то, бренькали звонками... И вот у него слетела цепь. Ну, бывает... Перевернул он свой велосипед, присел рядом, стал цепь обратно натягивать, и вдруг от него «отщепился» НЕКТО. Этот «некто» взмыл вверх над всей этой весенней кутерьмой. Оказался метрах в пятидесяти над двором. Замер там и стал МОЛЧА глядеть вниз на все это как на муравьиную кучу. И, наконец, ясно прозвучал один единственный вопрос: «ЗАЧЕМ ВСЕ ЭТО?!». Друг мой очнулся возле велосипеда, сидящим на корточках с цепью в руках. Прошли какие-то мгновения. Все было нормально! Он не терял сознания. Он не был болен, он продолжил дальше кататься на велосипеде. Но вопрос: «ЗАЧЕМ ВСЕ ЭТО?!» остался в его памяти на долгие годы, он перешел затем как бы в подсознание. Потом друг мой поступил на философский факультет. Видно, хотел разобраться «Зачем все это?!». И наш роман не для тех, кого просто устраивает жизнь муравьев, а для «Жука в муравейнике». Для тех, кто хочет найти ответ на этот вопрос!

Сентябрь 1978 года.

В Казанском университете на кафедре философии был организован семинар по диалектическому материализму. Семинар организован был как факультативный, довольно свободный, на него могли ходить студенты с разных факультетов, интересующиеся философией, от первого курса, до пятого. На первом занятии этого семинара в том году познакомились Юра и Коля, студенты, которые станут в дальнейшем одними из главных героев нашего романа – расследования, романа философско-художественного, а не художественно философского. Для тех, кто любит размышлять и познавать – наш роман. Все совпадения с реальными людьми – случайны, а вот источники литературы, которые цитируются здесь – реальны. Желающих приглашаем почитать избранные места из них, о которых будет идти речь в данном романе.

Доцент Одинокоев (его прозвали «кроликом», потому что речь его напоминала лопотание кролика, большие толстые щеки при разговоре колыхались, легкая картавость превращала звук в похрустывания морковочки или капустки), который вел семинар, в конце семинара вдруг предложил самим студентами поднять наиболее интересные для них философские темы, чтобы включить их в план семинара. Большинство оказалось не готово к такому повороту событий, а вот Коля не растерялся:

- Я хотел бы поднять тему «истинной элементарности».

- Чего-чего? переспросил Одинокоев.

- Ну, например, еще из школьного курса физики мы называем электрон, протон и нейтрон элементарными частицами, но в современной физике известно, что из этих трех только электрон истинно элементарный, а протон и нейтрон – сложные, составные, т.е. состоят из еще более элементарных...

- И дальше что, молодой человек?

- Я хочу Вам напомнить, что Владимир Ильич Ленин писал в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм», что электрон так же неисчерпаем, как атом, но вот оказалось, что он ошибся. Прошло уже около 70-ти лет с того времени, а электрон все еще не разложили на составляющие части...

Видно было, как Одинокоев слегка дернулся на фразе «он ошибся». Кто? Это ЛЕНИН ошибся! Это было неслыханно! Критиковать Ленина на философском семинаре в советском ВУЗе! Надо было что-то с этим делать. К тому же аудитория не возмутилась (а как хотелось бы Одинокоеву, чтобы часть студентов вскочила и начала кричать что-то против таких слов). Студенты продолжали спокойно сидеть, слушая дискуссию. Ну, ведь так можно дойти до того, что Ленин и с коммунизмом ошибся! Одинокоев вспотел, вынул платок, обтер лоб. В его бытность студентом такое было просто невероятно. Кроме того, он знал, почти наверняка, что в аудитории сидит кто-то, кто потом доложит куда надо... От этой мысли у него вообще чуть не закружилась голова. Надо было как-то спасать ситуацию, а то разгонят его семинар к чертовой матери, да еще сделают оргвыводы в отношении его

Одинокова персоны. Ему через месяц переутверждаться на должности доцента. Его и так подсиживает молодой Достовалов, выскочка и карьерист...

- Послушайте товарищ...

- Николай Горьков. Физический факультет 3-тий курс.

- Послушаете, товарищ Николай! Ленин ни в чем не ошибался. Это вы, физики виноваты!

Коля изумленно пожал плечами.

- Да, да! Силенки, понимаешь, не хватает, мощенки ваших этих... синхро...фразатронтов...

- Ускорителей, - подсказал Николай.

- Ну, да этих ваших ускорителей, понимаешь, не хватает чтобы расщелкать такой крепкий орешек, как электрон. Не по зубам он пока вашим «пуколам». Ну, ничего, придет время, и наши выдающиеся советские ученые электрон этот разгонят так, как надо и хлесь! – Одиноков шлепнул кулаком по ладони и с торжеством оглядел аудиторию...

- И хресь! И разобьют электрон на какие-то там еще элементарные частицы! И докажут всему миру, особенно господам империалистам с их лженауками, что Ленин никогда, слышите, никогда не ошибался! Так что, молодой человек, не перекладывайте с больной головы на здоровую, а лучше найдите, как усовершенствовать синхро... эти, как их там фраза.. троны.

В аудитории часть студентов одобрительно загудела и с ироничными улыбками смотрела на Николая. Но Коля сдаваться не собирался.

- Понимаете, для того, чтобы понять, что частица элементарная или нет, не обязательно ее разбивать на части, есть так называемые упругие и неупругие рассеяния одних частиц на других, по которым можно понять, что перед нами не элементарный объект...

- Вы нам, молодой человек, своими словесами головы-то не забивайте. «Упругие», понимаешь, «неупругие». Упругими должны быть мышцы наших атлетов, нашей спортивной молодежи, а всякие

там «рассеяния» оставьте себе – прервал Николай Одинок. - Пора нам заканчивать наше сегодняшнее занятие. Спасибо за внимание. На следующей неделе семинар в тоже время. А сейчас те, кто опоздал, запишитесь в журнал посещений.

- А как же тема про истинную элементарность? – вдруг спросил Юра, который с уважением глядел на Колю во время дискуссии.

- Да, я же вам всю надуманность этой темы только что раскрыл – отрезал Одинок. Подумайте лучше над другими темами.

При выходе из аудитории Юра дождался Николая.

- Слушай, давай знакомиться! Юрий, философский факультет тоже третий курс. – Юра протянул руку. - Мне твоя тема очень понравилась. Хотелось бы о ней поговорить.

Николай улыбнулся: А не боишься, что в опалу попадешь, тебе же объяснили, что тема закрыта?

- Запретный плод сладок.

Они вышли на улицу. Стояло сумасшедшее бабье лето. Воздух был напоен ароматами вяленых листьев. Ни ветерка. Воздух теплый, как в июле. Уже свечерело. Появились первые звездочки. Но приятелей интересовало совсем другое, не от мира сего...

- Понимаешь, в понятии «элементарный» есть вызов нашему познанию, есть непреодолимый предел...

- Да, пожалуй! Знаешь, меня в философии интересует, прежде всего, именно гносеология, я даже мечтаю когда-нибудь диссертацию на эту тему написать... – Юра, мечтательно посмотрел на звезды. – Так, что там на счет понятия «элементарный»?

- Ну, как переводится слово «элементарный» с греческого?

- Простой.

- Верно! Давай порассуждаем об этом понятии «простой». Ты же с философского факультета? Рассуждать – это же твоя профессия. – Николай улыбнулся.

- Ага.

- Ну, тогда вперед! Все познается в сравнении, чаще всего от противоположного. Ответь мне на простые вопросы (прости за тавтологию): какой антоним у слова «простой»?

- Сложный!

- Верно! А «сложный» от какого глагола?

- Сложить!

- Т.е. сложный – это сложенный из чего-то более простого. Его можно разъять, разделить на части, изучить взаимодействие частей, понять, как устроен. Это, в свою очередь позволяет попробовать соединить эти части по-иному, создать нечто новое или предсказать новое в природе, а потом найти. Например, когда стало понятно, что протоны, нейтроны другие адроны состоят из кварков, то ученые смогли предсказать новые частицы, которые заключают другие комбинации кварков, потом эти частицы были открыты, что подтвердило верность гипотезы существования кварков, а то ведь некоторые весьма серьезные физики в них до сих пор не верят.

- Как это не верят? Разве научная истина – это предмет веры или неверия... Хочу верю в кварки, хочу – нет. По мне это как-то ненаучно. Попахивает религией?!

- Ты попал в точку. Здесь опять физика тесно переплетается с философией.

- С этого места поподробней!

- Хорошо, только давай сначала вернемся к проблеме «истинной элементарности». Если объект истинно элементарный, то он состоит только из себя самого «любимого» и «неповторимого». Значит, разобрать его нельзя. Он как сфинкс. Загадка природы сама в себе сущая и нас туда внутрь не пускающая. Мы можем изучить его внешние свойства, свойства электрона неплохо изучены. Но объяснить, почему они такие – нельзя... Хотя... Такая же ерунда происходит, например, с электрическим зарядом. Мы знаем, что он есть, что он квантован, но откуда он берется, почему его наименьшая величина такова? – Николай пожал плечами. – Главное, что этих электронов мириады, и они все совершенно одинаковы, т.е. попросту неразличимы. И возникает идея,

что это нечто ОДНО проявляется через них, но такими квантами, порциями, в разных частях бесконечного мироздания, как если бы мы видели огромное единое существо через дуршлаг...

- Да, я, кажется, понял ход твоих мыслей! Мне только сейчас в голову пришло: вот мы говорим: «познать», «определить» (в смысле дать определение), «понять», «объяснить», а что за всеми этими словами стоит? Наверно то, что ты только что описал: познать, значит свести нечто новое непознанное к комбинации или новой разновидности уже познанного. Грубо говоря, для какого-нибудь дикаря, который никогда не видел лошадь, но имеет корову, объяснить, что такое лошадь можно примерно так: «лошадь» - это корова, только без рогов и с другими копытами, а еще вымя поменьше и быстро бегают. Кстати, Эммануил Кант ввел понятие «априорные формы познания». Это то, что мы как бы всегда знаем еще до всякого опыта, а через это уже заранее известное познаем, объясняем все остальное. Он даже высказал парадоксальную мысль, что мы можем познать только то, что уже некоторым образом знаем.

- Я что-то про это слышал. Интересная мысль. Нужно будет Канта почитать. Что ты мне рекомендуешь из Канта для начала?

- Да, потом... Я вот зацепился в твоём выступлении за «упругое и неупругое рассеяние». Одинокое тебя не вовремя «подстрелил». Можешь просто объяснить – что это такое?

- Ну, попробую. Начну немного издалека. Вот про кварки мы говорили, что одни физики в них верят, а другие – нет. Тут такой фокус. Окончательным доказательством существования какой-то частицы в физике считается ее непосредственное наблюдение или наблюдение следов ее распада, которые можно объяснить только такой исходной частицей (тут про распад сложно, не буду вдаваться в подробности). Но кварки, по данным современной физики в свободном виде наблюдаться не могут, а если они истинно элементарные, то распасться им не на что... Они там, внутри адронов есть, но рассмотреть их, изучить по отдельности невозможно! Критерий истинности существования этих кварков – только косвенные доказательства. Ты знаешь, что суд может и не признать только косвенные улики для

доказанности обвинения... - Николай рассмеялся. - Теперь о рассеянии. Как у тебя со школьной физикой?

- Была пятерка. Любил я физику, но философию – больше.

- Ну, про законы сохранения энергии и импульса чего-то помнишь?

- Ну, да...

- Каким-нибудь спортом увлекался?

- Боксом.

- Ага, тогда слушай аналогию. Если взять боксерскую грушу, которая из однородного материала, который там внутри не может перемещаться без груши, то при ударе по ней кулаком будет сохраняться не только импульс но и кинетическая энергия за счет того, что груша однородная (состоит только из себя – чуешь перекличку с частицами?). Но если в оболочку груши положить несколько тяжелых шаров, которые могут перемещаться там внутри, то при ударе кулаком она поведет себя немного (или даже много) иначе, чем в первом случае. Шары начнут перемещаться, возьмут часть энергии на себя, а груша как целое не получит всей кинетической энергии удара. Т.е. часть энергии удара перейдет не в кинетическую энергию груши, а во внутреннюю, т.е. в энергию внутренних частей этой груши – шаров. Это и будет неупругое рассеяние. Если же этих частей внутри нет, то вся энергия останется «наружной». Что-то понятно?

- Ну, вообще, понятно.

- Так вот, когда на ускорителе при ударе частиц друг о друга сохраняются и импульс и кинетическая энергия, то нет оснований считать, что внутри частиц есть какие-то отдельные части. Это и есть упругое рассеяние. Таковы все изученные рассеяния на электронах. А вот если при ударе частиц кинетическая энергия не сохраняется, то есть основания полагать, что внутри них что-то есть, например, кварки. И хоть их по отдельности не наблюдали, но все же, они должны быть...

- То есть, ты веришь в кварки?

- Почему бы нет?

- А кварки из чего-нибудь состоят?

- Пока данных для утверждения, что кварки не истинно элементарные – нет.

Юрий задумался. Воцарилась пауза. Теперь студенты могли насладиться теплым осенним вечером вполне.

- Ты общагу?

- Да.

- Слушай, ну все это интересно. Я хочу про «сфинксов» твоих написать курсовую по гносеологии. Назвать ее, «Естественные пределы познания!». Давай будем встречаться и на эти темы говорить. Я тебе подробнее про Канта расскажу. А, кстати, следующая тема семинара о трех законах диалектической логики Гегеля.

- Я давно на них «зуб точу». Ох, и «размажу» я этого Одинокова. Поможешь? Есть пара идей!

- Идет!

Они уже оказались на пороге общежития. Нужно было расходиться по своим корпусам.

Вечером того же дня на столе у майора Овсиенко, начальника первого отдела Казанского университета, лежала докладная записка, в которой агент М. уведомлял, что студент третьего курса физического Николай Горьков на семинаре по диалектической логике допустил критику в адрес Владимира Ильича Ленина. Ситуацию исправил доцент Одинокров, блестяще поставив данного студента «на место». Еще один подозрительный студент третьего курса философского факультета Юрий Платонов заинтересовался темой Горькова. Хотя инцидент можно считать исчерпанным, но следует обратить внимание на дальнейшее поведение названных студентов.

Овсиенко написал на докладной резолюцию: «В разработку пока брать рано, но стоит присмотреться к ним. В случае повторения похожих инцидентов внедрить к ним в группу агента, для исследования на предмет антисоветской деятельности и настроений».

Глава 2. Первые вести про Михеича.

Многомерность 1.

Прошло три дня с их знакомства. Вечером Николай буквально ворвался в комнату общежития философского факультета, где жил Юра:

- Слушай, Юрик! – Николай быстро после их знакомства стал так называть Юрия, может потому, что тот был небольшого роста, улыбчивый, с таким открытым любопытным почти детским взглядом, что хотелось называть его как-то поласковой. – Юраша! Я в трансе! Пипец! Крыша едет!

- Расскажи еще раз, как к тебе попала эта книга? – в руках он держал книгу, которую Юра недавно передал ему с наказами от Михеича. Это был сборник статей, посвященный столетию со дня рождения Эйнштейна «Альберт Эйнштейн и теория гравитации».

- Что-то не так с книгой?! - Юра смотрел на приятеля чуть-чуть виновато, со смущенной улыбкой.

- Книга классная! И Михеич твой... Слушай, кто же он вообще такой, как он мог дать мне рекомендации по статьям, посвященным такой сложной теме, как «многомерность»?! Он что, доктор физико-математических наук? Ну, или хотя бы кандидат?

- Нет, я же тебе говорил, он просто библиотекарь в нашей сельской библиотеке. Возраста я его не знаю, но сколько себя помню, он был старик, работал, э... работает в нашей библиотеке... Вообще, библиотека наша, я тебе скажу – это нечто. Представь, сначала идет сад, там все: сирень, черемуха, яблони, вишни... Когда весной он цветет...

- Да, подожди ты про сад! Я тебе еще самую главную фишку не показал! – Николай глядел на Юрия с загадочным видом, в котором читалась какая-то тревога, растерянность, смешанная со скрытым восторгом.

- Когда я понял, что за клад – эта книга, решил, нужно – прикупить такую. Ну, и стал смотреть, где издана, когда... А теперь, та-дам! Смотри сюда: «Подписана в печать...» – Юрий внимательно посмотрел надписи. Сначала ничего удивительного не увидел. Вопросительно поднял глаза на Николая.

- Ну, все еще не врубился? Секи! Дата. А сегодня, какой год, месяц и число? И тут до Юрия дошло, что он держит в руках книгу, которая должна выйти только примерно через полгода!!!

- Ни фиги, се! Слушай Ник, может просто опечатка? Вон нам рассказывали на семинаре, что целый редакторский состав готовил несколько лет энциклопедию по философии, выверяли, проверяли, перепроверяли содержание каждой статьи, каждого абзаца... В результате, когда напечатали первые экземпляры, на обложке было написано крупными буквами «Энциклопудия»!

- Скорее всего, так и есть. Нужно просто проверить – найти где-нибудь в магазине или другой библиотеке экземпляр. Но, если не найдем... Тогда твой Михеич...

- Степан Михеич.

- Тогда твой Степан Михеич еще та штучка! Хотелось бы его увидеть, поговорить с ним.

На этих словах Юра захохотал, хлопнул приятеля по плечу.

- Ну, тут и, правда, мистика замешана, как не поверить в судьбу. Я же только что сам хотел к тебе идти. Глафира, соседка моя по улице, которая нынче только на первый курс поступила, на исторический, приходила пару часов назад. Была на выходных дома. Принесла весть, что Михеич пригласил нас обоих на праздниках у него побывать. Только, мол, обязательно! Сказал про какую-то грозящую нам опасность. Вообще, мне непонятно, как он мог про тебя узнать. Он же тебя ни разу не видел, а познакомились мы вот только на семинарах по диамату. Я обычно в конце каникул перед отъездом к нему всегда захожу. Он, не поверишь, такие советы дает, такие слова говорит, что потом вспоминаешь его с благодарностью. Он как будто все предвидит. А нынче он, вручая мне книгу, так и сказал: сам, мол, почитай, но ты не много поймешь, а вот приятель твой новый, физик, он поймет и оценит.

Я говорю, никакого приятеля физика у меня нет. Он хитро так прищурился: потом, мол, встретимся, поговорим. Все так и выходит.

Юра сделал паузу. Смотрел на реакцию друга. Дескать, не считает ли он все это просто бредом? Но у Коли в руках была книга, которую передал Михеич, и это не давало ему возможности подумать, что Юра несет околесицу.

- Расскажи мне подробнее про вашего Михеича.

- Ну, что, на первый взгляд, ничего особенного. Живет во флигеле при библиотеке. А библиотека у нас обалденная. Я уже тебе про сад начал рассказывать. Михеич никогда не гонял нас, сельских ребятишек, из сада, а только приучил, что незрелые яблоки рвать не надо, вишню ломать, когда ягоды высоко, тоже не надо. Мы его любим, все наша сельская ватага, от мала до велика. Помогаем ему по саду. Но главное, конечно, это сама библиотека. Такое старое помещичье здание, деревянное одноэтажное, но, представь, с колоннами у парадного входа. Старое, но не ветхое. Как Михеич умудряется за ним следить, что она все еще выглядит как во времена крепостного права. Чистенько. Внутри несколько комнат – самая большая – «зала» (ага, он так и говорит, дети, пойдемте в залу). Зала – это читальный зал. Там есть, представь, камин. Шикарный камин. Михеич его топит, он всегда по вечерам, когда нам сказки рассказывал, почему-то камин разжигал. Даже летом. Но жарко и душно, знаешь, не было... Огонь трещит. Мы сидим как замороженные. Смотрим на пламя. А он нам читает сказочки, Ах! Какие сказочки! Потом оказалось, что большую часть этих сказочек он сам и сочинял. Мы ему : Степан Михеич, дайте книгу со сказочками почитать, а там и половины этих сказок-то нет. Ведь и, главное, вроде начнет сказку по книжке читать: «в некотором царстве, в тридесятом государстве...», потом книжку отложит и давай сам шпарить, как по писанному! Мы, думали, что он просто помнит их наизусть. Когда мы постарше стали, он нам все больше притчи рассказывал с философским подтекстом, вот откуда у меня взялась любовь к философии. Не из семьи. Что у меня, родители – простые колхозники. Дома две с половиной книжки. Никакой философии они не знали. Работа, огород, скотина... У отца, правда гармошка была. Хотел

он меня научить кнопочки нажимать, да мне медведь ухо хорошо так оттоптал. Мама песни пела отлично.

- Ну, а Михеич то что...

- Ну, я и говорю, родители Михеича уважали. Общаться нам с ним не мешали, наоборот, часто говаривали: Михеич плохому не научит. Или, «что это разве так вам Михеич велел?» – Это когда плохо себя вели. А сами о нем говорили, что никто точно не помнит, как Михеич попал к нам в село, когда и как стал библиотекарем. Всем казалось, что это было всегда. И всегда он был стареньким. Никто не мог сказать, вот, мол, Михеич то наш в молодости... Хотя, по некоторым данным, все же библиотека в нашем селе появилась еще в двадцатых. Помещик сбежал куда-то за границу, дом с садом остался. Сельский сход решил в нем курсы по ликбезу проводить. Так там появилась библиотека. А потом и Михеич. Вроде как в пятидесятые. То ли он был из реабилитированных, прибился к нам из сибирских лагерей, то ли из города сослали по статье... Но видно было, что он мужик образованный. И все, же он мог вести себя по-разному. Когда с нашими простыми селянами разговаривал, то все-то у него, «надысь», да «намедни», «када», «исчо»... Когда нам рассказывал о Достоевском, то говорил как старорежимный генерал: «милостивые господа», «ваш покорный слуга», «извольте»... «разрешите доложить», «позвольте с вами не согласиться»... Станный он. Непонятно, который Михеич настоящий. Есть у него какое-то второе дно, какая-то тайна.

Юра был прав, и им даже пришлось позже убедиться, что у Михеича не одна тайна.

- Не все нашим нравилось. Особенно скрытность. Знаешь, в деревне не любят скрытных людей, все должно быть на виду. А к нему, в библиотеку, из города какие-то машины приезжали. Люди в шляпах и плащах. Интеллигенция... Говорят, он им такие книжки давал, которых в городе-то не достанешь. Все беседовали. Ну, на Михеича донос все же кто-то накатал. Приезжала проверка. Многие думали – кранты Михеичу. А что, времена-то те, когда человека брали – и с концами, они ж еще недалеко были. Проверка уехала, а Михеич остался. Более того, потом приезжала корреспондентка из областной газеты. Про Михеича статья вышла: как хранить фонды. Мол, он еще графскую

библиотеку сохранил. Редкие книги, дореволюционного издания, Толстой, Достоевский, Тургенев... с ятями. Газеты «Губернские ведомости». Все в очень хорошем состоянии. Якобы он какой-то метод пропитки бумаги пчелиными продуктами изобрел. Потому все так и сохранилось. Действительно, дореволюционные книги у него уж больно свежими выглядели и пахли медом и цветами.. Хотя. Родители говорили, что какое-то время помещичий дом стоял пустой, все из него растащили, книги частью сожгли, газеты пустили на самокруктки... Бумага лежала по всему саду... Как он собрал то, что уничтожили?

- Антисоветчины не нашли. На том и отстали от него.

- Загадочный ваш дед. А про физику он откуда знает, как думаешь?

- Про физику – не знаю... А вот философию он мне «подкидывал». Канта, тоже дореволюционное издание с комментариями Соловьева Владимира. Слышал о таком?

- Нет.

- Ну, не так важно, он все больше по религиозной части. Тебе вряд ли будет интересно. Но я летом к Михеичу пристал. Говорю, Степан Михеич, нет у вас чего-нибудь по атеизму? У нас сейчас курс научного атеизма заканчивается. Надо курсовую сдавать, а все что у нас есть в университетской библиотеке имеет одно направление – марксистско-ленинское. Это, конечно, неплохо, но хотелось бы сопоставить разные точки зрения. Он говорит, по атеизму ничего нет, но вот есть Владимир Соловьев, некоторые его работы церковная цензура запретила к изданию. Может это тебя устроит? Я взял одну книгу, так без энтузиазма, ну на пробу «Россия и Вселенская церковь». Прочел – понравилось. Даже не столько содержание – все же одна религия, а язык, знаешь, аргументация, логика, эрудиция. Он такие источники там цитирует. Да еще на разных языках... В общем, стал я читать и другие философские уже его работы. «Кризис западной философии». Думаю, во блин, какая философия глубокая. А почему мы изучаем все только иностранцев: Канта, Гегеля, Маркса, Вольтера, Дидро... Оказывается, была у нас настоящая самостоятельная русская философская мысль до революции!

- Докопался я до Михеича. Расскажите мне про Соловьева. И тут меня Михеич снова удивил. Он говорит: «Вижу, что тебя поразила ясность и логичность его философских работ, но для меня главное в нем то, что он был мистик!». Это как, спрашиваю. Он что совмещал шарлатанство с философией? Помню, как Михеич на меня посмотрел, ну как бы это сказать?! Как на щенка! Нет, не то сказал! Ну, если на щенка, то не с призрением и высокомерием, а как на любимую, но еще неразвитую зверушку, что ли... Ну, вот он маленький, хорошенький, но глупенький..! Видишь ли, нам все время в школе, в университете внушали, что мистика и шарлатанство – синонимы. Что нет никакой мистики. Люди либо больные, либо притворяются...

- А вот я с мистикой столкнулся нынче... - глубоко задумавшись произнес Николай. – Да так неопровержимо резко, что хошь не хошь, а поверишь. Ну, ладно об этом как-нибудь потом... Продолжай.

- Михеич говорил, что у Соловьева были способности видеть другие миры, других сущностей в этих мирах, параллельных нашему, что ему были очень высокие откровения какой-то Мировой Женственности. Что это за миры? Где эти миры...?

- Слушай! – воскликнул Николай – я теперь, кажется, понимаю, где эти миры!

Николай вскочил с кресла. Широко раскрытые глаза его блестели.

- Юрка! Это рядом, это измерения!

- Что-что... – не понял Юра.

- Многомерность, Юрок, понимаешь многомерность! Сейчас попробую объяснить!

- Так, - он начал яростно ходить по комнате, потом нашел листок бумаги, ручку и стал рисовать.

Глава 3. Многомерность 2.

Николай нарисовал на листке какие-то плоскости, сферы и странных «человечков» с ручками, с ножками... Он оторвался от своих рисунков, поглядел на Юру и задал риторический вопрос:

- Ты когда-нибудь задумывался: почему наше пространство трехмерно? Не двух- и не четырехмерно, а именно трехмерно?

- Нет.

- Вот то-то, Юра! Для нас это естественно, как то, что мы говорим прозой или дышим воздухом. Кстати, о том что пространство именно трехмерно, стало ясно только после того как Декарт ввел свою прямоугольную систему координат. Чтобы однозначно задать положение точки в пространстве нужно именно три независимых координаты. Не две, не четыре...

Юра кивнул, а про себя подумал: «Правда, такие естественные истины могут хранить великие тайны, ибо, чем проще истина, тем она фундаментальнее».

- Физика приняла этот факт, и описывает все явления природы, используя три пространственных и одну временную координаты. Других же мы не наблюдаем!

- Действительно! Других же мы не наблюдаем! – Юра пожал плечами – а разве практика не критерий истины?! Не наблюдаем, значит, их нет!

- А вот тут, Юрок, ты не совсем прав. Вот, например, электрон был открыт только в самом конце девятнадцатого века, а до этого его не наблюдали. Но это не значит, что его не было. Или про те же ненаблюдаемые в свободном виде кварки – помнишь, мы говорили?

Юра кивнул. Приятель был прав:

- Хорошо, то есть можно допустить существование пространств четырех и даже большего количества измерений!

- Правильно, Юрик! Вот Риман в своей статье «О гипотезах, лежащих в основании геометрии» (все из той же твоей книжечки статья) не заморачивается и прямо рассуждает об n - мерных пространствах, о кривизне пространств, ну он математик, его реальность этих кривых n - мерных пространств мало волнует, так – математические абстракции ...

- В смысле, как это – пространство «кривое»?! Кто ж его болезное так искалечил? Аль само от болезни какой, аль от старости покривело?

Недавно звезданулся о косяк, ох, как у меня все покривело!.. – Юра захохотал!

Коля улыбнулся в ответ:

- Смейся-смейся, а на кривых пространствах римановой геометрии Эйнштейн всю теорию относительности построил!

Для Юры, впрочем, как для большинства образованных людей, слова «теория относительности», имя Эйнштейн действовали как заклинания. Все, что с ним было связано, сомнению не подвергалось. Юра посерьёзней. Стал внимательно слушать друга.

- Давай рассуждать по аналогии. Вот есть двумерная сфера – Коля ткнул ручкой в рисунок.

– Ты, знаешь, что сфера двумерная – там достаточно двух координат, чтобы задать положение точки на сфере,- пояснил Николай свою мысль. Пусть там живут «плоскатики» - двумерные люди.

Юра понял, что за человечков рисовал Коля на листке.

- Они могут свободно перемещаться. Наблюдать и чувствовать, но только в пространстве своей сферы. Сфера «кривая»?

- Кривая.

- Вот тебе пример пространства с кривизной. Для «плоскатики» его пространство всюду однородно, бесконечно (ведь у сферы нет ни начала ни конца). Как для нас наше трехмерное пространство. Он родился двумерцем, двумерцем и помрет, для него все так же как для нас, только с числом измерений – два! Но если его сферу погнуть в какой-то области, то есть изменить кривизну, одинаковую для всей сферы, то глазами, как мы с тобой он эту кривизну не увидит, ведь свет в его мире распространяется в пределах сферы и спокойной пройдет эту «искаленную» область. Но все же, эта кривизна скажется на нем, когда он будет проходить через эту область, его тело начнет «корезить», изгибать по-новому, неестественно для него. Как он может это объяснить? Он же не видит кривизну. Она видна только нам со стороны трех измерений. Он объяснит это как существование поля неких сил природы, которые его и корезят! Вот это называется геометрическая природа физических сил!

- Ну, Колян! Ты даешь. Кажется, я понял про кривизну! Это интересно!

- Это не я. Я просто цитирую из того же сборника Михеича статью математика Клиффорда «Здравый смысл точных наук». Прочтешь сам. Там все очень просто расписано.

- Теперь смотри: мы, «трехмерцы», можем видеть все пространство «плоскатики», а он нас нет! Его зрение может видеть только в пределах его сферы бытия. Мы даже можем «вторгнуться» в его мир: представь, я эту сферу протыкаю карандашом, пока только острием. Для плоскатики в какой-то точке пространства сначала появится предмет, он его сможет обойти со всех сторон, осмотреть. Теперь я двигаю карандаш дальше, для него предмет увеличится в размерах. Дальше, я вынимаю карандаш. Оп! И для него предмет исчез.

- А дырка останется на месте карандаша? – вдруг спросил Юра?

- Затянется! – засмеялся Николай. – А что?! Интересный ты задал вопрос о состоянии материи на границе «вторжения» предмета из иного пространства. Там должна быть какая-то реакция на это «вторжение», какая-то энергия выделяться или поглощаться?! Может свечение какое-нибудь наблюдаться?... Какое-то свечение..., выделение энергии из-за взаимодействия пространств разной размерности... Знаешь, Юра, ты сейчас, мне кажется, очень ценную мысль подал! Недавно у нас на факультете, на семинаре по проблемам современной физики читали доклад про шаровые молнии. Там описывали похожее поведение некоторых «молний». Появятся из ниоткуда, вырастут в размерах, «пошарятся» в комнате или еще где-нибудь, а потом раз и исчезнут! А нет ли связи между этими «молниями» и четырехмерностью? Юрка! Это же может быть «бомба»!

Николай оторвался от своего листочка и восторженно глядел на Юру в состоянии какого-то вдохновения.

- Это все, конечно, интересно...- с некоторым скепсисом проговорил Юра – но я что-то пока в эту чертырехмерность твою не очень-то верю.

- Понимаешь, я бы тоже верил-не верил, но вот в этом сборнике есть еще одна работа, написанная еще в 1919 году математиком Зигмунтом Калуцей «К единству физики», где он показывает, как можно решить проблему объединения в одной модели, в одной теории описания гравитационного и электромагнитного взаимодействий, добавив одно измерение пространства – четвертое. То есть это уже не предмет веры или неверия, а вполне научная гипотеза. Я подходил с этой статьей к нашему доценту Дудареву. Замечательный такой мужик, без снобизма и догматизма. Зав кафедрой теоретической физики. Он посмотрел, сказал, что этим занимались академик Фок, математик Клейн, и есть еще такой Бартини, он преимущественно авиаконструктор, но и неплохой физик. А так, вообще-то, эту многомерность большинство физиков не жалуется. Есть же Стандартная Модель. Она хорошо все описывает. Кроме гравитации...

- Ну, давай примем эту гипотезу – неохотно согласился Юрий – так что же, получается: есть какие-нибудь четырехмерцы, которые сейчас могут видеть нас, а мы их не видим?

- Получается.

Юра оглянулся вокруг.

- Жуткова-то! Это же мистика какая-то!

- Это, знаешь, может быть, реальная связь, «ниточка» между наукой и религией. И имя этой связи «многомерность». Я прошлой весной читал сборник фантастических рассказов Бредбери. Там есть такие «Марсианские хроники».

Юра улыбнулся!

- Да я еще в 10 классе прочел. Мне Михеич давал. Штука классная. А какой язык, какие образы! Я прямо не мог оторваться. Какая философия!

- Ну, вот. Меня там зацепила одна мысль, которая противоречила моим взглядам, но как-то художественно убедительно она там оформлена, я сейчас про нее вспомнил, а весной она у меня долго из головы не выходила. Помнишь, там в то ли в четвертом, то ли в пятом путешествии на Марс один участник пол экспедиции расстрелял?

- Помню. Спендер его звали.

- Так вот, когда он уже окруженный своими «друзьями», разговаривал с капитаном корабля и объяснял ему, почему он так поступил, он рассказывал про погибшую марсианскую цивилизацию, про то, что он сумел расшифровать их язык, читал их книги, изучал их культуру...

- Помню. Да поэтично описано.

- И он говорит капитану, что в цивилизации марсиан, которая намного опережала земную, не было конфликта между наукой и религией! Они их сочетали непротиворечиво! А нам все время внушают, что наука и религия несовместимы, что наука со временем вытеснит религию.

- Кстати, первым это провозгласил Гегель, только, у него философия должна была заменить религию – добавил Юра.

- Ну, да. А тут передовая цивилизация и вдруг совмещение науки и религии. Я тогда еще подумал – ну фантастика, чего с нее взять. Автор волен писать всякие глупости. А вот все равно, мысль засела, как-то в глубине души я ее одобрил, несмотря на протест сознания. И сегодня мысль вдруг находит некие подтверждения. Юрка! А вдруг и правда, врут нам про несовместимость науки и религии!?

- Только ты это на семинаре не ляпни! И так уже на нас многие косо смотрят. – Юра говорил это с виноватой улыбкой, дескать, прости друг, но нужно быть осторожней. – Вот и Михеич нам про какую-то опасность передавал. А он мужик прозорливый. Зря воздух сотрясать не будет.

- Слушай, правда, хотелось бы увидеться с вашим Михеичем. У меня к нему много вопросов накопилось.

- Поедем на выходные к нам в Колмогорское. Тут, слава Богу, недалеко. Я тебе классную баньку обещаю! Порыбалить можно. Вот праздники с большими выходными подоспеют и поедем.

- А что, поедем!

Глава 4. Гегель-моголь.

На семинар по законам диалектики доцент Одинокоев одел свой лучший галстук, новую рубашку. Жил он со старенькой мамой, и ей часто не хватало здоровья и внимания проследить, чтобы у сына были чистыми воротнички. Одинокоев бывал на занятиях взъерошен, не совсем выбрит, без галстука. Но студенты воспринимали это как должное: «гений должен быть рассеян», ибо все его внимание в науке. Некоторые преподаватели математики тоже выглядели не всегда опрятно, часто были без пиджака, в рубашке, запачканной мелом с закатанными рукавами... Но когда они вели семинары или читали лекции, то умная увлекательная речь, блестящие вдохновенные глаза, та легкость, с какой они исписывали доску многочисленными интегралами, доказательствами заумных теорем – все это «списывало» неряшливость и неброский внешний вид ученых.

Ах, «законы диалектики» – такая «вкусная» тема была праздником для доцента. Он любил открывать заново желторотым студентам всю красоту и грандиозность этих законов, «трех китов мироздания», как он называл их для себя. Он предвкушал восхищенные взгляды аудитории, когда он будет оглашать законы, приводить примеры их действия. Они, как опытные капитаны управляли Вселенной, вели ее по точному курсу, избегая рифов и мелей.

- Мам, ну, как я выгляжу?!

- Хоть сейчас в ЗАГС! – мама подперла щеку кулаком, встала у дверного косяка. - А ведь и правда, когда в ЗАГС-то, может еще внуками бы старуху порадовал? Как там у вас с Инной?

- Мама. Не начинай! Мы сами разберемся.

- Так и останешься бобылем об ручку со своей философией! Ты и друзей-то куда-то растерял. Гегель да Кант – все твои дружки, Маркс да Энгельс... - старушка горестно вздохнула. - Их же даже на праздник не пригласить. Вот сидим с тобой на Новый год каждый раз вдвоем под елкой. И тосты у тебя странные: «за единство и борьбу противоположностей», пьешь... в последнее время все чаще, один... Она подошла к сыну поближе, отряхнула с плеча какую-то ниточку, застегнула вторую пуговку. – Ну, ступай с Богом... - старушка хотела

перекрестить Одинокова, но тот поймал кисть ее руки, сложенную в «щепоть»...

- Мама, сколько можно говорить, когда уж ты избавишься от этих пережитков? Предрассудков темных, по-научному это называется обскурантизм и мракобесие! Ты мать кандидата философских наук, доцента, а все про боженьку... - он махнул рукой.

По дороге к университету он настраивался на торжественный лад, повторяя про себя вступительное слово, которые особо удавалось ему именно на этой теме. Но во всей этой солнечной картине проступало какое-то пятнышко. Он вдруг вспомнил этого студента Николая, который говорил об ошибке Ленина... А вдруг он опять начнет какие-нибудь провокационные вопросы задавать? Впрочем, какие вопросы? «Врага» нужно бить его же оружием. У него в запасе были, как ему казалось «железобетонные» примеры из самой физики, иллюстрирующие действие законов диалектики. Он откроет рот, а я ему скажу: «Молодой человек, а не в вашей ли физике вот это и вот это... единство и борьба противоположностей... - что, съел?! Сядь, проглоти и переваривай!». В общем, он остался доволен собой. Хотя небольшая тень тревоги где-то там осталась.

Войдя в аудиторию, Одинокоев заметил, что Николай и еще один, запомнившийся по прошлому семинару студент сидят вместе, довольно близко к кафедре. Сама занимаемая позиция не предполагала полной пассивности слушателей. Обычно те, кто просто пришел пересидеть, устраиваются «на камчатке» или с краю, поближе к выходу. Одинокоев положил папку с тезисами к занятию на кафедру. Посмотрел, есть ли мел. Доска была чистой. Взглянул на часы. Еще пять минут. Что ж, разберем листочки, разложим в нужном порядке. Что-то они ехидно улыбаются? Может просто показалось, мнительность? Подозрительным становишься, Викентий Михайлович. Все. Время.

- Ну, что ж, товарищи студенты. Время. (Звонок на семинар не давали, т.к. он проходил после основных занятий). Прошу тишины. Он постучал авторучкой по столу, призывая всех к тишине и вниманию.

- Сегодня мы начинаем цикл занятий, посвященных законам диалектики. Можно без преувеличения сказать, что гегелевская

диалектика стала контрапунктом в развитии всей европейской, да что там европейской, бери выше – мировой философии. До этого философия долго не могла расстаться со своим, можно сказать, «родовым пятном». Она, так или иначе, апеллировала к религии, в ней довлела метафизика. Правда, многие из вас могут сказать, что и у Гегеля в центре стояло понятие «мировой Дух», он был идеалистом, и идея у него была выше материи. Но этот недостаток быстро исправили Маркс и Энгельс, а уж потом окончательно устранил Ленин. Гегель был основной предтечей марксизма-ленинизма. Ведь именно на его законах было развито учение об общественно-экономических формациях и об их революционной смене, о непримиримой классовой борьбе, о диктатуре пролетариата. Как мог бы Маркс предвидеть появление коммунизма, которого еще не было никогда в истории? - Только истинная наука дает возможность прогнозировать будущее развитие с научной точностью, а не с точностью астрологов или гадалок на кофейной гуще, и открывать нам доселе неведомое.

Одинокое сделал паузу, чтобы дать аудитории прореагировать на все сказанное. Он увидел, что его меткое противопоставление науки и астрологии с гадалками вызвало улыбки одобрения среди слушателей. Как оратор Одинокое мог быть вдохновенным и находчивым, а не только пользоваться заготовками, как некоторые лекторы, которые читают тему, уткнувшись в бумажки, вызывая своим монотонным бурчанием смертную тоску у публики, даже если читали бы одни самые смешные анекдоты.

- Прежде чем перейти к самим законам диалектики Гегеля, отметим самую главную черту, отличающую ее (как и марксизм-ленинизм) от прежних философий. Я не зря сказал о метафизике этих философий. Ведь в чем суть метафизики – в отсутствии развития. Создал Бог небо и землю, населил ее тварями разными раз и навсегда. И такой она будет до скончания времен – вот пафос метафизического подхода. Нужно было только объяснить, зачем Бог создал то-то и то-то, какую роль в его замысле играет, например, человек. Но вот человечество выросло из «штанишек» религиозного мировоззрения, начало развивать науку и технику. Практика – критерий истины, бытие определяет познание, – провозгласили Маркс и Энгельс. Развитие

экономики и технологий привели к постепенному господству идеи развития и в философии, и в науке. Итак, главное отличие философии Гегеля для нас, для марксистов, что во главе всего стоит всеобщее развитие. А оно должно иметь причины. Вот законы диалектики и раскрывают нам причины непрерывного развития и изменения всего сущего.

- Первый закон диалектики «закон единства и борьбы противоположностей» раскрывает нам причины развития. Второй – «закон перехода количества в качество» - этапы развития. А третий – «закон отрицания отрицания» - направление развития. Как видите – все они о развитии. Сегодня мы рассмотрим подробнее только первый из них.

- Закон единства и борьбы противоположностей заключается в том, что все сущее состоит из противоположных начал, которые, будучи едиными по своей природе, находятся в борьбе и противоречат друг другу. Пример: день и ночь, горячее и холодное, черное и белое, зима и лето, молодость и старость, электрические заряды: плюс и минус, - Одинокое сделал паузу и пристально взглянул на Николая. Тот кивнул на счет зарядов. – «Ага, - подумал Одинокое, - согласился, теперь трудно будет отвертеться!».

- Давайте кое-что уточним и запишем. Одинокое взял мел и вывел на доске довольно плохим, кривоватым, но разборчивым почерком:

Противоположности — это такие стороны, моменты, предметы, которые одновременно:

а) и неразрывно связаны;

б) взаимоисключают друг друга, причем не только в разных, но и в одном и том же отношении;

в) взаимопроникают и — при определенных условиях — переходят друг в друга (положительное и отрицательное, ассимиляция и диссимиляция, теория и практика, материальное и идеальное и др.)

Единство (тождество) противоположностей образует противоречие (диалектическое).

Он снова подошел к кафедре, мельком взглянул в разложенные листочки, поднял голову и чеканно продолжил:

- Суть рассматриваемого закона может быть выражена формулой: разделение единого на противоположности, их борьба и разрешение в новом единстве. Тем самым развитие предстает как процесс возникновения, роста, обострения и разрешения многообразных противоречий, среди которых определяющую роль играют внутренние противоречия данного предмета или процесса. Именно они и выступают в качестве решающего источника, движущей силы их развития. – Одинокое одел очки, на следующем листочке шрифт был помельче, он не сумел бы его рассмотреть без линз. И, чтобы не смазать чего-нибудь в конце, просто прочел:

- По Гегелю, каждый предмет, явление обладают двумя главными качествами — тождественностью и отличием. Тождественность означает то, что предмет (явление, идея) равен самому себе, то есть данный предмет есть именно этот данный предмет. В то же время в тождественном самом себе предмете есть то, что стремится выйти за рамки предмета, нарушить его тождественность. Противоречие, борьба между единичными тождественностью и отличием приводит, по Гегелю, к изменению (самоизменению) предмета — движению. Например, существует общество, тождественное самому себе, но в нем есть силы, которым тесно в рамках данного общества; -их борьба приводит к изменению качества общества, его обновлению.

Одинокое поднял глаза, сделал паузу, обвел взглядом аудиторию. Пока ничего тревожного он не замечал. Николай сидел с тетрадью и ручкой, явно переписывая текст с доски. Но вот тот второй поднял руку, видимо, желая задать вопрос. Возникла некая заминка. Одинокое оценил взглядом возможного оппонента. Паренек показался ему несколько тщедушным и мелковатым. «Это вряд ли серьезно укусит!» - решил он и обратился к студенту.

- Да, молодой человек, у вас вопрос?

- Ну, как бы не только вопрос...

- Хорошо, задавайте.

- Викентий Михайлович, насколько я понял, ключевым в понимании диалектики является слово «развитие»?

- Не слово, а понятие!

- Хорошо, «понятие». Но ведь слово «раз-витие» подразумевает, прежде всего, развертывание, раскрытие чего-то «свитого» там внутри

объекта, а не обязательно изменение и усовершенствование? Вот, например, в генокоде, в ДНК растения «свита» вся информация о нем. Каким оно будет по цвету, размеру, вкусу, запаху, какие стадии развития будут: сначала росток, потом листики, стебель, цветок...

- Я не пойму, какое это отношение имеет к законам диалектики?

- Ну, вот из семечка вырос цветок – это развитие?

- Нет, товарищ студент, развитие, это когда вы получаете новый сорт растения, более совершенный. Я ответил на ваш вопрос? - Одинокое торжественно оглядел аудиторию. Пока он выходил из схватки победителем (во всяком случае, ему так казалось). Но тут руку поднял Николай. Одинокое напрягся. Игнорировать вопрос Николая, пожалуй, было нельзя.

- Да, товарищ Николай.

- Вот тут у вас написано – Николай указал на доску – что противоположности исключают друг друга. Поскольку я учусь на физфаке, то хочу привести пример из физики, который, как мне кажется, показывает абсурдность этого закона.

Абсурдность закона диалектики! Опять это хлыщ бьет поддых. То у него Ленин ошибается, то Гегель белиберду несет! Какой-то высокомерный выскочка! У них там на физфаке диамат Достовалов ведет, не у него ли они нахватились всей этой ереси?! Если будут разбирательства наверху, то я обязательно выдам этот козырь. И пусть Достовалов потом разгребает. А сейчас вытащим из этого хлыща всю достоваловщину...

- Приведите. Нам любопытно, как тут будут ниспровергать самого Гегеля! – Одинокое хохотнул.

- Ну вот, допустим, у нас есть какое-то направление в пространстве, какая-то ось «О-Икс». Движение по ней в одну сторону и против оси исключают друг друга?

- Исключают!

- Есть, кстати, еще третье – отсутствие движения по оси. Это третье, что уже не укладывается в схему?

Одинокое пожал плечами, на его лице была гримаса, выражающая как бы абсурдность всего происходящего.

- Может ли какой-либо объект ехать по и против оси одновременно?

- Разумеется, нет.

- Так, значит, в данном случае никакого единства противоположностей не может быть. Понимаете, тут такой логический парадокс: либо они действительно исключают друг друга, тогда никакого мистического единства у них быть по определению не может, либо притворяются, что исключают.

Кто-то за спиной Николая прыснул. Одинок побагровел.

- Как это притворяются! Мы, молодой человек, здесь не словесные выкрутасы наворачиваем, а обсуждаем признанные во всем мире (тут Одинок особенно повысил интонацию) серьезные философские законы. Лежащие, между прочим, повторюсь, в основе марксистско-ленинского учения.

- Викентий Михайлович, у меня и в намерениях не было выкрутасы наворачивать. Я понимаю, насколько высок авторитет Гегеля в философском мире. Но я физик, для меня не авторитеты, а истина дороже.

- Ну, вот в вашей же физике определено, что есть два противоположных заряда: плюс и минус.

- Да.

- Они находятся в каждом атоме в единстве! Верно?

- Верно. Но они там не борются, и один не переходит в другой, они мирно сосуществуют, относясь к разным частицам.

Аудитория уже не сидела смирно, как на вступительной речи Одинокова. В ней шушукались, живо обсуждали дискуссию. Улыбались. Даже хихикали. Все это начало раздражать доцента. Ишь вольнодумцы! Гегель теперь им не истина! Так до Маркса и Энгельса можно добраться. Гегель, да блин, это ж основа основ. Рушат подлецы основы, понимаешь!

- Как это не борются! Они там притягиваются и отталкиваются! – Одинок сделал иллюстрирующий жест кулаками, изображая борьбу «нанайских мальчиков». Он напрягся, даже жила на шее у него вздулась.

- Верно, но причем здесь борьба? Почти все в мире притягивается или отталкивается. И, в конце концов, чаще всего приходит к равновесию.

Двое, недалеко от Николая, студент со студенткой демонстративно обнялись и захохотали.

- Мы притягиваемся!

- Прекратите балаган! А вас, Николай, я лишаю слова!

- Пусть говорит, это же интересно! – начали выкрикивать в аудитории.

Николай воспользовался и продолжил выкладывать свои аргументы.

- Вот физика изучает общие законы природы...

- Ваша физика изучает общие законы, а философия изучает всеобщие! Всеобщие законы! Молодой человек. – Одинокое высоко поднял указательный палец, обвел взглядом аудиторию. Воцарилась небольшая пауза. Одинокое показалось, что семинар еще можно спасти, что восстановит свою руководящую и направляющую роль.

- Один из таких законов – продолжил Николай, - открыт сравнительно недавно в квантовой механике, там тоже выделяют противоположные свойства физических объектов, например, волновые и корпускулярные свойства всех элементарных частиц. В классической физике они исключают друг друга...

- Ну, вот же вот, исключают! Налицо противоположности в их единстве! – воскликнул Одинокое.

- Подождите. Я закончу. Так вот, в квантовой механике они не борются, не исключают, а дополняют друг друга. Есть даже такой Принцип Дополнительности.

Одинокое, конечно, был в курсе этих философских выкрутасов физики. Он даже читал статьи философов на эту тему. Однако не все там понял, слишком много было трудных физических терминов во всех этих рассуждениях. Слишком много парадоксального. Складывалось, порой, впечатление, что физика вообще начала скатываться в махровый мистицизм. «От этих физиков всегда жди подвоха, то бомбу подорвут, то устои...» - говорил им в полушутку декан философского факультета на недавней оперативке.

- И еще. Вы, конечно, знаете про второе начало термодинамики?

Одинокое кивнул. Он даже этот дурацкий модный термин «энтропия» сам частенько употреблял. Ему казалось, что он его суть

хорошо понимает.

- Ну, да, это, что энтропия возрастает...

- Но по-простому это начало можно сформулировать так: любая замкнутая система самопроизвольно не усложняется, не развивается, а деградирует. Так причем тут всеобщее развитие по Гегелю?

Нет, Одиноква здесь было так просто не срезать. Он проходил семинары повышения квалификации преподавателей философии при партийной школе, там эту тему разбирали, и вопрос подобный поднимали. Им четко говорили, что отвечать нужно так: речь у Гегеля идет не о замкнутых, а об открытых системах. Правда, далее не поясняли. Одинокв моментально сориентировался:

- Николай, но у Гегеля речь идет не о замкнутых, а об открытых системах!

Николай осекся. Отлично, сработало! Осталось добить.

- Вы можете точно определить, что такое «открытая система»?

- Николай, коль не знаете сути вопроса, то не нужно лезть на рожон! - Аудитория замолчала. Николай стоял несколько растерянный. А Одинокв продолжал «ловить момент».

- И так, уважаемые товарищи студенты, вы, думаю, поняли всю несостоятельность аргументов против закона Гегеля. Наши физики «путаются в показаниях». Ну, ничего, молодые, горячие, бывает. А я рекомендую вам прочесть соответствующие материалы, список литературы запишу на доске. И на этом семинар окончен.

Студенты вышли на улицу. Конец сентября все еще удивлял хорошей погодой. Человек пять из них не стали сразу расходиться по домам и общежитиям, а дожидались Николая с Юрием, чтобы завести знакомство.

Наконец, вышла и наша, знаменитая теперь пара «скандалистов». К ним сразу подошли и без лишних обиняков стали знакомиться:

- Миша Галуц, учусь на психолога.

- Валера Мирошников, почти твой коллега, Николай, я с биофизики.

Подошли еще студенты с исторического, была среди них и одна симпатичная студенточка. Кажется, Жанна. Коля точно не запомнил.

- Слушайте, ребята, - начала Валера Мирошников, - а нам нравится то, как вы отстаиваете свою правду. И ход ваших рассуждений интересен. Жалко, что Одинокоев быстро вам рот затыкает. А хотелось бы по дискутировать.

- Может, составим неформальное объединение, откроем свой семинар «вольных каменщиков»? – продолжил разговор Миша.- Надо только решить вопрос, где собираться и свою программу семинара наметить.

- У нас в общежитии можно, в комнате для занятий – поддержала разговор не то Диана, не то Жанна.

- Можно об этом подумать! Юра, ты как?

- Я согласен.

Они всей группой двинулись в сторону общежитий, продолжая по пути жарко обсуждать дискуссию на семинаре.

После семинара Одинокоев еще долго сидел в пустой аудитории. На душе у него было погано, как никогда. Он вроде бы выиграл сражение, но мог проиграть войну. Так он ощущал ситуацию. Они въедливые. Разберут что за открытые системы, чего-нибудь опять накопают, нагадят, совсем берега потеряли. Никаких им авторитетов. С этим надо что-то делать. В первый отдел самому накатать что ли? Он решил, что на сегодня с него довольно. Нужно расслабиться. «Куплю бутылку водки и закачусь к Инне!»

- Викентий! – Инна была явно обрадована, - как неожиданно! Что не позвонил?

Инна жила не очень далеко от университета, три остановки на трамвае. Она была средней руки бухгалтером в районном ЖЭУ. Полноватая женщина, бальзаковского возраста. С Викентием их познакомили мамы, которые были подружками. Инна не разу еще не была замужем, как, впрочем, и Викентий не был ни разу женат. Их матери, конечно, хотели счастья своим чадам. Но вот уж три года, как Викентий «дружил» с Инной, а вот как-то все не складывалось.

Конечно, когда-то в «мятежной» юности оба бывали несчастно влюблены, оба переболели разочарованием и долго не могли с кем-то вот так просто «встречаться». Но время берет свое. Одиночество – «трудная наука», не каждому по плечу. Викентий понемногу привыкал к Инне. Она не была красавицей, особенно сейчас, со смытым макияжем и в простом домашнем халатике, но Викентию теперь нужно было кому-то выговориться, поплакаться «в жилетку». Он сразу прошел на кухню, поставил бутылку водки на стол.

- Викеша? Это что?!

- Хочу сегодня напиться!

- Что случилось?!

- Все задолбало! Особенно все эти выскочки, студенты эти, все лезут в наполеоны! И никто им не указ! Нет, понимаешь, для них авторитетов, истину им подавай на блюдечке с голубой каемочкой!

Викентий налил сразу полстакана, а Инна наполнила маленькую стопочку. Стопчек вообще-то было две, а стакан предназначался для чая. Викентий залпом выпил, откинулся назад. Прикрыл глаза. Подождал, пока теплая волна пройдет по горлу в пищевод. Потом наклонился к столу и с жадностью набросился на закуску, по части которой Инна была мастерица.

- А я, грешным делом, подумала: не Достовалов ли опять тебя подсиживает?

- Достовалов, я думаю, тут тоже приложился, только теперь гад через студентов стал доставать. Извини за каламбур. Викентий снова налил полстакана. Хлопнул. Во второй раз «влага» уже не показалась ему такой «живительной». Ударил резкий запах спирта и сивушных масел. Викентий сморщился, заел маринованной капусткой. «Ах, мастерица, Инна! Капустка у нее просто шик! Даже мама так не готовит».

- Представляешь?! Прошлый раз один «колзлик» напал на Ленина! Ленин, понимаешь, ошибался! Ты где-нибудь такое слыхала? Физик недоделанный! Сегодня говорит, Гегель сочинил ерунду! Гегель! Отец диалектики! Ерунду!

Викентий уже захмелел, налил в стакан третий раз. Поднес ко рту. Фу, какая гадость! Теперь водка уже не казалась ему панацеей от его стресса. Все таки решил закрепить «успех», но что-то не пошло, поперхнулся... Видно организм не принимал такие дозы сразу. Поставил недопитый стакан на стол, закашлялся. Инна подскочила к нему. Стала шлепать ладошкой по спине. Он обнял ее за талию, уткнулся в теплый и мягкий животик, всхлипнул.

- Инна! Я так больше не могу! Понимаешь, мы строим для них основы, укрепляем фундамент мировоззрения, чтобы потом возвести грандиозное здание коммунизма, а они подкапываются под опоры, рушат столпы, понимаешь...

Инна гладила его по голове, приговаривая: « Ну, что ты Кеша, что ты... Никто твои столпы не разрушит, силенок не хватит...». Викентий встал: «Сигареты есть?». Вообще-то, он не курил, то есть, почти не курил. Так иногда, в случае крайнего волнения. Инна была женщиной курящей, быстро нашлись сигареты. Они вышли на балкон.

- Ну, так, если серьезно говорить, то с Лениным мы перебарщиваем! Все хвалим его как величайшего философа, а у него всего одна чисто философская работа «Материализм и эмпириокритицизм», да и та так себе. (Ого! Он сам себе не поверил, первый раз он произносит такое вслух! Да, что там! Первый раз его посетила такая мысль! Вот, блин, треклятые студенты, так до крамолы доведут!) Он, испугавшись таких размышлений, тут же попытался исправить ситуацию.

- Нет! Конечно, Ленин – это глыба, это человечище, это...! – он потряс сигаретой, так что пепел упал на тапочек Инны. – Но он вождь, он гениальный политик!.. Но не философ, ну в смысле философском он не на той же высоте, как в смысле политическом.

- Но Гегеля-то они за что! Гегеля я им сволочам не сдам! Знаешь, Инна,- тихим вкрадчивым голосом начал Викентий, - когда-то я считал даже, что Гегель выше, ну не Маркса, конечно, но Энгельса...

Викентий глядел на Инну так, как будь то выдал ей сейчас свою великую сокровенную тайну.

- Они ведь тоже сначала поклонялись Гегелю! Были младогегельянами.

Инна была из тех женщин, которые умеют слушать с широко раскрытыми глазами, даже не понимая сути речи, но ощущая, что им говорят сейчас что-то очень интеллектуальное. Она непроизвольно кивала тогда, когда Викентию нужна была такая поддержка слушателя, когда он задавал риторические вопросы. Она проникалась его пафосом и ощущала себя счастливой, просто находясь в процессе общения с таким умным мужчиной.

И тут Инна, может быть впервые за долгое время их знакомства, задала вопрос, не из серии тех: «ты хочешь кушать?», «ты не простудился?», «тебе супа добавить?», а вопрос философский, мировоззренческий:

- Викентий, а ты сам-то веришь в коммунизм?

Викентий глубоко затянулся. Выпустил струйку дыма. Затянулся еще раз... Сигаретка кончилась. Он уткнул ее в пепельницу.

- Давай пойдем в комнату, а то тут что-то зябко.

Из комнаты они прошли на кухню. Викентий налил уже в маленькую стопочку. Первый хмель немного ослаб. У Инны были почти не тронуты начальные полстопочки. Он поднял свою стопку, как будто то собирался произнести тост. Посмотрел на прозрачную жидкость, как бы изучая содержимое стопки, но это он делал, чтобы не смотреть прямо в глаза Инне, в них читался все тот же вопрос и ожидание ответа.

- Ты задала очень не простой для меня вопрос, Инка! Как преподаватель философии, по должности я бы обязан сразу сказать тебе «ДА!» и тем снять все остальные вопросы. Но как человек, заметь, мыслящий человек, я не хочу кривить душой перед тобой. Это вон у работяги любого спроси: он тебе сходу ответит «да», хотя теперь есть такие, что горят «не верю». Они думать не приучены... А мы, это мы обречены, как рабы на галерах, которые вращают весла, вращать наши мысли, обдумывать и сопоставлять факты, изучать явления... А факты пока что говорят против того, что коммунизм будет в скором будущем. Помнишь, Хрущев обещал, что уже в 1980 году наши люди будут жить при коммунизме. Но вот уж близенько то время, а коммунизмом не

пахнет... Теоретически вроде все верно, учение Маркса, Энгельса, Ленина неопровержимо (какой-то «чертик» внутри успел вставить в его рассуждения ехидное – «опровержимо»). Викентий сделал паузу и даже оглянулся, Это «опровержимо» откуда-то «прилетело» и зависло в голове, как злая муха. Одинокое замахнулось рюмочку, Инна тоже осушила свою стопку. Отмахнувшись от «мухи». Повторил вслух утвердительно: «Неопровержимо! А значит, когда-нибудь коммунизм настанет. Просто, понимаешь, сейчас международная обстановка не та. Империалисты не дают нам достроить то, что задуманно. Все основные силы уходят на укрепление обороны, а не на построение общества всеобщего благоденствия, но придет время, империализм рухнет, вот тогда ...». Он поймал себя на мысли, что просто повторяет то, что им говорили на курсах в высшей партийной школе. Но сейчас ему самому все это показалось малоубедительным. Так отмазки, отговорочки, как у плохого студента, к сроку не сдавшего курсовую. Ход его мыслей перестал нравиться ему самому.

- Слушай, давай прекратим всю эту кислую философию! Неужто у нас не будет занятия поинтересней?! Иди ко мне...

Майор Овсиенко снова получил докладную от агента М. На этот раз в ней сообщалось, что группа из двух студентов Горькова и Платонова подвергали сомнению законы диалектической логики, лежащей в основе коммунистической идеологии, причем сумели увлечь на свою сторону значительную часть студентов, присутствовавших на семинаре. Отмечалось, что снова доцент Одинокое самоотверженно противостоял наглým нападкам со стороны указанных студентов, однако эффективность защиты в этот раз была несколько слабее. Отмечалось, что если данная тенденция получит развитие, то недалеко и до идеологической диверсии против нашего строя и коммунистической партии.

Овсиенко написал следующую резолюцию:

- 1) внедрить в указанную группу агента М. для дальнейшей разработки и купирования вражеской пропаганды;
- 2) собрать материалы и направить их в следственный отдел КГБ.

Глава 5. Картошка в полете.

Николай и Юра на следующий день после занятий встретились возле университетской библиотеки. Юра почти сходу задал вопрос:

- Помнишь? Ты мне хотел про какую-то «жесть» мистическую рассказать. Изложишь?

- Да, пожалуй, ты в праве мне не верить, но мне теперь уж как-то не боязно говорить после наших «открытий». Ты по наш оперотряд знаешь? Я в нем уже год состою. Мы участковому помогаем, в основном шпану местную гоняем, знаешь, чтобы свое место знала, а то к студентам приставать начнут. Мы сделали, в смысле, наш оперотряд сделал, за два года так, что они студентов стороной обходят. Иногда, конечно, рыба и покрупней попадалась – задерживали особо опасных преступников, которые в розыске. Прикинь, приходим к одному на адрес (он из тюрьги сбежал) с проверкой. Участковый говорит матери, где сын? Она – сидит он. Он говорит: не сидит уже - сбежал! Дома не появлялся? Нет, слухом не слыхивала. Капитан наш говорит, разрешите –поверим. Заходим мы, осматриваемся по комнатам, шарим по шкафам. И, опаньки, ноги из под стола на кухне торчат! Он оказался. Сдался без боя. Такой весь теплый расслабленный... Кстати, это мы потом узнали, что он опасный и в розыске. А так наш капитан Любимов сказал, пойдем ребята, один адресок проверить нужно. Да, ладно, я не о том!

- Однажды участковый, где-то в начале лета, говорит, мол, ребята тут такая история, просто научная загадка... Заинтриговал нас. Говорит, ночью нужно подежурить в одном доме, где чудеса происходят. Поможете! Я, мол, думаю, что просто кто-то гадит, но так, что не придерёшься, концов не найти. А вы с научной точки зрения должны все разоблачить!

- Хорошо, говорим, товарищ капитан! Мы на страже науки и социалистической законности всегда!

- Тут на Кашириных в одном частном домике происходит настоящая чертовщина. У бабушки с внучкой посуда и картошка летают, бумага сама загорается...

- Наверно, внучка так над бабулей прикалывается – скептически произнес кто-то из оперотрядовцев.

- Да все не так просто – участковый поднял указательный палец, наклонив голову на бок, – это был его излюбленный жест. – Понимаете, когда все это началось, бабуля к нам в милицию заяву накатала. Мы сначала прочли. Подумали: у бабушки деменция началась, чуть в психушку не упекли, но бабка плакала, жалко ее стало, решили проверить. Пришли, сели: и внучка, и бабка за столом, тамошний участковый лейтенант протокол составляет. Вдруг ему по башке сзади картошка прилетела. Он вскочил, кричит: «Вы чего тут беспредельничаете! Всех посажу!». А ему алюминиевая миска с другой стороны, прямо с полки прилетела. Он-то думал, что сообщники в него картошкой, но с полки-то, он же сам видел, что никто ее не бросал! А прилетело в лоб спереди кокетно. Он сел, глазами и башкой крутит. А бабка опять ревет-причитает! А внучка сидит вся бледная, видно, что тоже боится. Провели расследование. Думали, что друзья внучки так развлекаются, или злые бабкины недоброжелательницы. Но дом-то частный. Стоит далеко от дорог и других домов. Спрятаться вблизи почти невозможно, в доме – тем более. Дальше – хуже. Тамошний участковый, ну лейтенант зеленый этот, видно, где-то в кампании рассказал про все. Народ стал собираться, чтобы на бесплатный «цирк» посмотреть. Бабка заяву уже на участкового написала высшему начальству, мол, примите меры. Скандальчик нарисовался. А картошка и посуда все летает! Прикиньте! Пришлось пост милиции поставить, чтобы народ не пускать, да и возможных злоумышленников выследить. Вот мой братеньник там через сутки дежурит. Говорит, помощь очень нужна. Народу шляются толпы. А своих людей, чтобы по комнатам, на кухню, вокруг дома расставить, не хватает. Выследить надо этих гадов! Как они умудряются даже опытных оперативников за нос водить.

- Ну, что, пойдете, подежурите?

- Сходим. Когда?

- Завтра с вечера и до утра. Только поесть с собой возьмите.

- А что, пошли!

Назавтра вечером они собрались, вооружились фонариками.

- Учтите, могут быть небольшие травмы, – предупредил капитан, - бабка с внучкой даже спят в мотоциклетных шлемах, а то все головы у них были в шишках да синяках.

Приехали поздно вечером, благо до улицы «Братьев Кашириных» было рукой подать – четыре остановки. У калитки стояла пара милиционеров, а забор осаждала небольшая толпа любопытных. Когда к милиционерам подошли наши студенты, то один из них, старший сержант, поздоровался с капитаном.

- Ну, вот привел. Это исследователи аномальных явлений из нашего универа. Проведи их, братуха! Они просто посидят, понаблюдают, померяют. – это была «легенда» для любопытствующей толпы.

Оперотрядовцы договорились, что для солидности возьмут с собой лабораторные амперметры и вольтметры. Ведь никто их не спросит, что за аппаратура. Они показали сержанту коробочки с приборами, и торчащими из них проводками, тот солидно кивнул и повел их через калитку в дом. Толпа заволновалась:

- А мы..., а нас пустите...

- Это ученые-исследователи – солидно произнес сержант. Студенты помахали коробочками с приборами. Волнение в толпе улеглось.

- Днем их тут раз в пять больше бывает – проворчал сержант, - сейчас просто схлынули, поздно уже. Но многие, сволочи, остаются на ночь, чтобы пробраться в дом. Приходится усиливать наряд. Сейчас еще трое наших подъедут. И че, вам не страшно?! – криво улыбаясь, спросил сержант. По его лицу было видно, что он им оставаться здесь на ночь не советовал бы.

Вошли в дом и увидели внучку и бабушку, правда, в мотоциклетных шлемах. Студенты заулыбались, а хозяйки смурно поздоровались. Сержант представил оперотрядовцев как

исследователей, мол, может, что и определяют, какие такие причины. Бабка махнула рукой, прикрыла рот ладонью и запричитала:

- Ой! Сынки! Чертовщина тут у нас! Али злодеи какие. Нихто не поймет! Може вы пособите?

Слезы катились по впалым щекам. «Исследователям» стало слегка не по себе. Вообще-то, в душе они надеялись, что все это замаскированный «цирк», что тут весело и прикольно. Но слезы старой женщины начали менять их настроение. Внучка смотрела на бабкины слезы как-то привычно, но очень невесело, а на студентов устало и затравлено. На том женщины ушли в другую комнату спать, Туда посадили одного милиционера. Другой и «исследователи» остались на кухне, приготовившись коротать тут всю ночь.

- Блин, а вдруг ничего не увидим? Хорошо, что завтра с утра не на пары. Нафига притащились! – с досадой подумал Николай, садясь за грязноватый кухонный стол вместе со всей компанией.

- Мужики, обратите внимание. Посуда тут только алюминиевая да деревянная осталась. Остальная вся побита. Картошку всю по родне развезли. Так ведь все равно найдет «эта гадость» что-нибудь бросить.

- Извините, а «эта гадость», что такое? – уточнил Вадим, тоже физик, сосед Николая по комнате.

- Да кто его знает? Схватить бы эту нечисть. Я бы ее! Третью неделю здесь дежури́м. Никого не засекли, а полеты, блин, продолжаются!

Сержант достал папиросы. Подошел к буфету, взял там какую-то алюминиевую мисочку, чтобы, видимо, использовать ее как пепельницу. Сели за стол. Сержант закурил. Начал рассказывать подробности. Перевалило уже далеко за полночь. Ничего не происходило. Николая сильно клонило в сон. Вадим мило беседовал с милиционером уже не о проделках «шумного духа», а о борьбе с преступностью. Еще один оперотрядовец Витя пытался не закрывать глаза, хотя они стали слипаться. Сержант все смолил, в мисочке уже было полно окурков и пепла, и Николай тупо уставился на эту мисочку, уже почти ни о чем не думая, а мечтая где-нибудь прилечь. Вдруг мисочка как-то странно задрожала. Сильнее и сильнее. Коля широко

раскрыл глаза. Дрожание перешло в сильнейшую вибрацию и даже гудение, и тут миска сорвалась с места и, проскользнув по столу, на большой скорости врезалась в ближайшую стену, затем упала вниз, на пол. Пепел и окурки рассыпались, на стене остался отчетливый след удара, а миска сильно погнулась с одной стороны. Милиционер и студенты соскочили, подбежали к месту падения мисочки, подняли ее (горячущая, блин! Аж дым идет!) и стали рассматривать. Сержант сдвинул фуражку на макушку.

- Во, блин, на.. видали! Такое уж не первый раз!

Дверь на кухню открылась, из-за нее высунулись две бледные испуганные физиономии женщин, фигуры их были завернуты в одеяла. Видимо их разбудил резкий звук удара. Сержант взял портативную рацию:

- Второй, как у тебя?

- Ничего, все нормально – ответил сквозь помехи голос одного из дежуривших на улице.

- А у нас, блин опять!.. Тарелки летающие...

- Чтоб их, на...! А кто бросил, видели?

- Да никто не бросил, само оно..., вон мужики подтвердят, рядом сидели, все видели – сержант посмотрел на «мужиков», те быстро закивали головами.

- Нам страшно – всхлипнула внучка, выглянув на шум из спальни - посидите хоть кто-нибудь с нами!

- Ладно, - сказал Николай – сейчас, мы идем.

Его сон уже как рукой смахнуло. Но мысли пока в порядок не пришли. Слишком все было ошеломляющим, как будто происходило не с ним и не в реальности. Они с Вадимом прошли в соседнюю с кухней комнату. Там стояли две кровати. Внучка пристроились на одной, подогнув ноги, а старушка, охая, прилегла на другую. Николай осмотрел помещение. Старая простая мебель. Вот шкаф с книгами. Он стал читать название по корешкам. Нашел учебник физики, вероятно, по нему училась внучка, на вид она была лет четырнадцати. Он подумал: «Надо занять их каким-нибудь разговором. Может с внучкой об учебе

поговорить». Он подошел поближе к шкафу, вдруг стеклянная дверца со скрипом резко распахнулась, и учебник физики упал на пол. Все присутствующие встрепенулись. Николай нагнулся, чтобы подобрать его и увидел, что книга разбилась (!) вдребезги! Да-да! На полу лежали именно осколки учебника физики, и откуда-то появилась вода. Николай коснулся лужицы. Вода была холодной, а на осколках учебника он увидел иней и наледь (!). Лед, самый настоящий! От осколков исходил холодный пар. Учебник, очевидно, успел охладиться настолько, что стал твердым и хрупким, и при ударе об пол разбился, как будто его перед этим ненадолго погрузили в жидкий азот. Но как? Николай ощупал место, откуда упал учебник и соседние книги. Они были нормальной комнатной температуры! Значит, учебник успел охладиться, пока падал, так резко!

Вадим стоял рядом, держа в руках небольшой осколочек книги, который уже успел стать мокрым и мягким. Оба смотрели друг на друга обалдевшим взглядом. Вадим пытался улыбнуться. Но как-то одной стороной лица. Кривенькой вышла улыбка. Внучка уже суетилась с веником и совком, подметая осколки бывшего учебника.

- Вадим, пошли домой! Четыре часа ночи!

- А как же мы?! – внучка стояла с совком в руках, умоляюще глядя на «мужчин».

Они просидели еще пару часов, пили чай из алюминиевого чайника и таких же кружек. Внучка хлопотала у стола, предлагая пряники и сахар. Ребята ни о чем не говорили между собой, отвечая только на любопытствующие вопросы внучки. Видно они ей понравились. С ними было как-то надежно и спокойно. Бабушка давно уснула. Остаток дежурства прошел без приключений.

Вернувшись в общежитие, они долго ничего не могли рассказать Шурику, третьему соседу по комнате. Он понял, что с ними произошло нечто «из ряд вон». Хорошо, что шла зачетная неделя, на пары сутра идти не нужно.

Они немного поспали. Потом молча сели на кровати.

- С этим надо как-то жить дальше – сказал после долгой паузы Николай, - теперь нельзя все списать на «происки», шарлатанство и

мракобесие.

- Меня волнует, можно ли это как-то совместить с физикой? – спросил риторически Вадим.

- Вот так, Юрок, я столкнулся с мистикой. Стал искать по книжкам объяснение. Нашел похожие случаи и описания в основном дореволюционные, там есть такой немецкий термин «полтергейст» - «шумный дух». Это, мол, его проделки. Теперь полагаю, что из «четвертого измерения» такие штучки проделать можно. А ты как думаешь?

Юра пожал плечами.

- Если бы не ты рассказывал, ни в жисть бы не поверил! Чертовщина, да и только...

Глава 6. Юродивый таракан судьбы.

Не просто для Юрия складывались конец второго и начало третьего года учебы. Первый снег выпал рано, в начале октября, потом почти весь растаял, только на водоемах оставался кое-где рваным одеялом. Ближе к ноябрю ударили и первые морозцы, предвещающая раннюю зиму и какие-то суровые события. Комсомол еще не самоликвидировался. Партия продолжала руководить всем обществом. Философы должны были быть «на переднем фронте борьбы с идеологией мирового империализма». Комсоргом в юриной группе была Олечка Сивцова. Девушка с прямой гордой осанкой и таким же характером. Стройная, с копной вьющихся золотистых волос, большущими ясными, как слеза младенца, голубыми глазами, она покорила половину мужской части группы. Девчонок на философском было маловато. Юра целый год боролся с ее обаянием. Иногда намеренно грубил ей, старался не выполнять комсомольских

поручений, демонстративно отворачивался, когда она подходила со своими комсоровскими инициативами, но его сердце все равно сдалось. И он неожиданно обнаружил, что в конце летних каникул считает дни до начала учебы, чтобы увидеть Её! Да, теперь она стала для него девушкой с большой буквы. Он страшно стеснялся своего чувства, да и не видел особого расположения Олечки к себе, хотя, конечно, очень надеялся на взаимность, ну, хоть когда-нибудь... Ведь сердце ее еще, вроде, не было занято ни кем. Так промучился он безответной любовью полгода, все теша себя надеждами.

В начале третьего курса срока юриного обучения комитет комсомола университета вышел с инициативой об «организации в университете ячейки общества движения за всемирное ядерное разоружение». Нужно было провести культурные и политические мероприятия в этом направлении. 4-го ноября, накануне октябрьских праздников, был объявлен общеуниверситетский митинг, а потом концерт художественной самодеятельности. Олечка на собрании группы «довела до сведения» информацию. И Юрий уцепился за этот повод, чтобы чаще видаться и общаться с ней, хотя не любил всю эту показуху, называя ее «фарисейством».

- Прочту я стих со сцены, «дядя Сэм» прослезится, и американская военщина тут же уничтожит пару ядерных боеголовок?! – Бред! – говорил он раньше у себя в комнате общежития. А тут повел себя как ренегат. Нашел несколько неплохих стихов у Евтушенко, Рождественского про мир, против войны. Заучил. Стихи он не учил со школьной скамьи. Любил поэзию, но не настолько... Правда, был еще эпизод. Став студентом, Платонов захлеб начал читать художественную литературу, особенно русскую классику. Благо у Михеича в библиотеке можно было найти все. В Достоевского вообще втянулся по уши. Нужно напомнить, что в СССР отношение к творчеству Федора Михайловича складывалось не просто. Как выяснил истоки такого положения Юра: началось все с того, что Луначарский спросил у Ленина: «Владимир Ильич, Вы читали Достоевского?» - ничтоже сумняшась, ВИЛ ответил: «Нет, но я знаю, что у него есть произведение «Бесы» - очень вредная для нас книга!». Вот это резюме вождя сначала вообще вычеркнуло Достоевского из школьной программы, пометив

его термином «реакционный писатель». Потом он постепенно вернулся. Ну, нельзя же не изучать творчество того, о котором во всем мире знают, что это вершина мировой литературы. Но произведение «Бесы» все равно старались обходить молчанием. Оно было издано, очень небольшим по тогдашним меркам тиражом. Юра прочел, «впечатлился» и, будучи человеком с юмором, придумал такой «прикол». В общежитии с ними проживало много студентов гуманитарных специальностей. Среди филологов «гремело» имя Паши Шумяцкого, очень пьющего, но подающего надежды поэта. На вечеринках, куда Шумяцкого порой даже не приглашали, но он сам приползал на запах дармового спиртного, Паша всегда читал свои стихи. И у девчонок таяли сердца. Правда, Паша не успевал прочесть более трех, т.к. при подходе на очереди четвертого, а то и раньше был уже за пределами кондиций. Юра, будучи уверен, что не многие читали «Бесов», заучил оттуда стихи капитана Лебядкина. Мол, вступлю с Пашей в «поэтический турнир» якобы от своего имени. Шутка удалась наполовину. Когда после чтения Белковским своего стихотворения, Юра сказал, что тоже прочтет один стих, то думал, что лишь двое его соседей по комнате знают, «откуда ноги растут», ибо они сговорились заранее.

Юра встал, держа рюмку, как для тоста, хитро улыбнулся и начал торжественно декламировать, широко проводя свободной рукой: «Жил на свете таракан, таракан от детства...» - он полностью прочел первый стих капитана. Но, как на зло, за столом оказалась пара эрудированных девушек с филологического. «Молодой человек, а Вас ни Федор ли Михайлович Достоевский зовут?» - съехидничала она. Оказалось, что она писала недавно курсовую по стихам капитана Лебядкина. Они очень содержательно поговорили об этом меж собой. Юрий полагал, что не только сестру капитана нужно считать юродивой, но и его самого, что вообще, фигура юродивого играет в русской духовности и ментальности ключевую роль, и этим мы резко отличаемся от Европы. Особенно жарко начали они спорить, когда Юра вдруг выдал мысль, что, мол, и Высоцкого, и даже Маяковского он относит к современным юродивым XX века. Девушки сначала возмутились. Очень уж не вяжется образ «брутальных» гениальных мужчин с – образом юродивого: неопрятного, полусумасшедшего человека, дурно

пахнущего, почти не одетого... Но Юра сказал, это же только внешнее клише. В чем же роль юродивых? Они «взрывали» фарисейство окружающего общества своим эпатажем, они, будучи «вечными детьми от Духа», умели сказать, что «король-то голый!», они срывали маски благополучного показного «уютного» благочестия, ну и прочее... Девушки слегка закивали, хоть и не совсем согласились... Платонов сказал, что вообще-то занимается гносеологией собирает материал для курсовой. Но можно и по юродивым статью написать. Он рассказал им, как юродивый спас Псков от погрома опричнины, которую возглавлял сам Иван Грозный... Просидели они пол ночи под храп Шумяцкого, который время от времени просыпался и требовал еще выпить. Потом они еще не раз встречались для общих бесед. Завязалась дружба... Странная, без привычных атрибутов разнополюх привязанностей, почти полностью интеллектуальная. Хотя девушки, нужно отметить, были вполне симпатичными.

Ну, вот. Репетиция мероприятия прошла в актовом зале успешно. Юрий читал выразительно. Главный режиссер отметила, что Юра молодец, и нужно его дальше привлекать к таким мероприятиям. А Юра читал только для Ней. Она тоже была на репетиции. Ей определили роль ведущей концерта вместе с комсоргом факультета Андреем Слуцким. Андрей был жгучий брюнет. Что-то восточное кавказское было в его наружности. Под носом имелись уже вполне солидные усы. Крупная высокая фигура, низкий бархатный голос... – все в нем было таким настоящим мужским, не то что у Юры... Конечно, Юра проигрывал на его фоне, поэтому вдвойне старался хоть в чем-то поразить девушку. Оля смотрела на него, и этого было достаточно, чтобы голос его звенел металлом, чтобы звучали правильные и искренние интонации... . Режиссер концерта подсказала ему, что делать с руками, которые Юрий нелепо растопыривал, и все встало на свои места.

На следующий день занятия были укорочены. В 14 часов уже собрали митинг на площадке перед входом в университет. А потом собрание плавно перетекло в актовый зал. За кулисами стояла команда выступающих. Юра обратил внимание, что Оленька держится за руку(!) с Андреем? Странно. За время репетиций они как-то быстро

сблизились. Сердце неприятно сжалось в юриной груди. Он стал пристальнее следить за этой парочкой. Это было нелепо, даже как-то низко, но его тянуло подсматривать и подслушивать. Жгучая ревность зажглась в его груди. Его выступление было ближе к концу программы. Он сжимал листки с текстом, делал вид, что вчитывается и повторяет, а сам незаметно глядел и глядел туда, в их сторону. Незадолго до выступления режиссер подошла к нему. «Молодой человек, да не волнуйтесь вы так! Что вы такой бледный, как стена! Вам плохо?!» Юрий замотал головой. «Ну, расслабьтесь! Не нужно быть таким зажатым!».

- Да, все будет нормально.. - почти машинально ответил Юрий. И тут он увидел, выглядывая из-за плеча режиссера, как, чуть прикрывшись шторой, они поцеловались! Все оборвалось, в его глазах чуть не потемнело, он машинально дернулся в их сторону, но вовремя остановился. А они вышли на сцену и весело с задором объявили его выступление. «С Богом!» - сказала режиссер и подтолкнула его в сторону сцены.

Юрий пошел, перебирая непослушными ногами. Боль обжигала внутренности. Комок стоял в горле. Душили предательски подступающие слезы. Из последних сил сдерживаясь, он вышел на середину сцены к микрофону. Благо на репетиции все было отработано до мелочей. Он поглядел на президиум. Потом в зал, но почти ничего не видел, конкретика лиц расплывалась в общее однородное «месиво». Пауза начала затягиваться. «Человек волнуется!» - извиняющим тоном произнесла Олечка. Она подошла к Юре тихо шепнула ему: «Ну, начинай же, Юра!» - при этом чуть коснувшись губами его уха. Ее слова привели его в «рабочее состояние». И он произнес:

Жил на свете таракан,
Таракан от детства,
И потом попал в стакан,
Полный мухоедства.

Причем руками он все это умело показывал: и стакан, и таракана, и даже пальцами, как будто посыпал что-то мелкое, показал

«мухоедство». Зал ничего не понимал. Думал, мол, политическую басню Михалкова читает... Хотя объявлены были другие стихи. А Юра продолжал:

Место занял таракан,
Мухи возроптали,
Полон очень наш стакан,
К Юпитеру закричали.
Но пока шел у них крик,
Подошел Никифор,
Благороднейший старик...

И тут Юра совершенно неожиданно для себя, а тем более для режиссера и публики повернулся к президиуму, который был на сцене сбоку, и показал на «старика Никифора», точнее, его жест был обращен к проректору по учебной части, седому уважаемому профессору Яркову. Публика прыснула.

Режиссер тем временем уже устала махать из-за кулис руками и послала на сцену ведущих, чтобы те, как-то замяли инцидент и увели полоумного за шторы. Но Юрий опомнился. И уже злость к «сладкой парочке» переполняла его. Он подумал про себя: «Ну, уж устрою я вам концерт!». И когда Оля приблизилась к нему и осторожно взяла под локоток, чтобы увести со сцены, он, освободив руку, встав напротив Олечки и скроив жуткую и хитрую рожу, громко продекламировал:

Здравствуй, здравствуй, гувернантка!
Веселись и торжествуй!
Ретроградка иль Жорж-Зандка,
Все равно теперь ликуй!

Зал «грохнул» от восторга! Честно говоря, для многих эти официальные мероприятия были очень скучны. Их пригнали по комсомольской разнарядке, для массовости. Обязаловка! Они ждали скорейшего окончания. Тихо и «прилично» шептались о своем. А тут запахло скандальчиком. То, что это было вовсе не запланированным

инцидентом было ясно по выражению лиц ведущих и их неуклюжей попытке увести выступающего со сцены. А Юра продолжал «чесать», уже злорадно глядя в лица ведущим:

Учишь ты детей сопливых (Юра указал рукой на Оленьку)

По-французски букварю

И подмигивать готова, (Юрий усиленно кривил лицо, демонстративно закрывая один глаз)

Чтобы взял, хоть понмарю! (Тут Юра указал на Андрея)

Зал гоготал. А ведущие стояли, словно в ступоре.

Но в наш век реформ великих

Не возьмет и пономарь; (Юра продолжал злобно жестикулировать)

Надо, барышня, «толиких»,

Или снова за букварь.

Но теперь, когда, пируя,

Мы собрали капитал,

Тут Юрий обвел рукой зал, а потом его вообще понесло. Он засунул дрожащую руку глубоко в карман брюк и стал там шарить. Пауза начала затягиваться. «Сейчас, сейчас...» - неопределенно бормотал Юра.

Потом вскрикнул: «Вот!». Достал из кармана мятый рубль и запихал его в кулак обалдевшей Олечки. А залу сделал приглашающий жест, мол, присоединяйтесь! Зал уже не просто гоготал, а ревел от восторга!

И приданное, танцуя, (Юра стал исполнять нечто вроде матросского «яблочка»)

Шлем тебе из этих зал, (жестикуляция стала еще «красноречивей»)

Ретроградка иль Жорж-Зандка,

Все равно, теперь ликуй!

Ты с приданным гувернантка,

Плюй на все и торжествуй!

Юра встал между Олечкой и Андреем, «соединил» их руки и, подняв их вверх, потряс ими.

- Плюй, ликуй и торжествуй!- еще раз громко повторил он.

Бросив руки «сладкой парочки», Юрий резко развернулся и почти бегом стал ретироваться со сцены.

- Ты, Платонов, юродивый! Ненавижу! – истерично всхлипнула ему вслед Олечка.

Увернувшись за кулисами от режиссерши, которая сжав кулаки, ждала его на расправу, он побежал из актового зала, из университета, не думая ни о каком скандале, а только от том, что она ЦЕЛОВАЛАСЬ С ЭТИМ... Рыданья вырывались из его горла. Он не пошел в общагу, а пошел на реку. Не-ет, топиться он не думал. Просто внутри все так горело, что хотелось холодной воды. Он знал, где была полынья на реке. Опустил руки в воду, плеснул на лицо. Поднял в закатное сереющее, затянутое сплошными облаками небо глаза полные слез. И стал пригоршнями черпать и пить. «И даже, если из людей никто тебя не понимает, то ночь упрямая, прямая поймет, быть может, если к ней снесешь свою больную душу, зажжешь костер и среди огней слезу горячую осушишь, чтоб чару горя, боль до дна захлеб одним рыданьем выпить...». Он почему-то наизусть стал декламировать стихотворение Шумяцкого, которое слышал несколько раз и почти запомнил. Он несколько раз повторил: «захлеб одним рыданьем выпить!..» - и пил стылую речную воду. Понемногу внутри все как будто успокоилось. По крайней мере было уже терпимо... В городе наступил поздний вечер или ранняя ночь... Юра шел, опустив голову, почти ничего не видя вокруг, по темным улицам. Ему все равно было куда идти. Он не задумывался, но ноги сами вели в общагу, где свет, где тепло, где друзья, с которыми можно облегчить душу. Он зашел в магазин, хотел купить чего-нибудь для «отогрева» души, но спиртное уже не продавали. Он вышел, подумал, в общаге все равно что-нибудь найдется.

Побрел дальше. И когда шел вдоль длинного темного дома, где во многих окнах уже горел свет, его внимание привлекло одно окно на

первом этаже, там свет как-то странно мерцал, совсем не похож был на электрический. Его потянуло к этому окну. Он остановился метрах в пяти на тротуаре, пригляделся и увидел, что на подоконнике внутри комнаты горит свеча. Строгое и красивое лицо женщины поднято кверху, руки сложены в молитвенной просьбе, а прислушавшись, он уловил, что сквозь городской шум из открытой форточки просачивается тихое песнопение, какое он слышал только в кино, когда показывали церковные службы (сам он был маловерующим, точнее, колебался между верой и неверием, и в церковь на службы не ходил, так заглядывал пару раз из любопытства). Женщина не обращала внимания на Юрия, а он не мог отвести глаз от ее фигуры и лица, слабого подсвеченных мерцанием свечи. Юра упал на колени и молитва «Отче Наш...» сама полилась из него, так просто и искренне. Между ним и небом как будто открылся какой-то канал перетока энергий. Ему стало намного легче... Вдруг с неба повалил крупными хлопьями тихий и торжественный снег. Как будто небо посылало ему утешение и благословение за то, что он первый раз в жизни искренне обратился к Всевышнему... Свеча на окне погасла. Женщина задернула штору. Юрий встал. Отряхнулся. Все, решил он, нужно успокоится и ко всему постараться отнестись философски, он же философ!

Он шел, и с ним вместе шел снег. Они шли теперь одной дорогой. Снег таял на лице Юрия и, казалось, что слезы по-прежнему текут по его щекам. Но Юрий уже не плакал, это снег оплакивал его горе и потерю. «Только ты, снег и понимаешь меня! Спасибо, спасибо, за сочувствие!». Он то находил, то останавливаясь, и понимая лицо к небу, о чем-то беседовал со снегом, и они действительно понимали друг друга! Он разводил руки, ловил снежинки, прижимал их к горячим губам, целовал их. «Милые мои! Милые мои снежинки!...». Всю нежность, которую он хотел бы отдать ей и только ей, он вкладывал в эти поцелуи. Юрий, пожалуй, первый раз в жизни был таким сентиментальным.

В общагу он пришел уже каким-то очень успокоенным, продрогшим и измотанным этим ужасным днем, этим долгим вечером. Сон не шел, хотя день был тяжелым. Он взял бумагу, пытался написать Ольге письмо, в котором ее в чем-то обвинял, укорял. Потом подумал,

что это нелепо, ведь она ему ничего не обещала и ни чем не обязана! Потом начал писать какие-то стихи. Да! Юра начал писать стихи, чего сам от себя не ожидал! Какой-то рифмованный горячечный бред. Он так мысленно и назвал стихотворение «Бред». Счел, что их-то и можно отправить Ольге. Решил утром встретиться и посоветоваться с Николаем.

Назавтра его вызвали сначала в комитет комсомола, где объявили, что за такую выходку будут рассматривать вопрос об исключении его из комсомола. Затем вызвали в деканат. Там тоже ждала взбучка, но с выводами посерьезней, могли поставить вопрос и об исключении. На праздничные выходные на положенную демонстрацию он решил не ходить, мол, уж теперь все равно, а решил поехать домой, вместе с другом Николаем и соседкой Глафирой в родное Колмогорово.

Глава 7. Глафира.

Ноябрьские праздники в том году были длинными. Сошлось так, что сразу перед ними 5-го и 6-го были выходными. У ребят выпадало три свободных дня. Ну, как сказать, «свободных». Обычно седьмого гоняли на демонстрацию. Это была обязателька для всех комсомольцев. А кто у нас не комсомолец? – Никто. Но и тут были исключения из правил. Ребята очень хотели съездить к Михеичу. Три дня – это подарок судьбы. От демонстрации можно было «откосить» только в том случае, если есть особые заслуги перед комсомолом, комсорг ставил эти заслуги на учет и отпускал с миром, на волю. Николай был членом оперотряда. За дежурства полагались отгулы по комсомольской линии.

Они увиделись с Юрой еще до занятий. У него был очень потрепанный вид. Он махнул на все рукой, после скандала на предпраздничном митинге. Юра коротко рассказал Николаю, что вляпался в историю, похуже, чем они вместе на семинарах по диамату. Рассказал и про Ольгу. Николай сказал: «Брось, это скоро забудется. Как-нибудь выкрутимся!». Юра показал ему стихи: «Хоть это и рифмованный бред, но не знаю, как ты посоветуешь, я хочу послать их Ольге?!». Коля прочел стихи:

С больной душой – она в бреду

Я в городской глуши
По бездорожию бреду,
А мимо жизнь спешит.

И суетлива, и пошла
И в меру недобра ...
Но из души любовь ушла,
Вот только – лишь вчера.

И я бреду – мне дела нет,
Какое дело мне,
Что нынче только звон монет
И только ложь в цене,

Что балаганные шуты
В фаворе и красе.
Мне только жаль, что стала ты
Такою же, как все.

А снег летит, наверно, он
Теперь один со мной
Грустит и стелется, и стон,
Хрустящий под ногой.

И плачет снег, и тает снег,
И тает, и молчит.
Судьба по темным руслам рек
Слезу водою мчит.

Как ночь морозна и бодра,
И, видимо, к утру,
Хоть боль так рьяна и остра,
Я вовсе не умру.

Но побывавши на краю,
Сумею я понять,
Что буду Ты, которую
В тебе утратил, звать.

Я знаю – есть, я знаю – есть!
Она одна в веках.
Не на земле, увы, не здесь,
Но где-то в облаках.

Ее улыбка, взгляд и жест,
Мелькнувшие в тебе,
Теперь и свет, и боль, и крест
В несбывшейся судьбе...

Ее искать, Ее найти,
Теперь судьба моя,
Какие б ни были пути
Во мраке бытия.

С душою жаркою в огне
Как с факелом бреду.

Нет, не ушла Любовь – во мне,
И я Ее найду!

- Ну, ты прям, поэт! Только, прости, брат! Мне, кажется, она не поймет. Знаю я твою Олечку – по комсомольской работе сталкивался. Красавица несомненная, не влюбиться трудно, но слишком гордая и заносчивая, не для тебя она, Юрка! А стихи – стихи, по-моему, неплохие. Их нужно публиковать! Если хочешь, отдай их в стенгазету. Или это очень личное? Она увидит их в стенгазете и пусть понимает, как хочет, если поймет...

Юра сложил листочек. Задумался: «А, пожалуй, ты прав, Ник! Не поймет она...».

После 3-х пар, быстро собрали сумки, чтобы отправиться на автовокзал. До Колмогорова, юриного родного села, было полтора часа езды.

Коля стоял у входа в свой корпус. Сюда должен был с минуту на минуту подойти Юра. Вот он замаячил, но не один... Вместе с ним виднелась хрупкая девичья фигурка в средней длины демисезонном пальто, длиной юбке, в небольших полусапожках на стройных ножках. На голове повязан платок. Платок был повязан, те так, как у городских - «домиком», а по-деревенски « до бровей», прикрывая весь лоб. «А ты все та же, лес да поле, да плат узорный до бровей...» - невольно вспомнилось Николаю стихотворение Блока. Все было подобрано с таким вкусом по цвету и изяществу линий, что Коля невольно залюбовался девушкой. Когда они подошли, Юра представил спутницу:

- Глафира, знакомся! Из нашего села. Учится на первом курсе исторического.

Глафира протянула руку. Подняла веселые глаза на Николая. Ах, какие глаза! Как два солнечных зайчика озаряли они лицо этой юной особы. Большие, сияющие, наполненные какой-то особой жизнеутверждающей силой. Сверху их «прикрывали» размашистые тонкие брови, как крылья стремительной птицы. Небольшой аккуратный носик и губы... Губы резные. Какой-то мастер природы тщательно выточил сей шедевр. Особенно постарался над уголками. Они были чуть приподняты вверх, отчего казалось, что Глафира все

время улыбается такой тихой спокойной улыбкой, которая как бы говорит: все прекрасно – белый свет, погода, божий день, я и ты...

- Глафира.

- Николай.

Глафира опустила пушистые длинные ресницы, потупила головку. Во всем этом движении было столько какой-то высокой девственности и стыдливости, какого-то целомудрия, столько деликатного смирения... Да еще румянец залил ее щеки. Ах, как это было невыносимо прекрасно! А кожа была с матовым отливом, сначала шел какой-то прозрачный светлый слой, тончайший, как слой лака на столе, потом чуть-чуть смуглая кожа. Николай пользовался тем, что Глафира не смотрела ему в глаза и, можно сказать, «бессовестно» разглядывал это прелестное создание, изучая изящные подробности. Еще его приятно поразило, что на ней нет макияжа. Причем видно было, что она им не пользуется. Зрелище женщин, которые пользуются обильным макияжем, а потом стирают его на ночь, было знакомо Николаю, и оно было ужасно. Все выглядело каким-то блеклым и облезлым, как ночная «моль» на фоне яркой дневной бабочки...

Сам Николай имел довольно привлекательную внешность. Он носил длинные волосы, достигающие до подбородка, что придавало ему романтический вид. Его большой лоб и глубоко посаженные глаза свидетельствовали о недюжинном интеллекте. Довольно ровный средних размеров с резко очерченными ноздрями острый нос говорил о возможной смелости и решительности Николая. Небольшие пушистые, но жидковатые усики придавали «мушкетерский» вид. Немало девушек были влюблены в него. О чувствах некоторых он знал, но, когда-то будучи безответно влюбленный сам, он четко придерживался мнения, что не имеет права играть чувствами. Или серьезные отношения или... нет не то чтобы ничего, но без ложных интриг и напрасных надежд. Дружба – все, что он мог предложить такой особе. Честно, открыто... Было правда одно исключение – Милана. Девушка из одной с Николаем студенческой группы. Она не была влюблена в него. Это ему значительно облегчало отношения. Они иногда целовались на студенческих вечеринках. Уединялись где-нибудь и целовались в засос. Страстно, испытывая «огонь тела»,

неуемное влечение друг к другу, но никогда так и не решившись на интимную близость. Потом они стыдливо улыбались, взглянув друг на друга на занятиях, иногда болтали ни о чем, при этом отводя глаза, стоя друг от друга на «пионерском» расстоянии. Странными были эти отношения.

Николай хорошо понимал игру глаз в женско-мужских отношениях. Вот были женщины, о которых еще Пушкин говорил, что на их лбу «написано» - оставь надежду навсегда. Да, они вечно становились в такие позы, что позволяли собой любоваться, бросая презрительные взоры на восхищенных самцов. Но они всегда полагали в отношениях с мужчинами только один тип: пару «царица – раб». Как говорят, эти женщины «знали себе цену». Но такое выражение всегда раздражало Николая. «Знать себе цену» - было в этом что-то унижительно торгашеское. Ну, ладно, если профессионал продает свой труд, предлагает свои услуги и знает их цену, тогда это оправдано. Но сам по себе человек потенциально бесценен! Знал он и женщин, которые взглядами себя бесцеремонно предлагали понравившимся мужчинам. Их взгляды были не просто призывными, но «липкими» и бесстыжими. Почти все из них, конечно, чисто внешне, вели себя прилично (и то, пока были трезвыми), но глаза не соврут – они зеркало души. Слава Богу, большинство женщин в окружении Николая имели чистые и открытые взгляды, иногда наивные, иногда мудрые и лишь изредка позволяли себе «пострелять глазами» в подобающей обстановке, когда легкое кокетство даже поощряется. Но, ведь и притворное смущение иногда бывает элементом кокетства. Женщины знают, как нравится мужчинам женщина стыдливая, скромная и поэтому часто имитируют смущение и стыдливость. Глафира была исключением. Николай сразу интуитивно ощутил, что она настоящая, не кокетливая, не притворная...

Они двинулись на остановку. Юра нес свою и глафирину сумки, а она шагала быстро и проворно впереди мужчин. Коле и походка ее показалась грациозной. Что-то в ней притягивало взгляд. Юра, видя интерес Николая к Глафире, тихо начал ему говорить:

- Коля, зря варезку разинул. У нее почему имя такое редкое? Она из семьи староверов. Ну, как,.. они уж давно в нашем селе живут,

несколько поколений. Но воспитание у них строгое, вера крепкая. Они женятся только раз в жизни. «Жена, да убоится мужа своего...»! Домострой полный. В комсомол не вступают. На демонстрации не ходят. Как они Глафиру свою на учебу в город отпустили? Ума не приложу! Жениха ей пока не назначили, но...

Юра увидел вопросительно удивленное выражение на лице друга:

- Как то есть «не назначили жениха»?!

- Ну, у них молодые не сами выбирают друг друга, а родители назначают, все из своих, из староверов. Так что у тебя не никаких шансов, ну, разве что ты крестишься по их обряду, тогда может быть... Аллилуйя! – Юра сложил руки лодочкой вверх. Закатил глаза. Засмеялся.

- Вот оно как! - с явной досадой произнес Николай.

В автобусе Глафира оказалась на месте впереди приятелей, а они вместе уселись сразу позади нее. Коля сразу начал изучать косу Глафиры. Глафира в автобусе сняла платок. Под ним оказалась роскошная коса. Она закинула ее вперед, достала какую-то книжечку и, опустив голову, погрузилась в нее. А Коля сидел заколдованный пушистыми завитками волос, теплой нежной аурой, окружавшей ее затылок.

- Эй, ты же мне хотел еще какую-то свою мысль о многомерности рассказать – Юра одернул приятеля.

- А, да... Какую мысль рассказать?..

- Про вселенную и многомерность. – Юра сказал это громче обычного, так как ему показалось, что Николай его не слышит.

Николай увидел, что на слове «вселенная» милая головка Глафиры приподнялась, взгляд оторвался от книги. Чуть скопился назад к нашим приятелям.

Это придало ему вдохновения. Да! Накануне он снова и снова рассуждал про себя на тему многомерности, перечитывая статью Калуцы. И пришел, как ему показалось, к интересным выводам.

- Да. Хотел. Вот слушай сюда. Ты же знаешь, почитай еще со школы, что мы живем в расширяющейся вселенной! – прелестное ушко Глафиры повернулось еще больше в их сторону. Он даже увидел ресницы, и край зрачка.

- Ну, конечно, знаю. Я ж тебе говорил, что любил в школе и физику, и астрономию. А у Михеича прямо в читальном зале планетарий был. Дело в том, что над залой потолок был в виде купола – ну, такой полусферы. Михеич поставил над лампой такую тоже полусферу с дырочками. На потолке получались звездочки, созвездия. Он показывал нам как они вращаются в течении суток. Мы научились определять, где Медведицы, где Стрелец, где Орион... Помнишь, Глафира?

Глафира уже развернулась к парням, сев на коленки на своем кресле, и своими очаровательными глазами следила за беседой. Она закивала головой, заулыбалась. Ах, чтоб вызвать эту улыбку еще раз Николай готов был вывернуться наизнанку!

- Да, - продолжил Николай, - так вот. Вселенная расширяется. Это установил впервые наш математик Александр Фридман. Знаете, так получилось, что математики внесли очень большой вклад в развитие физики. Возможно, для них уравнения Эйнштейна были просто таким математическим вызовом: дескать, попробуй их решить! Может физическая суть их волновала меньше, хотя... Но, в общем, получилось так, что выведенные в общей теории относительности уравнения гравитации были так сложны, что сам Эйнштейн не мог решить их в общем виде!

Слушатели с сомнением поглядели на Николая. Эйнштейн не мог решить свои же уравнения?!

- Он решил их для упрощенного случая слабой гравитации в нашей Солнечной системе и сразу сделал два открытия: во-первых, обосновал, почему перигелий Меркурия вращается с определенным периодом вокруг Солнца, а во-вторых, рассчитал, что луч света от далекой звезды отклоняется при прохождении возле солнца на угол вдвое больший, чем по расчетам Ньютона. Это, кстати, смогли быстро

проверить и подтвердить, буквально через пару лет при очередном солнечном затмении.

Видно было, что ребята не все ухватывали в рассказе Николая, но слушали заинтересовано и серьезно.

- Так вот, Эйнштейн полагал, что вселенная стационарна, т.е. практически как единое целое не меняется. Меняются в ней только отдельные элементы. Но раз во вселенной есть только гравитация, то есть взаимное притяжение всего сущего, она должна вселенную сжимать. Тогда Эйнштейн ввел для равновесия силу отталкивания, так называемый лямбда-член в уравнения... - Коля остановился, посмотрел на слушателей, понял, что уже совсем далеко зашел в дебри. Он взмахнул руками.

- Ладно, скажу попроще. Вот вселенная расширяется... А, щас! - он достал надувной шарик из кармана. - Юра, дуй! Это у нас будет вселенная. Готовил шарики для демонстрации, а тут.., в общем, решил сельским ребятишкам подарочек отвезти.

- Знаете, когда нам рассказали на астрономии, что вселенная расширяется, то у меня сразу выскочил наивный детский вопрос: а В ЧЕМ она расширяется? – разоткровенничался Коля.

- Вот и у меня был такой же?! – Глафира даже чуть хохотнула. Ее голос зазвенел колокольчиками, звук которых прошел через колыно сердце, как свежий ветерок знойным летом. «Очаровательно! - подумал Коля – такие хрустальные звоны!».

- Так вот, сейчас у меня есть основания сказать, что наша вселенная – это трехмерная гиперсфера, расширяющаяся в четырехмерном пространстве! - Коля произнес последние слова чеканно четко, как на научном докладе и пояснил, показывая на надутый Юрой шарик, - Вот обычная двумерная сфера в трехмерном пространстве. А трехмерный аналог называют гиперсферой, только она уже в четырех мерном пространстве.

Коля достал ручку и нарисовал на шарике несколько кружочков:

- Вот это какие-то объекты во вселенной. Надуй шарик сильнее! – Юра дунул несколько раз. Шарик увеличился в размерах.

- Вот видно, что расстояния между всеми объектами увеличилось. Это и происходит во вселенной, только сфера трехмерная!

- И так понятно – разочаровано произнес Юра. - В чем фишка то?

- Смотри, точки на шарике не только движутся друг от друга, но еще удаляются от центра сферы!

- Ну, и что?

- Представь, что ты плоскати́к. – Николай нарисовал на шарике человечка с ручками и ножками.

- Допустим!

- Ты, живя там, в этой сфере, можешь заметить, как при расширении сферы объекты удаляются друг от друга?!

- Могу!

- А можешь заметить, как они движутся от центра по радиусу сферы?

Юра почесал затылок.

- Ну, наверно – нет! Так я и никакого центра сферы увидеть не смогу, если я плоскати́к! Он же не на сфере лежит.

- Вот. Для него невозможно видеть движение в третьем измерении, перпендикулярном двум, видимым для него. А мы не наблюдаем движение в четвертом измерении при расширении нашей вселенной, а оно должно быть. Причем, если по закону Хаббла все точки удаляются на сфере (то есть, по-нашему, во вселенной) по-разному: чем дальше объекты – тем быстрее удаление. То движение в четвертом измерении может проходить с постоянной скоростью, одинаковой для ВСЕХ! точек вселенной.

- Ага! Но все-таки я пока никакой сенсации не вижу, - со скепсисом произнес Юра.

- А сенсация может быть вот в чем. В статье Калуцы, которую ты, к сожалению, вряд ли поймешь... (Коля, конечно, невольно подколот Юру, да еще в присутствии такой симпатичной девушки), но Юра, слава Богу, пропустил эту колкость мимо ушей, так хотелось ему дойти, наконец, до колиной сенсации.

- В этой статье Калуца делает вывод на основе строгих математических расчетов, что величина заряда элементарных частиц пропорциональна скорости движения в четвертом направлении! Прикинь! Если бы вселенная перестала расширяться, двигаясь в четвертом направлении, – все заряды бы просто исчезли! То есть электрический заряд есть следствие движения материи в четвертом измерении.

- Вот те раз! Кажется, я просекаю! А тогда, одинаковость зарядов у всех элементарных частиц как раз и связана с одинаковой скоростью движения всего в четвертом направлении при расширении вселенной! Верно я понимаю, что это ключ к загадке, почему все элементарные заряды квантованы и их величина одинакова?

- Молодец! Юрка! Догадлив, чертяка! Вот за шо я в тебя такой влюбленный?!

Тут решилась задать вопрос и Глафира:

- Получается, что центр нашей вселенной лежит вне нашей вселенной?!

- Получается.

- А то часто говорят: ну, ты что – «центр вселенной»?

- С точки зрения космологии все точки нашей вселенной равноправны в трехмерном мире, и нет у нее никакого центра.

- Теперь я вроде это поняла! А то все думала, а где же этот «центр вселенной»? Долетит ли когда-нибудь до него человек?

Глафира глядела на обоих ребят восхищенными глазами, хотя мало что понимала из их разговора. Люди рассуждают на такие высокие интеллектуальные темы не в телевизоре, не на страницах научных журналов, а вот здесь, рядом с ней, в обычном рейсовом автобусе! Николай ловил ее взгляды как награду за все свои раздумья тревожными ночами. Все эти усилия, которые он тратил, чтобы понять статьи из книжки, продрасть сквозь паутину формул и определений, выцарапать оттуда крупницы понимания истины, выглядели не напрасными сейчас в свете двух этих восхищенных глаз. Он, разумеется, понимал, что эти его гипотезы – пока еще ноль без

палочки, но сама возможность делать новые умозаключения по важнейшим проблемам науки его просто пьянила, а от общения с Глафирой он вдвойне хмелел.

Доехали без приключений, за разговорами даже не заметив дороги. Вот оно село Колмогорское.

- Прошу, дорогой гость, - Юра, первым вышедший из автобуса, склонился в гостеприимном приветствии.

Глава 8. У Михеича. «И невозможное ВОЗМОЖНО...».

Студенты попрощались с Глафирой, предварительно договорившись завтра вместе пойти к Михеичу. Она жила на краю села, в «раскольничьей слободе» - это были несколько домов, где компактно проживали старообрядческие семьи. На предложение – помочь отнести сумку, она ответила, мол, сумка легкая и тятя заругается. Улыбнулась, помахала рукой и пошла восвояси.

- Вишь как у них строго: «тятя заругается»! Да Акинфий Артемич мужик суровый, но справедливый. Мои родители простые работяги: отец – механизатор, мать доярка. Никогда не отказываются от сверхурочных, ну, всякие там соцсоревнования и инициативы всякие. А они – ни в какую. Свою работу делают честно и добросовестно, а вот остальное игнорируют... субботники, маевки ... А уж в воскресенье у них общий молебен. Тут даже в уборочную не подкатывай. Ладно. Пойдем в дом, со своими познакомлю.

Они пошли в юрин дом. Коля поймал себя на том, что ему непрерывно хочется улыбаться. Какой-то веселый огонек зажегся, какой-то прекрасный цветок распустился в его груди. Он пронибал, что связано это с Глафирой. Ему было просто хорошо от того, что есть такая девушка Глафира. Что он с ней знаком и может общаться, смотреть в ее глаза. Глафира... - это новое имя он про себя повторял многократно, и казалось ему, что прекраснее имени на свете нет. Еще день назад спроси его про имя «Глафира» - он бы подумал странное,

«старорежимное» и еще чего-нибудь, Даже «неблагозвучное». А теперь! Что ты! Гла-фи-ра! Музыка, да и только...

Дом юриной семьи был добротным одноэтажным с пятью комнатами и просторной верандой. Их сразу пригласили за стол, который уже был накрыт. С кухни неслись аппетитные запахи чего-то печеного. Познакомились, сели, начались разговоры «про дождь, про лен, про скотный двор...». Раньше бы от таких разговоров у Коли быстро бы начало сводить скулы и тоска разлилась бы как желчь по организму (как он понимал, почему Онегин так разозлился на Ленского!). Но сейчас он сидел сияющий и был благодарен судьбе за то, что она занесла его в это далекое село, в котором родилось, выросло и живет такое удивительное создание, как Глафира, что они увидятся завтра...

Им постелили в юриной комнате. Коля долго не мог уснуть, вспоминая весь день, начиная со встречи около общежития. Юра тоже ворочался. Стал задавать вопросы:

- Слышь, Коля! Не спишь?

- Угу.

- Я вот задумался. Когда ты сказал, что если вселенная перестанет двигаться в четвертом измерении, то все заряды исчезнут!

- Ну, да. Это моя гипотеза, которая следует из работы Калуцы.

- Ну, допустим, твоя гипотеза верна.

- Допустим!

- Так как без зарядов не может существовать атом, а значит, всякое вещество, то вселенная не должна останавливаться в своем расширении. А ведь ты сам говорил, что вначале Эйнштейн думал, что она стационарна.

- Да. Я как раз в автобусе не успел договорить. Математик Фридман сумел решить уравнения Эйнштейна для случая однородной и изотропной вселенной в общем виде. И у него получилось, что вселенная не может быть стационарной, а должна либо расширяться, либо сжиматься, либо пульсировать. Он послал статью Эйнштейну, написав, что как математик за расчетную сторону он ручается

полностью, а вот физические выводы его смущают, мол, проверьте... Эйнштейн, конечно, сразу не поверил в эти выводы и, прикинь, два года проверял с помощью знакомых математиков верность решения Фридмана. Когда ошибок не было найдено, то пришлось опубликовать статью с положительными комментариями Эйнштейна. Ведь он сам породил эти уравнения, пришлось считаться с последствиями из них. Он убрал это свое «лямбда» слагаемое из уравнений, ну, описывающее силу отталкивания, и потом назвал его введение в уравнения самой большой своей ошибкой.

- Любопытно.., интересно «девки пляшут»... Все, пока что, сходится! Вся эта многомерность. Ну, ладно. Давай спать. Наши обычно рано встают. В селе долго спать некогда. Однако нам, думаю, выспаться дадут.

Но Николай, все равно еще долго «всматривался» в свой «огонек», возникший там в душе, который имел имя Глафира, любовался, улыбался... Но постепенно уснул. Утром он проснулся от какой-то неясной тревоги. Словно кто-то толкнул его. Было еще рано, на улице темно. В доме тихо. Похоже, что часов пять-шесть утра, не более. Но тревожная мысль, которая, конечно, была связана с Глафирой, не давала уснуть. Дело в том, что он вдруг подумал, а что если этот, как его, Кирилл Мефодьевич, ну, глафирин «тятя», который строгих нравов, не пустит Глафиру с ними к Михеичу?! Тогда ему ее завтра не увидеть? Как быть? У кого спросить? Ему очень нужно было это узнать! Юра мирно посапывал в своей теплой постельке. Коля повертелся, встал. Свет фонаря с улицы немножко освещал комнату. Он подкрался к юриной постели. Положил ему руку на плечо. – Не чует! - немножко потряс.

- А !? Че...?! Который час?! Юра увидел склонившегося над ним друга. - Че случилось?! Мы че-то проспали?

Юрка! - заговощическим тоном произнес Николай. – А вдруг ваш этот Кирилл Мефодьич ...

- Какой такой Кирилл Мефодьич?..

- Ну, глафирин «тятя», не отпустит ее с нами к Михеичу?

- А, Акинфий Артемич!

- Ну, он же строгий! Ты сам говорил. Домострой!... «Убоится жена мужа своего», а уж дочь тем более!

Юра сел на кровати. Потер глаза. Протянул руку к будильнику, который стоял рядом на тумбочке. Повернул его к свету уличного фонаря.

- Николай, ну ты рехнулся! Пол шестого! Еще даже наши, похоже, не встали! Ложись еще поспи, а...

С этими словами Юра завалился снова под одеяло. Коля отошел в сторону, но ложиться не стал. Стал искать тапочки под кроватью. Оперся о комод, свалил со стуком какого-то «слоника». Юра повернулся, снова сел на кровать.

- Ну, все, блин! Теперь уж весь сон сбит! Ладно, пойдем потихоньку на кухню. Кофейку дерябнем, я тебе все расскажу.

Они прошли на кухню, тихо пробираясь мимо закрытых комнат. Там было прохладно. Юра затопил печь, зажег газовую плиту. Поставил кипятить воду. Начал рассказывать.

- Наши староверы Михеича тоже уважают. До одного момента относились к нему так же как и ко всем, кого считали «властью». Для них любой конторский – «власть». Библиотекарь – тоже «власть». А власть для них ну чуть ли ни слуги сатаны. Конечно, приходится с ней считаться, но в вопросах веры не уступать ни на чуть. Но однажды сгорел у них основной дом, где они молились. Они даже книги не успели вынести. Все там, все их библии, евангелия, псалтыри... - все сгорело. Ох, как они горевали! Ведь сейчас такой литературы нигде не сыщешь. Там же имя «Иисус» как «Исус» написано, через одну «и» и все на старославянском.

- Во как ты в их книгах разбираешься!?

- Староверы ведь от того и откололись от церкви, что Никон провел реформу, где написания изменил... В общем, порассказал мне Никишка, дружок мой школьный, он из ихних... Я немного да разбираюсь.

- Из-за буковки и откололись?! Это вот, я помню «Боярыня Морозова»..?

- Ну еще крестятся они двумя перстами, а нынешние верующие – тремя.

- И они терпели все гонения, даже самосожжения устраивали все из-за буквы и перстов...?!!

- Да, представь себе! Ну, ладно, я не о том. Так вот, Михеич достал им из запасников своей библиотеки старинные книги, богослужебные, в которых все еще как до Никона было по старославянски. «Паки-паки иже херувимы...». И отдал им в бессрочное пользование! Вот как они его зауважали! Все стремились помочь как-нибудь, то продуктов с огородика ему своих подкинут, да разносолов всяких. То ремонт в библиотеке какой. Забор кованный с воротами отгрохали. А то он неизвестно на какие шиши живет. Зарплата у библиотекаря какая!? Гроши. Правда, Михеич пасеку держал, но все раздавал бесплатно. Нас ребяташек вечно медом потчевал и разными другими продуктами. В общем, к нему свободно отпускают детей и староверы и все остальные наши селяне. Так что не беспокойся! Глафира завтра с нами пойдет, никто ей препятствовать не будет.

У Николая словно камень с души отвалился. Он опять заулыбался, как вчера вечером, предвкушая встречу с Глафирой.

Часов около девяти, как они договорились, ребята стояли у ворот своего дома, возле дороги, которая вела к библиотеке. Светало.

- Вон гляди, Глафира твоя идет! – указал направо Юра.

- Что значит «твоя»? Юрка, не болтай ерунды!

- Ну, ладно, ладно.

- Здравсьте! – сказала Глафира, чуть запыхавшись на свежем осеннем воздухе. Она заторопилась, когда издали увидела ребят у ворот. – Я не опоздала? Давно ждете!?

- Да не, только что вышли.

Глафира была одета почти как вчера, только на ногах были высокие резиновые сапоги. Она слегка покраснелась, отчего выглядела еще очаровательней. У Николая сердце забилось быстрее.

- Ну, вот – показал Юра рукой – видишь там сад? В конце дороги. Присмотрись, там из-за деревьев шпиль такой торчит, это над куполом библиотеки.

Они подошли к саду. Он выглядел довольно ухоженным. Все листья уже облетели, лишь кое-где виднелись желтые и красные обрывки. Солнце показалось над горизонтом. И сад заиграл новыми красками. В центре были ажурные кованые ворота. Такой же ажурный забор, претендующий даже на некое изящество, окружал сад.

- Это кузнец из наших... - провела рукой Глафира.

- Из староверов – подсказал Юра.

- Полуян Матвеич. Старался! Красиво? Год работал.- Николай кивнул. Остановился, втянул поглубже в себя это чистейший бодрящий воздух.

- Лепота! - ему вдруг захотелось поговорить по старославянски. Но он, как и Юра знал только несколько слов и то из фильма «Иван Васильевич меняет профессию».

- По нашим рисункам, по детским изготовлено. Мы в изостудию ходили. Так там даже конкурс объявили на лучший эскиз к воротам и забору.

- Это Глафира намекает, что ее рисунок и выиграл! – сказал Юра.

- Правда! Удивительно! Лепота! – Коля положил ладонь на чугун ворот. Погладил.

- Глафира, я не удивлюсь, если откроется, что у вас есть еще какие-то скрытые таланты!

- Удивишься – вставил Юра – если они нам с Михеичем сегодня небольшой концерт устроят.

- Вы поете?! – Николай невольно перешел на «вы». Все их общение располагало к какому-то «высокому штилю». Что-то дореволюционное дворянское начиналось прямо за этими воротами.

Глаша не ответила, а только склонила голову вниз и негромко усмехнулась, опять покраснев.

Центральная тропинка была усыпана мелким гравием и выметена. Она была аккуратно обрамлена невысоким парапетом. Наконец, из-за веток деревьев открылся вид на библиотеку. Очень простое в стиле классицизма одноэтажное здание дореволюционной постройки. Над круглым центральным корпусом с колоннами возвышался полусферический купол голубого, как небо, цвета со шпилем. Влево и вправо шли ответвления, которые заканчивались аккуратными флигелями. Сам дом был зеленым, колонны белыми. Все с таким скромным, но стильным вкусом. Окна были большими. Было много стекла. Дом озарило солнце. Шпиль блеснул желтым металлом.

- Ну, не золото, конечно, - подумал Коля.

Везде было аккуратно и чисто. Никаких «облезлостей» и «опрелостей», как будто его вчера ремонтировали и привели в порядок.

На крыльцо вышел невысокий худощавый «дедок». Не очень седой и не очень старый, на первый взгляд. Волосы длинные небольшая бородка и усы. Густые брови, из-под которых выглядывали «острые» и цепкие глаза, многочисленные лучистые морщинки возле которых, показывали, что человек любил много улыбаться. Одежда напоминала рясу священника или монаха. Черная длинная. Дедок улыбнулся, держа руки со сложенными ладонками на груди.

- Здрасте! Степан Михеич! Здрасте! – ребята наперебой стали приветствовать хозяина библиотеки.

- Здравствуйте, мои родненькие, здравствуйте гость дорогой! Давно вас жду. Проходите. Ну ка, Глашенька, дай я на тебя поближе погляжу. Ай, похорошела девушка! Подросла! Давненько у дедушки-то не бывала.

Глашенька смущенно смотрела в пол.

- Там тапочки, знаете где, и гостю покажите.

Они зашли в «залу» - в читальный зал библиотеки. Чистое опрятное помещение. Стены задрапированы тканью! Прямо, как в музее. Несколько столов со стульями и настольными лампами. В центре прямо напротив входа вделанный в стену шикарный камин. Нет, без

излишеств, не из мрамора, а обыкновенного кирпича, но большой и аккуратно вписанный в интерьер, как все вокруг. Тонкий запах цветов и меда растекался по всей зале, а еще, кажется, ладана. Вдоль стен высокие (под потолок) стеллажи с книгами. И, да, чего Николай никак не ожидал здесь увидеть – рояль. Да, да в глухой сельской библиотеке – рояль! Коля застопорил свой взгляд на этом предмете, в нем чувствовалось явное недоумение и вопрос. Юра успел увидеть ситуацию и быстро прокомментировал:

- Остался от барина, так почти обломки. Но из города приехали специалисты и починили, это когда нашу библиотеку расхвалили в областной газете. А зданию библиотеки дали статус – памятник архитектуры 18 века. Охраняется государством! Степан Михеич у нас по совместительству библиотекарь и пианист, и еще директор музея!

- Ну, ладно, пойдемте во флигель. Там сообразим чайку и поговорим. Глаша, подсобишь?

Они прошли по коридору, в котором по одну сторону были двери в какие-то комнаты, а другая стена была сплошь застеклена с видом на сад. Во флигеле все было скромно и так же чисто и аккуратно, как везде. Как в 18 веке. В кабинете Михеича был кожаный диван, пара кресел стол с лампой, роскошной антикварной чернильницей и парой аналогичных подсвечников. Вдоль стен все книги, книги... Большое окно так же выходило в сад.

- Глашенька! На кухне у меня почти все готово. Возьми поднос и чашки, ты же знаешь где.

Юра сел в одно из кресел:

- Мое любимое! - он покачался вверх-вниз. Коля сел на диван. А Степан Михеич – в другое кресло.

Глаша быстро принесла на подносе чай в антикварных же чашечках.

- Не переживайте, это не музейное – это подарок, - усмехнулся Михеич, как бы прочитав мысли Николая про «роскошь за казенный счет».

Николай поднес чашку ко рту и остановился. Он просто успел вдохнуть аромат чая и обалдел. Его бронхи и легкие как будто расширились, стали невесомыми, даже ему показалось, что они чуть приподняли его вверх! Он замер на вдохе и ему совсем не хотелось выдыхать.

- Как аромат?! – спросил Михеич, глядя на гостя с загадочной улыбкой.

- Обалденный! – Коля еще раз вдохнул и эффект опять повторился. – Этот чай можно не пить, а просто вдыхать! Удовольствие просто космическое!

- Это в чае бальзам. Я его настаиваю на меду, спирте и 33 травах. Главная из них – «золотой корень». Мне один турист из города каждый год привозит. Он всякий свой отпуск сплавляется по реке Чусовой, что на Урале, и там по ходу собирает травы в одному ему известных местах. Места держит в секрете, а то говорит все повырвут, повыточут...

- Ну, ладно, милостивые государи, чай, мы здесь не о чае собрались говорить. Извините, люблю каламбуры! – он снова заулыбался.

- Многомерность, действительно мостик между наукой и религией, как, впрочем, и философией. Ведь что такое «религия». «Ре-лигио» можно перевести с латыни, как «воссоединяю». Религия есть общественный институт, предназначенный для воссоединения человека и человечества с иными невидимыми мирами и сущностями, в пределе – с Богом-Творцом. Мы, рождаясь в нашем мире, утрачиваем на определенных этапах развития эту связь. Ее нужно поддерживать и восстанавливать, для чего и предназначены разные религии. Не только христианская литургия или мусульманский намаз или медитация буддиста, но и такие «примитивные» культовые действия, как камлание шамана – все это служит налаживанию «мостов» между мирами разной материальности. Да, вы не ослышались, я говорю именно не о духовности, о материальностях, но иных материальностях. Я хочу процитировать вам одно важное откровение нашего времени.

У ребят застыло на лицах недоумение. Слово «откровение» употребляла в правильном смысле в своей жизни только Глафира. Она

знала про «Откровение Иоанна Богослова», но не все понимала... Поэтому Михеич сделал паузу, посмотрев на лица гостей и решил пояснить.

- Откровение – это то, что Высшие силы или Бог открывает про Себя, про Свой Замысел, про Свои творения и планы нам людям.

Михеич подошел к полке с книгами. Достал большой «широкого формата» фолиант. Он был в красном кожаном переплете.

- Один вестник не так давно закончил сей труд и уже находится не вместе с нами, а в мирах иных. Но труд этот будет положен в основу синтетического учения, где будут непротиворечиво сочетаться наука, религия и философия и которое ляжет в основу идеологии будущей светлой цивилизации человечества. Правда, цивилизация эта просуществует недолго по историческим меркам.

Михеич произносил все фразы вдохновенно и приподнято, через него как будто лился поток света. И только последняя фраза была сказана им с небольшой досадой, как бы на нисходящей ноте этой поэтической импровизации.

Он раскрыл красную книгу. И стал слегка торжественно зачитывать оттуда цитату. Коля успел заметить на обложке название «Роза Мира». А автора разглядеть не сумел.

- «Исходная концепция. Многослойность».

«Наш физический слой - понятие, равнозначное понятию астрономической Вселенной, - характеризуется, как известно, тем, что его Пространство обладает тремя координатами, а Время, в котором он существует, - одной. Этот физический слой в терминологии Розы Мира носит наименование Энроф.

Понятие многослойности Вселенной лежит в основе концепции Розы Мира. Под каждым слоем понимается при этом такой материальный мир, материальность которого отлична от других либо числом пространственных, либо числом временных координат. Рядом с нами, сосуществуют, например, смежные слои, Пространство которых измеряется по тем же трём координатам, но Время которых имеет не одно, как у нас, а несколько измерений. Это значит, что в таких слоях

Время течёт несколькими параллельными потоками различных темпов. Событие в таком слое происходит синхронически во всех его временных измерениях, но центр события находится в одном или в двух из них. Ощутительно представить себе это, конечно, нелегко. Обитатели такого слоя, хотя действуют преимущественно в одном или двух временных измерениях, но существуют во всех них и сознают их все. Эта синхроничность бытия даёт особое ощущение полноты жизни, неизвестное у нас.

За редкими исключениями, вроде Энрофа, число временных измерений превышает, и намного, число пространственных. Слоёв, имеющих свыше шести пространственных измерений, в Шаданакаре, кажется, нет. Число же временных достигает в высших из этих слоёв брамфатуры огромной цифры - двести тридцать шесть».

- Очень много новых терминов на такой небольшой кусок текста – подумал Николай – «Энроф», эта, как ее «брахмапутра»... «Шаданакар»... - это придавало тексту оттенок магического заклинания. Но сам смысл был глубоким и необыкновенным. Не успел Николай еще обвыкнуться с четвертым измерением, как на тебе тут и пятое и шестое и еще (это уже совсем тяжело понималось, а точнее, совсем не воспринималось) – «многомерное время»!

Похоже, Михеич заметил такую реакцию ребят. Возможно, он ее предвидел. Он не стал читать «красную книгу» дальше. Закрыл ее. Поставил обратно на полку.

- Ладно, не буду вас перегружать сегодня этим сложным для неподготовленного восприятия Откровением. Предлагаю вернуться к Гегелю и законам диалектики.

У Николая, а возможно и у Юры, появилось впечатление, что Михеич каким-то странным образом в курсе всех их полемических стычек на семинарах по диамату.

- Глаша! Ты же учишься на историческом?

- Да. Потому что тятя... – она споткнулась, понимая, что в данной среде такое слово не совсем уместно и поправилась – ...Отец благословил меня на этот факультет. Говорит, станешь учительшей...,

учительницей – расскажешь ребятам в школе всю правду о нас, о староверах, а то ведь всего-то про нас наговорено, а правды нет.

- Да, нынешняя концепция истории грешит многими неточностями, особенно касательно древнего мира. В нынешней концепции истории довлеет принцип непрерывного прогресса человеческого развития. Это, так или иначе, связано с Гегелем. Он окончательно оформил эту идею как центральную идею классической западной философии.

- А разве это не так?! – взволновано спросил Юра.

- И так и не так. Вот Глаша, как будущий историк, может нам сказать, что говорят нам дошедшие до нас исторические источники? Откуда взялись в древности знания о мире, основы наук, архитектуры, земледелия? Откуда взялась, например, пшеница?

- Откуда? В природе много диких злаков, они были окультурены людьми, вот вам и пшеница, рожь, овес... - Юра загибал пальцы на руке.

Михеич подошел к нему. Обнял своей ладонью его согнутые пальцы.

- Не торопись. Генетикой доказано, что пшеница не имеет предшественников в дикой природе. Кукуруза не может произрастать в дикой природе сама по себе, если ее не обихаживает человек, то она быстро погибает. Много есть еще загадок и не только в земледелии. У современных ученых нет на них ответа. А вот у древних людей ответ был!

Михеич видел на лицах ребят заинтересованность и доверие к своим словам.

- Ответы эти просто не принимаются современной наукой, так как это противоречит этой самой теории непрерывного исторического прогресса. В ней считается, что высокие технологии человек узнал только сейчас в последних веках исторического развития, благодаря творческой научной и технической деятельности. А ранее были только каменный век, да деревянная соха... примитивный детский неразвитый ум древнего человека. Детские фантазии этих недоразвитых хомо сапиенс выдавали «нагора» всякие легенды и мифы, в которых

говорилось, что первые технологии, знания, культурные знаки и много еще чего принесли им некие «боги», высокоразвитые существа из иных миров...

- Но ведь все это разве не сказки?! – Николай пожал плечами.

- Ну, теперь ты можешь уже сказать, что не все в этих сказках ненаучно?! Не так ли? И иные миры, скорее всего, существуют. Но сказал «А», нужно говорить и «Б». Если древние правы были в одном, то, вероятно, они были правы и в другом... И в основе их легенд и мифов лежат какие-то реальные события, явления и прототипы?

- Глаша, обращаюсь к тебе, как к будущему историку. Относись бережно не только к найденным в земле артефактам, но и к мифам и легендам прошлого. В них, разумеется, образы и события переданы согласно уровню развития сознания древних. Вот Юра, ты остроумно предложил, как дикарю, видевшему в своей жизни только корову, рассказать про лошадь, сравнивая ее с коровой. А если древний человек увидел бы космический корабль, садящийся на землю, то он мог бы сравнить его только с сияющим облаком или летающей скалой.

Юру и Колю в этом рассказе Михеича больше всего поразило то, что он словно слышал их разговор после первого семинара по диамату. Они переглянулись, делая удивленные выражения лица. Михеич опять загадочно улыбнулся, так... себе в усы, опустив глаза.

- Сказка ложь, да в ней намек...

- Добрым молодцам урок! – продолжил Юра.

- Как поступили с древними мифами, легендами и сказками вообще?! Уничтожить их все! Истребить под корень – нереально! Устранить традицию – рассказывать детям сказки – непосильная задача любой власти, любого режима. А ведь они закладывают архетипы сознания, дают основу нравственности, когда ребенок еще формируется. Определяют жизненные перспективы... Но, в определенном возрасте ребенку начинают внушать, что все это – вранье! Отличное «противоядие» придумано в современной цивилизации, против «сказочного отравления» юного сознания. Так и в современной исторической науке априори принято, что все объяснения древних: зачем они, например, сооружали пирамиды, огромные

мегалитические храмы и обсерватории, почему интересовались положением планет среди звездного неба – все эти объяснения признаются бредом воспаленного недоразвитого разума древних!

- А какие же такие глубокие истины в сказках? Вы их нам много рассказывали. В них про разное говорится!? – Юра привстал с кресла и поставил пустую чашку на поднос.

- Да, они имеют порой очень разные сюжеты, но они объединены одной идеей: идеей постоянной и всеобщей борьбы добра и зла, а так же неизбежной победы добра!

- Ну, это же как у Гегеля, закон единства и борьбы противоположностей – разочаровано произнес Коля.

- Не совсем, и даже совсем не так. Конечно, идея всеобщего прогресса очень верная, но Гегель намеренно связал ее с борьбой на уничтожение противоположных начал. Отсюда и плоды этого учения – большинство огромных трагедий нашего века. Непримируемая классовая борьба, уничтожение многих людей только за то, что они принадлежат к другому классу. Слепая ненависть бедных к богатым. «По плодам их узнаете их» - это еще евангельский критерий истины.

Глафира закивала головой. Коля был удивлен такой ее позицией, продолжая меж тем любоваться Глафирой.

- Коммунизм, разве не достойный плод такого учения? – возразил Юра.

- А вы сами-то верите в коммунизм?..

Вопрос повис в воздухе. Воцарилась пауза. Ребятам в полемическом задоре хотелось бы сказать так, как их учили на курсе «Истории партии»: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно!» Но в душе каждый из них уже задавал себе вопрос о перспективах коммунизма и честно отвечал на него отрицательно. С Михеичем ни в коем разе не хотелось быть неискренними.

- Вот то-то. Сказал Михеич. Как-то ко Христу привели женщину, уличенную в блуде. А Он сидел и чертил что-то на песке... Глаша, дальше знаешь?

У Глаши загорелись глаза! Запылали щеки. Она снова закивала головой.

- Конечно, Степан Михеич! По закону Иудеи ее нужно было побить камнями насмерть. Но фарисеи решили искусить Христа и, зная, что Он всех прощает, думали, что Он нарушит закон и не даст им казнить женщину. Но Он сказал: «Кто из вас без греха, тот пусть первый кинет в нее камень.» Люди в этот момент устыдились, каждый в присутствии Христа ощущал свою греховность. И никто не посмел кинуть камень в женщину... В общем, все разошлись.

Опять повисла тишина. Николай увидел прямую параллель между этой древней и красивой историей и сегодняшним разговором.

- Развитие и настоящий прогресс не требуют в качестве стимула непримиримую борьбу враждующих начал. Гегель был ставленником тех самых сил зла, и его миссией было – заразить человечество именно такой теорией. Он в этом преуспел. И это совсем не сказки.

Последнее предложение Михеич сказал, глядя прямо в глаза Николаю, у которого до этого в мозгу проскочило: «Ну, вот опять сказочки начались по зло и добро!».

- В древности не было никакого «отрицания отрицанием».

- Это вы сейчас про третий закон диалектики Гегеля?

- Да! Отрицание появилось только в эпоху возрождения, точнее, начало набирать силу с появлением протестантизма. До этого человечество, жившее наследием древних эпох, в которые оно получило «первоначальный капитал» в виде научных знаний, религиозных откровений и технологий от более развитых сущностей, уважало это наследие и относилось к нему со священным трепетом. Не дай Бог, было отступить от древних учений, от традиционного, освященного многими поколениями предков, уклада жизни. Вот почему в философии довлел метафизический подход – все должно быть неизменным, из поколения в поколение, иначе – гибель! Никаких пересмотров, никакого критического подхода! За такое вольнодумство, за это самое «отрицание» можно было и жизнью поплатиться! Но благодаря этому жизнь людей в компактных сообществах не потрясали внутренние конфликты и социальные катастрофы. Хорошо это или нет –

другой вопрос. Это сейчас критический подход считается основой прогрессивного взгляда на вещи. Всяк стремится что-то улучшить, но как?! Согласно Гегелю нужно сначала отрицать все бывшее, прошлое и даже нынешнее, настоящее... Весь старый мир разрушить! До основания! А уж потом, понастроить, понатворить... Про «Черный квадрат» Малевича знаете?

Конечно, он знали. У Юры на философском, вообще, был курс эстетики, где все это подробнейшим образом изучалось. Николай знал «из-за широты взглядов», а Глаша, может быть, и не слышала.

- Художники сначала начали отрицать схожесть форм на картинах и в реальном мире, стали эти формы намеренно искажать. Затем стали отрицать и естественные цвета. Потом, вообще стали рисовать что-то «абстрактное» т.е. полностью оторванное от реального мира. Но Малевичу и этого показалось мало. Даже в абстрактных полотнах был какой-то «сюжет», какая-то мысль. И от этого он решил отказаться. И вот вам результат тотального отрицания – сплошная чернота залила полотно: «тьма крошечная и скрежет зубовой». Никакого прогресса живописи (хотя есть чудаки считающие иначе). «По плодам их узнаете их» - все это бесы живописи! - Михеич поставил свою чашку на поднос таким жестом, как судья бьет молотком, перед тем как объявить приговор.

- Роман Достоевского «Бесы» читали?

Ребятки пожали плечами, наклонили головы набок, поджали губы... Видно было, что не читали, только Юра закивал головой.

Ну, какие ваши годы. Просто, Достоевский там такой тип людей, разрушителей-революционеров хорошо описал.

Возникла небольшая пауза.

- Ладно, ребятки, мы тут с Глашей для вас сюрприз приготовили! Хотите послушать?

Ребята, слегка обалдевшие от всей этой беседы, закивали головами, заулыбались.

- Ну, тогда пойдемте в залу!

В зале Михеич сел за рояль. Глафира встала с другой стороны, одной рукой касаясь рояля, как бы для поддержки, другой – придерживала свою роскошную косу... Михеич кивнул. И полилась дивная музыка – то был «Вокализ» Рахманинова. Глаша низким грудным голосом, но очень чисто и красиво выводила звуки, летевшие под купол и звавшие за собой.

«А ты все та же лес да поле, да плат узорный до бровей...». Николай снова невольно вспомнил стихотворение Блока, которое называлось «Россия». Сейчас ему казалось, что Глафира олицетворяет всю необъятную Россию, что голос ее – это голос самой русской души, летящей над безграничными полями и лесами, морями и горами... «Тятя» - это «мягкое» слово он почему-то теперь повторял снова и снова и улыбался и слезы текли по его щекам. И голос Глафиры тоже плакал по всем убиенным сыновьям и дочерям земли русской, он страдал и болезновал, он рыдал, но он и поднимал до высот небывалой стойкости и мужественности, он звал к подвигу... Он утешал. Он ласково проникал в сердце, он согревал... Он поднимал на какие-то невидимые крылья и нес, нес с собой вдаль. Как она извлекала эти звуки из своей груди?! Как она вся превращалась в музыку, в бессловесную песню, в молитву... ?! Почему ему пришло в голову о молитве, ведь он был неверующим, но именно с молитвой теперь представлял он Глафиру в другой обстановке, в храме при свечах, когда лицо ее озарено сияющими огоньками, когда ангельские е глаза обращены к небу, а руки сложены «лодочкой» на груди...

Музыка окончилась. Николай не мог произнести ни звука. Юра несколько раз хлопнул в ладоши, повернулся, ожидая поддержки от Николая, но тот опустил голову вниз, чтобы слез не было видно и ладонью зажал глаза. Юра понял состояние друга и не стал приставать с вопросами.

Засобирались домой. Михеич подошел к ним, пока Глаша переодевала обувь. Тихонько сказал:

- Завтра приходите без Глаши. Я вам про опасность расскажу. Это уже будет конфиденциальный разговор для вас двоих.

- Хорошо, Степан Михеич! Завтра придем! – громко ответил Юрий.

- А я завтра не смогу. У нас в общине праздник и молебен будет. Так что извиняйте!- издали, услышав приглашение на завтра, прокричала Глаша.

- Ну и ладно. Вот и слава Богу! – Михеич осенил их крестным знаменем на крыльце. – Ступайте.

Николай подошел к Глафире:

- А вы поете просто божественно! Где-то учились?

- Нет, я у нас на богослужениях постоянно в хоре пою.

- Но там же у вас Рахманинова не исполняют?

- Это Михеич меня научил. Он многому из музыки меня учил. Давал слушать классику в самом высококачественном исполнении. Потом за роялем играл, а я пела... как на пластинках! - Глаша засмеялась заливистым смехом, чтобы скрыть свое смущение. И при этом несколько раз повернулась над одной ногой, как будто в танце, это было так грациозно. Вот только резиновые сапоги портили всю картину. Коля глаз не мог оторвать. Какая она все же... а дальше у него не было слов для каких-либо сравнений. Юра шел чуть поодаль и думал о чем-то своем. Так дошли они снова до юриных ворот.

- Ладно! Мне пора!

- Тятя?

- Ага!

- Строгий!?

- Угу.

- А проводить можно?

- Нельзя! – Глаша опять заливисто засмеялась, чуть подпрыгнула и побежала в сторону своей слободки.

- Вот егоза! – произнес Юра, глядя вместе с Николаем вслед быстро удалявшейся фигурке, - Девчонка еще.

- «И невозможное возможно. Дорога долгая легка, когда блеснет вдали дорожной, мгновенный взор из-под платка...» - Коля, глядя вслед

убегающей Глаше, вслух прочел стих, который не выходил у него из головы.

- «Когда звенит тоской острожной глухая песня ямщика» - подхватил Юра.

- Все в сегодняшнем дне кажется мне невозможным, точнее, казалось бы, если бы я сам не услышал, не пережил все это! – Коля развел руками.

- С Михеичем часто так. Сказка становится былью...

- «Многомерное время». Как тебе?! Невероятно, невозможно!..

- Ага! Так и хочется сказать: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда».

- Верно, верить не хочется, а аргументов против – ноль. Ведь что мы знаем про время? – Практически НИЧЕГО!

- Ну, разве что Кант полагал его одной из априорных форм познания.

- Ну, да. Опять что-то фундаментальное, исходное, но что именно? В теории относительности часто время геометризируют, то есть полагают как четвертое измерение пространства, но с особенностями...

Вопросов после беседы с Михеичем стало еще больше.

Глава 9. Канта одним махом побивахом.

Друзья еще побродили по улицам села. Юра показал приятелю местный храм. Рассказал вкратце его историю. Мол, он никогда не закрывался после революции. Сначала у большевиков руки не дошли, потом когда в пору хрущевской оттепели «последнего попа», которого Хрущев обещал показать народу по телевизору, этого «последнего попа» из Колмогоровского таки выжили. Куда его упекли или сам убежал – история умалчивает. Храм хотели под картофельный склад пустить. Но староста местной общины баба Серафима уперлась насмерть. Высокая и крепкая под два метра ростом! Ключи от храма не отдала, попробуй ключ у нее отыми! Ха..! А вскоре там и службы возобновились.

- Угадай, кто ситуацию спас, кто службы там вел три года подряд, пока нового батюшку не прислали (это уже после того как Хруща – фьют, того, погнали поганой метлой)? – Юра, улыбаясь, смотрел на друга.

- Неужто, Михеич?!

- Да! У него и ряса поповская нашлась и крест нагрудный! И стали поговаривать, что он тайно рукоположенный иерей. Он, оказалось, хорошо это дело церковное знал и службы, и разные таинства. А баба Серафима как-то сразу приняла его в этой роли. И наши остальные старушки да старики верующие. Они поговаривали даже про какие-то чудеса. Про исцеления... - В общем, суеверия, я думаю. Разные, бабы сплетни, да небылицы. Однако к нам в Колмогорское потянулись, было, паломники с разных окрестных деревень. Но политика при Хруще была строгой. Начальство быстро это «безобразие» прекратила. Явно. А тайно в библиотеку к нему до сих пор безнадежно больные ходят... Но нынче на это глаза закрывают.

Фигура Михеича обрастала для Николая все более неожиданными подробностями. Кто он? Какое у него образование? Воспитание? Происхождение? А, впрочем, для Николая при общении с людьми это было на втором плане. Он уважал человека не по «одежке», а по уму. Если интересно с ним общаться, если он наталкивает на новые мысли, гипотезы... в общем, если у них возникает сотворчество и один другому помогает совершенствоваться, то общение оправдано. Из каких бы слоев общества не происходил человек, каково бы ни было его прошлое (разве только не преступное), каков бы ни был его нынешний общественный статус – все равно. В тогдашнем советском обществе это был плюс общественных отношений, именно так воспитывала людей коммунистическая мораль. Точнее, коммунистическая мораль имела ввиду под сотворчеством – совместное строительство коммунизма. Зато, сам дух такого равенства всех перед грандиозной общей целью и приносил такие плоды. Но сейчас Колю больше занимали мысли «про пространство и время».

- Слушай, что-то холодновато стало. Не обижайся, но давай закончим экскурсию. Я понимаю, что о родном Колмогорском ты

можешь рассказывать бесконечно, тем более, как я вижу, у вас здесь есть на что посмотреть, но уже темнеет и жрать хочется.

Юра, который вывел Николая на живописный берег речки Непрядки, на коей и стояло Колмогорское, уже протягивал руку, стоя в позе Петра Первого, мол, «здесь будет город заложен!», осекся на полуслове. Улыбнулся, принял извинения друга.

- Ну, что ж домой, так домой.

Дома после сытного сельского ужина в Юриной комнате друзья продолжили философские разговоры.

- Понимаешь Юра, меня все волнует вопрос об этом синтетическом учении: наука+религия+ философия. Для того, чтобы учение стояло крепко на ногах – нужны крепкие основания аксиомы или постулаты, или такие вот априорные формы познания, о которых рассуждал Кант. Почему я хотел на семинарах по диамату рассмотреть тему об «истинно элементарных объектах»? Потому что если они сами простые, причем простые по-настоящему, то на них можно основать крепкую систему знаний. Если они простые, то всегда будут оставаться только собой. Ну, вот какие в электроне, скажи мне, противоречия? Как он может развиваться, если он истинно простой?! Нет, он должен оставаться вечно собой и быть «первокирпичиком» всего мироздания. Таких «первокирпичиков» - лептонов и кварков в нынешней физике насчитывают 24, ну если быть более точным 12 частиц и 12 античастиц. Симметрии правят миром!

- 12! Прямо, как апостолов у Христа! – невольно вырвалось у Юры. – Ну, вот Михеич теперь нас этими религиозными байками заразил!

- Может в этом что-то и есть? Какая-то мистическая связь! – Знаешь, ваш Михеич не просто чудной старичок. Какая у него эрудиция!? Какие в нем таланты скрыты!? Взять хотя бы, как он на рояле играет! Но, все же, для меня в нем не это самое главное. Мне в людях импонирует свойство пытаться задавать фундаментальные вопросы познания. Мы же вид *homo sapiens*, а не просто какие-нибудь хомо хитрикус. Ум нам дан не только для того, чтобы обхитрить какое-нибудь животное, загнать его в ловушку, а потом сыто греться на солнышке. Мы способны вглядываться в неизвестное, познавать

вселенную, делать открытия... но только если мы умеем задавать эти самые глубинные вопросы. Не только спрашивать друг у друга, «ты сыт?» или «как твоё здоровье?», «как рыбалка прошла?», «какое новое платье ты купила?» или любопытствовать «кто пришел к соседке вечером с цветами?». А ведь многие, увы, только такими вопросами и интересуются. А рассуждать дальше одной логической связки – не пытаются.

- Для этого нужно иметь образование.

- Согласен, Юра! Но я бы сказал более точно – для этого нужно развиваться, желательно непрерывно – всю жизнь. Век живи – век учись! А многих ли ты знаешь, даже из образованных людей, которые эти вопросы задают, над ними размышляют?

- Увы.

- «Во всем мне хочется дойти до самой сути, в работе, в поисках пути, в сердечной смуте...» - Пастернак так верно выразил эту жажду «людей пути», так я называю ищущих. Для меня слово «истина» от слова «искать».

- Значит, по твоей классификации: ты, я, Михеич – «люди пути»?

- Мне кажется и Глаша из таких же! Боюсь, скоро ей будет «тесно» в их старообрядческой заскорузлой догматике. А тогда ей придется выбирать. И выбор этот будет нелегким. – Николай с тревогой поглядел куда-то в пространство, словно увидал там что-то трагическое.

- Ну, ладно! Я хотел не об этом пофилософствовать, а об априорных формах познания. Я, увы, Канта не читал. Так что ты меня поправляй. Там где меня «занесет на повороте». Я буду рассуждать как физик, но, тебе, думаю, все будет понятно. Ты сам пришел к мысли, что процесс познания состоит в том, что за основу мы берем что-то очень простое, нам совершенно понятное, а все новое, неизвестное, объясняем как некую комбинацию простых и понятных вещей, или по аналогии с ними. Это простое и совершенно понятное, до всякого опыта уже заложенное в наш мозг, Кант и называл априорными формами познания? Так!

- Ну, примерно так! Главное ты уловил верно.

Но в эпоху Канта «пространство» и «время» действительно могли считаться априорными формами познания. Ведь, казалось, эти понятия настолько элементарны и не нуждаются в пояснениях. Только некий образ стоит за каждым из них и не через что более простое они не объясняются. Так было в ньютоновскую эпоху развития классической физики. Пространство и время были понятиями абсолютными, то есть оторванными от каких-либо конкретных своих содержаний и наполнений. Ну, вот какой образ вставал у человека той эпохи за словами «пространство» или «время»? Как ты думаешь?

- Ну, вот у меня до времени «пространство» - это такой «черный квадрат Малевича» - типа двигайся в нем куда хочешь, помещай в него – чего хочешь, «рисуй» на черном холсте чего хочешь.

- Стоп! Тут меня интересная мысль посетила! Типа, Малевич искал-искал, да и нашел первородную площадку для всех художников – черный однородный фон! Первичнее некуда! «Истинно элементарный первокирпичик живописи»! Типа все художники должны начинать свои картины с черного грунтованного холста!.. Да вот только все это ерунда!

- Согласен. Каждый художник волен закрасить холст грунтовкой любого цвета. И «квадрат Малевича» для него не указ! В общем, туфта – этот «квадрат».

- Ладно, вернемся к понятиям «пространства» и «времени». В 20-м веке с появлением специальной и общей теории относительности все встало с ног на голову. У пространства, которое должно быть первичным интуитивным и без всяких атрибутов, атрибуты появились, да еще какие: кривизна, количество измерений, прерывность и непрерывность... У времени тоже оказался атрибут – темп времени. Время, которое просто ассоциировалось у большинства людей с потоком событий, с некой рекой, с последовательностью – прошлое – настоящее – будущее, но «текло» которое абсолютно одинаково для всех - вдруг, оказалось, течет с разной скоростью в разных системах координат. Время перестало быть абсолютном, универсальным для всех без исключения, появилось понятие «локальное» время. И все эти перемены заставляют нас исключить понятия «пространства» и «время» из априорных форм познания. Кроме того, теория относительности соединила эти две категории в одну – континуум

«пространственно-временной». Отсюда псевдо четырехмерное пространство-время Минковского.

- Слушай, Коля, а давай в наш университетский сборник статейку напишем про Канта и физику с априорными формами. Такую, та-дам! Канта критикующую!

- Канта одним махом побивахом! Что-то я сегодня на старославянский совсем перешел. Одинокое ваше совсем охренеет. То мы Ленина с Гегелем окунули, то Канта теперь с горы толкаем!

- Да, Одинокое не позавидуешь, а нам-то что, зато какие идеи толкнем! - Юра весь засиял.

- Но это все тоже ерунда! Я предчувствую, что для создания аксиоматики этой будущей универсальной теории нам будут нужны еще большие высоты обобщений, чем тот уровень, на котором мы «барахтаемся» сейчас. Мне придется посильнее налечь на философию, тебе – на физику, а нам обоим на религиозные учения. Ты же говорил, что у тебя уже чуть ли не тема диплома обозначилась?

- Да, нет пока только очередная курсовая – «гносеология». Но пока это только направление, нужно поконкретнее определится.

- А.., «гносеология»? Это от греческого слова «гнозис» - «познание».

- Ну, да это наука о процессе познания, пределах познания, критериях истины...

- Во лови одни критерий – дарю! Я бы назвал его «критерий общности».

- Это как?

- Ну, физики в начале нашего 20-го века столкнулись с такой проблемой: появились новые теории, которые иначе описывали физическую реальность, ставшую доступной новым способам наблюдения, ну там микромир, окосветовые скорости... Проще говоря, специальная теория относительности (СТО) давала другие формулы для длины, время, импульса, энергии... чем старая классическая физика. Казалось бы вот триумф закона отрицания по Гегелю – старую теорию на свалку истории! А нет, оказалось, что новая

теория прекрасно превращается в старую при скоростях, значительно меньших скорости света. А прикинь, скорость света...

- 300 000 километров в секунду. Со школы помню.

- Ну, так обычные скорости по сравнению с ней, даже первая и вторая космические – это тьфу – растереть и забыть. И классическая физика с прекрасной точностью описывает нашу реальность при таких скоростях, правда, с точки зрения СТО приближенно.

- Тоже оказалось с теорией гравитации. В случаях слабой гравитации теория Эйнштейна переходит в ньютоновскую теорию. То же с квантовой механикой. Если все это обобщить, то развитие физики идет таким образом, что новые теории не отрицают старые, а включают их в себя как частный случай. То есть они не вовсе новые, а некое обобщение старых.

Юра слушал весь этот поток физического сознания внимательно, но что-то ускользало от его понимания. Видя такую ситуацию, Николай решил еще проще пояснить.

- Ну, вот представь себе, на русском географическом обществе в 18 веке с докладом об Индии выступает какой-то господин. Он бывал только в Южной части и описывает, что Индия – страна с влажным очень теплым климатом без высоких гор и так далее... Тут вскакивает господин, который тоже бывал в Индии, но только в северной. Он начинает возмущаться, что докладчик вводит всех в заблуждение: Индия не такая, там и горы есть высоченные и климат бывает холодноватым, и дождей не всегда хватает. Начинается ссора. Кто же прав, где критерий истины? Но тут встает третий господин, который говорит: «Успокойтесь господа, я объездил Индию вдоль и поперек. Она и такая и такая и еще другая». Т.е. частные взгляды и теории могут вступать в кажущееся противоречие, но теория, которая их обобщает, включая в себя непротиворечиво как частные случаи, да еще содержит какие-то новые элементы истины – она вернее. Это и есть критерий истины – критерий общности. Помнишь, я на семинаре упоминал Принцип Дополнительности описаний в физике – это из той же оперы.

Воцарилась небольшая пауза.

- Завтра Михеич хотел нам о какой-то опасности рассказать, с улыбкой сказал Николай. Эта улыбка как бы говорила: выдумки все это, какая такая опасность может им грозить? Они законы не нарушали, с криминалом не связывались. Ну, как-то все несерьезно. Тем более у него, как у очарованного Глаифрой, была легкая эйфория.

Но Юра смотрел на ситуацию иначе. У него уже не раз бывали случаи, когда предупреждение Михеича срабатывало.

- Зря ты так несерьезно. Я вот тебе случай расскажу, а подобных было немало и не только со мной. Как-то прошлой весной я проспал на автобус, немного не успел, решил попросить соседа нашего отвезти до следующей остановки, ну, если, помнишь, сюда ехали, на автобусной станции в Глядянке он 15 минут стоит. Я, думаю, догоним – сяду там и вовремя в город попаду. Он уж мотор разогрел, ворота открыл, ну, чтобы выезжать, а тут Михеич стоит, прямо перед капотом. Говорит: «Вылезай, паря! На следующем рейсе уедешь, опоздаешь, конечно, зато жив будешь». У нас Михеича уважают. Я сначала взъерепенился. Но сосед как-то нахмурился: «Вылезай! - говорит – Михеича слушать надо!» Я дождался следующего рейса. А он только через три часа. Первые две пары, считай, погулял! Все думал, как отмазываться буду за прогулы? Сел, проехали Глядянку. Смотрю – авария на дороге. Куча машин, гаишники. Без трупов не обошлось. Рафик на встречу выехал. Автобус, как раз наш предыдущий рейс, увернуться не успел, боковину порвало. Если бы я там сидел?

Николай выслушал рассказ друга уже более серьезно.

- Ну, ладно. Завтра у Михеича подробности, надеюсь, узнаем. Там видно будет. Что он нам расскажет да посоветует? Ну, что, теперь спать, а то раненько встали.

- Да, уж. Ты, пожалуйста, такого второй раз не учуди. А то, понимаешь, ни свет ни заря... «только ты меня уж на рассвете не буди как много лет назад...» - пропел Юра, сильно фальшивя.

Глава 10. Михеич отводит опасности.

На следующий день они снова были в кабинете у Михеича, только теперь без Глаши. Михеич чая не предложил, а сразу приступил к делу.

- Вот что ребята, заинтересовались вашими выступлениями на семинарах не только другие студенты, но и компетентные органы! – он поднял палец кверху. Юра сразу все понял, а Николай глядел с недоверием:

- Ну, и что, мы же антисоветчиной никакой не занимаемся, государственные устои не подрываем, госперевороты не планируем!

- Ну, это вам так кажется! А другим кажется иначе! Я вам сейчас пару любопытных документиков покажу.

Он подошел к одной из книжных полок и достал оттуда обычную канцелярскую папку, на которой было от руки крупными буквами написано «Дело группы Горькова», а в верхнем правом углу стоял штамп «Первый отдел. Казанский университет».

Михеич расшнуровал папочку. В ней оказались только два листочка, исписанные аккуратным округлым почерком. Это были докладные записки агента М.. Внизу текста были размашистым быстрым почерком написаны резолюции майора Овсиенко. Стояли подпись и печать. Даты совпадали с датами одиноковских семинаров по диамату. Первая резолюция казалась «дежурной», а вот вторая – уже выглядела опасной.

- Откуда это у Вас? Степан Михеич? – поинтересовались ребята.

- Оттуда же, откуда я взял книгу для Николая, сборник статей к столетию Эйнштейна, которая выйдет только в марте следующего года – Михеич хитро улыбнулся, мол, понимайте, как хотите.

Для ребят, особенно Николая, ответ показался еще более загадочным. Но приходилось смириться с тем, что в библиотеку Степана Михеича как-то попадают самые невероятные вещи, точнее, источники информации. Книги, статьи, и даже папочки...

- К вам ведь подходили студенты, предлагали создать свой семинар?

- Подходили!

- Знайте. Если создадите – это может стать для вас ловушкой. Сами-то студенты этого не понимают. Им и вам кажется, что все политические преследования в прошлом. Увы, это не совсем так. Поэтому я вам

рекомендую от студенческого семинара отказаться. С документиками я сейчас поработаю.

Он положил папочку на свой стол, разложил оба листочка рядом, затем приблизил к ним развернутые ладони рук. Провел. На секунду обоим показалось, что от рук на бумагу падал какой-то голубоватый свет. Что-то при этом он тихонько наговаривал, что именно, ребята не расслышали.

- Ну, вот. Теперь порядок! Посмотрите! – Михеич стоял, улыбаясь, очень довольный своей работой.

Ребята стали читать тексты докладных снова. Там уже не писалось ничего крамольного про семинары. Имена Николая и Юры исчезли. Это были совершенно дежурные записки о рутинном наблюдении агента М. за семинарами, не внушающими никакой тревоги – мол, все в порядке на семинарах.

- Так, из памяти майора вашего все тоже уйдет. Папочку только поправим. - он закрыл папку и снова провел над ней ладонью. Теперь заглавие на папке изменилось: с «Дело группы Горькова» на «Семинар по диамату».

- А вот из памяти агента М. это удалить мне не удастся: там защита серьезная стоит.

Николай не решился спросить, кто этот агент М., хотя потом мучился догадками: Миша Галуц? Валера Мирошников?

- Теперь осталось совсем немного – отправить посылочку адресату.
- Михеич поставил папку на то же место, откуда она была взята. Потом так же провел рукой, и студентов снова повергло изумление: папка исчезла.

- Твоя проблема. Юра, это вообще – ерунда! Бумажек нет, протоколов не писали. Выступления твоего на митинге, считай, что не было. Михеич протянул руку с чем-то сжатым в кулаке. Разогнул пальцы, дунул на ладошку! Все! И похлопал Юру по плечу. Юра облегченно вздохнул и заулыбался. Он знал, что Михеич свое слово держит.

- Я перед вами ничего не скрываю. Знаю, вы теперь это никому не расскажете. А расскажите – не поверят! – Михеич снова заулыбался по-детски, открыто. Оба приятеля переглянулись. На лицах была написана растерянность.

- Теперь я еще вам кое-что должен сообщить, во что поверить так же будет очень сложно. Собственно, сейчас от вас этого никто и не требует. Сейчас примите к сведению. Пройдут годы, и жизнь вас приведет к тому, что вы вспомните и поверите, потому что за вашими плечами будет стоять уже совсем иной опыт.

- Простите, Вы сказали: «вспомните»! Но мне кажется, такое забыть невозможно. Теперь с этой «дорожки» с мономерностями и разными слоями, с вашими «брамфатурами», «энрофами», «шадаркарами»...

- Шаданакарами..

- Да! С ними, мне уже никуда не уйти! – Николай взъерошил волосы, откинув свои красивые длинные пряди назад.

- Так да не так, Коля! Еще петух трижды не прокричит, как ... - Михеич сделал длинную паузу.

- А причем здесь петухи? – Николай не понял!

Михеич взял со стола подсвечник с тремя горящими в нем свечами, точнее, произошло все не совсем так. Было еще довольно светло. Свечи, разумеется, никто не зажигал. Но когда Михеич взял со стола подсвечник и повернулся к Николаю, то свечи неожиданно вспыхнули все разом. Михеич смотрел на Николая сквозь пламя этих свечей. Что-то таинственно-гипнотическое появилось в его глазах, и он стал говорить медленным ровным голосом, как будто в трансе:

- Через несколько месяцев ты встретишь своего научного руководителя, он увлечет тебя астрофизикой. Ты постепенно забудешь о наших разговорах. Тебе предстоят увлекательные открытия в сфере загадок планет солнечной системы. Ты станешь большим ученым. Потом даже уедешь на время в Америку. И только там, в Америке, когда, наконец, «Роза Мира» выйдет из печати, ты найдешь эту книгу, прочтешь и поймешь, что пора возвращаться на родину, где тебя будут

ждать великие дела. – Николай слушал молча, как замороженный этим голосом.

Затем Михеич, все так же держа подсвечник на уровне глаз, развернулся к Юре:

- Ты Юрий, закончив университет, будешь преподавать философию на Урале в железнодорожном институте. Защитишь диссертацию по гносеологии. Но потом настанут другие, трудные времена, когда ты уйдешь из преподавателей и вообще из науки, пойдешь в бизнес.

Это иностранное слово «бизнес» было, конечно, знакомо, приятелям, но по отношению к нашим советским людям оно не применялось. Это там, «за бугром» занимались бизнесом, а у нас...

- Видя вопросы в глазах Юры и Николая, Михеич пояснил:

- К тому времени советский строй прекратит свое существование, Советский Союз развалится, а в России наступит капиталистический строй. Многие у нас займутся бизнесом...

- То есть частным предпринимательством?

- Ну, да!

- И чем это Юрка займется?

- Книготорговлей и книгоизданием.

- Хорошо, хоть не семечками, будешь торговать, как бабки у магазина! – хихикнул Николай.

- Но когда вернется Николай, он найдет тебя, Юра, а дальше вы вспомните про свое призвание. Ибо много званных, да мало избранных.

У Николая был еще один важнейший теперь для него вопрос, который просто рвался из груди, но который он более всего и не решался задать, этот вопрос звучал очень просто:

- А как же Глаша?! – как бы услышав этот вопрос, Михеич наклонился ближе к уху Николая и очень тихо произнес:

- Любовь твою ждут большие и длинные испытания, но она выстоит! – похлопав парня по плечу, Михеич посмотрел ему прямо в

глаза. Глаза его сказали больше всего остального. Они говорили:

- Верь! Держись! Следуй своему пути, и тогда победа будет за тобой!

Николай задумался. Он пытался представить себе эти испытания и эти времена, что предстоят им с Глашей на пути их пока еще нераскрывшихся отношений. Но сейчас ему было ясно, что прожить без нее, без ее взгляда, голоса, без этого хрустального смеха... он не сможет, без этой косы, без этих бездонных наивных по-детски глаз. Николая, скажем прямо, не порадовал ответ Михеича.

Разговор их еще был не окончен, но теперь, после всего виденного и пережитого Николай, как и Юра, был склонен доверять Михеичу почти на сто процентов. А Степан Михеич продолжил:

- Теперь вы уже знаете, что не только во всем необъятном космосе, а и на нашей грешной земле есть множество разных миров, из коих мы с вами (точнее, вы) наблюдаете только один – Энроф – трехмерный с одномерным временем. Далее как в сказках: многие миры пронизаны борьбой добра и зла, не исключение и наш Энроф. Добро, разумеется, победит, но для этого нужны усилия, колоссальные, многовековые. Главными действующими лицами этой борьбы являются даже не демоны или ангелы, а люди. Помните про Иванушку Дурачка? Жил себе до времени никому неизвестный гражданин, все его считали почти слабоумным, ни на что не годным, и вдруг именно он оказывается в центре событий и с его помощью добро выходит победителем в схватке со злом. В нашей реальной драме, простите за сравнение, роль этих «дурачков» играет вы. До поры до времени вы и сами не подозреваете, в какой игре должны участвовать, но придет время и вам напомнят, кто вы, откуда и что должны исполнить. Такая конспирация нужна, ибо силы зла не дремлют и стремятся таких «дурачков» найти и вовремя обезвредить. Все снова делается в основном через людей, других людей, которые тоже живут рядом с нами и тоже не подозревают, в какой игре участвуют.

- Возможно, у вас есть вопросы – глядя на Николая, сказал Михеич, действительно угадав его немой вопрос – Почему все так долго? Почему не сейчас, когда вы впервые узнали обо всем? Почему,

например, Америка? – Отвечу, потому что очень важно, чтобы ты приступил к выполнению своей миссии уже состоявшимся мыслителем, со своим стилем и индивидуальностью, со сформированной критичностью мышления, что бы не просто на веру принял все это. Вам предстоит участвовать в создании такого учения, которое будет понятно и принято огромным числом людей не на веру, а именно из-за своей глубокой научной и философской обоснованности.

- Опыт Юры в бизнесе тоже пригодится – повернувшись уже к Юре, продолжал Михеич, - так как предстоит все это внедрять в практику жизни. И тут нужна будет практическая хватка.

Ребята, скорее не умом, а на уровне глубокой интуиции понимали, что сказанное Михеичем не просто захватывающе интересно, но и верно.

- На каждом этапе у вас будут искушения, и вы вольны будете отказаться, сказать «нет». Таков подход светлых сил, он ничего не навязывают насильно. Только глубокое внутреннее принятие личностью своего должностования, своей миссии – вот что является необходимым условием успеха и сотворчества с высшими силами.

Ребята невольно закивали. Михеич сделал паузу.

- Но я надеюсь на вас, ребята! И не только я. Много кто следит добрым взглядом из иных миров за вашим жизненным путем!

Николай и Юра снова ощутили себя как тогда, когда они разговаривали про многомерность и Юра спросил первый раз: «Это, что, на нас сейчас, быть может, смотрят четырехмерцы, а мы их не видим?». Только тогда это казалось жутковато, а теперь они вдруг ощутили, что их окружают дружественные взгляды, теплые улыбки, одна из которых была улыбкой Михеича, светлая, лучезарная, вдохновляющая...

- Основная задача, повторю – это создание основ синтетического учения, сочетающего непротиворечиво науку, религию и философию. Сейчас происходит глобализация всего на планете. И за пути, за направления этой глобализации идет борьба. От того, какой будет главная идея глобализации во многом и зависти будущее

человечества. Мы же с вами на примере нашей истории, истории нашей страны, теперь понимаем, какую огромную роль играет ведущая идея в путях развития и эволюционирования стран и человечества в целом. Вот я сказал, что Советский Союз распадется. Жаль, конечно, это будет большой трагедией для огромного числа людей не только нашей страны. Но ведь Союз держался и развивался на ИДЕЕ. Идея коммунизма, как неизбежного светлого будущего всего человечества, вела за собой народы. Теперь идея выдохлась. – Михеич опять сделал паузу, внимательно взглянул в глаза слушателей. Да, в их глазах не было никаких возражений. – Нет идеи. Не зачем существовать тому, кто эту идею пытался реализовать.

- Идея капитализма тоже рухнет, как бы предвосхищая вопрос студентов – произнес Степан Михеич. – Возникнет колоссальный вакуум идей, не мелких и частных, а глобальных, рисующих перспективу движения человечества. Вакуум не физический, а духовный: «Духовной жаждою томим в пустыне знойной я томился...» - помните знаменитые строчки «Пророка» Пушкина?

- И шестикрылый Михеич на перепутье мне явился...! – пошутил Юра.

Все трое дружно захохотали. Слишком напряженным получался разговор. Нужна была пауза и разрядка.

- Чай с бальзамом? – предложил Михеич.

- О! Да! Ваш бальзам незабываем и неизгладим! – Николай закатил глаза и поднял вверх большой палец.

Михеич удалился из кабинета на кухню, а ребята не сговариваясь, дружно подошли к книжному шкафу, к тому месту, где исчезла папочка. Коля даже рукой провел по корешкам книг. Нет! Ничего не было заметно, никакого «портала», просто тесным рядом стояли книги. Коля посмотрел на Юру. Тот пожал плечами: «С Михеичем и не такое бывало!». Коля задумался об округлом аккуратном почерке с листочков, какие они видели в папочке. Ему показалось, что где-то он его уже видел, но вспомнить он никак этого не мог. Вернулся Михеич с подносом в руках. Знакомые антикварные чашечки были наполнены ароматным чаем. И опять эффект от бальзама повторился.

- У Владимира Соловьева, в работе «Философские начала цельного знания» сформулирован такой закон – медленно попивая чай, произнес Михеич. – Это закон, как бы альтернативный закону развития Гегеля. Он гласит, что на первом этапе любого развития некие «начала» находятся в стадии безразличного смешения (то есть у них нет еще определившихся «лиц» - безразличное смешение, у них еще нет индивидуальности, хотя зачатки различий уже есть), затем наступает вторая стадия, когда «начала» эти начинают различаться и даже разделяться. На этой стадии возможно даже противопоставление этих начал друг другу и стремление утвердиться за счет друг друга (последнее не обязательно). На этой стадии начала могут враждовать, отрицая друг друга. Но, наконец, наступает третья стадия, где «начала», уже утвердившиеся, обретшие индивидуальность, самостоятельность и даже некую самодостаточность, стремятся вновь соединиться, утверждая уже не себя самих, а другие «начала», поддерживая другие начала. От этого нового соединения выигрывают все, новые начала не теряют приобретенной индивидуальности, но укрепляют и обогащают себя, поддерживая другие начала, т.е. через некое «самоотречение» ради других, они не пропадают, а, напротив, укрепляются и обретают новую стадию расцвета в новом непротиворечивом единстве. Так, например, происходит с наукой, религией и философией. Вначале они были в безразличном единстве внутри религиозного культа. Там были скромные зачатки науки (первые библиотеки и лаборатории, например, появились в Европе именно в монастырях), схоластика, как некое начало философии тоже развивалась в религиозной среде. Потом наука и философии выделились из религиозной среды, стали обретать лицо и самодостаточность, выработав свои методы и формы познания. На этом этапе, который сейчас заканчивается, наука и философия пытались утвердиться за счет религии, подменяя и заменяя ее собой. Но вот теперь мы стоим на пороге третьего этапа развития в этом триумvirате. Философия, наука снова будут стремиться войти в единство с религией, не теряя в этом единстве своей самобытности, индивидуальности, своего лица. Возникнет новая триединая форма познания человеком себя, окружающего мира и Бога. В этой новой форме все три способа познания поддерживают друг друга и

дополняют, оставаясь самодостаточными. И я надеюсь, этому процессу поспособствуете именно вы, хотя не только вы.

Гости подкрепились чаем. Вопросов оставалось очень много, но все поняли, что пока хватит и того, что они здесь увидели и узнали. Это нужно было как-то осмыслить. Они, не сговариваясь, встали, и Михеич пошел провожать парней.

Глава 11. Перышкин.

Когда они вернулись на учебу в университет, то Николай с Юрием часто задумывались, что за агент М. писал на них докладные и должен был внедриться в их группу. Из новых знакомых с буквы М начиналась фамилия Валерия Мирошникова да имя Миши Галуца. По совету Михеича, они не стали ходить на стихийный семинар, организованный самими студентами, хотя он был популярен. Собирались студенты в комнате для занятий общежития физического факультета. Несколько раз ребята настойчиво приглашали Николая к себе. Он, порой, с трудом находил «отмазки». А вот его соседи по комнате: Шурик и Вадим несколько раз посещали эти вечеринки, приходя, рассказывали с восторгом о том, какое там царило вольнодумие!

- Коля! Ты че совсем не ходишь-то?! Сам же это все замутил на одиноковском семинаре, ребята из-за этого и собрались! Знаешь, как там интересно?! Ниспровергают все... Не только Ленина и Гегеля критикуют, некоторые даже критикуют теорию относительности Эйнштейна...

- Это что же они такого в ней криминального нашли?

- Притащил тут кто-то «антирелятивистский» сборник. Самиздат, конечно, но авторы солидные, есть даже доктора технических наук – с этими словами Шурик, сосед Николая по комнате, сунул ему в руки вручную сшитую толстую тетрадь, которая состояла из отпечатанных под копирку страниц, где текст местами плохо просматривался. Многие формулы были вписаны от руки. – Почитай! Может, проникнешься, а может, найдешь просчеты? Ты же у нас голова!

Николай взял тетрадку, и почему-то у него возникло чувство брезгливости, но не от того, что тетрадь была затаскана, замусолена, как и положено часто и много читаемой самиздатовской литературе, а от какого-то предчувствия плохо сварганенного псевдонаучного труда. Как ему не хотелось изучать эту писанину, пусть даже подписанную солидными именами технарей. Но ему показалось, что здесь есть шанс. Если он разоблачит всю эту бредятину (а у него была уверенность, что это так), то он раз и навсегда получит аргумент, чтобы не ходить на этот «самостийный» семинар, не выдумывая каждый раз какую-то новую причину.

Николай взялся за изучение и решил составить критическую статью с разбором основных тезисов этого сборника. Как он и предчувствовал, основные аргументы оппонентов сводились к тезису знаменитому и непоколебимому, как скала самодовольного невежества. Разоблачили этот аргумент не философы и не ученые, а любимый наш Антон Павлович Чехов. Вот ведь за что можно любить русскую литературу, уже хотя бы за одно это разоблачение, которое имеет в области мысли просто гигантское значение. «Этого не может быть, потому что не может быть никогда!». Все! Гвоздь вбит в крышку гроба обоснований и разоблачений. Причем, одной стороне кажется, что вбит он в чужой гроб! Хотя вбивается он с неповторимым упорством именно в свой собственный деревянный ящик.

- «Масса не может зависеть от относительной скорости движения двух тел! Потому что этого не может быть никогда!» – цитировал Николай статью одного наиболее авторитетного человека из данного сборника. – «Ведь число частиц в теле не меняется и не зависит от относительного перемещения тел»!

- А что? Разве неправильно!? – парировал Шурик.

- Верно! Если массу связывать с числом частиц в теле, то она не должна меняться, но ведь масса – это мера инертности тел... Да ладно. Начнем издалика. Масса у тела одна, а вес?

- Ой, помню я в школе наша учительница, физичка, задолбалась объяснять некоторым тупицам разницу между весом и массой. Вес – это сила, с которой тело давит на опору или подвес, и измеряется он в

ньютонaх, а не в килограммах. Он, действительно, при разных обстоятельствах бывает разный. Бывает даже состояние невесомости, хотя масса при этом у тела не меняется ни на йоту. – Вадим поддержал разговор. – Знаете, она иногда даже задыхаться начинала, когда в очередной раз слышала от ученика на уроке: «Мой вес 60 килограмм».

- А я тут на каникулах занимался с одним приличным учеником, призер нескольких олимпиад по физике. Когда дошли до этой темы, и я говорю, у одного тела может быть одновременно несколько весов. Он на меня так посмотрел! В его взгляде читалось: «Дяденька, ты что, с дуба рухнул!?». Я этот вопрос считал по глазам. И говорю, мол, повтори-ка мне определение веса. Он повторил. Я спрашиваю, а если опор несколько, а еще и подвес есть, то на каждый из них тело действует по-своему, со своей силой. Он удивился этому простому выводу, но принял – человек же умный. Ну и потом как раз разобрали задачи на эту тему. – Шурик с улыбкой изложил свою историю.

- Хорошо, давайте вернемся к «нашим баранам» - обратился Коля к друзьям, - в чем самая суть основания специальной теории относительности?

- Скорость света самая высокая во вселенной, ее нельзя преодолеть – выпалил Шурик.

- Нет, это не утверждается в постулатах. Единственная добавка – это постоянство скорости света в вакууме относительно инерциальных систем отсчета. А все остальное вытекает из этого нового постулата, которого нет в классической ньютоновой физике.

- Ну, да – согласился Вадим.

- Все-таки, как понимать, что «масса – мера инертности тела»? Число частиц в теле, действительно, постоянно, а «инертность» – это что за «зверь» такой?

- Ну, тело не сразу реагирует на действие другого тела. Вот, ударили мы брусок с одной стороны, ударили по внешнему слою частиц, а остальные слои «почувствуют» этот удар несколько позже, причем, чем дальше слой от места удара, тем позже он «почувствует» это воздействие. В конце концов, все тело должно быть «охвачено» этим изменением. А для этого нужно время.

- Верно рассуждаешь! – одобрил Вадима Николай и добавил:

- Когда скорость передачи этого взаимодействия от слоя к слою очень велика, по сравнению со скоростями движения самих тел, то тело быстро, для наблюдателя почти мгновенно, охватывается воздействием целиком. Я даже где-то читал, что слово «тело» происходит от «цело» - то есть целое. Ведь как мы определяем понятие «физическое тело»?

- А, никак! Это первичное физическое понятие – Вадим развел руками.

- А вот и зря! Меня тут приглашали провести у семиклашек несколько уроков физики (учитель заболел, а у нас были каникулы). Я попробовал подойти к делу серьезно. Стал перечитывать учебник 7 класса по физике.

- До чего ты докатился! – улыбнулся Шурик.

- Ты что?! Знаешь, как интересно бывает посмотреть другими глазами на то, что в тебя когда-то вложили, и оно вошло, что называется «без масла», легко, как само собой разумеющееся. Но оказалось, нужно все это пересмотреть, если хочешь достичь чего-то нового, то сначала вернись к основам, в них корень новых идей.

- Зри в корень..!

- Ага! Я и «узрел». Я подумал, что если все-таки попробовать дать определение, что такое «физическое тело». Определить – значит, различить от всего другого, поставить предел, очертить некой границей... Наука начинается с умения различать, различать по основным свойствам, а не по второстепенным.

- Ну, да. Это же азы философии. А ты у нас Коля не только физик, но, как мы поняли, еще и философ – Шурик с иронией произнес слово «философ» поставив ударение на последний слог. Он не любил философию. Называл ее болтологией. На экзаменах по философии у него были проблемы, больше тройки он редко вытягивал.

- Зря ты так, Шурик! Мне кажется, хороший физик должен быть в душе философом.

- Да я со своим ЯМРом прекрасно и без вашей философии занимаюсь!

- Ну, ладно! Вспомним кота Леопольда и пойдем дальше. Чего ты там на счет физики в 7 классе выяснил? Это ж наверное на нобелевку тянет? – пошутил Вадим.

- А выяснил я следующее. Я говорю семиклашкам, что тело – это то, что мы воспринимаем как единое целое, что движется и меняется для нас как единое целое, причем, само по себе. Корень здесь в целостности. Вот рисунок на теле, на обложке учебника тоже воспринимается как целое, но без учебника он не может двигаться сам по себе – значит он не тело. Или мысль человека – она не может существовать помимо него сама по себе – значит она не тело...

- Я где-то слышал такое суждение, что мысль материальна, мысль пришла, мысль ушла... Как тебе такой поворот? – срезал Вадим.

- Ну, это из области мистики, а мы говорим о науке, не так ли?

- Ну, так...

- Так вот, там еще пытаются сразу детям навязать некую философию. Это в учебнике Перышкина, по которому мы все и учимся! Вот, мол, основное – что изучает физика – это «материя», а разновидность материи – это «вещество».

- Ну, и что ты увидел в этом криминального?

- Но, там же говорится, что материя существует независимо от нашего сознания, прямо там на этой же странице учебника...

- Так это определение Ленина: «Материя – это объективная реальность, данная нам в ощущение и существующая независимо от нашего мышления» - процитировал Вадим.

- А ты видел хоть раз вещество вообще? Пластилин вообще, мрамор вообще, воду вообще...

- Вопрос, конечно, интересный!

- А я отвечу за тебя – нет, не видел! Ты мог видеть это только в виде конкретных тел! Понятие «вещество» - это плод нашего воображения, отвлечение от конкретной реальности наблюдаемого, поэтому у

вещества нет таких обязательных атрибутов тел, как размер, масса... Значит, «вещество» не может быть видом материи – это вытекает из определения!

- Ну, ты накопал!

- Да, и это все впихивают нашим семиклассникам.

- А ты хочешь вместо этого всю эту свою философию втюхать им, то есть вместо классического проверенного годами учебника – учебник Горькова?! Звучит гордо, но забавно.

- Нет, но все же, мне хотелось бы, чтобы в пединститутах обратили на это внимание, ведь учитель должен понимать больше ученика и не путаться в элементарных терминах.

- Э, брат, твои пожелания вряд ли в ближайшее время дойдут до соответствующих чиновников.

- Ладно, я не об этом. А о том, что меня эти размышления и заставили по-иному взглянуть на понятие массы тела, как меры инертности. Если тело должно оставаться целым, у него усредненные характеристики молекул должны быть одинаковы (точнее, в соответствии с распределением Максвелла или другим классическим). После воздействия на тело, требуется время, чтобы оно отреагировало на это воздействие именно как целое. Но если скорость взаимодействия ограничена скоростью света, а относительная скорость тел велика, близка к скорости света, то реакция тела на воздействие как целого будет требовать значительно большего времени, а, значит, инертность тела увеличится, т.е. вырастет масса. Вот мы ударили тело сбоку, пошло взаимодействие, а за это время тело и с ним следующий слой молекул «убежали» от места удара значительно, взаимодействие едва успевает за ним угнаться и все из-за ограниченности скорости взаимодействия! Она хоть и очень велика, но конечна. Не будь она ограничена – не было таких проблем. Вот к таким, примерно, размышлениям я пришел, читая учебник физики 7 класса.

- Мощно! Но есть возражение: размер тела, согласно СТО, уменьшается вдоль направления движения – так что и взаимодействие вдоль движения не должно зависеть от скорости – выразил сомнение Шурик.

- Ну, да, а поперек?

- Сомнительным мне кажется твое толкование – Вадим пожал плечами, – хотя саму попытку, критически это все осмыслить, я одобряю. Вот ты говорил о протяженном теле, а у элементарных частиц тоже есть масса, однако размеры у них исчезающе малы. Что-то тут не вяжется. Тем более, что нам говорили на семинаре по теоретической физике, что все частицы изначально безмассовы, а масса элементарных частиц появляется в результате спонтанного нарушения симметрии при взаимодействии с полем бозонов, кажется, Гигса?

- Хиггса, - поправил Шурик.

- Да-да. Хиггса. Так что твоя простота здесь не очень уместна...

- Ну, все равно, вот, возьмите свою самиздатовскую тетрадку и больше ко мне с этим не приставайте. Добро!

- Ладно.

- На семинар ваш я ходить не буду! Вы уж меня простите, но как-то не очень серьезным мне это «сборище» кажется.

Друзья немного поджали губы. От Коли не укрылась эта их обида.

- Ну, ладно-ладно! Просто, мне, правда, курсовую надо заканчивать, зашиваюсь, не обижайтесь!

Он подошел приобнял их за плечи, похлопал ладошками по спинам, заглянул в глаза. Инцидент, вроде бы, был исчерпан.

Вечером того же дня Николай и Юра встретились в комнате у Юры в общежитии философского факультета.

- Знаешь, Юрок, я вроде отбоярился от этих приставаний с семинаром. Случай, что называется, помог. А у тебя как?

- Да я тоже, кажется, отшил их всех, тем более, они у меня все больше про твое участие спрашивают.

- «Меня терзают смутные сомнения!» - продолжает волновать вопрос с агентом. И мне, кажется, я вышел на след!

- Интересно!?

- Тут подружка моя, в одной группе учимся, Миланой зовут, написала мне записку. Тоже, мол, почему не ходишь на семинар, причем еще и про тот, одиноковский спрашивает, на котором мы опять же не появляемся по совету твоего Михеича. А она туда ходит до сих пор, ну на семинар по диамату, и ходила, заметь, с самого начала!

- Ага.

- Так вот, что-то почерк мне ее показался знакомым, или мне это грезится? Вот, посмотри!

- Чужие письма...

- Да тут ничего личного, просто «Когда придешь?... Жду с нетерпением!»

- А у вас что, с ней что-то есть? А как же Глафира?!

- Да у нас с Миланой были только глупости, да недоразумения! Так, ни о чем, все в прошлом, хотя она чего-то прицепилась... . Теперь мне только с Глафирой общаться хочется! Юрок! Влюбился я!

- А Глаша как?

- Мне, кажется, что отвечает взаимностью!

- Только смотри, без глупостей! Я эту девочку с детства знаю. На моих глазах выросла. Нравов строгих. Ты уже это сам понял, надеюсь!

- Да, ты что Юрка! Какие глупости! Я ее боготворю! Я на нее дышать боюсь! Рукой случайно прикоснусь, просто в пот и дрожь одновременно бросает! Она такая.., на вид простая и говорит часто на «о». Но в ней столько искренности и какой-то не показной, не ученой, а настоящей мудрости. Про красоту я вообще молчу...

- Ну, у нас в Колмогорском все особенные!

- Она не просто особенная, она ... одна такая... понимаешь?!

Юра кивнул в ответ.

- Нет, ты не можешь понять! Ладно, что я тут распинаюсь! Про записку... смотри. Не признаешь почерк? Округлый такой, приметный, женский... Или нет?

- Ты знаешь, я не приметил, не запомнил почерк. Он мне ни о чем не говорит.

- А вот мне он бросился в глаза, как будто я его где-то уже видел! Причем видел у Михеича, когда он нам докладные этого стукачка показывал...

- Ты думаешь, это твоя Милана?

- Какая «моя»? Юра! Не говори больше так!

- Хорошо.

- Это как-то бы проверить!

- А как?

- Давай я скажу ей, что майор Овсиенко вызывал меня, отчитывал, показывал докладную записку, мол, я узнал ее почерк. Припру к стенке. Она признается!

- Нет, во-первых, Степан Михеич сказал, что майор все забудет. Не надо тревожить это осиное гнездо. Ведь если Милана и правда агент, то она может пойти к нему, начать оправдываться, и он возьмет, и не дай бог, все вспомнит! А потом, вдруг она вовсе не агент?

- Да, план не очень. Может последить за ней?

- Ты сбрендил?! Разводишь здесь детектив! Давай никого разоблачать не будем. Достаточно того, что Михеич отвел от нас опасность.

Парни решили пустить все на русское «авось».

Глава 12. Стих Николая.

Началась весна. В этом году она была необычайно ранней и теплой. Снег полностью растаял уже в марте. Сухие улицы радовали горожан после долгой и слякотной осени и длинной зимы, когда тоже случались оттепели с осклизлой кашей на тротуарах. Можно было, наконец-то, одеть легкую обувь, не боясь, что придешь домой с мокрыми ногами. Ребятишки повывкатывали свои велосипеды и гоняли на них, беспощадно трезвоня и пугая прохожих. Уже появились первая

зелень на клумбах, даже цветочки, желтые, не то мать-и-мачеха, не то уже одуванчики. Но было ощущение, что солнышко нарисовало свои маленькие портретики повсюду. Так задорно и весело они глядели на людей, что в ответ хотелось все время улыбаться. Это была первая (как потом окажется и последняя) весна их любви.

Коля и Глаша встречались очень часто, когда позволяло время, да и когда не очень позволяло. Коля писал курсовую на базе одного НИИ, и часто сматывался оттуда, как можно раньше, сделав все опыты качественно и быстро. Его утомляла манера тамошних сотрудников – никуда не торопиться. Придут, с утра чай с болтовней о том и сем. Потом медлительное «раскачивание». Подготовка рабочему дню, сначала подготовка к подготовке, потом... Спешить им было некуда. Николаю казалось, что за рабочий день он мог бы сделать в десять раз больше. Он договорился с завлабом, где работал над курсовой, что будет делать все побыстрее, а тот будет отпускать его пораньше. Дело упиралось в Глашу. Она, как первокурсница, причем очень добросовестная, не пропускала ни одного занятия, не поддавалась на уговоры Коли, чтобы «прохлыстать» кое-что. Она тщательно готовилась к семинарам в библиотеке, конспектировала первоисточники. В общем, гулять ей особо было некогда. Колю это очень угнетало. Он ходил в читальный зал библиотеки, хотя зачастую ему там было нечего делать – а все ради того, чтобы хоть молча побыть рядом с ней, посидеть и полюбоваться ей, когда она с серьезным видом склонялась к учебникам.

И вот выдался как-то денек, теплый, солнечный, благодатный, когда у нее вдруг было всего две пары, а на завтра никакого семинара! Это было счастье! Они договорились встретиться в парке. Гуляли до темна. Ели мороженное, слушали музыку, болтали, общались, любовались друг на друга... Вечером он уже поздно вернулся в общагу. Проводив Глашу, он еще долго стоял под окнами ее общежития. Потом пришел к себе в комнату.

Николай лег. Соседи по комнате давно с сопением и шипением дрыхли. А у него все крутились воспоминания об их встрече, о свидании в парке, где играла веселая музыка. Он вспомнил, как подъехал трамвай к остановке. Трамвай был почти пустым, и стоящую в

нем Глафиру он заметил еще до того, как трамвай остановился и открылись двери. Он видел как она стремительно вместе с трамваем «подлетала» к остановке. Она выпорхнула оттуда, держа в руках кончик своей роскошной косы. Трамвай весело зазвенел, отправляясь в дальнейший путь, и его звонок как-то радостно перекликался со стуком глафириных каблучков, сбегавшей по широкой мраморной лестнице вниз. Коля уже спешил ей навстречу. Они встретились на середине лестницы. Невольно потянули руки навстречу друг другу, лучезарно улыбаясь, но в последний момент, когда уже произошло небольшое прикосновение, Глафира отвела руку и залилась румяной краской. Ах, это прикосновение! Рука Николая помнила его до сих пор, нежное, мимолетное, трогательное. Только сейчас Николай стал понимать смысл этого слова «трогательное». От него Николай получил какую-то теплую волну, которая прошла по всему телу, подкатила к горлу, и едва он удержался от слезы, предательски навернувшейся на глаза.

- Знаешь, вот эта старинная модель трамвая напоминает мне нашего проректора по учебной части Яркова. Видишь, – он указал на следующий подошедший трамвай. - У него лобовое стекло разделено на два квадрата, как большущие очки на лице Яркова. Он их так важно сдвигает на переносицу, когда читает торжественные речи на собраниях, зато, когда отрывается от текста, то порой такую околесицу начинает нести. Но ему прощают. Дедушка старый...

- Какую чушь я сам-то сейчас несу! – подумал Николай, который действительно был в прекрасном настроении и болтал всякое, что приходило в голову, лишь бы не у него не вырвалось главного: «Глаифра, как ты прекрасна, как я хочу, чтобы мы всегда были рядом, чтобы у нас была общая судьба, чтобы мы никогда не расставались...!»

Налетел порыв ветра. Он вырвал кончик косы из рук Глафиры, она обмоталась вокруг лица пару раз. Глафира весело и заливисто засмеялась. Николай тоже. Оба они хохотали, спускаясь по лестнице в парк. Глафира побежала вперед, продолжая смеяться, Николай пустился за ней. Сразу за воротами парка они остановились, не сговариваясь, молча встали напротив друг друга, всматриваясь в лица и глаза. Они явно любовались друг другом. Какая нежность лилась из

этих взглядов. Пауза неудобно затянулась. Первой глаза отвела Глафира:

- «А, знаете, Николай, как называются вот эти цветы?» - Коля посмотрел на клумбу, на которую указывала Глафира. Там всю хозяйничали какие-то маленькие солнышки, какие-то, как сказал бы Маяковский, желтенькие «плевочки», похожие на одуванчики, но размером помельче...

Потом они гуляли по парку. Иногда говорили о серьезном, но все больше болтали всякую чепуху, вспоминали детство. Так беспричинно радостно бывает только в детстве. И какой-то солнечный весенний ветер пронизывал все их существование в этом парке. Уносил их в метафизические небеса. «Беспричинно радостно» - нет, конечно, причина была, и это была Глафира, и это была его любовь...

Коля взял ручку и блокнот, сначала и сам не понимая – зачем, пошел тихонько на кухню. Сел там на подоконник. Ему нужно было выплеснуть эту радость куда-то, как-то ее отобразить. Он начал лихорадочно записывать какие-то строчки, которые как-то сами укладывались в определенный размер, мелькали случайные рифмы, порой неказистые, корявенькие, но он тут же их подхватывал и заносил в блокнот. Стихи он не писал практически никогда, ну, так чуть-чуть в девятом классе, когда тоже был влюблен в одноклассницу Свету Бобкову. Но там вирши были – вообще ужас!

- «Одев очки на переносицу... - это я про что сейчас сочиняю? Про Яркова? Чушь собачья! Про трамвай надо. С трамвая начать: «трамвай городит окоlesiцу...» . После некоторых мучительных рихтовок, часа через два на новой, уже пятой по счету странице, Николай записал вариант, который решил считать окончательным! Вот так:

Одев очки на переносицу,
Трамвай трезвонит окоlesiцу.
И острый звук его разносится,
Как каблучки стучат по лестнице.

И солнце на деревья косится,

И тени длинные бросаются,
И фонари к трамвайным просекам
В подобострастии склоняются.

Несет трамвай тебя по линии,
А ты стоишь и улыбаешься.
Коса твоя тугая длинная
По ветру вольно развивается.

И музыка звучит весенняя,
И сердце радостное мается,
И чумовое настроение.
И в судьбах все переплетается.

Вдоль улиц деловых и чопорных
Цветы на клумбах распускаются.
Прошу всё повториться шепотом,
Но лучшее не повторяется.

А я хочу, чтоб снова вместе мы,
Когда рука руки касается,
И чтоб в душе все было весело
И чтоб во век не расставались мы.

Весна, весна! Ах, ты кудесница!
Надежды раздавать стараешься.
Ты счастья нового предвестница,
Но лучшее не повторяется!

Про «лучшее не повторяется» – это было твердое убеждение Николая. Когда-то в дневнике (а когда-то он пытался вести дневник) он записал важную для себя мысль, которая была результатом не просто абстрактных рассуждений, как часто бывает у юных мыслителей, а результатом пусть еще небогатого, но жизненного опыта. Он не раз, как и многие люди, пытался повторить что-нибудь такое, когда было очень хорошо. Создавал ту же обстановку, собирал тех же друзей, но убедился, что повторения лучшего не бывает, лучшее бывает только по-новому. То есть либо получалось что-то новое, либо унылое повторение с попыткой удержать ушедшее счастье. Счастье каждый раз требует творчества, нового созидания, и тут на старой кобылке не проедешь, в клетку счастье не запрешь, в камеру на сохранение не сдашь. Его нужно постоянно создавать, творить. Счастье – это неудержимый поток бытия, в котором, разве, как сёрфингист, можно какое-то время держаться на гребне волны.

Коля пошел в комнату, бормоча: «Трамвай трезвонит околесицу... Николай несет околесицу...»! Но на лице его сияла блаженная улыбка. Положил блокнот и ручку на тумбочку, погладил так, как будто гладит глашину руку. Наконец, он прилег, и быстро сладко заснул.

Глава 13. Агент в действии.

На следующее утро он проснулся, увидел блокнот на тумбочке у своей кровати. Открыл, перечитал стихотворение. Теперь оно показалось ему сравнительно неплохим. Он даже подумал, что все эти простенькие глагольные рифмы на «ца» воссоздавали собой весь весенний гвалт: и звон трамвая и щебетание птиц и цоканье каблуков по лесенке... Задорно так получалось! Главное, что его состояние передавалось стихом полностью. Он хотел этим поделиться, конечно же, с ней. Как бы увидеть ее поскорей, передать стихи! Они станут теперь талисманом их отношений, запечатленной эмоцией.

- Так, с утра... – ничего не получится. Мне в НИИ, ей на пары, а может подождать ее у выхода из общаги? Точно! Скорее, чистить зубы, умываться. В столовку потом, в НИИ забегу, там и позавтракаю...

Впрочем, сотрудницы из лаборатории, где работал над своей курсовой Николай, приносили так много всего к утреннему чаю, что можно было обойтись и без завтрака. Обычно он не принимал долгого участия в их длинных ритуальных чаепитиях, а бежал к своей экспериментальной установке после чисто символического выпивания чашечки (чтоб не обидеть!).

Николай быстро оделся. Выбежал на улицу. Посмотрел на часы.

- Так, к ее выходу, наверное, успею! А вот и она со стайкой подружек, таких же юных первокурсниц. Что-то щебечут.

- Глаша! Глаша. – она остановилась, увидела его, покраснелась. Девочки заулыбались и пошли дальше. А он буквально подбежал к ней. В руке был зажат заветный листочек со стихом:

- Вот, Глаша! Я тут вчера для тебя написал...

- Это что?

- Стих, понимаешь, не суди строго, я ведь не поэт...

- Что ты, мне приятно... - Она попыталась развернуть листочек.

- Потом, я сейчас уже бегу. Вечером увидимся. Тогда уж обсудим. Хорошо?!

- Хорошо!

Николай бросил на нее прощальный взгляд, побежал к трамвайной остановке, махая рукой на ходу.

В НИИ он приобщился к чайной церемонии, в этот раз долго сидел за столиком, где обсуждались вчерашние сплетни. Но он не слышал их, а сидел с блуждающей улыбкой, мечтательно смотрел вдаль. Все мысли его уносились к будущей встрече с Глашей.

- Вера Андреевна, а что это, никак мода новая в области маникюра... - улыбаясь ехидно, спросила юная симпатичная лаборантка Ниночка у средних лет сотрудницы, сидевшей за чайным столом напротив, - Может, мы чего-то еще не знаем, поделитесь!?

Действительно, дамы заметили, что у Веры Андреевны три ногтя на одной руке были окрашены красным лаком, а два – розовым. Вера Андреевна ничуть не смутилась, расправила руку на столе, чтобы всем

было видно. Все дамы, присутствующие за столом вытянули шеи. Нужно сказать, что в данном секторе лаборатории работали в основном женщины разного возраста, от юного, как Ниночка, до пожилого, как Анна Тимофеевна, только один мужчина входил в штат этого подразделения Александр Иванович Пигунов. Он был немолод, лысоват, жил бобылем, женщин не очень любил, любил науку, но она его тоже как-то не очень. Зато он был турист и бард, собирал травы, делал из них бальзам. Особенно гордился он, что знал места, где растет «золотой корень», где-то на Урале... Ухаживал он, в свое время, за Верой Андреевной, но она вышла замуж за другого, теперь разошлась, хотя муж иногда заезжал за ней после работы и Александр Иванович ревновал. Она жила теперь одна, но шансов ему она не давала. Однако вернемся к дамам.

Ничто же сумняшась Вера Андреевна ответила: «Какие там новые поветрия в макияже! Это все домовой!»

- Вам домовой макияж делает! – прыснула Ниночка.

- Да нет же, я начала утром ногти красить, потом отвернулась, а он бутылочку с розовым лаком украл! Вот представляете! Все перерыла – не нашла, пришлось красным докрашивать.

- Вера, ты серьезно веришь в домовых? – спросил Александр Иванович.

- А то! Если с ним отношений не наладишь, то жизни в доме не даст. Я вот чего-нибудь потеряю, ищу день, другой... третий, хоть ты тресни – нет и все, а попрошу: Нафаня, Нафаня, подскажи! Верите ли, бах в шкафу что-то упало, открываю, а там и лежит моя потеря. Но иногда он шутит надо мной. Он весельчак...

- Постой, ты серьезно, ты, старший научный сотрудник отраслевого НИИ, и в какого-то Нафаню веришь?

- Да что там, девочки – вступила в разговор другая дама, -
Прошлым летом на Братях Кашириных, ну там еще универсам такой большой, а рядом остались несколько частных домиков, так вот там так «барабашки» распоясались, что милиция за дело принялась!

- И не «барабашки», а полтергейст.

- Полтора чего?

- Полтергейст! «Шумный дух» - по-немецки – поправил Александр Иванович.- В газете «Вечерняя Казань» писали.

- Да, там картошка летала. Прикиньте, бабушка с внучкой в мотоциклетных шлемах не то что ели, но и спали – продолжила дама. - Я сама туда ходила, правда внутрь не пустили. Вот там мистика была – сделав страшные глаза, закончила дама.

- Никакой мистики, девоньки – я тоже там был, возле дома. Видел, как туда исследователи приходили из университета с приборами. Так вот, они доказали, что никакой мистики там нет! Там была серьезная электромагнитная аномалия, она влияла на мозги и бабки, и внучки – в общем, галлюцинации! – урезонил даму Пигунов – в газете писали.

- Вот вы, Николай, вы же студент-физик, может, нам поподробнее объясните, как там электромагнетизм повлиял? – обратились к Коле присутствующие.

Коля «выплыл» из океана своих грез.

- А.., какой электромагнетизм?

- Ну, аномалия на Братьев Кашириных? Прошлым летом вся Казань говорила! Там еще ваши ученые, говорят, были с приборами, поля измеряли. В газете писали.

- Знаете, для науки, к сожалению, этот вопрос открыт, разве что с нами четырехмерцы шутики шутят.

- Кто!? Четырех.. мерзкие. Черти что ли!?

- Ну, вот опять вас к мракобесию потянуло – с досадой проговорил Пигунов. – Наука все может объяснить, если не сейчас, так потом! А этой вашей чертовщины нет! Потому что не может быть никогда. Наука отрицает домовых, леших, чертей всяких. Тьфу, аж чаем обжегся! Давайте вести себя соответственно статусу научных работников – с этими словами, Пигунов встал из-за стола, отряхнул крошки еды, приложил салфетку к месту, которое облил чаем.

Разговор умолк. Дамы молча допивали свои порции. Вера Андреевна демонстративно любовалась своим макияжем и

поглядывала вслед Пигунову, хихикая в кулачок.

«Дама развлекается эпатажем! Всех подколола, всех провела и главное с таким непосредственным видом, даже и не поверишь, что это всего лишь игра – подумал Николай. – а, может, и не игра!? Вот, даже я сомневаюсь... Однако хитрая она штучка! Каково же женское коварство!». Он не знал еще, что встретится с настоящим женским коварством уже сегодня.

Коля вспомнил то, что почти уже ушло из памяти, те летние приключения на улице Братьев Кашириных в маленьком домике со старушкой и внучкой. Тогда он всерьез озадачился данным феноменом, но сейчас, когда произошло столько важных встреч и событий, он как-то упустил из виду все эту, как теперь виделось, «чертовщину». Хотя с тех пор мистики в его жизни стало еще больше. Он пошел к своей установке и за увлекательными экспериментами постепенно переключил мысли. Уже вскоре он про это все почти забыл, а думал только о встрече с Глашей. Он знал, где ее найти, когда после занятий в НИИ спешил в университет.

Они увиделись в библиотеке, договорились встретиться вечером в холле общежития, где жила Глаша. Решили вечером погулять.

Она пошла к себе в комнату в женском общежитии, занести кое-какие книги и тетради, а он дожидался внизу в холле. Он расположился в удобном кресле, прислонил голову к спинке и почти мгновенно заснул. Сказалась предыдущая почти бессонная ночь, дневные хлопоты...

Проснулся он от того, что кто-то закрыл ладошками ему глаза. Этот кто-то подкрался неожиданно сзади кресла.

- Глаша! – спросонья воскликнул Николай, но «кто-то» упорно не разжимал ладони и тихонько хихикал!

- Глаша, - снова повторил Николай, - да пусти же, проказница, я тут немного прикорнул.

«Кто-то» отпустил ладошки, вышел из-за кресла и сразу сел Николаю почти на колени и на боковину кресла. Это оказалась Милана.

- Ты почему меня избегаешь?!

- Милана? Ты здесь откуда?

- Я спрашиваю, почему ты меня избегаешь, бросить хочешь?! Нет, Коленька, не выйдет! Так просто от меня не отделаешься!

- Милана?! Ты сбрендила совсем? Какое там «бросить»? Разве мы с тобой...

Она не дала ему договорить, а просто резко наклонилась и взасос при всем честном народе захватила его губы своими. «Честного народа» почти не было в этот момент в холле, только старенькая вахтерша, да какая-то девочка стояла у окна, глядя на улицу.

Николай пытался оттащить Милану. Но она оказалась на редкость сильной, обхват ее рук вокруг его шеи не ослабевал. Николай ничего не мог сказать, только искал руками пути, как ее оторвать от себя. Со стороны смотрелось это, как ни странно, так, как будто они страстно обнимаются и горячо целуются по обоюдному согласию. Продолжалось эту минуту-другую. Наконец, Николай оторвал Милану, понес руку к искусанным губам и вдруг увидел, что в проходе на лестницу стоит Глаша. Она стояла в полной растерянности, держа в руках кусочек бумаги, наверно, колино стихотворение. Бледная, глаза у нее были широко раскрыты. Она не произнесла ни слова.

Коля соскочил с кресла, кинулся в сторону Глаши. Вахтерша энергично произнесла: «Куды?!» - нажала на тормоз вертушки, которая задержала Николая. А Глаша резко развернулась и побежала вверх по лестнице. Николай перескочил вертушку. Понесся за ней. Настиг почти, но она успела захлопнуть дверь в свою комнату практически перед самым его носом.

- Глаша! – он стучал в дверь – Глаша! Открой! Ты все не верно поняла! Я все объясню! Глашенька!

Он долго и отчаянно стучал. Наконец, дверь открыла глашина соседка по комнате: «Чего вам молодой человек?!».

– Разрешите... я все объясню... - из-за плеча соседки он видел кусочек комнаты и часть кровати, на которой Глаша лежала лицом вниз. Наконец она села на кровати, посмотрела на него красными распухшими от слез глазами:

- Уходи! – произнесла она тихим, но твердым голосом. – Видеть тебя не могу! Все! – и опять упала лицом в подушку.

- Уходите, молодой человек, если у вас сердце есть... - соседка слегка подталкивала его в коридор.

Николай, опустив голову, вышел в холл. Там все еще стояла Милана. У него вдруг загорелось одно беспощадное чувство, ему захотелось броситься на нее и душить-душить. Руки затряслись от того, что он пытался сдержать себя.

- Ну, что, Коленька?! Получил отлуп! Теперь забудь о своей «простушке». Не для нее ты создан.

- Замолчи..! - он от греха подальше пошел вон из общежития и от Миланы, чтобы случайно не броситься на нее.

Она выскочила за ним. Он ускорил шаг. Она вприпрыжку бежала рядом:

- Коля, Коленька, миленький, я же тебя люблю! Мы же с тобой столько лет дружим... Как ты можешь оставить все... - она начала рыдать. Коля яростно сжимал кулаки. Он остановился. Даже в такой ситуации женские слезы действовали на него обезоруживающе.

- Чего ты хочешь?!

- Быть с тобой, Коля!

- Ты зачем доносы на нас писала?!

- Я ведь не по злобе, они же, понимаешь, меня завербовали! Коленька! Они страшные люди... Да ведь и тогда я не понимала, что тебя люблю...

- Ну, ты знаешь, кто ты после этого?!

- Знаю, Коля! Знаю! Прости меня за все... Только с тобой быть! Коля, вспомни, как мы целовались...

- Спасибо, очень хорошо сейчас напомнила! Все! Понимаешь! Это все! Ты для меня ноль! Нет тебя, змея ты подколотная... - Николай сам не ожидал от себя таких выражений.

Хлынул дождь. На небе засверкали молнии. Николай остановил Милану, схватив за рукав, оттолкнул:

- Не ходи за мной! Все! – она встала на месте. Мокрая, она выглядела жалко и беспомощно. Без плаща и зонта в такой ливень. Но ему ни сколько не хотелось защитить ее от этой стихии... Он, не оглядываясь, пошел в сторону своего общежития.

Глава 14. Науки юношей питают.

Для их любви настали черные дни. Они никак не могли объясниться. Мешала то гордость, то глупость, то еще какие-нибудь обстоятельства. Коля совсем было стал чахнуть, но вмешались судьба. Той весной к ним на факультет с лекциями по астрофизике приехал из МГУ Алексей Фридман, замечательный ученый с увлекательной манерой излагать сложные научные факты. Николай начал ходить на эти лекции. Новые научные горизонты, тайны космоса, загадочные кольца планет-гигантов – все это всерьез втянуло студента-физика. Ему было неуютно на этой земле, и сознание потянуло его в космические пространства. Его воображение рисовало каких-то неведомых существ, живущих на спутниках Юпитера, или Сатурна, целые цивилизации, где царит гармония, где нет места нелепым случайностям, приводящим порой к трагедиям. Он перекинулся в своем чтении на астрофизическую литературу и фантастику. Аккреция газа на черные дыры, гигантские джеты, протянувшиеся на миллионы километров – у Фридмана была замечательная коллекция слайдов, полученных на самых совершенных, на тот момент, телескопах планеты. Чувства Николая теперь направились на вселенную. И хоть она рисовалась профессиональным ученым холодной, безжизненной, темной, но для Николая она почему-то становилась живой, теплой, уютной, дающей начало жизни всему, что в ней есть, всем галактикам, звездам, цивилизациям. И ему тогда, вопреки официальной научной токе зрения, почему-то казалось, что во вселенной должно быть много других цивилизаций. Наши «братья по разуму» следят за нами не с враждебностью, а с любовью, и даже вступают с нами в контакт, вот только мы этого контакта не понимаем, так еще неразвиты. Коля

перенес свое чувство нежности к Глаше, так и нереализованное,
нерастраченное на Вселенную и даже снова написал стихотворение:

Иногда я выхожу под небо
И, откинув голову назад,
К звездам, где никто на свете не был
Поднимаю жадные глаза.

Пусть кого-то темнота пугает,
Мрачное безмолвие небес...
Для меня Вселенная - живая
И полна загадочных чудес.

Если повезет и слуха хватит,
то услышу не шутя - всерьез:
Как на пыльных жерновах галактик
Хрустко лопают крупинки звезд.

Как, рождая новые планеты,
Охает Вселенная в поту.
Как с гуденьем носятся кометы,
Властно разгоняя темноту.

Верю, что она любвеобильна -
Много нас и братьев, и сестер!
Глупые случайности бессильны
Жизни погасить живой костер.

И от звезд глаза не отрывая,
Я на небо с нежностью смотрю...
Для меня Вселенная - живая,
С Нею до рассвета говорю!

Он поделился этим стихом с Юрой. Тот одобрил. Главное для Юры было то, что друг, после их размолвки с Глашей, снова оживает, что у него появился блеск в глазах.

- Вижу, здорово Фридман тебя увлек своей астрофизикой!

- Ты знаешь, он отличный мужик. Он так знает эту тему. Вот большинство преподавателей читают лекции, как я называю, по «законченным», «мертвым» знаниям. Там нет места сомнениям, поиску – там все определено, доказано и установлено. А вот у него через каждый абзац – гипотеза. Он пересказывает нам гипотезы ученых, которые уже опровергнуты. Спрашивается – зачем? Он сам ответил так. Когда вы изучаете только то, что уже хорошо доказано, установлено, обосновано, то в вашем воображении нет того конфликта, который в свое время привел к этим знаниям. Так никогда не возможно стать настоящим исследователем. Читайте разную литературу, в том числе ту, где содержатся какие-нибудь напрочь похороненные гипотезы, иногда логика авторов, приведшая к этим гипотезам, может вам понадобиться при совершенно других обстоятельствах! Я, знаешь, в этом убедился. Стал читать, появились вопросы. Я их ему чуть ли ни после каждой лекции задаю. И, знаешь, Юрок! Он сделал мне предложение – перебраться в МГУ в его целевую группу по астрофизике, а потом, посмотрим, говорит, может, и в аспирантуру ко мне пойдете! Прикинь!

- А как же Глаша?!

- А что Глаша? Она со мной теперь не разговаривает и не заговорит никогда, так она через подружек передала. Я и так и сяк пытаюсь объясниться. Надоело мне все это, Юра!

- Ну, может еще все наладится, ведь это же глупая случайность!

- Поди, ей объясни!

- А что?! Давай я с ней по пробую поговорить! Я ведь тоже не хочу, чтобы ты уезжал. Мне кажется, у нас такой философско-физический тандем сложился? Или я не прав?

- Сложился, Юрок, только вот болит у меня здесь каждый день, каждую ночь. Спасу нет. Все думаю о ней. Не знаю, как ее из сердца избыть. А так, говорят, с глаз долой – из сердца вон.

- Ну, рано ты сдаешься!

- Слушай, а может... вот говорят, иногда нужно пожить врозь. Разлука лечит любовь!

- Признайся честно, тебя это предложение Фридмана увлекло. Как же, Москва, МГУ..! Кому не захочется. Там такие перспективы роста...

- Да не в этом дело. Мне кажется, что я встретил такого человека в науке, который меня понимает с полуслова, а я – его! Понимаешь?!

- Ну, так – глядя на горящие глаза Николая, Юра невольно согласился.

- Мне кажется, что впереди нас с ним ждет интересная совместная работа, открытия, понимаешь? Во мне какая-то струна запела, когда я с ним стал общаться. А Глаша... Глашу я потом заберу в Москву. Грезиться мне, что когда я стану известным ученым, она свои обиды забудет...

- Знаешь, Глаша не такая, чтобы покупаться на всякий там успех, блеск и внешнюю мишуру. У нас в Колмогорском люди не такие, другого калибра.

- Да, хватит тебе все придумывать про свое Колмогорское, все-то там у тебя, понимаешь, не такое! – с раздражением произнес Коля.

- Не придумываю я... – с некой обидой в голосе сказал Юра. – Я, правда, считаю наше село особенным.

- Ну, каждый считает свою малую родину особенной!

- Ой, не скажи, я часто от своих сокурсников слышу, что их село – дыра, или «какой задрипанный у нас городишко»!

- Ну, молодец, что ты у нас такой патриот! – друзья стали переходить уже на повышенные тона. – А с Глашей говорить не надо. Я уже все решил: закончу курс, заберу документы и махну к Фридману.

Юра стоял насупившись. Ему не хотелось глядеть в глаза другу. Он внутри так боялся потерять этого товарища, который научил его подходить к устоявшимся научным истинам творчески, с которым у них возникла какая-то внутренняя связь. В некоторой степени в их тандеме Юра чувствовал Николая как старшего брата. Самые непростые вопросы, в том числе и в личной жизни, он мог обсуждать только с ним. Честность, прямота, смелость Николая его восхищала, он сам рядом с ним стал решительнее, мужественнее, самостоятельнее. Но теперь, похоже, все заканчивалось. Он действительно понимал, что Николай сделал свой выбор. Как с этим быть. В тот вечер он ушел от Николая, сухо попрощавшись.

Он целый вечер бродил один по темным улицам. Смятение овладело им. Весна не радовала, пряные запахи цветущих яблонь на широких улицах Казани, смеющиеся, пробегавшие мимо девушки, вечерние огни города, звезды на небесах... - ничто не привлекало его внимания. Он предчувствовал расставание, тяжелое для него расставание с лучшим другом, который только был у него в жизни.

- Ладно, что я горюю? Ведь горюю я о себе. А может ему действительно предстоит с этим Фридманом сделать большие открытия? Для чего мы пошли в университет?! Чему мы готовы посвятить жизнь? Неужели из-за неудачи в любви бросать все коту под хвост? Это его путь, его призвание. А с Глашей..., может он и прав, может женщины реагируют на успех мужчины иначе... Вот

Леночка... Если бы я стал доктором наук, известным ученым, может с тем типом она бы путаться и не стала? А в прочем, о Леночке – все... Забыли раз и навсегда!

В конце концов так все и случилось. Предчувствия Николая и Юры про сотрудничество с Фридманом, про открытия и научную карьеру – все сложилось так, как подсказывал им внутренний голос. Николай уехал в Москву, сделал под руководством Фридмана выдающиеся открытия в области астрофизики, построил удачную научную карьеру... С Глашей, правда, вышло иначе. Она вернулась после окончания университета домой, в родное село. Стала, как и мечтала, учителем истории в местной школе. Выдали ее замуж за молодого старовера Гаврилу Колоскова. Мужчина он был хозяйственный, добрый, но строгий муж. Она родила от Гаврилы двоих детей: мальчика и девочку.

Николай до поры не женился, все мечтал, сделав карьеру, навестить Глашу и сделать ей предложение. Но когда Юра сообщил, что Глаша вышла замуж – Николай понял, это теперь дело безнадежное! А тут как раз начались перестроечные времена. Николай получил хорошее предложение из Америки, и ничуть не жалея, переехал туда на ПМЖ.

Юра написал блестящую кандидатскую по философии, но в те же окаянные 90-тые никому не стало дела до науки, тем более такой далекой от прикладных проблем, как философия. Сначала Юра преподавал какое-то время, но потом от безденежья и безнадеги решил заняться бизнесом. У него пошло, тем более, что бизнес был не очень далеким от его научного образования – это был книжный бизнес. Он даже завел издательство, которое было успешным несколько лет. Стал известным не только в России, но и в Европе в области книгоиздания. Пытался немного организовывать философские клубы вокруг некоторых книг. В общем, тоже как мог все же служил науке.

На время мы оставим наших героев, которым, как вы верно понимаете еще предстоит встреча.

Глава 15. Знакомство с отцом Пахомием.

- А, Вы знаете, Степан Михеич! Я, пожалуй, соглашусь с дьяконом Андреем Кураевым. Эта книга еретическая и может привести к новому расколу церкви. – отец Пахомий положил на стол большого формата книгу в красном переплете. – Эта Ваша «Роза Мира» паразитирует на христианстве. Берет христианские образы, искажает их, вносит свои интерпретации, порой, недопустимые с точки зрения христианской догматики. А автор, этот Даниил Андреев просто находился в прелести.

Михеич молча подошел к книжным полкам своего кабинета и достал две довольно толстых увесистых книги. Он положил их рядом с «Розой Мира» на стол. Оказалось, что это были Библия и Коран.

- Отец Пахомий, а можете ли Вы сказать то же самое о Коране? Ведь хорошо известно, что Коран процентов на восемьдесят повторяет то, что написано в Ветхом Завете.

Отец Пахомий остановился, задумался. В семинарии их учили – терпимо относиться к другим коренным религиям России. Он публично не имел право оскорблять чувства верующих мусульман, буддистов, иудеев. А заявление о том, что Коран «паразитирует» на Библии было бы прямым наскоком на мусульманство.

- Ну, откровенно говоря, я не знаю, как ответить. Но, между нами, в душе я думаю, что так и есть.

- То есть, Моххамед, не истинный пророк, а просто находился в прелести?

Отце Пахомий оглянулся по сторонам, как бы желая убедиться, что их никто не слышит. Потом соскочил с кресла.

- Степан Михеич! Ну, Вы задаете провокационные вопросы! А вдруг содержание нашей беседы дойдет...

- Будьте уверены, не дойдет! У меня мы тут и не на такие крамольные темы спорим! Тем более теперь в России, а не СССР живем. Давайте поговорим с Вам не как с представителем церкви, а как с человеком непредвзятым. Прошу Вас в этой непубличной обстановке, где все останется сугубо между нами, давайте не будем цепляться только за готовые решения, а проведем ИССЛЕДОВАНИЕ. Владимир

Иванович, мы же хорошо знаем друг друга столько лет. Давай поговорим как люди науки. Ты же по образованию психолог. Когда-то диссертацию писал. Я понимаю, что теперешнее положение тебя обязывает. Но ведь и по-христиански: нужно любить своих ближних и даже врагов своих, а это в том числе означает, что нужно попытаться понять их, почему они так мыслят, почему придерживаются тех или иных взглядов. Кураев и тот как-то аргументирует свои утверждения. Ведь деятельная любовь может все, даже помочь привести их ко Христу. Но тогда сначала нужно встать с ними рядом, дать руку, убедить, что ты их понимаешь и делаешь все не во вред им, а на пользу. Тогда они пойдут с тобой. А так, как сосуществуют нынче религии, просто «терпя» друг друга и стараясь не задевать – это тупик. Глобализация, которая сейчас во всю идет, и никак ты ее не остановишь, она требует общей идейно-ментальной основы человечества, иначе в новом глобальном доме, «терпимость» эта ни к чему хорошему не приведет. Будет большой всемирный дом терпимости...

- «Толерантность» - отец Пахомий произнес это слово в разбивку по слогам - словечко новое, по смыслу близкое к «терпимости». Толерантность эта уже дает свои сатанинские плоды там, на Западе...

- Да, но вернемся к совпадениям в разных духовных книгах. Есть ведь и другая версия, почему возникли такие совпадения: может быть это потому, что информация пришла из одного источника? Просто каждый ее несколько по-своему воспринял, отсюда некоторые несовпадения. А еще... Большая ошибка тех, кто связан с различными верованиями, происходит от того их общего предрассудка, что Бог раз и навсегда дает одно откровение, которое потом веками исповедует церковь без всяких изменений.

- А по-вашему это не так?

- Вы же знаете, что Ветхий завет не был написан «за один присест» и одним только автором, он складывался веками. Поколение за поколением в еврейском народе являлись пророки, через которых Бог давал откровения, то есть разные люди в разное время черпали свои сведения из ОДНОГО источника. Что-то в них оставалось неизменным и подтверждалось, что-то уточнялось. Это нормально. Вот как ведет курс

каких-нибудь наук опытный преподаватель. Сначала, пока слушатели не готовы к глубокому уровню познания, дается общая несколько примитивная упрощенная картина, потом, по мере роста даются уточнения... Провидение не оставляет человечество ни на минуту, и не дает все за раз и навсегда. Ведь если принять такую точку зрения, то права не нынешняя Русская Православная церковь, а правы раскольники, которые воспротивились изменениям и уточнениям. Вон у нас их целая слобода! Подите – объясните им, что корректировка Никона была нужна, т.к. ничто не стоит на месте. Они вас тут же в антихристы запишут.

- Уже записали...

Тут нам нужно сделать отступление и немного рассказать о собеседнике Михеича – отце Пахомии, в миру Владимире Ивановиче Подаксенове. Это был седоватый пожилой человек, который служил настоятелем храма в селе Колмогорском уже 5 лет. Действительно, когда-то он закончил университет по специальности психология. Писал диссертацию, работая в психиатрической клинике. Но, как говорят (существует даже такая статистика), что психические отклонения чаще всего встречаются у математиков и психологов, причем у последних – чаще. Объясняют это тем, что выбирают специальность «психология» те, кто уже имеет скрытые проблемы с психикой и, благодаря науке, хочет с ними разобраться. Так было и у Владимира Ивановича. Он имел склонность к суициду с подросткового возраста. Работа в клинике ничуть не отдала его от проблемы, а только ее усугубила. Глядя на то, как психи, порой, не отличаются от здоровых граждан, так сказать, рядятся под личину приличного человека, он начал подозревать, что подавляющее большинство людей вокруг него – скрытые психи. Он стал напрягаться в общении даже с давними знакомыми, ожидая, что вот-вот они вдруг сорвутся и выкинут какой-нибудь психический трюк. Он стал нелюдим. Закупоривался в своей однокомнатной квартире после работы и на выходных. Никуда не ходил, ни с кем не общался. Но « психи » стали проникать к нему и через закрытые двери. И он тут отчетливо понял, что избавиться от них можно только сведя счеты с жизнью. Спасла его, можно сказать, чистая случайность.

В последнее время его особенно доставал один «псих» с темными кругами вокруг глаз и отвратительным синим языком, который тот постоянно показывал, кривляясь перед Владимиром. Он противно выкрикивал: «Слабо тебе повесится! Кишка тонка! Веревочка худа! Мыльца нема!». В тот вечер, не выдержав его оскорблений, Владимир плюнул ему в синюю харю. И вдруг увидел, что плевков как-то странно подействовал на «психа». Там, где он стекал по его роже, появлялось шипение, дым и «псих» как бы стирался, как ластиком, в этом месте. «Ага! Боишься, хрен, воды!» - обрадовался Владимир. Он ухватил «психа» за шею и потащил на кухню. Там заткнул раковину, открыл полную кран и стал пихать «психа» в воду, приговаривая: «Варись рыбка! Катись зыбка!». Псих ругался, шипел, дымился, но потихоньку разлагался. Часа два ушло у Владимира Ивановича на уничтожение прохиндея. Вся кухня была уже по щиколотку в воде, когда, наконец, в раковине исчез уже поганый хвост злодея. Владимир, очень довольный собой, сказал: «А вот и не слабо! Теперь ты, гад, мне не помешаешь!». Накинул веревку на люстру и начал приспособливаться. В дверь зазвонили и дико застучали: «Вы нас заливаете! Откройте немедленно!». «Еще психи подвалили! – подумал Владимир – нет, уж теперь или никогда!». Он продолжил свое дело. Когда дверь удалось вскрыть, он уже мирно болтался под люстрой.

Владимира сняли со слабыми признаками жизни. Повезли в реанимацию. Там произошел еще один криз. Признаки жизни исчезли. Так как это было в пересменку, ждали врача, как вдруг он опять подал признаки жизни. Прошло не менее получаса, как он побывал в клинической смерти.

Очнулся он совершенно спокойным. Тихая улыбка блуждала на его лице. Он глядел на мир так, как будто заново все увидел. Он долго не отвечал на вопросы, глядел в пространство с этой своей «идиотской» улыбкой. Думали, может с речевым аппаратом что случилось. Лишь на третий день он заговорил. Однако с персоналом он общался нехотя, все как-то односложно: да – нет. И все, казалось, глядел куда-то поверх этого мира, находясь в каком-то своем пространстве.

Через неделю он потребовал к себе психиатра. С ним была откровенная беседа.

- Я понимаю, что болен психически, но, уверяю вас, теперь я совершенно не опасен для общества, те тридцать минут, что я был «там», меня совершенно поменяли. Я прошу Вас, не помещайте меня в клинику, а отправьте домой. Я просто хочу понять, что было со мной, что я пережил в это время?

Он рассказал доктору про темный тоннель, по которому он двигался некое время, про то, как он видел все со стороны свое тело со следами веревки на шее.., про встречу с умершей мамой, которая утешала его и говорила, что все наладится, нужно только верить...

Доктор ему попался «продвинутый». Он сказал, что это ему все известно, что есть недалеко от города село Колмогорское, где живет старичок Михеич, который давал доктору почитать книжицу одну «Жизнь после жизни» Раймонда Моуди. Доктор посоветовал Владимиру Ивановичу сменить обстановку, поехать в Колмороское, снять там комнату и пожить немного на свежем воздухе, почитать книги, пообщаться с Михеичем. Сказано – сделано. Так началось знакомство будущего отца Пахомия со Степаном Михеичем.

Владимир Иванович за смешные деньги снял комнату в селе Колмогорском у местной старушки, какую ему посоветовал Степан Михеич. И стал вести здоровый образ жизни. Он не только много гулял, купался в местной речке, закалялся, но, главное, читал много книг из библиотеки Михеича, разговаривал с ним, слушал, как тот играет на рояле. Вечерами они сживали в читальном зале при зажженном камине. Все это оказало столь благотворное влияние на Владимира Ивановича, что недуг практически отступил. Теоретически можно еще, конечно, было ждать рецидива, но ничто на это не указывало. В город его не тянуло, а тянуло к мистике, именно не к религии, а к мистике. Он долгое время не читал Библию, потому что во время учебы им очень хорошо промыли мозги на счет христианства. Их преподаватель научного атеизма считался лучшим во всем университете, да что там в университете! Его, говорят, приглашали в Москву на кафедру научного атеизма в МГУ. Он настолько убедительно, как тогда казалось, обосновывал, что Библия – это набор выдумок, легенд и мифов народов Ближнего Востока, что сомнений у студентов не оставалось.

Зато Владимир Иванович охотно читал «Агни Йогу» Елены Рерих, Блаватскую, книги теософского общества. В ту пору эти книги можно было достать только у Михеича. Он страстно мечтал одно время съездить в Гималаи, думал найти там «просветление», но Михеич настраивал его так, что просветление не зависит от географического положения, а только от внутреннего состояния.

У бабушки, которая была глуховата и всегда громко включала радио, слава Богу, ненадолго, он однажды услышал, как известная певица пела: «Отпустите меня в Гималаи! Отпустите меня насовсем! А не то я завою, а не то я залаю, а не то я кого-нибудь съем!...» - он увидел себя как бы со стороны, ему стало дико смешно. Он не смог сдержаться и с громким гоготом выскочил от бабушки, напрямик направившись к Михеичу. Его сотрясали приступы смеха. Он ворвался к Михеичу, с порога засмеявшись и воскликнув: «Сейчас кого-нибудь съем!». Он рассказал Михеичу, что его так рассмешило, уже попивая знаменитый «библиотечный» чай с бальзамом. И с тех пор желание побывать в Гималаях его как-то покинуло.

К мистике он несколько охладел. Зато включился его живой острый ум, ум ученого и исследователя. Он захотел разобраться во всем массиве информации, который свалился на него в последнее время. Особенно его зацепила идея космической иерархии, где есть разного уровня «владыки» - сущности разного уровня духовной мощи, за каждой планетой и звездой «закреплен» такой «духовный» владыка. Собственно, это напомнило ему то, что он узнал о земной церкви – она тоже была иерархична. Он понимал, что разное устройство «сообщества» нужно под разные цели. Демократически «плоское» общество, где каждый может стать калифом на час, в результате выборов, например, «взлетев» на верхушку управления, имеет одни цели. Сообщество с иерархической лестницей управления – другие. Он стал терпеливо исследовать вопрос, а какой же такой «владыка» закреплен за планетой Земля? В книгах теософского общества он не нашел определенного ответа. В них все известные основатели религий были уравнены: Будда, Моисей, Христос, Муххамед, Кришна, Зороастр... - все это некие великие учителя человечества «одного ранга». И еще ждать нам какого-то Матрейю? Что-то тут не то, какое-то

противоречие!? Промелькивало в этих книгах еще какое-то имя Санат Кумар, но как-то не очень ясно. Ну, не может же духовный «владыка» Земли никак не проявиться в человеческой истории? Если он есть.

Однажды, пребывая в гостях у Михеича в его кабинете, на одной из книжных полок увидел он книгу с немного странным названием «Жизнь Иисуса» авторства некоего Ренана. Чем-то притянуло его это название.

- Степан Михеич, а что за издание? Вижу старинное, дореволюционное. Дай почитать?

- Какие вопросы? Бери. Кстати, потом хотелось бы обсудить с тобой содержание.

- Хорошо! – и Владимир Иванович погрузился в чтение.

Это была довольно грамотная историческая реконструкция эпохи, в которую жил Христос. Были хорошо воссозданы древняя Иудея, Палестина их климат, нравы и обычаи, верования и чаянья. Возникало ощущение, что ты сам ходишь по этим тесным улочкам Иерусалима, Капернаума, Назарета, Вифлеема..., дышишь пылью иудейской пустыни, ешь смоквы, жадно пьешь из источников прохладную воду, погружаешься в Иордан... Здорово были описаны подробности. Но главное, возникало ощущение, что ты ходишь рядом с Иисусом, видишь Его, говоришь с Ним. Образ Христа стал магически притягивать Владимира Ивановича, причем вопреки отношению автора книги. Ведь Ренан не верил в божественность Иисуса. Он считал его просто гениальным человеком, создателем одной из мировых религий, просто пусть великой, но отнюдь не мистической исторической личностью. Он не описывал чудеса Христа, ибо считал это выдумками. Но Владимиру Ивановичу какой-то чудный голос шептал – вот Он, Тот, кого ты ищешь, Он «Владыка» Земли, Венец иерархии. Откуда-то в нем родилось и зазвучало странное четверостишие:

По дорогам пыльной Иудеи,
По полям блаженной Палестины
Я ходил, ликуя и надеясь!

Я ходил за Ним, за Божьим Сыном!

Эта интуиция подкреплялось и рассудком. Мыслил Владимир Иванович примерно так:

- Вот Ренан недоумевает, как из маленькой «секты» в двенадцать учеников, которые поначалу всего боялись, могла вырасти МИРОВАЯ религия?! Невероятно! Ренан объясняет это некой «гениальностью» Иисуса. Но ведь смотрите: никакого серьезного УЧЕНИЯ Иисус не создал, не написал «десять томов про космическое мировое устройство и законы мироздания». Он лишь добавил некоторые заповеди, и то устно. И не стал велеть ученикам, чтобы те записали их на скрижалях, в отличие от Моисея. На что можно было надеяться? На передачу из уст в уста?! Долго ли эта передача могла продержаться в истории? В общем, вопросов была масса. Но Образ Христа глубоко очаровал Владимира Ивановича и поселился в его сердце. С этим он пришел к Михеичу после прочтения той книги.

Степан Михеич серьезно и внимательно выслушал. И начал свой ответ с вопроса, так как видел, что ответ на этот вопрос у его гостя есть:

- А, сам-то ты, Владимир Иванович, что думаешь по этому поводу?

- У меня тут появилось сравнение, которое, по-моему, многое объясняет. Когда-то я исследовал такой интересный случай, даже начал потом диссертацию писать, но не дописал - Владимир Иванович развел руками и беспомощно улыбнулся, давая намек на нынешние свои обстоятельства и все, что к ним привело.

- Так вот в том случае в одном районе города началось повальное галлюцинаторно-психическое расстройство одного типа у многих граждан. Этот всплеск напугал тамошних медицинских начальников. Дали задание – расследовать. И я попал в следственную группу. Естественно, от населения все скрывалось, чтобы не допустить паники. Проверяли многое, но все не имело отношения к делу. Однажды мне пришла в голову мысль сопоставить карту распространения заболеваний с розой ветров в данном районе. А там, знаете, был фармацевтический завод. Оказалось, что недавно он перешел к производству нового мощного препарата. А ветер с него

преимущественно дул в сторону этого района. Выбросы попадали на жителей. Я доложил. Сначала на меня косо посмотрели, но ситуация приближалась к катастрофической, и решено было принять меры. Поставили новые фильтры, и «вспышка» прекратилась. То есть «НЕВИДИМАЯ СИЛА» была причиной распространения заболевания. Я это к чему? По-моему, Ренан не видит, что причиной появления и распространения новой религии являлся не человек Иисус, а та невидимая, но колоссальная духовная Сила, которая стоит за Ним, проявляется через Него. Именно Она, действуя из других миров, через своих проводников в виде апостолов, проповедников и чудотворцев из века в век, на разных территориях у разных народов приводила к тому, что люди принимали вещи, которые трудно совместимы с земной жизнью, принимали христианские заповеди и старались жить по ним. Совершали подвиги разного калибра и ранга вопреки земным законам, ибо Сила эта духовная, которой обличен Христос, не от мира сего. Убери эту силу, и христианство долго не продержится, ибо христианство живет не благодаря, а вопреки земным законам. Как бы сказали наши марксисты – расширенное воспроизведение христианства из века в век, из народа в народ обязано наличию непрерывного действия этой Силы, Силы Божественной, а значит, Иисус Христос – воистину Сын Божий! – торжественно закончил Владимир Иванович.

- Замечательно, что Вы пришли к такому выводу сами, а не просто под воздействием какого-нибудь талантливого проповедника! – Михеич смотрел на гостя со светлой улыбкой. – Теперь это ваши твердые убеждения, поздравляю Вас! – Михеич продолжил:

- Знаете, а ведь Ренан «наступил на грабли», на которые человечество наступало и будет наступать еще не раз. Хотя он имел хорошее религиозное образование, однако не сумел сделать из него достаточных выводов. Я приведу Вам своими словами одно место из «Деяния апостолов» (но не Ренана, хотя у него есть и такая книжка, а из Нового Завета), где идет диалог в синедрионе после того как апостолы, испытав схождение на них Святого Духа, вышли с христианской проповедью на улицы Иерусалима. В Синедрионе сильно забеспокоились. Им казалось, что они покончили с этой «вредной

сектой» и ее предводителем. Он казнен. Эти запуганы. Все – тишина и покой воцарятся отныне в народе иудейском. Но «эти» опять вышли и стали нести прежнюю ересь, выдавая своего предводителя за Мессию. В синедрионе размышляли, какие меры принять к «этим». И тут выступил один из самых мудрых членов синедриона Гамалиил. Он сказал по сути примерно то же, о чем сейчас говорили мне Вы. Он сказал, что помните, был такой-то, который тоже выдавал себя за мессию и увлек за собой много народа, но его убили и народ рассеялся, теперь уж о них никто не вспомнит, и был еще такой-то, та же история, но он утонул и народ снова рассеялся без последствий, нет предводителя – нет секты, но это если предводитель и секта не от Бога, а от человеков. А вот если Тот, о ком мы говорим, был действительно от Бога? И секта не рассеивается потому, что Он от Бога?! Тогда, действуя против них, мы будем действовать против Бога!!! Поэтому оставим их в покое, если, мол, не от Бога, то само «рассосется», а если от Бога... Синедрион был очень впечатлен этой речью, и апостолов оставили в покое.

Владимиру Ивановичу очень запала в душу эта речь Михеича, и он впервые попросил дать почитать Новый Завет. Дальше – больше, он начал осваивать всю Библию, и появилось у него желание – стать священником. Он стал ходить на службы в местный храм. Потом попросил у священника благословения на поездку в Троице-Сергееву лавру для поступления в семинарию.

Перед поездкой они еще раз встретились с Михеичем, сели у камина. Начали разговор.

- Ты собираешься стать иерархом Православной Церкви. Ты же как-то начинал размышления об различии иерархического и «демократического» устройства общества? Что у них разные цели?

- Да, было дело. – Владимир Иванович давно не удивлялся способности Михеича – читать скрытые мысли людей.

- Давай поговорим об этом. Ибо так или иначе это нужно понять, чтобы лучше исполнять обязанности одного из иерархов, ну, точнее, иереев, церкви.

- Готов поучаствовать в разговоре.

- Ну, действительно, ты прав. У «плоского» демократического устройства общества несколько простых целей и главная из них – избежать крайностей расслоения общества на крайнюю нищету и крайнюю роскошь. Поэтому главной опорой такого общества является так называемый средний класс. Чем больше в этом классе людей, тем устойчивее демократическое общество. Общая сытость и комфортность жизни достигает при этом максимумов охвата населения. Социальные противоречия сглаживаются. Все довольны, сыты и умиротворены. Только вот есть и другая сторона медали. Такое общество, во всем, а не только в материальном достатке «уплощается». Культура тоже уходит от аристократических форм: опера вытесняется опереттой, оперетта – мюзиклом, мюзикл – рэпом и хип-хопом... Живопись – ну тут не просто деградирует до «черного квадрата» Малевича (тут еще можно было бы уйти обратно, ибо это – тупик), но заменяется пошлым Энди Уорхолом, сопливыми и фекальными инсталляциями. Кино тоже не порождает шедевры. Наука и философия почти не выдают прорывных идей, идей фундаментального порядка, да, главное и не ставят «вселенских» вопросов. Церковь на Западе, увы, тоже, заигрывая с «демократией», уплотняется и деградирует, не предлагая людям духовного подвига, прорыва к высотам духа, а так немножко лепечет им о Боге, стараясь не сильно мешать мещанскому бытию. Иное дело общество иерархическое, если оно не выродилось, то оно устроено так, что есть лестница, постоянно зовущая человека ввысь. Искусство порождает гениальные шедевры, наука открывает новое представление о самом фундаментальном строении вселенной, философия мучительно ищет ответы на самые «проклятые» вопросы о человеческом предназначении. Религия рождает гигантов духа – святых. В таком обществе есть не только гениальные творцы, но, главное, – их творения востребованы определенным слоем общества – аристократией, публикой очень взыскательной с высоким вкусом. Она, эта аристократическая публика, не принимала пророй даже шедевры (хотя время потом расставляло все на свои места), а пошлятину – уж отсеивала еще на подходе. Потом в СССР роль такой взыскательной публики играли «худсоветы», они тоже иногда ошибались, но в целом фильтр от пошлости работал. А вот в «плоском» обществе гении и их шедевры не нужны. Они непонятны и не востребованы. Представь, что

сейчас кто-то напишет такую музыку или стихи, как писали в эпоху немецкого романтизма Гете и Бетховен, в эпоху «штурма и натиска». Она вызовет лишь улыбку у современного человека – мол, че надрываются, куда зовут, зачем «бурлят»?! Спуститесь дядьки на землю!

Общество иерархическое, с настоящей элитой там вверху – это общество постоянного совершенствования человека на пределе его возможностей. Ведь сейчас как: а че, напишу я «стихи» ну, или нечто по форме напоминающее стихи – рэп. Все пишут! Напрягаться особо не надо. И «музыку» к ним, на уровне «ту-дум»! За качество таких «стихов» и «музычки» никто не спросит. Публика невзыскательна! Понимаешь! Публика невзыскательна – в этом главная проблема! Все сойдет, всякая безвкусица и пошлятина, лишь бы ее правильно «раскрутить», и еще будет иметь миллионы поклонников! А современная литература?! Как сказал еще Чехов «писатель пописывает – читатель почитывает»! Это он, бедный, еще не знал, что будет с литературой в недалеком будущем. Современную ситуацию спасает еще то, что человечество в прошлом накопило золотой запас культуры, он еще востребован, но чем дальше – тем меньше! Вывод: плоское общество нужно менять на иерархическое. Демократия выполнила свою роль – выровняла уровень жизни, сделала доступным всем слоям общества достижения культуры, науки, религии, философии, образования... Демократия может уходить. Может быть когда-то, когда опять накопятся сильные расслоения, нужно будет вернуть демократию на время.

- Если я понял тебя, Степан Михеич, правильно, то церковь никогда не должна «уплощаться»? Правильно, что она жестко придерживается позиций иерархического устройства?

- Верно, только расслоений сильных допускать нельзя, иначе все это перенапрягается и рушится.

- Но вот смущает меня картина будущего общества, которую ты нарисовал. Это, прямо, Индия какая-то с кастовой системой: брахманы, шудры...

- Есть некое сходство, но огромны различия. Если там в касту попадают по рождению и до конца жизни, то есть это замкнутые системы, то, назовем это, «слои» нового общества будут открыты. Если человек будет соответствовать слою, то попадет в него без проблем и перейдет в другой в случае нового развития. Знаешь, наша советская система была многим хороша, но в своем стремлении всех уровнять – перебарщивала. Профессор мог жить в одной коммуналке с алкашом. Ведь, понимаешь, что слесарю будет трудно в обществе академиков, а академику в среде слесарей. Иерархическое общество должно будет сохранить такое достижение демократии, как доступность к образованию, культуре, религии, философии..., но оно должно создать такую лестницу слоев, по которой человеку было бы легко подниматься, т.к. каждый слой будет обеспечивать наиболее благоприятные условия для развития духовного, интеллектуального, культурного, физического...

- Утопия какая-то!

- Пока да.

- Еще вопрос: иерархическое общество подразумевает монархию? Наверху абсолютизм? Самодержец? Суверен! Вниз идет лестница «феодалов».

- Ну, в современном варианте это будет не так, хотя некое сходство есть. Феодалы были просто землевладельцами, а не людьми с соответствующим уровнем развития. А здесь именно уровень развития будет играть определяющую роль, какое место на этой «лестнице феодалов» будет занимать человек. В своем романе «Зубр» о Тимофееве-Ресовском Даниил Гранин писал, что в сложившемся у них в довоенном европейском круге ученых был такой интересный принцип равенства: ты равен тому, кого понимаешь!

- Ты равен тому, кого понимаешь! Да, интересно! Нужно запомнить.

На следующий день Владимир Иванович уехал в Сергиев-Посад. Там он успешно закончил семинарию. И через несколько лет попал снова в село Колмогорское, только уже в качестве настоятеля местного

храма. Он сразу по окончании семинарии туда просился, и как только представились обстоятельства, его туда и направили.

Из семинарии теперь уже рукоположенный отец Пахомий вернулся убежденным монархистом с иконой Николая Второго и его семьи. Он говорил с Михеичем о пророчествах православных старцев и некоторых ясновидящих священников, в которых предсказывалось, что незадолго до прихода антихриста Русь православную возглавит Помазанник Божий, царь, который будет послан самим Богом. Он спрашивал мнения Михеича на сей счет.

- Да, я согласен, пусть этот человек будет назван царем, хотя это не совсем соответствует положению дел. Помните, перед Вашим отъездом на учебу мы говорили о возможности возрождения монархии? Вы тогда еще сомневались.

- О, я тогда был еще бесконечно далек от истинной веры! Но ведь Вы тогда верно многое предугадали!

- Ну, да, ну да...

Первые недели после возвращения отца Пахомия они еще общались на «вы». Возникла какая-то дистанция между ними. Новое положение отца Пахомия обязывало его говорить как бы с оглядкой. Он ощущал себя уже не просто мирянином, а представителем церкви. Но мнением Михеича дорожил как прежде. Михеич, понимая деликатность ситуации, давал возможность новоиспеченному батюшке освоиться в этой роли. А на вопрос о пророчествах про православного царя предложил сначала прочесть «Розу Мира» Даниила Андреева. Реакция батюшки не заставила ждать:

- Не буду я читать эту книгу! Нам четко сказали, что она антихристианская! Ее просто рекомендуют игнорировать. Некоторые батюшки даже сжигают. Читал я у дьякона Андрея Кураева про это сочинение, там четко все разъяснено!

- То есть саму книгу Вы еще не читали, а Вам уже с ней все ясно?! «Не читал, но осуждаю!». Прямо 37 год какой-то. – с усмешкой произнес Михеич.

- Ну, хорошо, только из уважения к Вам лично. Вообще-то, времени у меня немного, а дел уйма!

- Ну, из уважения ко мне лично! – снова улыбнулся Михеич. Снял с полки книгу в красном переплете и протянул ее батюшке. Тот взял, слегка насупившись. Видно было, что он просто выполняет просьбу товарища, хотя и не очень ему приятную.

С тех пор минуло почти полгода. Батюшка не навещался к Михеичу. Хотя Михеич на службах в храме бывал исправно. Наконец, отец Пахомий решился зайти к библиотекарю, и у них состоялся основательный разговор.

Глава 16. Тайна миссии 1.

- А, Вы знаете, Степан Михеич! Я, пожалуй, соглашусь с дьяконом Андреем Кураевым. Эта книга еретическая и может привести к новому расколу церкви. – отец Пахомий положил на стол большого формата книгу в красном переплете. – Эта Ваша «Роза Мира» паразитирует на христианстве. Берет христианские образы, искажает их, вносит свои интерпретации, порой, недопустимые с точки зрения христианской догматики. А автор, этот Даниил Андреев просто находился в прелести.

Михеич молча подошел к книжным полкам своего кабинета и достал две довольно толстых увесистых книги. Он положил их рядом с «Розой Мира» на стол. Оказалось, что это были Библия и Коран.

- Отец Пахомий, а можете ли Вы сказать то же самое о Коране? Ведь хорошо известно, что Коран процентов на восемьдесят повторяет то, что написано в Ветхом Завете.

Отец Пахомий остановился, задумался. В семинарии их учили – терпимо относиться к другим коренным религиям России. Он публично не имел право оскорблять чувства верующих мусульман, буддистов, иудеев. А заявление о том, что Коран «паразитирует» на Библии было бы прямым наскоком на мусульманство.

- Ну, откровенно говоря, я не знаю, как ответить. Но, между нами, в душе я думаю, что так и есть.

- То есть, Моххамед, не истинный пророк, а просто находился в прелести?

Даже, если отец Пахомий мог согласиться с этим мнением, он не мог позволить себе высказать это вслух. Пророк Моххамед – «краеугольный камень» ислама. Нельзя позволять себе такого оскорбления чувств верующих мусульман.

- И вообще, как можно четко и однозначно определить, какой человек находится в прелести, а какой – нет?! Ведь, например, для иудеев Христос находился «в прелести» и прельщал других людей.

Вопрос Михеича застал Отца Пахомия врасплох. В семинарии им пытались объяснить то, как определить, действительно ли у человека дар Божий прозорливости или он находится в прелести. Говорили, что нужно обращать внимание на то, насколько человек воцерковлен, постится ли он должным образом, молится ли достаточно, есть ли у него признаки гордыни... еще что-то. Но все это было вяло и малоубедительно. Словно был какой-то рецепт, соблюдая который, можно достичь стяжания божьей благодати. А как же «Дух Божий дышит, где хочет!». Одной «рукой» их учили, что фарисейство не гарантирует близость к Богу. Что только состояние души, искреннее покаяние, искренний порыв ее ввысь может принести плоды стяжания Святого Духа. С другой стороны постоянно уделялось много внимания мелочным деталям обряда. Обсуждались какие-то «тонкости», которые напоминали отцу Пахомию спор еврейских мудрецов, о том, что можно делать в субботу, а что – нельзя. Особенно трудно было обсуждать таинство исповеди, жестко привязанное к таинству причастия. Как исповедоваться, в чем исповедоваться? Столько здесь было скрытых «камней преткновения». Кого допускать до причастия, а кого нет? В конечном итоге, как понимал отец Пахомий, это, все равно, сводилось к духовной интуиции священника, чуткости его души. Так и в вопросе, кто в прелести, а кто нет – не было четких критериев. Вот, например, тот же монах Авель, в миру Василий Васильев, писал свои «страшные» книги, а его за это в заключение! Мол, в прелести находится сей монашек! А ведь потом оказывалось, что он был прав. А скольких пророков побивали камнями еще в глубокой древности те же иудеи? Христос прямо говорил иудеям: кровь их на ваших руках и руках ваших предков.

Видишь ли, если не нравится то, что говорит пророк – то он и в «прелести» пребывает! Такой странный критерий часто выходит на первое место. А пророки нередко говорили нелюбимые вещи! Нет, здесь нужны какие-то другие критерии! Но какие?

- Хороший вопрос о критериях истины – Михеич опять как бы прочел мысли отца Пахомия – Есть тут у меня диссертация на эту тему, кстати, одного местного жителя – Юрия Платонова. Родился и вырос в нашем селе Колмогорском, затем закончил философский факультет университета.

Михеич достал с полки книгу, в переплете не стандартном, а кустарном. То была юрина диссертация.

- Но сейчас не будем разбираться в тонкостях философии. Давайте обратимся к Евангелиям.

Такая постановка вопроса порадовала отца Пахомия, здесь, как ему казалось, он должен чувствовать себя уверенно.

- Помните, какой критерий истины сформулировал Христос апостолам: «По плодам их узнаете их».

Отец Пахомий закивал. Конечно, всем людям православным хорошо знаком этот критерий.

- Вот в самом начале, помните, вы сказали, что «Роза Мира» книга еретическая и может привести к новому расколу церкви?»

- Ну, да. Я так считаю. И не только я...

- А между тем, с тех пор как «Роза Мира» вышла из печати первый раз, и ее прочитали миллионы людей, прошло двадцать (двадцать!) лет. Никакой секты «розамировцев» не возникло. Есть движение, практически секта, «агниеговцев», есть «Белое братство», есть виссарионовцы, есть еще много всего, что сознательно противопоставляет себя православной церкви. Они обвиняют ее во многих грехах и хотят ее заменить на себя любимых или расколоть. Совсем не так с последователями «Розы Мира». Сколько я их знаю лично и насколько могу проследить теперь с помощью современных средств коммуникации, проще – с помощью интернета, они признают православную церковь как истинную Церковь Христову и большинство

из них люди воцерковленные, причем пришли они к православию именно через «Розу Мира». Вот вам плоды! Никакой раскольнической деятельности розамировцы не ведут. Что скажете?

- Тут, пожалуй, сказать нечего... Но вот, есть же там подмены, иные трактовки центральных понятий христианства.

- Например?

- Возьмем то, что говорит ваш Андреев о земной миссии Христа. Я специально закладочку положил. Дайте-ка мне книжечку.

Михеич передал книгу отцу Пахомию, там действительно было несколько закладок.

- Сейчас-сейчас, которая из них? А вот, нашел! Давайте я зачитаю.

- Хорошо, читайте. – Михеич сложил руки на груди. Встал недалеко от окна. А отец Пахомий одел очки, которые на цепочке все время висели у него под аккуратной бородкой.

“Насколько метаисторическое познание допускает понимание задач Христа, стоявших перед Ним в Его земной жизни, настолько их можно определить пока следующим образом. Приобщение человечества Духовной Вселенной вместо догадок о ней при помощи спекулятивной философии и одиноких предчувствий; раскрытие в человеке органов духовного восприятия; преодоление закона взаимной борьбы за существование; разгибание железного кольца Закона кармы; упразднение в человеческом обществе закона насилия и, следовательно, государств; превращение человечества в братство; преодоление закона смерти, замена смерти материальным преображением; возведение людей на ступень богочеловечества. О, Христос не должен был умирать - не только насильственной, но и естественной смертью. После многолетней жизни в Энрофе и разрешения тех задач, ради которых Он эту жизнь принял, Его ждала трансформация, а не смерть - преображение всего существа Его и переход Его в Олирну на глазах мира. Будучи завершённой, миссия Христа вызвала бы то, что через два-три столетия на земле вместо государств с их войнами и кровавыми вакханалиями установилась бы идеальная Церковь - Братство. Число

жертв, сумма страданий и сроки восхождения человечества сократились бы неизмеримо” (Р .М. стр.114).

- Так, - Михеич кивнул, - что тут Вас смущает?

- Но ведь это прямая подмена. Ведь Христос, как учит православная церковь, пришел на землю, чтобы пострадать за нас, быть распятым и умереть! А потом воскреснуть! А тут черным по белому написано, что «Он не должен быть умирать не только насильственной смертью, но и естественной»! Что тут обсуждать?!

- Вы верно заметили, «как учит православная церковь». Она существует две тысячи лет. Это немало, но еще примерно за полторы тысячи лет до этого Бог, можно сказать, специально создал иудейскую нацию от Авраама. И у иудеев могла быть иная точка зрения на Мессию. Если принять только православную точку зрения, то получаются сразу некие несостыковки: Бог создал и пестовал еврейскую нацию полторы тысячи лет, только для того, чтобы по приходе Его Сына на землю они предали его и кричали: «Распни, его распни!». А что другие, те же римляне, не могли распять без предательства иудеев? Бог водил народ израилев по пустыням, пестовал и лелеял, посылал к ним пророков, защищал их, когда они были верны Богу или наказывал, когда они уклонялись от истинной веры. И каков финал – «се оставляется дом ваш пуст!». А может все-таки что-то пошло не так? «Пришел к своим, и свои не приняли Его». Неужели миссия еврейского народа, так долго любимого Богом, была только в том, чтобы не принять и предать?! Еще вопрос, а без этого предательства миссия Христа не могла обойтись? Как бы Его распяли, если бы не настаивал на этом народ иудейский, ведь Пилат хотел отпустить Его?

Вопросы, подкрепленные цитатами из Евангелий, были для отца Пахомия раздражающими.

- Я вижу, что Вам несколько неприятен этот разговор, но чтобы прийти к истине, нужно, порой, задавать неудобные вопросы. Видя расхождение между источниками в ответах на вопросы, нужно или иметь четкие критерии, как определить, на чьей стороне правда или провести исследование. Правда не боится испытаний.

- Вы что, предлагаете провести исследование? Да вы знаете, сколько людей за тысячелетия существования христианства написали тысячи томов исследований? Наше с Вами вряд ли привнесет что-то новое!

- Но вот возникли новые обстоятельства, «дело» нужно отправить на исследование. – Михеич взял с полки новую папочку. Открыл ее, она оказалась пустой – сюда мы сложим результаты нашего с вами исследования. Ведь хотя бы для себя нужно разобраться, в чем правда. Что же думали древние иудеи о грядущем Мессии? О том, как Он должен осуществлять миссию, в чем она должна заключаться, чем завершиться? Почему они совершили такую ошибку и не поняли «часа посещения твоего»? Они ведь до сих пор ждут мессию!

- Ну, этого, мы никогда не узнаем! У нас же нет машины времени!

- Есть! – Михеич сделал паузу – есть! Это древние документы, прежде всего Евангелия, Библия. Там если не все, то многое можно найти, если правильно искать. Кроме того, ожидания от прихода Мессии у современных евреев практически не изменились с тех древних времен. Есть реконструкции атмосферы того времени, уклада жизни, верований, и предрассудков. Тот же самый Ренан многое верно воссоздал в своей книге. Но мы обратимся, прежде всего, к Библии.

Михеич снял Библию с полки.

- Вот Библия в синодальном переводе на русский язык с перекрестными ссылками. Вас устроит такой источник? – спросил Михеич, передавая книгу в руки священника. Отец Пахомий взял книгу, посмотрел. Действительно, книга была издана с одобрения Святейшего синода Православной церкви.

- Устроит.

- Ну, вот одно очень важное место из Евангелия от Иоанна: «Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон. И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе. Сие говорил Он, давая разуметь, какою смертью Он умрет. Народ от вечах Ему: мы слышали из закона, что о Христос пребывает вовек: как же Ты говоришь, что должно вознесу быти Сыну Человеческому? Кто от Сын человеческий?» (Ин. Гл. 12. ст. 32-34).

- Как Вы, отец Пахомий прокомментируете это место?! О чем это народ? Что он слышал о грядущем Мессии? Не то ли, что написано в «Розе Мира», что Он не должен умирать никакой смертью: «мы слышали из закона, что Христос пребывает вовек» ?!

Отец Пахомий держал в руках Евангелие. Тут все было написано недвусмысленно. А Михеич упорно продолжал:

- И сейчас народ иудейский ждет Мессию, считая, что с Его приходом Израиль будет благоденствовать, что все народы примут веру в Единого Бога, что не будет ни болезней, ни войн, ни смерти... Откуда они это взяли? Почитайте, тут есть перекрестные ссылки на те места Ветхого и Нового завета, где об этом говорится. Гораздо сложнее понять, откуда в христианстве возникла точка зрения, что Христос с самого начала только для того и воплотился, чтобы быть преданным своим народом и распятым. Где Бог внушает евреям, что вы должны предать пришедшего Мессию, презреть Его и казнить?

- А я Вам скажу, тут же есть ссылка и на такое место – Отец Пахомий хорошо учился в семинарии и кое в чем был подкован. Вот место у пророка Исайи в главе 53 – он полистал книгу, нашел нужное место и протянул Михеичу, – там же четко написано, что Его не примут, и Он пострадает за всех.

- Да, я знаю. Смотрите, к чему мы с вами пришли: миссия Христа была задумана в двух вариантах: первый – когда Его примут и Он победит силы зла вместе с народом Израиля, просветлив постепенно все человечество и подняв его на новую духовную высоту;

- второй вариант предусматривал то, что Его могут не принять, тогда продолжением миссии должна стать смерть, нисхождение в ад и затем воскресение. Тогда главная победа переносилась из нашего мира в миры потусторонние, где Он отнял у ада его главную тяжкую участь – безысходность, то есть невозможность выхода оттуда ни при каких обстоятельствах.

В чем главная ошибка и христиан и иудеев, когда они рассуждают о миссии Христа? Нам мой взгляд – это ошибка в том, что они слишком прямолинейно понимают тезис и всемогущество Бога. Мол, раз так

произошло, то только так и было задумано Богом, ибо Он всемогущ, и никто не может помешать Ему в исполнении Его замыслов!

- А разве не так?!

- Не так. Бог дал нам свободу воли – так?

- Так!

- Это подразумевает, что, несмотря на Его замыслы, мы можем пренебречь Им и поступить по-своему – так?

- Ну, да, - вынужден был согласиться отец Пахомий, - в этом-то грех и состоит, что мы идем против воли Божией.

- Но Он же нам это позволяет!

- Позволяет.

- В таком случае, задумывая какое-то деяние по отношению к Вам или ко мне, Бог должен предположить, что мы можем принять, а можем отказаться? Он нам оставляет такой выбор?

- Оставляет.

- А, значит, Он должен продумывать свое деяние как минимум в двух вариантах: когда примем и когда не примем! Так?

- Получается, что так... – медленно проговорил батюшка.

- Отказывался пророк Иона поначалу идти в Ниневию?

- Отказывался!

- Уклонялись евреи от веры, которую дал им Бог?

- Уклонялись...

- Даже Дева Мария имела право отказаться, когда послан был к ней архангел Гавриил. Или нет?

- Но она сказала: «...да будет Мне по слову твоему...».

- Сказала, но имела право отказаться или нет? Или цыть! Делай только так как сказано! А тогда и разговаривать не нужно!

- Все это запутано, по-моему... - медленно проговорил отец Пахомий, - с этим надо разобраться... Слишком все это неожиданно. Дайте подумать!

- Хорошо. Но я все же хочу на сегодняшней теме расставить все точки над «і». В «Розе Мира» сказано об обоих вариантах развития событий вокруг земной миссии Иисуса Христа. Получается, что и иудеи, и христиане подходят односторонне к осмыслению этой миссии. Поэтому появляется парадокс – мнимое противоречие, которое происходит только от узости взгляда. В обобщении этих взглядов и содержится истина. Я все же не удержусь, чтобы не привести и не обсудить еще одно из моих любимых мест Евангелий, которого мы уже коснулись.

Михеич взял в руки Библию, полистал немного:

- Вот: «И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки и Царству Его не будет конца.» (Лк. гл.1 ст.26-33).

- Что предвещает ангел Марии? Где здесь намек на казнь, воскресение? Говорится прямо и просто: займет царский престол, будет царствовать над домом Иакова и Царству Его не будет конца. Слышите отец Пахомий! Царству Его не будет конца! То есть вначале был шанс, что Его примут и все исполнится по первому варианту – миссия земная будет завершена триумфально! Что Вы на это скажете?

- Это подразумевает, что Христос есть царь царей на небесах! А когда Евангелие будет проповедано во все концы земли, Христа примут все народы как царя, я так думаю.

- Да, но Он было таким Небесным царем и до своего земного воплощения. И здесь подразумевается конкретный земной престол царя Давида, а не небесный.

Отец Пахомий стоял в глубоком раздумье. Он не знал, чем возразить Михеичу. Ведь тот брал его так сказать на его же «земле», не абстрактными рассуждениями, а библейскими текстами. Такому их в семинарии почему-то не учили.

- Мне нужно подумать. Дайте мне эту вашу книжечку. Уверен, я найду там еще кучу противоречий.

- Пожалуйста, - протянул «Розу Мира» Михеич.

Они договорились снова встретиться, когда у отца Пахомия созреют аргументы, и поговорить.

Глава 17. Тайна миссии 2. Смерть, где твое жало?! Ад где твоя победа!?

Новая встреча произошла нескоро. Прошлая беседа прилась на начало страстной седмицы. У отца Пахомия было много дел в храме и помимо него. И только в пасхальное воскресенье, после службы, сначала всенощной, потом утренней, когда отец Пахомий, казалось, должен был бы устать, он нашел в себе силы и решил пойти на разговор со Степаном Михеичем, тем более что в пасхальное воскресенье у него всегда было приподнятое настроение.

Степан Михеич будто поджидал батюшку в своей библиотеке.

- Проходите, гость дорогой! - У него и стол был накрыт с пасхальными кушаньями.

- Христос воскрес! - Отец Пахомий погладил свою аккуратную бородку.

- Воистину воскрес!

- Ну, со светлым Христовым воскресением! – подняли по рюмке кагора. Пригубили. На лице отца Пахомия не было напряжения, как в прошлый раз, когда речь первый раз шла о «Розе Мира». Он выложил большую в красном переплете книгу на стол и начал степенным тоном:

- Время поста – время размышлений и молитв, особенно на страстной седмице. Я хотел искать в Вашей книге противоречия, но пришел пока к совершенно иным выводам. Мне показалась очень странной и даже невероятной мысль, что случись Христу закончить Свою миссию на земле триумфально еще тогда, более 2000 лет назад, то сама смерть бы исчезла, а заменилась материальной трансформой. То есть, размышлял я, как это так – люди бы совсем не умирали, а уходили на небо (или там правильное сказать в иные миры) вместе с телом?! Невероятно! Невозможно! Фантастика! Но однако ведь и Ветхий и Новый заветы знают такие случаи: например, пророк Илия,

как свидетельствует нам писание, был взят на небо в теле. Сам Христос вознесся вместе с преображенным телом на небеса, Богородица не оставила нам своих мощей, потому что так же взята была в теле в царство небесное, Иоанн Богослов – единственный из апостолов, мощей которого мы не имеем по той же причине. Значит, прецеденты были, т.е. сие возможно в принципе. Кроме того, вспомнил я, что еще до семинарии, увлекаясь всякой литературой из ваших закров, прочитал там интересную мысль, тогда показавшуюся мне пустой фантазией древних. Мысль эта состояла в том, что пирамиды строили отнюдь не для захоронения в них фараонов, а для помощи им в трансформе, т.е. переходе в иные миры вместе с телом. «Саркофаг» – переводится буквально как «пожиратель мяса» или пожиратель тела. Т.е. в него клали еще живого фараона, приготовившегося к переходу иной мир, а потом, через пару – тройку дней открывали крышку, а там – ничего!

- Да, знаете, отец Пахомий, хочу вас поддержать. Что забавно, я разговаривал на эту тему с историками. Их позиция удивляет. У них есть древние тексты пирамид, где это самое и утверждается, на счет перехода фараона в иные миры в теле, но поскольку это, с точки зрения современной науки – абсурд, то эту информацию они вообще ни разу не рассматривают, как достоверную, а сразу отбрасывают напрочь. Хотя ни в одном саркофаге, найденном в пирамидах (а, находили даже саркофаги с невскрытой «грабителями» крышкой, опечатанные печатью фараона), никаких останков или мумий найдено не было. Ученые придумывают разные версии о том, зачем нужны были эти циклопические пирамиды. Чего только там нет, кроме версии самих древних египтян.

- Да... - протянул батюшка – так вот, самая смерть бы исчезла! Это натолкнуло меня еще раз хорошо перечитать Евангелия. Нашел я в одном месте следующие слова. Позвольте – он указал рукой на место в книжной полке, где стояла Библия. Михеич передал ему книгу. Тот полистал.

- Вот, от Иоанна, глава 8, стихи с 51 по 53 “Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Моё, тот не увидит смерти вовек. Иудеи сказали Ему: теперь узнали мы, что бес в тебе. Авраам умер и

пророки, а Ты говоришь: кто соб людёт слово моё, тот не вкусит смерти вовек. Не ужели Ты больше отц а нашего Авраама, который умер? и пророки умерли: чем Ты Себя делаешь?” Раньше я воспринимал эти слова метафорически, мол, не увидит смерти вовек – это о спасении души. Но теперь для меня эти слова высветились как-то по-новому. Если, действительно, они сказаны были еще до того, как Ему стало ясно, что миссия будет оборвана, недовершена, то они имеют прямой смысл – смысл отсутствия смерти телесной! Удивительно! И иудеи попрекают Его за это, не понимая, Кто перед ними! А Он мог бы это сделать реальностью – телесное бессмертие, не в смысле вечного существования в физическом теле в нашем мире, а в смысле перехода в иной мир в теле. Удивительно! Я теперь по-другому стал смотреть на фигуру Христа, хотя казалась мне раньше она уже такой ясной. Это же какого масштаба воистину Божественная Личность воплощалась две тысячи лет назад?! Это же какая власть Ему была дана Отцом Небесным?! Он способен был устранить саму смерть! Еще тогда! – отец Пахомий сидел ошеломленный и взгляд его был направлен куда-то вверх. Но вот вышел из этого оцепенения и продолжил разговор:

- Однако давайте поговорим о Христовом воскресении. В «Розе Мира» написано, что до схождения Христа во ад, между смертью и воскресением, у миров адских были наглухо замурованы выходы, и попавшие туда души не имели надежду никогда вырваться оттуда.

- Да, недаром Данте видел надпись на дверях ада: «Оставь надежду, всяк сюда входящий» (правда, на тот момент уже не актуальную). Кроме того, и в легендах древней Греции мы видим такое же представление о безысходности и вечности адских мук о невозможности выйти из мира мертвых. К сожалению, такое представление господствует до сих пор во многих религиях.

- Да, вот это противоречие, которое я хотел бы поподробнее обсудить. В «Розе Мира» написано, что Христос в те три дня между смертью и воскресеньем сошел во ад и открыл все слои, сдвинул все засовы, разрушил все запоры. Что же теперь получается: ад открыт не только для входа, но и для выхода?

- Совершенно верно! Почему мы называем Христа Спасителем? Ведь в нашем мире практически ничего не изменилось. Остались

страдания, болезни, голод, насилие, войны, вражда, ненависть, наконец, самая смерть не заменилась на воскресенье, какое произошло с Самим Христом. Но теперь, попав в потустороннем мире в адские слои чистилищ и страдалищ, человек, очистившись через страдания, может оттуда выйти и воплотиться снова в нашем мире или уйти в светлые миры восходящего ряда без дополнительного воплощения. Не зря же на пасхальной литургии мы поем «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробе живот даровав». Именно это «сущим во гробе живот даровав» и есть суть его второго варианта завершения земной миссии – в преображении не нашего мира, но миров потусторонних. Священник во время службы восклицает: «Смерть, где твое жало?! Ад, где твоя победа!» - именно потому, что жало это и вырвал Христос. Отнял у смерти ее безвременный характер. Ох, как разозлен был Планетарный демон! Его добычу из клеток повыпускали! Ограбили! Все, что нажито непосильным трудом... - Михеич улыбнулся, снова чокнулся рюмкой с батюшкой и пригубил вино.

- Многие, кто уж давно томился там и был очищен страданиями, сразу пошли наверх, пройдя как духи, через наш мир. Почему люди отмечают т.н. «родительский день» на девятый день после Пасхи? Обычай пошел, думаю еще с тех времен. Выпущенные на свободу из адских слоев души «пообщались» с родственниками, прежде чем пройти дальнейшую эволюцию в иных мирах. Кому-то являлись во сне, кому-то пригрезились в виде призраков... напомнили о себе, и люди пошли на могилки, помянуть их.

- Интересная мысль, она дает мне ответ на один важный вопрос. Я в православной литературе встречал такие описания, когда святые говорили людям, что их родственники «вымолены» из ада. Я про себя размышлял так, либо ад вечный, муки вечные, и оттуда уж никому не дано вырваться, либо оттуда можно как-то «вымолить» душу. То есть ад как бы с «дырами», через которые на «нитях» молитв вытаскивают-таки грешные души. Теперь, мне кажется, ответ ясен – это все заслуга нашего Спасителя, открывшего выход из тех слоев.

- Согласен! Еще в связи с этим хочу высказать одну важную мысль, так же снимающую некое противоречие между представлениями

разных религий о формах эволюции человека. Почему так сложилось, что в мифологии Индии и попавших под влияние буддизма других стран есть представление о перевоплощениях, а в средиземноморских религиях – нет? Даниил Андреев объясняет это так. В метакультуре Индии еще в древние века сложился настолько мощный синклит (сонм просветленных душ), что он не дал Планетарному демону замкнуть у них слои нисходящего ряда наглухо. Там они всегда оставались открытыми, а потому души, попавшие туда, могли оттуда выходить и перевоплощаться. А вот в средиземноморских метакультурах это, как мы теперь понимаем, было не так. И перевоплощения были невозможны. Зато теперь, после победы Христа и в наших метакультурах такой путь души, путь нескольких перевоплощений перед окончательным восхождением в «царствие небесное», стал возможным.

- Раз уж сегодня Володя ты стал открыт для таких серьезных метафизических разговоров, то хотел бы я еще обсудить с тобой пару тем – это метафизика греха и карма. Ты же с последним термином познакомился еще из работ Рерихов? – Михеич перешел с Владимиром Ивановичем на «ты». Видно отношения их несколько потеплели. Беседа стала приобретать более открытый и дружеский характер.

- Я понимаю, насколько вас в семинарии оттолкнули от этих восточных эзотерических терминов. Но уж потерпи ты меня, старика. Может что дельное от меня услышишь. Так вот, ты сам понимаешь, что в литургии, особенно пасхальной, лишних слов нет, каждое должно иметь глубокий духовный, или как бы я сказал, метафизический смысл. «Смертию смерть поправ», или «смертию смерть разрушив» - так звучит в пасхальной службе?

- Воистину так, Степан Михеич!

- Вот как ты понимаешь глубину смысла этих слов?

- Ну, понимаю, как все православные христиане – Христос сам добровольно пошел на смерть, чтобы спасти людей. Мы ведь сейчас подробно это обсуждали, как он сошел во ад и разрушил там запоры.

- Да, но есть нюанс, обязательно ли для этого было Ему умирать?

- Получается, обязательно!

- Какой-нибудь метафизический закон в этой обязательности проявляется или нет?

- Не знаю...

- А вот я считаю, что это «закон кармы». Не бойся этого словосочетания, потому что оно только в таком виде может вызывать протест, а в более упрощенном виде этот закон звучит так: за подобное воздается подобным, например, за зло – злом, за добро – добром. Это у тебя протеста не вызывает?

- Нет.

- Так вот, Христос понимал, что за добровольную передачу власти над Его смертью Планетарному демону Он обретает власть над посмертным существованием всех людей! Дьявол этого не понимал. Он думал – мол, попался ему праведник, необычный, «очень крупный», но все же... победить и умертвить Его удалось, что Он так же безысходно пропадет в пучинах его ада. И демон открылся! Как боксер на ринге, думая, что нанес крепкий нокдаун своему сопернику, опускает перчатки, всматриваясь в его состояние, и тут же получает разящий удар! До этого оборона его адских слоев была крепка, ворота для Планетарного Логоса закрыты. Тут дьявол открыл пасть, чтобы проглотить очередную жертву, да и подавился, «жертва» не по пасти оказалась! И «отрыгнул» он обратно не только Христа, но и почти всех своих предыдущих жертв. А пасть ему захлопнуть не дали! Так и живет теперь с открытой пастью.

- Интересное сравнение! В этом что-то есть, дьявол из-за своей непомерной гордыни всегда склонен недооценивать потенциал своих жертв и переоценивать свои силы. Ведь, он, скорее всего, воспринимал Христа как просто человека, пусть очень праведного и избранного Богом, но не как Богочеловека, иначе он не приступил бы со своими искушениями ко Христу.

- Добавлю еще один важный нюанс. Как описывает метафизическое действие закона кармы Даниил Андреев? Он пишет, что совершая плохие поступки, человек набирается «темной», тяжелой, плотной эфирной материи и утяжеляет свое эфирное тело (тяжко становится на душе), а совершая добрые – облегчает (легко становится

на душе), ибо светлые эфиры легки. Пока живо физическое тело, оно удерживает эфирное и другие тела вблизи нашего слоя – Энрофа. Но когда оно умирает, то отделившееся от него тело эфирное начинает либо погружаться вниз, либо всплывать вверх. Как действует архимедова сила в физике, представляешь? Тело тонет в слоях, у которых плотность ниже, чем у тела, а всплывает в слоях, где плотность окружающей среды выше, чем у тела. Тяжелое эфирное тело тонет и постепенно доходит до того адского слоя, который соответствует плотности этого тела. На простом языке это означает, что оно останавливается в том слое, который соответствует тяжести его преступлений, совершенных при жизни. Этот термин «тяжесть преступления» прочно закрепился в нашем языке, т.к. язык отражает законы не только нашего мира, но и метафизику. Христу нужно было после смерти погрузиться очень глубоко, чтобы по возможности открыть все слои ада, вплоть до самых глубинных, а Его эфирное тело совершенно просветленное и не тяжелое. Вот что делает ныряльщик, когда ему нужно быстро погрузиться очень глубоко?

- Ну, не знаю... наверно, берет тяжелый камень.

- Верно! Вот и Христу пришлось собрать столько грехов мира на Себя, чтобы с этим метафизическим «камнем» нырнуть как можно глубже. Поэтому мы и убеждены, что Христос перед Своей смертью собрал все грехи наши, грехи мира, на Себя.

- Интересно ты, Михеич, объясняешь! У тебя каждое лыко в строку.

- Конечно, все события, связанные со Христом, имеют глубокий метафизический смысл. Все здесь не случайно. Я еще выскажу несколько соображений, не возражаешь?

- Внимательно слушаю!

- Нам с тобой теперь, надеюсь, понятно, что сначала у миссии Христа был шанс – закончиться триумфально, то есть все задачи освобождения и преображения человечества в нашем мире могли быть выполнены, вплоть до замены смерти трансформой. Т.е. представь, каждый человек со временем бы не старел и дряхлел телом, как сейчас, но наоборот тело его со временем все больше просветлялось бы, «утончалось», в конце концов, становилось бы

таким, что он мог бы вместе с ним перейти в иной мир. Это был бы не день скорби, как сейчас происходит на похоронах, а день торжества. Он собирал бы всех родственников, чтобы они порадовались вместе с ним. Более того, после смерти связь бы с ним не прерывалась, ибо люди были бы наделены даром видеть иные миры и общаться с существующими там обитателями. Но вот в какой-то момент Христос понял, что такой вариант миссии невозможен в связи с предательством Иуды. Т.е. событие окончательного предательства в нашем мире произошло накануне ночи в Гефсиманском саду. Но Иуда уже задолго до этого попал в ловушку темных сил и вынашивал план предательства, т.е уже совершал предательство, оставалось только закрепить его в физическом мире. Поэтому Христос сказал ему странные слова: «что делаешь, делай скорее». Другой вопрос, что Христос был заинтересован в именно определенных (!) сроках своей смерти и воскресения!

- Это как, поясни, пожалуйста! В каких таких сроках он был заинтересован?

- Сейчас! Давай все по порядку. Сначала о других сроках. Я не знаю, за сколько месяцев или недель до казни Христос понял, что смерть Его неизбежна, что предстоит крестная мука и другой вариант выполнения миссии, но почему-то я твердо связываю это событие с преображением Господнем. Давайте попробуем встать на место апостолов, так сказать, попробуем побыть в их шкуре.

Опыт таких «погружений» был хорошо знаком отцу Пахомию, когда он читал книгу Ренана, об этом мы рассказывали раньше.

- Они принимают Его как истинного Мессию, Его именем исцеляют и изгоняют бесов, совершают и другие чудеса. Несут по селениям Иудеи «евангелие» – благую весть о том, что пришел долгожданный Мессия. И о Нем они знают, что Он прибудет вовек! Освободит Израиль и все человечество, принесет с Собой царствие небесное на землю! Но Христос узнал Сам и должен сообщить им другое: миссия будет оборвана, Он будет распят. Как им сообщить это? Сначала Он спрашивает их: за кого вы меня принимаете? Помните, что Петр восклицает, ты Сын Бога Живого! Ну, в общем, вроде, они не сомневаются, что Он тот самый Мессия. И тут он сообщает им, что

предстоит казнь, смерть... Представляете, какой это был удар по вере апостолов, какое испытание, какая причина, чтобы соблазниться о Нем?! Как же так! А может тогда Он и не тот вовсе?! И не Мессия, а самозванец! Они в шоке. Они сомневаются. Но он не велит об этом никому говорить. Я, полагаю, что именно в этот момент Он показывает им то место из Исая, в котором говорится о возможном неприятии Мессии народом иудейским (глава 53). Он говорит, вот здесь написано, что может быть и иначе, чем нам всем хотелось бы, есть и об этом в писаниях. И это было задолго предсказано. Это, вероятно, как-то утешает их, укрепляет поколебленную было веру, раз происходящее описано в законе. Но даже Петр не хочет в это верить и прекословит Ему, что, мол, никогда такого не будет с Тобой, Господи! Кстати, потом именно это место из Исая и будет главным аргументом апостолов и других ранних христиан, проповедующих среди иудеев, о том, что Иисус – истинный Мессия. Мол, вот это и было предсказано! Потом для христиан это станет единственно возможным исходом миссии Христа, а для иудеев так и останется первый вариант. Так разошлись точки зрения на исход миссии Христа в двух этих религиях.

- Кажется, я многое начинаю понимать! Как важно читать Евангелия не только глазами современного человека, но и глазами тех древних людей! С их представлениями, предубеждениями и верованиями! С их настроениями, ожиданиями, радостями и страхами.

- Верно, хотелось бы, чтобы в семинариях был такой курс «погружение в эпоху». Но вернусь к преображению Господню. Мы часто читаем в Евангелиях, что Иисус молится. Казалось бы, зачем Сыну Божьему молиться? Ведь Он пребывает в Отце, а Отец Небесный – в Нем! А молитва – процесс связи с иными мирами и их обитателями. Религия от ре – лигио (лига – объединение, соединение), лигио – соединяю, ре – приставка, означающая возвращение, восстановление, повторение. Религия – такой институт человеческого общества, который воссоединяет человека с иными мирами и с их обитателями. Пост в религии выполняет функцию очистки канала связи от помех, а главное – процесс связи – это молитва. Ну, ладно, это я уточнил понятия. Я снова повторю вопрос: зачем Иисусу было молиться?

- Вопрос серьезный! Я полагаю, что ответ на него может быть в том, что Иисус Христос – Богочеловек. В Нем же сочетаются неслиянно и нераздельно Бог и человек!

- Замечательно! Вы на верном пути, отец Пахомий! Я тоже полагаю, что именно молитва обеспечивала нераздельную связь Бога и человека в существе Христа. Через молитву человек Иисус узнал об изменении цели Его миссии и способа ее совершения. Он так же узнал, что измена, которая привела к такой перемене, таится не где-нибудь, а в самом ближнем кругу, среди апостолов. Поэтому через несколько дней, чтобы подготовиться к совершению нового варианта миссии, Он поднимается на гору Фавор и, заметим, что очень важно, берет с собой не всех апостолов, а только трех, которым, видимо, может полностью доверять! Там на горе Он молится. И спускаются к Нему Илия и Моисей, как посланники Бога, чтобы сообщить Ему подробности предстоящего подвига и спрашивают Его: согласен ли Он? Напомню, все делается совершенно свободно, и каждый вправе отказаться. Поэтому вопрос согласия всегда присутствует. Он соглашается: «Да, Отче!» - и тотчас на Него нисходит Сила и Благодать, необходимые для совершения этого подвига. Он преображается. Всего этого диалога три апостола не слышат, ибо они от такой близости Божественной силы впадают в транс. Слышат они последнюю, самую важную фразу: «Сей есть Сын мой возлюбленный, Его слушайте!». Фраза должна укрепить веру апостолов, что Он именно Тот, что Он Мессия, а не самозванец. Тут еще нужно уточнить, что у пророка Исайи в главе 53 вовсе не говорится о том, что после казни Он воскреснет, что еще раз говорит о малой вероятности второго сценария миссии. И апостолы недоумевают, что это означает «воскреснуть из мертвых», когда слышат об этом от Христа (читай, например, Марк гл.9 ст. 10).

- Все верно, но ты же обещал как-то связать фразу Христа, сказанную Им Иуде «что делаешь, делай скорее» со сроками казни и воскресения. Эта фраза еще тот источник соблазнов. Например, Максимилиан Волошин считал, что фраза эта доказывает, будто Христос Сам послал Иуду на предательство, так сказать, дал «задание». И что, мол, это и не предательство было вовсе, а мужественный поступок, ведь должен же был кто-то предать Христа, чтобы Он совершил свою

миссию! И что получается, дескать, Иуда не предатель, а самый мужественный из апостолов, мол, знал же, что его будут считать предателем и заклеят будущие поколения. Но взял на себя тяжелую ношу выполнения «задания» Христа. Волошин даже начинал писать «Евангелие от Иуды», где все сие расписывал в подробностях. Теперь-то я понимаю, что такая странная интерпретация появилась именно от того, что в христианстве принят только один из двух вариантов выполнения миссии как единственный. И правда, плоды такой интерпретации не очень хороши, а «по плодам их узнаете их».

- Хорошо, вернемся к срокам. Тут тоже свои параллели. Зададимся вопросами, которые помогут нам разобраться в ситуации. Вопрос первый: что символизирует праздник иудеев «Песах», она же Пасха?

- Это праздник, связанный с тем, что Моисей когда-то в это время вывел евреев из египетского плена.

- Хорошо, а в чем был второй вариант миссии Христа?

- Открыть слои ада и вывести оттуда плененные души!.. Я, кажется, начинаю видеть параллель!

- Да, думаю, в свое время Бог не зря назначил Моисею именно эти дни для освобождения из плена египетского. Для этого деяния, для освобождения из плена, видимо, именно эти дни были благоприятны (вероятно, такое благоприятие высчитывается по лунному календарю). Знаешь, меня всегда интересовал вопрос, а что чертил Иисус на песке, когда к Нему подвели женщину, уличенную в прелюбодеянии? Ведь Он даже головы сначала не поднял – так был увлечен какими-то расчетами! Помнишь эту сцену?

- А как же...

- Видимо, об этом беседовал Христос с Илией и Моисеем на горе Фавор, что произойти все должно на Пасхальных днях. Зная о таком благоприятии по времени, Он был заинтересован именно в том, чтобы все произошло в эти пасхальные дни. Но, возможно, Иуда колебался: предать именно сейчас или позже? Может он не хотел портить праздник своим побратимам, мол, пусть на праздник Христос еще побудет с ними? Христос, видя эти колебания Иуды, просто торопит его:

«что делаешь, делай скорее». Вот так, я думаю, можно объяснить это странное «задание» Иуде от Христа.

- Интересно! В этом есть сильная логика! Логика поступков в сочетании с метафизикой. Над этим надо подумать! Не мог бы ты изложить все это письменно, чтобы я перечитал? Сопоставил с текстами Евангелий.

- Пожалуйста, есть у меня статья «Тайна земной миссии». Сейчас, поищу! – Михеич порылся на полке и подал отцу Пахомию файл, в котором был с десяток листов формата А4 с неким текстом. Да, и «Розу Мира» тоже дай-ка пока, нужно там кое-что перечитать.

Они закончили трапезу. Потом перешли в читальный зал. На улице было уже темно. Михеич стал затапливать камин, но отец Пахомий сказал, что сегодня уж очень устал и музыку, по обычаю, слушать не будет. Он отклонялся и засобирался домой. Михеич сказал:

- Есть у меня для тебя еще несколько евангельских загадок, о них в статье немного сказано. Приходи, поговорим. – на том они и расстались.

Глава 18. Тайна миссии 3. Поцелуй Иуды.

Отец Пахомий снова заглянул к Михеичу в среду.

- Христос воскрес!

- Воистину воскрес! – они обнялись и расцеловались.

- Ну, вот и славно! Я как раз о поцелуях сегодня и хотел поговорить.

- Это ты мне, надеюсь, не какую-нибудь эротическую тему предлагаешь? – улыбнулся батюшка.

- Напротив, очень даже духовную.

- Сам-то ты что думаешь, велика ли роль целований в мистике, в христианском православии?

- Ну, вся наша церковная жизнь пронизана целованиями: батюшкам целуют руки прихожане, друг другу мы даем целование, Сам Христос целовал своих учеников и последователей, крест целуем, иконы, чашу со святыми дарами...

- Да, перечисленное говорит, что осмыслить это надо. Но я хочу подвести тебя еще к одной загадке евангельской – к поцелую Иуды.

- Да, тут есть над чем поразмышлять. Страшен этот поцелуй. Через столетия горит чадающий огонь этого поцелуя, огонь адский!

- Ого! как поэтически ты заговорил!

- Да я и сам немало над этим задумывался. Поцелуем можно ободрить, поблагодарить, наградить, признаться в любви, наконец, можно, оказывается, и предать.

- Значит, попытаемся исследовать вопрос. Предлагаю пойти от смысла слова «целование». Корень «цел», от «целое». Язык наш метафизичен. В нем полно тайных смыслов, а мы не и догадываемся, какое богатство и какая мудрость нам даны через язык. Например, мы говорим «жить душа в душу» или «выйти из себя», «исступление», а не подозреваем, какой глубокий метафизический смысл в этом. Или вот для «разминки». Скажи, как ты понимаешь слово «власть», с чем оно у тебя ассоциируется?

- Ну, это, когда у кого-то есть сила, которой он может заставить другого что-то сделать, принудить выполнить свои требования и приказы.

- К сожалению, у многих именно с этим и ассоциируется это слово. Насколько нынче далеко ушло понимание этого слова от изначального. «Власть» от какого глагола?

- Ну, от какого... «власть иметь», а... – от глагола «владеть»!

- Да, а «владеть» от быть «в ладу». Корень «лад» - вот, что главное во власти, а не насилие и принуждение! Иметь власть над своим телом – владеть телом, т.е. быть с ним в ладу, когда оно тебе подчиняется не через насилие, а через согласие. Иметь власть над языком быть в ладу с языком, хорошо и правильно говорить. И так далее...

- Интересно ты изъясняешь, Степан Михеич! Я с тобой согласен, значит, я в ладу с тобой, а, значит, ты имеешь надо мною власть?

- Ну, в какой-то степени это верно. Ведь вряд ли ты легко откажешь человеку, с которым в ладу?! А значит, какая-то власть у него над тобой

есть, как есть такая власть и в дружбе, и уж тем более в любви!
Согласен?

- Слушай, сейчас только пришло! Да, ведь и государство наше Русь и начиналась с такого согласия. Ведь варяги же не завоевывали нас, славян. А, наоборот, мы сказали: придите и владейте нами! Как интересно, какие выводы можно сделать, просто размышляя над смыслом одного слова! В основе русской государственности и цивилизации лежит слово «лад», понятие «лад», стремление к ладу пронизывает все по-настоящему русское, как мне кажется! Нам хочется наладить «на-ладить» жизнь. Вот уж воистину, «вначале было слово»! Вначале русской государственности было слово «лад». И теперь я, кажется, готов поспорить с твоим Даниилом Андреевым, если и есть такая Соборная Душа русского народа, то имя ее не Навна, а Лада!

- Получается еще одна перекличка историческая и филологическая: ты размышлял, когда-нибудь, почему в русском языке все нации названы именами существительными: немец, американец, итальянец... - а «русский» – имя прилагательное? Мне кажется, это как раз и нужно понимать так, как ты только что рассуждал о природе нашей государственности. Ведь полноценного устойчивого понятия «русский», «русь» не существовало до объединения многих славянских племен под руководством Русов – варягов. Русский – это не просто нация, связанная общим этническим происхождением и территорией обитания, а такая общность людей, неважно каких по национальной принадлежности, какого роду-племени, но тех, кто добровольно соглашается на «господство» над собой, на власть, определенных «начал», культурных, этических, ценностных... . «Русский» – это духовная цивилизация и принадлежность, приложить это можно к человеку любой нации, любого этноса, если он принял добровольно как главенствующие эти ценности над собой, а потому это слово – прилагательное. И еще, в советское время был популярен лозунг – «миру мир», случайно ли слова эти стали омонимами, ведь это примерно тоже, что «миру лад», примириться, значит, – уладить отношения.

- Ну, ладно, мы немного увлеклись в сторону, так сказать, «размялись», разогрелись... . Теперь перейдем к нашей насущной

евангельской теме о целовании.

- Подожди Михеич, что-то мне понравилась твоя игра в слова. Я теперь и сам хочу продолжить.

- Однако нужно сделать паузу. К нам, кажется, гости! – Михеич выглянул в окно. Он чуть было не сказал (как волшебник из известного фильма Марка Захарова «Обыкновенное чудо»): «Я сделал так, что Глаше очень захотелось прийти к нам в гости!».

Действительно, по садовой дорожке к библиотеке приближалась женская фигура. Михеич пошел к дверям:

- Здравствуйте, Глафира Акинфеевна, здравствуй, Глаша, дорогая!

- Христос воскрес!

- Воистину воскрес! Решила навестить старика на праздниках?

- Я к Вам по делу, Степан Михеич!

- По делу? А тут у меня гости. Проходи.

Глаша увидела в кабинете отца Пахомия. Они поприветствовали друг друга.

- Дело надеюсь не секретное? А то мы тут с батюшкой свои разговоры разговариваем, – улыбнулся Михеич.

- Да, какой там секрет! У нас опять в школе беда! Часто болеет учительница русского и литературы Марья Захаровна. Ну, Вы ее знаете! – оба мужчины закивали головами, – Сейчас она в областном стационаре на несколько месяцев.

- А меня все время просят замещать ее уроки. Я им говорю, но я же историк! Как мне русский-то преподавать! Но мне отвечают, ты же женщина умная, университет закончила. Пишешь стихи и прозу. Заметки в газету. Выручай! А то ведь совсем дети без уроков останутся. Вот и выручаю.

Михеич налил гостье чайку.

- Присаживайся! Мы тут как раз о языке с отцом Пахомием и толковали.

-Да, вот это-то мне и нужно! Вы же хорошо знаете меня. Вы же понимаете, Степан Михеич, что я не могу просто по учебнику им талдычить. Я все время пытаюсь связать свое преподавание с чем-то духовным! Ну, натура у меня такая, да и вера к этому обязывает. В «истории» у меня уже наработаны связи духовности с темами школьной программы, а вот в «русском языке» – нет. Как-то хочется все же добавить линии духовности. Может, выручите? Может, книги какие посоветуете? Журналы, статьи...

- А ты, доченька, возьми ручку и блокнот, вспомни студенческие годы, как конспекты писала. Может, что полезное и запишешь? А мы тут разговоры продолжим - с этими словами Михеич достал из своего стола блокнот и ручку, подал Глаше. Она приободрилась, с надеждой глядя на двух этих седых мужчин.

- На чем, бишь, мы остановились? – завел речь отец Пахомий – на метафизике языка?

- Это, на мой взгляд, мы еще не метафизику языка обсуждаем, а эзотерику.

- В чем разница?

- Эзотерика, это когда мы обсуждаем скрытые смыслы слов и выражений. Эзотерический, значит, скрытый. А метафизика, как я понимаю, это когда мы обсуждать будем, как язык, сама речь, произнесение слов, могут действовать на физическую и метафизическую реальность, т.е. язык, как инструмент переделки, преобразования действительности, а не просто как передатчик информации.

- А, еще и такая тема есть? Я, вообще-то, тоже иногда задумываюсь, а как произнесение молитв может повлиять, например, на здоровье? Ведь заклинатели верят в то, что их речи изменяют что-то в нашем мире. А уж то, что молитвами можно на бесов воздействовать – так это азбука христианства.

- Ну, тут не все так прямолинейно! Будет время, мы с Вами батюшка пройдемся по этой теме – при посторонних Михеич стрался общаться с отцом Пахомием на Вы.

- Так вот, анализируя смысл слова «власть» - продолжил отец Пахомий, - мы пришли к выводу, что в основе русской цивилизации лежит понятие «лад». Но как наладить жизнь этой цивилизации? По-моему, только когда люди, русские по духу, признают над собой власть Христа, и через Него будут строить отношения между собой, а не только непосредственно, вот тогда и наступит лад, тогда все обустроится... . «Как нам обустроить Россию?». Опаньки! Кажется, я «поймал за хвост» еще одно важнейшее понятие нашей цивилизации: троичность!!! Мы говорим, строй жизни, стройность тела, устроить, обустроить – общий корень здесь «строй» – от слова «три». «С - троить» - значит соединять по три. Как все устроено во вселенной? Значит, во всем есть три фундаментальных начала (как я понимаю, это должно быть как-то связано с лицами Пресвятой Троицы), эти начала должны соединяться гармонично, хотя могут соединяться и негармонично и даже рассоединяться – отсюда слово «расстройство» и глагол «расстроиться».

Михеич глядел на все это действо с доброй улыбкой. Глаша даже забыла записывать, так увлекла ее речь отца Пахомия. Он невольно вмешалась:

- Постойте, но ведь эти слова были в нашем языке и до принятия христианства? Если я не ошибаюсь? Видимо, понятие о троичности всего сущего была заложена через язык этими словами в подсознание нашего народа. И потому он сравнительно легко принял главную христианскую идею о Пресвятой Троице. Ведь и в наших сказках, былинах, легендах все по три, да по три. Три головы дракона, три сына у отца, три удара богатыря... В Европе на тройках не ездили, а у нас – самый популярный способ езды...

- Слушайте, как я вами восхищаюсь, произнес Михеич. Вы прямо на лету ловите фундаментальные истины. А Глаша продолжала:

- Заметьте, что практически во всех языках индоевропейской группы счет от одного до трех очень похож по звучанию, только с четырех начинаются различия... Это же тоже, я думаю, не случайно! И в этом какое-то эхо древних верований и событий, единства языков и цивилизаций?! Это, возможно, свидетельствует, что все троично во вселенной.

- И вне нее – добавил отец Пахомий.
- Да, да, да! – троекратно, произнес Михеич, лучезарно улыбаясь.
- И в литургических богослужениях мы тоже многое трегубим, а не сугубим - сказал отец Пахомий.

Глаша с вопросом в глазах посмотрела на него.

- Сугубим – это произносим дважды, а трегуим – трижды! Верно, отец Пахомий? – пояснил Михеич. - Усугубить положение – это значит осложнить вдвойне.

- Ладно, мы же хотели говорить о поцелуе Иуды, о смысле целования.

- Что скажете, Глафира Акинфеевна?
- О чем?
- О смысле слова «целовать»!
- Ну, вы меня прямо в краску вгоняете! «Целовать» - ну что, по смыслу, - делать целым.
- Верно! А как это связать с поцелуями?
- Понятия не имею! А у Вас есть ответ, Степан Михеич?
- Попробую разъяснить. Начнем издалека. В писаниях сказано, что кровь – физическая основа души. – Михеич посмотрел на слушателей, те согласно закивали.
- Во всех легендах о договорах с дьяволом упоминается, что он требовал подписывать соглашение кровью, видимо, чтобы потом через эту кровь иметь власть над душой?
- Возможно.
- Вот зачем, например, мы целуем крест, бывший в алтаре во время службы? Батюшка, вы должны знать!
- Ммм.., честно сказать, не знаю, знаю, что так повелось.
- Хорошо, предположим, что крест, во время литургии, лежавший в алтаре, «напитался» благодатными энергиями, идущими через алтарь свыше. А мы хотим, чтобы они попали к нам в кровь, чтобы через это

мы сделались, хоть на время, единым целым с источником благодати. Как это проще всего сделать?

Оба слушателя пожали плечами.

- Прикоснуться губами. Посмотрите на губы. На них кожа, отделяющая кровеносные сосуды от окружающей среды самая тонкая. Почему губы имеют такой алый цвет, именно из-за близости кровеносных сосудов. Прикасаясь губами ко кресту, мы даем возможности этой энергии перетечь в нашу кровь. Это делает нас единым целым с источником благодати. Так же священник во время службы и молитвы пропускает через себя потоки благодати. Ему целуют руку, так как основной «излучатель» этой энергии – рука. Наполненные одной энергией, одним духом, мы становимся едиными, составляем одно целое. Каждому, разумеется, перетекает столько, на сколько его сосуд открыт: каждому дается по вере его.

- Интересно, а у нас в общине не так. И зачем тогда было принято женщинам ручку целовать? – поинтересовалась Глафира.

- Ну, в так называемый галантный век женщину принято было считать чуть ли не за божество, полное благодати. Отсюда перенесение чисто церковного обычая в мир – целовать руку перенесли со священника на женщину.

- Ладно, а что Вы хотели рассказать про поцелуй Иуды?!

- О, тут целая история! Известно ли вам, что Христос мог исчезать для окружающих?

- Это где о таком сказано?

- В Евангелиях! Дайте мне Библию, я там специально для вас закладочки приготовил:

- Попробуем посмотреть на это с точки зрения Иуды, который уже вынашивал планы по предательству. Что должно быть известно ему о способности Христа уходить от ареста и казни? Да! Именно так! Христос мог спокойно уходит от рук людей, пытавшихся расправиться с Ним. Прочтем на сей счет интересные места из Евангелий, на которые почему-то мало кто обращал внимание. "...много так же прокажённых было в Израиле при пророке Елисее, и ни один из них не очистился,

кроме Неемана Сириянина. Услышав это, все в Синагоге исполнились ярости и, встав, выгнали Его вон из города и повели на вершину горы, на которой город их был построен, чтобы свергнуть Его; но Он, пройдя среди них, удалился” (Лк. гл.4 ст.27-30). Вот, пожалуйста, пример, когда без Синедриона хотели учинить над Ним самосуд и убить. Это происходило в Назарете – родном городе Иисуса, после того, как в синагоге, где Он проповедовал для местных прихожан не верующих в Него как в Мессию, они потребовали от Него в доказательство, что Он есть Мессия, тех же чудес, что Он совершил в других местах (Копернауме), где в Него верили. Но жители Назарета, где происходили описываемые события, не верили в Него, как в Мессию (ведь Он рос в детстве на их глазах), Он же обличил их в их неверии, что они находятся к Нему в таком же отношении как их “ослеплённые” сородичи относились к древним пророкам. Они в ярости хватают Его и ведут на скалу, чтобы сбросить оттуда, но “Он, пройдя среди них, удалился” - как это “пройдя среди них”? Ведь Его крепко схватила бушующая толпа? - Вспоминается один случай, уже из современных (XX век), когда в Индии одного местночтимого святого посетила группа европейских паломников. При слушании его проповеди, один из них сказал: “Да что вы нам проповедуете, это и наши священники могут, вот вы совершите чудо - ну, скажем, исчезните на наших глазах, тогда мы поверим”. Святой, сидевший в позе “лотос” под деревом, в ответ улыбнулся и исчез. Его стали искать по саду. Тут пришёл один из припозднившихся и увидел странную картину: святой сидит под деревом в позе “лотос”, а все остальные ищут его по саду и спрашивают: не видел ли он пропавшего? Т.е. в восприятии, думается, можно “закрыть”, исключить какой-либо образ, видимый человеком, заставить не видеть или принимать за что-либо другое. Этот приём известен и гипнотизёрам. Так Христос мог исчезать из восприятия людей, пытавшихся схватить Его, или они принимали Его за кого-то из своих. Такие эпизоды есть и в Евангелии от Иоанна: “Тогда опять искали схватить Его; но Он уклонился от рук их и пошёл опять за Иордан.” (Ин. гл.10 ст.39-40), в другом месте: “Иисус сказал им: истинно, истинно говорю вам: прежде нежели был Авраам, Я есмь. Тогда взяли камения, чтобы бросить на Него, но Иисус скрылся и вышел из храма, пройдя посреди них, и пошёл далее”. Очевидно, из

этого и других эпизодов, что для разгневанных иудеев Он мог исчезнуть. И об этом, вероятно, уже знали в Синаедрионе (там-то Его считали одержимым бесом - и такие “штучки” не удивляли их). Но они, вероятно, знали, что для учеников Его, Он не исчезал, а был виден (описание Иоанна подтверждает это, т.к. он - Иоанн, вероятно, был свидетелем события). Потому при аресте указать на Него мог лишь ученик, а то пришли бы арестовывать - а Его опять бы не стало. Иуда не мог не знать об этих свойствах Христа, знал, что для ближайших учеников Он не исчезает. - Это первая причина и первый ответ на вопрос, почему Иуда и Синаедрион считали, что без предательства одного из учеников Его невозможно схватить. При разворачивании этой версии нужно все время помнить, что Христос уже Сам идет навстречу смерти, но ни Иуда, ни Синаедрион об этом не знают и предпринимают все, со своей стороны, чтобы арест состоялся.

- А почему Он для учеников не исчезал? – Вероятно. Иуда знал о метафизических свойствах целования. Христос всегда целованием встречал своих учеников. И этот поцелуй, делал Его и учеников на время одним целым, давал возможность ученикам всегда видеть Его даже тогда, когда для других он становился невидимым. И Иуда все продумал. Чтобы Иисус не смог и в этот раз исчезнуть, нужно будет Его поцеловать. Как вам такая версия?

- Ошеломляюще! Невероятно! - Глафира не могла опомниться от такого поворота в объяснениях.

- А мне все кажется логичным! Все так вполне и могло быть. Ведь я сам раньше все время думал над этим странным видом предательства – поцелуй! Да и вопросом, почему синаедрион не мог схватить Христа раньше, хотя, видимо, пытались, я не мог ответить и даже не задавался. Но теперь ясно – стали ждать предательства из самого близкого круга – от апостолов, потому что тоже понимали, они Его из виду не теряют. Теперь, кажется, многие загадки получили свои отгадки.

- Но давайте все-таки завершим «следствие по делу Иуды из Кириафа». Мотив, оглашенный в Евангелиях – это получение денег в виде 30 серебрянников противоречит тому, что произошло потом. Иуда получил деньги. Добился своего. Но тогда он должен быть счастлив.

Убраться подальше. Купить там себе участок земли с домом, что ли, и жить себе припеваючи. Нет! Такого не происходит. Он не только обратно бросает эти деньги в помещение синедриона, но и потом взял и удавился! Значит, было какое-то глубокое разочарование, какой-то резкий кризис несоответствия ожиданий и реальности?! Цель не достигнута, причем, настолько жгучим было это разочарование, что он удавился. Нет, не деньги, что-то другое, более фундаментальное, связанное с коренным мировоззрением Иуды должно было обвалиться в сознании! Прочтем в «Розе Мира»: “Субъективный мотив предате льства Иуды заключается в том, что Христос Своим вочеловечением разрушил в душе Иуды еврейскую мечту о Мессии как о национальном царе, владыке мира. Эта мечта горячо пылала в сердце Иуды всю его жизнь до самого дня его встречи с Иисусом и её крушение было для него великой трагедией. В божественности Иисуса он не испытывал ни малейшего сомнения, и предате льство явилось актом смерте льной ненависти, отчётливо осознанным богоубийством. Тридцать серебрянников, вообще мотив жадности был лишь наскоро предпринятой маскировкой: не мог же он обнажать перед людьми истинных мотивов своего преступления! Именно характер этих истинных мотивов вызвал такую беспримерно тяж ёлую форму кармического возмездия, какого было его ниспадение в Журщ” (Р.М. стр.115).

- Да, мне тоже кажется, что деньги тут вовсе ни причем. Спаситель открыл своим ученикам и Иуде, в том числе, тайны царствия небесного, где денег вообще нет. Там совсем другие ценности и иные масштабы.

- Но тогда, каким же был реальный мотив? Что-то я из вашей «Розы Мира» так и не поняла? Поясните, нам, пожалуйста, Степан Михеич! – стала выпытывать Глафира.

- Понимаешь, Глаша, Иуда думал, как и многие евреи тогда, что Мессия будет грозным завоевателем мира, покорителем вселенной. Любвеобильный к евреям, но жесткий к гоим – язычникам, особенно к римлянам, к поработителям. Они полагали, что с Божьей помощью, Он не только победит Рим, но все остальные народы приведет к истинной вере, когда они убедятся, видя непреодолимую силу иудейской армии, что Бог с евреями. И покорятся Ему. Так примерно они видели мир

после прихода Мессии. А тут приходит «мягкотелый слизняк», все время разглагольствует о любви, всем всё прощает Сам и призывает простить остальным и к гоям относится весьма мягко. В общем, образ Христа совершенно не «бился» у Иуды с его мечтой. «Умные люди» посоветовали ему так: Твой Учитель такой мягкотелый и расслабленный пока Ему Самому не грозит опасность. А вот, когда Его арестуют и поведут на казнь, вот тогда Он развернется на полную мощь, проявит свою мистическую силу, всех разнесет, всех накажет и покорит. Это и было дьявольское искушение, которое не преодолел Иуда. Он решил предать Учителя не для смерти, а чтобы подтолкнуть Его в нужную сторону! Он предаст как бы понарошку. Ведь все равно потом Учитель спасется от смерти. Часто гордыня проявляется в том, что ученик считает, что он лучше Учителя знает, что делать.

А теперь представьте! Он предал! Все! Учителю грозит опасность, смертельная опасность! Вот-вот Он должен развернуться и ах!... Иуда ходил и тайно наблюдал, как себя ведет Христос. Все ждал, когда же... . Вот привели его к Каиафе, там унижали, а Он молчал. Привели к Ироду, снова унижали, а Он не проронил ни слова. Ну, вот Его уже привели к Пилату, там избили и унизили – а Он – ничего! Вот Его уже ведут на Голгофу с крестом на плечах. А Он – ничего! Иуда в это время, буквально, ненавидел Христа, за «нерешительность», скрипя зубами, выдавливал из себя: «Ну, же, давай! Дави их всех, расшвыривай! Прояви, наконец, силу!»... Его распинают. Ну, вот тут-то уже пора! Он ничего! Он умер! Все!!! А кто его предал?! Реально, а не понарошку, как Иуда сам себе представлял и сам себя оправдывал. Он умер!!! В душе Иуды просто бушует огонь! Он умер, а ты его предал! Он в ярости бежит и бросает деньги во двор Каиафы! Вот вам! Но и этого не спасает его от все сильнее разгорающегося пожара внутри. Нет мочи терпеть это! И он удавился!

- Знаете, я как будто в реальности увидела сейчас все, о чем Вы рассказывали – зрачки у Глафиры были расширены – Я побывала там, в Иерусалиме! Спасибо Вам! Я как будто многое поняла и переосмыслила!

- Да, картина получается убедительная. Нам говорили о чем-то таком в семинарии, но как одной из версий мотива предательства

Иуды, и как-то неубедительно. Нарисованная сейчас Вами картина просто не оставляет места сомнению.

Воцарилась пауза. Потом они, не сговариваясь, стали собираться по домам. Не до музыки им было и в этот раз. Уже в дверях Глаша обратилась к Михеичу:

- Степан Михеич, не могли бы выдать мне «Розу Мира» почитать. Знаете, этот Ваш метод «погружения в эпоху» мне очень близок. Я всегда на уроках при изучении различных исторических тем, пытаюсь нарисовать детям образ эпохи, прошу их поставить себя на место тех людей, поступки которых мы обсуждаем. Говорю, вот вы обычно судите предков, что называется «по себе». Т.е. переносите себя любимых в иные исторические обстоятельства, и от этого их не можете понять! Например, когда я рассказываю о церковном расколе, то пытаюсь объяснить ученикам, что для тех людей вера была важнее жизни! Их сознание было по-другому воспитано и устроено! Ценности и приоритеты были иными. Почему они могли пойти на самосожжение?! Для нас это безумие, для них естественный подвиг за веру! Плохо то воспитание, которое не зовет на подвиг. По-настоящему содержательно живет только тот человек, который знает, за что жизнь можно отдать, за веру, за Родину, за любовь... – Глаша говорила вдохновенно и убежденно, глаза ее «горели» каким-то метафизическим светом. Михеич подумал про себя: «Повезло ученикам, которых она учит, редкий учитель вот так откровенно и горячо может говорить с ними!».

- Да, конечно, книгу сейчас принесу – Михеич сходил в свой кабинет и принес оттуда «Розу Мира»: - Глаша, доченька. Я тебе еще хотел весточку от Николая передать...

Глафира, которая уже собралась выходить, резко повернулась, вспыхнула: «Говорите, говорите, Степан Михеич!». Она схватила его за руку.

- Приходи завтра., вечером... . Поговорим.

Глава 19. В предчувствии будущей встречи.

Глаша шла домой во встревоженном настроении. Она любила Николая и не переставала любить с того самого первого для нее курса в университете, практически с их первой встречи. Судьба распорядилась так, что она... Впрочем, какая судьба?! Теперь Глаша прекрасно понимала, что виной был их юношеский эгоизм, глупая ревность, недопонимание, а точнее нежелание понять друг друга. В той первой и единственной для нее любви был такой неземной порыв, такие высокие чувства, но и такой накал страстей... Страсти! Они тогда владели обоими. Они метали их души из стороны в сторону. Тогда эта Милана, которую Николай, конечно же не любил, змеёй «вползла» между ними.

- Но ведь он же тогда пытался мне что-то объяснить, как-то оправдаться, а я и слушать не захотела! А тут еще ему подвернулось ему это предложение – перевестись в МГУ на курс к Фридману.

Дома Глаша положила перед собой на стол «Розу Мира», но читать не могла. Мысли ее снова и снова возвращались к Николаю: «Как он, где он, женат ли?» Но важнее всего было для нее вновь вспыхнувшее желание – увидеть его! Поговорить, ну, хоть бы полчасика, посмотреть ему в глаза... Услышать его голос.

Сама Глафира Акинфеевна была уже два года как вдова. Муж ее, хороший человек, из их староверческой среды, Гаврила Колосков, утонул, случайно, когда трактор, на котором он ехал, свалился с моста в речку. Остались у нее двое детей: сын Никита и дочь Аленка. Сын в данный момент служил в армии, а дочь заканчивала школу. Много воды утекло, а показалось ей, что полюбила она Николая только вчера, снова вспыхнули чувства, мечты, грезы. Он вышел из «тени» в ее воображении и опять стал тем внутренним солнцем, которое согревает душу. Сердце билось вдохновенно и трепетно. Она почти не спала всю ночь. Утром, ни свет ни заря, она испекла блинов. И ей почему-то представилось, что вот Коля приедет с утра, и она его блинчиками покормит. Аленку разбудил аппетитный запах. Она сонная, еще не умывшись «выползла» на кухню:

- Мама, ты это чё? Не спала, что ли? Ах, как блинчиками вкусно пахнет!

- Ну, не хватай! Иди, хоть умойся вначале.

- Ну, я один!

- Ладно!

- Ой, мама! Глаза у тебя странно блестят? Гостей ждешь? Улыбка какая-то «блуждающая».

- Ничего не блуждающая! Иди вон, блуждай к умывальнику! Зубы не забудь почистить!

- Ну, а гости-то будут?

- Какие гости? Мне с утра нужно к Степан Михеичу, он обещал мне книжек нужных по языку. Сама знаешь, что мне эти классы навязали, Марии Захаровны! А я и не знаю, как с ними разговаривать!

- Ну, откажись!

- А кто их вести-то будет? Не Никодим Никонорович же? Сейчас чуть что с директора школы за все спрашивают. А мне его жалко и возраст, и болезни!

- Так шел бы на пенсию!

- А кто за него?

- Ну, хоть бы и ты!

- Ой, брось, Аленка, какой из меня директор, я на должностях никогда не стояла и не буду! Аленка! Хватит болтать, в школу опоздаешь.

Аленка еще раз посмотрела на мать:

- Что-то ты от меня скрываешь!

- Ладно иди уже!

Проводив дочку в школу, Глафира тут же заторопилась к Михеичу. У нее как раз сегодня был т.н. «метод день», она имела право, готовиться к урокам дома или в библиотеке. Шла она быстрым шагом, местами даже переходила на бег. «Вот дурочка немолодая!» - но так ей хотелось скорее узнать новости о Николае.

Степан Михеич сразу провел ее в кабинет, где все было по-прежнему, кроме одной неотступной для современности детали: на столе, рядом со старинной чернильницей и канделябрами стоял ноутбук. Интернет в деревню провели еще в прошлом году в рамках образовательной программы президента Медведева. Михеич как-то удивительно быстро освоил эту передовую технику и помогал многим пенсионерам, особенно учителям старшего возраста, научиться работать с ней.

- Тут шарил я по уголкам всемирной паутины, и нашел, что преподавателем астрофизики в Стэндфордском университете является Николай Александрович Горьков. Сразу понял, что никаких совпадений быть не может. Там была почта университета, я вышел на их администрацию, в общем, всякими окольными путями добыл его электронный адрес. Связался с ним. Думал, может уже и забыл старика!? Ан, нет! Сразу мы с ним наладили контакт. И он сразу спросил о тебе!

У Глаши теплая волна пробежала по телу, сердце заколотилось еще сильнее, на глаза навернулись слезы:

- Степан Михеич! Как он там!? Как его здоровье? Как семья? Дети есть? На Родину не тянет? – вопросы сыпались из Глаши как из рога изобилия.

- Давай все по порядку. Садись сюда, чтобы видно было. Я сейчас тебе его фото покажу. – Михеич открыл фотографию Николая. С экрана ноутбука на Глашу смотрел немолодой уже но все тот же любимый взгляд! Морщинки разбежались по углам глаз. Небольшая щетина покрывала щеки. Отрастил усы, а волосы, наоборот, укоротил. Но все было таким родным, узнаваемым, желанным!

- На счет семьи. Нет у него семьи в данный момент. Дважды был женат. Сначала на американке. Но с той быстро разошлись взглядами на мир. Потом на нашей иммигрантке. С той пожил подольше, но любви не было. Сам признался! Детей тоже нет. Ни с одной из их не прижил. Ну, то не его, а их вина. Слишком дамы попались эгоистичные, любили жить только для себя.

- Ну, и слава Богу! – про себя подумала Глаша.

- Сейчас подумывает возвратиться на родину, в Россию. Тут ему предлагают один грант в Москве.

- В Москве – как в тумане повторила Глаша.

- А тогда, в конце 80-х он получил Государственную премию за работу по «Резонансной структуре планетарных колец». Представь себе, они с Фридманом 6 новых спутников Урана предсказали!

- Я знаю, я тогда в журнале «Наука и жизнь» прочла.

- Хотел приехать к тебе победителем, как принц на белом коне. Он думал, что этим твою гордость растопит. Но узнал, что ты замужем, ты как раз в тот год и вышла, пару месяцев не дождалась.

- Так ведь он ничего не писал. Я думала – разлюбил и забыл. Кто я и кто он!

- Так ведь и ты не писала! Вот ведь гордыня вас обоих заграбастала!

- Тятя меня сосватал. Так у нас принято.

- Принято! А сама-то, почему сердце свое не слушала?

- Степан Михеич, мне уж в девках более было некуда сидеть. Положено женщине детишек рожать. Так Бог устроил!

- Устроил, - грустно сказал Михеич. – Николай мне обещал, что обязательно в наше село наведается. Так что Глашенька, появился у тебя новый шанс. Глаша вспыхнула, красивый румянец растекся по ее щекам. Она молчала от охвативших ее чувств.

- Ну, что, не читала еще «Розу Мира»?

- Нет, Степан Михеич, еще не успела. Но у меня осталась пара вопросов со вчерашней нашей беседы – Глаша сама поспешила сменить тему разговора, положив глубоко в сердце потаенную надежду.

- Какие вопросы?

- Меня всегда волновало, почему толпа иудеев сначала, в воскресенье встречает Христа как своего царя, а потом в пятницу, кричит: «Распни Его! Распни!». Но Вы призвали подходить ко всему

исторически. И когда рассказали про Иуду, который хотел не предать Христа, а только спровоцировать, то я стала размышлять так: когда Он въезжал в Иерусалим на ослике, и они кричали ему «Осанна!», приветствуя как царя, то это же тоже была провокация! Ведь Иудея – это покоренная Римом провинция. И только с согласия римской администрации кто-то может быть назначен правителем данной территории, как, например, до этого царь Ирод или как на Руси, времен татаро-монгольского ига, князья могли править, только получив ярлык на княжение в Орде. Так?

- Пока все так, Глашенька.

- Но, если население само провозглашает кого-то своим царем, то это же открытый бунт, неповиновение! Так?

- Так!

- По логике действия прокуратора, нужно срочно арестовать самопровозглашенного царя и его сообщников! Так?

- Ну, конечно!

- Это же тоже получается, что уже тогда руками римских властей они хотели подставить Христа? Но вот все же эта римская администрация не сподобилась? Кстати, понятно, почему некоторые, идущие со Христом, просят Его – не давать приветствовать Его как царя. Они-то понимают всю опасность ситуации. Говорят, запрети им!

- Да, но Христос возражает. Он знает уже все сроки событий. Он знает, что в этот раз все обойдется. Что по сути – это последняя возможность у тех, кто не подстрекатель, а искренне верит в Него, поприветствовать Его как истинного Царя Иудейского. И Он говорит, что если люди замолкнут, то камни возвопят... так как именно Он, а не кто другой посланный свыше Царь.

- А потом Он произносит речь на площади в Иерусалиме.

- Да, они ждут от Него воинственного призыва на восстание! Как ждал Иуда! Мечи в руки и вперед! А Он говорит им обратное, призывая их к миру. Они разочарованы! Они растеряны. Они уже не верят в Него как в Мессию.

- А через неделю, точнее, в пятницу требуют Его казни. Такой Мессия им не нужен! Верно я поняла?

- Верно, хотя здесь есть еще некоторые исторически скрытые детали, но в целом все примерно так и было!

- Да, Пилат потом еще поиздевался над иудеями. Это же он приказал написать на трех языках табличку на кресте «царь иудейский». А они противились, им было стыдно, что так унижают их национальную гордость. Но Пилат раскусил их провокацию еще тогда в «вербное» воскресенье, но тогда ничего не сделал, а теперь отомстил им весьма своеобразно.

- Я хочу написать об этом рассказ, как бы историческую реконструкцию событий. Даже целый цикл рассказов – пасхальный цикл. Но поскольку рассказ мой будет преимущественно обращен к детям, то рассказ будет как бы от лица ребенка, мальчишки. Я еще пока не знаю, как бы это сделать. Может, что подскажете?

- Есть такая интересная фигура, толи выдуманная, то ли реальная. Ты слышала такое имя – Агасфер?

- Да, что-то такое припоминается. Да вы же сами в детстве нам эту легенду рассказывали! Вечный Жид? Верно?

- Верно! Вот он бы мог стать таким «мостиком» между прошлым и будущим. Пробуй воплотить этот образ.

- Возьмусь, пожалуй!.. И еще, Вы говорили, что Николай какую-то весточку прислал?

- Прислал он мне интересную работу, статью на стыке физики и, как ты думаешь чего?

- Истории?

- Не угадала – филологии!

- Это как так?

- Ну, там он рассматривает язык с точки зрения физической структурности, т.е. слово, как физический «инструмент» воздействия на окружающую среду и на самого человека. Потом дам почитать. Сам еще толком не разобрался.

- А фото Николая можете мне на флешку скинуть?

- Да, пожалуйста.

Она шла домой, бережно нащупывая флешку в кармане кофты. Думала о том, как откроет на своем компьютере фото и будет с ним разговаривать, любоваться им, мечтать о встрече с ним...

- Ненаглядный мой! Милый! Любимый! – Глашу снова захлестнули чувства. Предчувствие будущей встречи стало какой-то осязаемой физической реальностью.

Глава 20. Рассказы Глафиры 1. Сказки равви Гелеба.

Тайна Гелеба.

Мы жили на окраине одной непутевой империи накануне XIX века в местечке с простым названием Горобец. Станным и загадочным всем нам, еврейским детям Горобца, казался этот равви Гелеб. Никто даже не знал, почему его стали называть равви, ведь в синагоге он был один раз, и наш местный раввин Пазель выгнал его вон, т.к. он заикнулся там о пророке Иешуа из Назарета. Пазель запретил ему приходить в синагогу и кому-либо из правоверных встречаться с ним. Он назвал его отступником и выкрестом.

Гелеб пришел в городок всего пару лет тому назад и жил в заброшенном доме, с окнами без стекол и рам, на краю еврейской части Горобца. В этом доме у него не было ни кровати, ни печи, ни стола. Но казалось, что он не нуждается ни в пище, ни во сне, ни в тепле. Никто никогда не видел, как он ест или спит. Никто не видел, чтобы он зяб холодной зимой. У него не было даже свечей и спичек (уж мы-то, пацаны, это точно знали), но он видел в темноте как кошка (а может даже лучше), и в доме его по ночам издали нередко видели свет, но он всегда гас, если кто-то начинал приближаться к дому явно или даже тайно.

Гелеб выглядел как высокий прямой и суховатый старик, хотя слово «старик» к нему как-то не совсем подходило, несмотря на то, что он казался несомненно очень и очень древним, но когда кто-либо заглядывал ему в глаза, то в них встречал огонь, который свойственен бывает только молодому самому задорному взгляду. И голос его был временами глухими надтреснутым, как у самых глубоких старцев, но когда он начинал свои рассказы, то голос становился густым, насыщенным, завораживающе красивым. К Гелебу тайно ходили взрослые, говорили, что он предсказывает судьбу, помогает найти пропавшие или украденные вещи, а так же лечит порой неизлечимые болезни. Пазель пугал всех тем, что Гелеб спутался с сатаной, что занимается богопротивными вещами, но все же к нему продолжали тайно ходить, особенно мы, дети. Гелеб рассказывал нам о разных местах и странах, разные истории иногда из глубокой древности так, как будто сам был их участником.

Я хочу пересказать здесь одну историю, которая, по видимому, раскрывает тайну равви Гелеба. Он, как мне показалось, сам решился намекнуть на это. Однажды мы спросили его, был ли он в Иерусалиме? Каждый пацан мечтал когда-нибудь побывать на земле обетованной, особенно в Иерусалиме у стены плача. Раввин Пазель говорил, что стоит только подойти на четыре шага к Стене Плача, как все грехи человека исчезнут сами собой, он очистится и будет достоин вечной жизни после прихода Мессии и страшного суда.

Мы как обычно сидели в полумраке его дома без стекол в окнах, в продуваемой ветром комнате, прислонившись прямо к стенам, т.к. никакой мебели в доме не было. Гелеб тоже сидел у одной из стен на единственной маленькой лавочке и медленно вел свои длинные и завораживающие рассказы. Обычно мы дети просили его рассказать о чем-нибудь или задавали какие-то вопросы. Он начинал отвечать, и ответ превращался в красивую древнюю историю или притчу. Удивительно, но он наизусть знал Тору, пророков больших и малых и многое-многое другое, хотя книг или свитков у него тоже никто не видел.

И вот однажды мы спросили его, был ли он в Иерусалиме. Сначала он необычно долго молчал, так что нам показалось, что он

уснул или не услышал наш вопрос, но глаза его были открыты и глядели куда-то в пространство поверх наших голов. Оська снова повторил погромче:

- Рав Гелеб, Вы были когда-нибудь в Иерусалиме?
- Был? Да, был. И не только был, но долго жил там, до того самого ДНЯ.

Он снова сделал длинную паузу. Чувствовалось, что вспоминать ему об этом нелегко. Что-то тягостное в этом было, что-то случилось в тот самый День? Он снова помолчал, но уже никто не решился прервать эту паузу. При этом молчании он сначала сидел, опустив голову вниз, как глубоко кающийся грешник. Затем он поднял лицо, глаза его устремились в даль. Причем всегда казалось, что он видит все, о чем рассказывает, наяву. Во время своих рассказов, он иногда даже показывал куда-то рукой, или делал движения телом. Так, как будто все происходило сейчас. И перед нашим воспаленным детским воображением вставало все, о чем он рассказывал так подробно и живописно, вставало так реально, что комната пустого дома наполнялась фигурами людей, животных, иногда даже ангелов и демонов. Стены его часто раскрывались перед нашим мысленным взором, и мы оказывались где-то на рыночной площади далекого восточного города или среди величественной пустыни, возле пирамид или стен крепости. Порой мы плыли с равви Гелебом на корабле по океану, попадая в жуткие штормы и передряги, в самую середину страшной сечи или под шквальный пушечный огонь неприятеля. Он обладал потрясающим даром рассказчика. Никто из детей, даже самых вредных, озорных и подвижных, как ртуть, не шелохнулся во время его рассказов. Мы были как загипнотизированные. Уже значительно позже, потом, я попадал в кино и театры на лучшие спектакли лучших мировых трупп, на гениальные фильмы выдающихся режиссеров, но ничто не могло сравниться с тем завораживающим эффектом присутствия и участия, который подарил нам в глубоком детстве в этом маленьком полуразвалившемся пустом домике рав Гелеб.

Но вернусь к его тогдашнему рассказу.

- Мой отец был торговцем, - продолжил рав Гелеб, - в Иерусалиме. Он держал посудную лавку, которая находилась на улице, ведущей

от дворца Ирода к воротам, выходившим на лобное место, место казней, Голгофу. Мимо нашей лавки часто проводили осужденных. Нередко любопытным мальчишкой я сам следовал за толпой, чтобы посмотреть на расправу, на казнь. Потом, подросши, сам участвовал в побитии людей камнями...

Он снова замолчал. Видно, что этот рассказ был очень неприятным для него воспоминанием.

- Я был глуп. Мне казалось, что участие в такой всенародной казни является моим гражданским долгом. Расправляться с вероотступниками, как велел нам Закон, было даже немного весело. Жалкий осужденный обычно стоял посреди невидимого круга и не пытался никуда бежать (хотя изредка бывало и по-иному). Чаще всего они даже и не молили о пощаде. А мы брали камни и старались попасть как можно точнее. В душе и теле поднималось какое-то злое и веселое возбуждение, как бывает у охотников за затравленной дичью. Каждое удачное попадание сопровождалось восторженным криком толпы, а это возбуждало еще сильнее. Мы швыряли камни прицельно и сильно. Человек закрывался руками, качаясь под первыми ударами, затем падал на колени, пытаясь куда-то ползти. Но всюду его встречали камни и возбужденные крики толпы. Кровь текла по его голове. Вид крови сначала пугал меня, но потом я привык к нему, и это даже как-то подогревало мой энтузиазм. Мне почему-то представлялось это жертвоприношением Богу, чем больше крови, тем лучше совершена жертва.

Дыхание Гелеба при этих словах было тяжелым и прерывистым, чего обычно не бывало раньше никогда. Нам передался его трепет и ощущение мерзости за те давние дела, о которых он рассказывал. Каждому казалось, что и он причастен к этому швырянию камней в полуживых окровавленных людей, жалких, бессмысленно ползающих среди обступившей их толпы. Стало даже казаться, что руки наши в крови и земле, в жуткой грязи из этой страшной смеси. Кто-то рядом стал потихоньку тереть ладонки, и я поймал себя на мысли, сделать тоже самое.

- Потом обычно человек падал совсем навзничь и через

некоторое время переставал шевелиться. Тогда специально назначенные люди подходили и проверяли, жив он или уже мертв. Если был жив, то добивали его камнями по голове. Труп часто оставляли непогребенным, на съедение псам, но иногда уносили, иногда позже его тайно забирали родственники, хоть это было не положено, но на это нередко закрывали глаза. А мы, расходясь, обсуждали, кто первым попал в него, у кого бросания были точнее, сколько раз он получил от нас по заслугам. В сердце чувствовалось злобное торжество и особое ощущение единения народа через эту кровь и общую казнь. Закон был исполнен, мы были чисты перед Богом, как считали тогда, и это даже порождало ощущение прибавления в нас святости. Были некоторые люди, тайно пытавшиеся уклониться от участия в таких казнях, но тогда раввин вынужден был ставить их впереди всех рядов и давать им в руку увесистый камень. Все следили, чтобы он кинул и попал, иначе ему самому было бы несдобровать. Такие обычаи царили в нашем народе в ту древнюю эпоху. Но такие обычаи, отличавшиеся только способами мучения и умерщвления людей, царили тогда у всех народов. Это было время ожесточенных нравов и сердец. Вам повезло дети, что вы живете совсем в другую эпоху.

Он остановился и оглядел нас с какой-то особой отеческой надеждой, как будто говоря, но вы-то не будете так жестоки? Было ощущение в это короткое мгновение, что мы сначала смутились, но потом мы приободрились и как будто дали перед ним священную молчаливую клятву, что никогда не будем соучаствовать в подобном, не только убийстве, но даже и публичном жестоком осуждении других людей.

- Я родился в Иерусалиме и прожил в нем около сорока пяти лет до того ДНЯ, – он снова остановился, – Сорок четыре Пасхи встретил я в Иерусалиме. Отец передал мне во владение лавку, так как сам был уже стар и отошел отдел. Приближалась сорок пятая Пасха. Как обычно множество народа накануне пришла в Иерусалим к храму из всей Иудеи и других отдаленных уголков. Торговля перед праздником всегда была бойкой. Мы продавали не только большие и малые глиняные кувшины, но и торговали

водой. В ту сильную жару спрос на нее бывает повышенный. Но эта сорок пятая Пасха была особенной. К тому времени уже много лет Иудея была покорена римлянами. В городе стоял небольшой римский гарнизон. В претории поселился римский прокуратор, а наместником Рим назначил в Иудее из наших одного из четырех сыновей Ирода.

- Народ как всегда был возбужден перед праздником. Ждали каких-то особых чудес. В то время даже поговаривали, что уже пришел долгожданный Мессия, что он воскрешает людей (что-то рассказывали про умершего Лазаря из Вифании). Ждали, что Мессия станет царем нашего народа вместо ненавистного ставленника Рима из рода Иродов. Ждали, что Он освободит наш народ от жуткого и жестокого римского ига. В общем, и раньше нередко такие слухи ходили среди народа, но в этот раз все было похоже на какое-то поголовное сумасшествие. Ходили возбужденные толпы, в которых говорили полунамеками, что вот уже пришло время, что на этот раз все исполнится. Тихо пели псалмы. Очень смелые намекали, что все готово к восстанию, что Пасха (освобождение, исход из плена) будет в этот раз не символической, а самой настоящей. Я как честный торговец, был лоялен к правящей власти, я не хотел участвовать ни в каких заговорах, хотя тайный налог на оружие пришлось платить и мне. Не подчинись я, несдобровать было бы мне от zelотов. Я знал, что в этот раз готовят действительно что-то особенное, т.к. тайный налог повысили накануне в несколько раз. Но я, как и большинство, хотел восстания, хоть и боялся его. Мне было что терять. Торговля моя шла хорошо, и накопилось немалое богатство. Да, в случае поражения восстания речь бы шла не о лишении богатства, а о лишении головы или родины, ведь тогда господствовал обычай переселять восставшие народы (точнее, оставшуюся после их истребления часть) в другие далекие и чужие им земли, чтобы лишить их корней и силы. Но ненависть к римлянам была сильнее страха. А когда народа собиралось много, то казалось, что мы можем и горы свернуть, а не только шею этим наглым и гордым римлянам. В воздухе витало напряженное ожидание не обычного праздника, а чего-то

сверхъестественного, что перевернет историю не только нашего народа, но всего мира. В те ночи не хотелось спать. Люди в темноте тихо переходили от дома к дому, похлопывали друг друга по плечам, ничего даже и не говоря, лишь тихо улыбаясь и молча оглядываясь, как бы кто не заметил этой их тайной улыбки. Конечно, шпионы римлян были повсюду, но они так и не могли толком ничего понять. Видимо они донесли общее настроение народа Пилату, и гарнизон римлян был усилен одной когортой, но усиление гарнизона накануне праздника было делом обычным. Вроде бы Рим не чувствовал ничего слишком уж особенного. Да и Пилат был хитрым политиком, придерживающимся тактики непровоцирования. Он старался без лишних поводов не тревожить и без того строптивых иудеев. И все же накануне каким-то чудом римлянам удалось арестовать прибывшего в Иерусалим главу заговора Варраву. Говорят, у него нашли под одеждой оружие, что было запрещено под страхом смертной казни всем прибывающим на Пасху иудеям. Как он поступил так опрометчиво? Никто не мог сказать. Это привело к некоторому замешательству среди толп. Настроение изменилось к худшему. Тогда мало кто знал (кроме самой верхушки zelотов), кто такой Варрава на самом деле, но как-то настроение верхушки заговорщиков быстро передалось толпе, наполнявшей город. Обезглавить заговор накануне выступления! Это практически обрекало всю затею на крах. Без сильного и авторитетного вождя, каким все zelоты беспрекословно признавали Варраву, четкого и единого руководства, которое было необходимо для победы, просто не состоялось бы. Но вдруг, в последнюю субботу пред Пасхой, возник и разнесся с быстротой молнии слух, что грядет Мессия, что Он и возглавит иудейскую армию восставших. Снова поднялось возбуждение. Снова не хотелось спать, не давало напряженное и радостное предвкушение чего-то великого и жуткого. Народ был похож на огромную массу заговорщиков, говорящих полунамеками, понимающих полужесты и полуслова.

Сам я там не был, но слышал какой-то неясный гул у Восточных ворот в ту субботу последнего семидневия месяца Ниссан

накануне праздника Песах. Потом прибежал сосед, скорняк, и, захлебываясь, тихим шепотом стал рассказывать, что сейчас через Восточные ворота въехал Мессия, что народ приветствовал Его как своего царя, что ждали реакции Пилата, но тот почему-то никак не среагировал на явное неповиновение толпы, объявившей против потомка Ирода, против ставленника Рима, своего царя! Скорняк сказал, что сейчас народ собрался вокруг Мессии на площади и слушает Его речь. Не хочешь ли ты послушать? Но я уклончиво ответил, что, мол, торговля идет как никогда, и мне не хочется терять время и прибыль. Тогда он ушел один и через пару часов вернулся, но вернулся каким-то совсем не таким. Его радостное возбуждение пропало. Я почти кинулся к нему, узнать, что там произошло. Он сначала махнул рукой и погрузился в долгое молчание. Я не мог вытянуть из него ни слова. После я увидел и других, вернувшихся оттуда, с площади. Это были совсем иные люди. Понурые, озлобленные, усталые. От вчерашнего возбуждения как бы и не осталось следа. Наконец, к вечеру скорняк разговорился. Он сказал, что видно это вовсе не Мессия. Все ожидали от Него воинственной речи, призывающей сбросить позорное и жестокое римское владычество, вооружиться и поднять восстание. Вместо этого Он стал говорить, что худое и гибельное дело задумали иудеи, что только страдания и смерть принесет оно народу. Что и город может быть разрушен, и храм. Кто-то крикнул: «Он римский шпион! Провокатор!». Чуть было не закидали Его камнями тут же, но ворота гарнизона распахнулись, видимо как запоздалая реакция римлян, и оттуда выехал конный отряд с криками: «Разойтись!». Народ стал разбегаться. Кое-кому перепало бичами. И «мессия» куда-то тоже пропал. После этого все поняли, что он и верно римский шпион.

Потянулись напряженные дни перед праздником. Что-то тягостное висело над всем городом. Что-то нехорошее готовилось и подступало. Народ все прибывал. Уже вокруг города установили много палаток. Римляне снова усилили гарнизон еще одной манипулой. Все же, все шло как-то не так. Была и озлобленность, совершенно чуждая этому предпраздничному настроению, и разочарование, и какой-то разброд. Заговорщические поползновения поутихли, но не прекратились совсем. И все же стало

ясным, что в этот раз ничего не удастся, придется ждать другого удобного случая. Варрава по-прежнему был под арестом. Его скоро могли казнить. Однако накануне праздника обычно римляне миловали одного из преступников. Была надежда на это. Слава Богу, римляне так и не заподозрили, кто он такой, а то расправа была бы немедленной и жестокой. Он прикинулся обычным грабителем, который приготовил оружие для разбоя. За такое хотя тоже полагалась смерть, но в этом римляне не видели ничего угрожающего для них.

С раннего утра в пятницу от палатки к палатке переходили вестники и передавали одно: лжемессия арестован этой ночью Каиафой и передан римскому прокуратору. Отдавали наказ, на площади требовать освобождение Варравы, а этого лжемессию на крест!

Я не ходил днем на площадь, когда Пилат там творил свой суд. Но новости разносились по городу быстрее ветра. Пилат, говорили, захотел отпустить лжемессию, но народ настоял на Варраве, а этого скоро поведут на казнь.

Я встал у лавки и на всякий случай убрал товар с широкого прилавка, приделанного в тени к стене дома. Я знал, что преступника на казнь поведут по нашей улице, и тогда мой хрупкий товар может пострадать. Примерно к четвертой страже стали слышны трубы и отдаленные крики. Перед процессией всегда шло несколько трубачей, дающих знать о ее приближении всему городу. Они трубили, а затем кричали: «Дорогу!». Наконец, я увидел, как из-за поворота показалась небольшая толпа, они быстро прижались к стенам, после вышли трубачи, за ними шел вооруженный копьями ряд римских солдат, затем ехал красивый римский сотник на коне. Я запомнил и его великолепного белого коня и блестящие медные латы на нем. Статный, мощный он казался воплощением самой карающей руки правосудия. После сотника вели осужденного. Двое солдат с бичами по сторонам подгоняли его изредка ударами. На спине у него был огромный деревянный крест. Беднягу уже качало от изнеможения, голова его была склонена вниз, волосы, мокрые от пота, завешивали лицо. Когда, наконец, он поравнялся с моим

прилавком, то тихо, не поднимая головы, попросил остановиться и присесть. У меня ни на минуту не возникло жалости к нему. Сердце мое было исполнено презрением и даже злобой, как к тем, кого мы нередко побивали камнями. Когда он хотел, было, присесть на мой прилавок, я толкнул его и, резко взмахнув руками, прокричал: «Тут место для товара, пшел прочь!». Но и этого мне показалось мало, черт дернул меня добавить для смеха несколько слов: «Приходи в другой раз, я с удовольствием приму тебя!». Эти слова я прокричал громко, так как рассчитывал на реакцию толпы. И она не замедлила проявиться: толпа громко заржала, так как они ДУМАЛИ, ЧТО ОН НИКОГДА УЖЕ СЮДА НЕ ВЕРНЕТСЯ! И тут свершилось то, что перевернуло всю мою жизнь. Он поднял лицо и медленно посмотрел на меня.

Сначала, в первое мгновение, я увидел только лицо и глаза человека, обреченного на смертную муку, но Он посмотрел мне прямо в глаза долгим взглядом. На самом деле это длилось секунд 5-6, а мне показалось... Его взгляд начал проникать в меня глубже и глубже. Быстро, стремительно этот взгляд высматривал во мне что-то очень сокровенное, очень глубинное. Он проникал в такие недра моей сущности, куда, как кажется, не могут заглянуть даже самые могущественные существа вселенной, ни ангелы, ни демоны, а только Сам Господь Бог. И душа моя сначала бежала от него, кидалась внутри из стороны в сторону, искала уголок, чтобы скрыться от этого «страшного» взгляда, металась как затравленный зверек и не находила убежища. Наконец, взгляд этот настиг мою душу. Она «встала», обмерла и вся дрожа поняла свои глаза на Него. И, о чудо! Взгляд этот вовсе не был страшен. Он протянул ей что-то теплое, во что она завернулась от обнимавшего ее страха и холода. Ей стало сначала просто тепло. Все внутри меня наполнилось светом и огнем... музыкой, восторгом, счастьем и упоением... Она, душа моя, каким-то наитием, каким-то чудом узнала Его! Грудь моя остановилась на вздохе и не могла двигаться дальше. Я смотрел на Него восторженными глазами.

А Он посмотрел на меня взглядом, из которого просто изливалось вселенское спокойствие. В первое мгновение я, с

широко раскрытыми зрачками даже отпрянул от неожиданности, так не вязалась моя озлобленность и высокомерие с этим взглядом. Меня слегка затрясло, но вспышка тряски прошла почти мгновенно под этим взглядом. В меня начало переливаться Его теплое спокойствие, наполняя какой-то странной мягкостью и светом все внутри. Даже ноги у меня стали предательски подгибаться. Казалось, что этот взгляд длится вечность. Медленно тихим голосом Он спросил: «Ты и вправду хочешь, чтобы Я снова вернулся?». У меня отнялся язык, и я только смог кивнуть в ответ. «И будешь ждать?» - я с трудом выдавил из себя: «Конечно.» (мне уже сейчас хотелось крикнуть: «Не уходи!»). «Что ж, ты сам выбрал свою судьбу. Ты дождешься здесь, в этом мире, Моего второго пришествия, Агасфер». Я вздрогнул, ибо Он точно назвал мое имя.

Пока мы разговаривали, солдаты выхватили из толпы крепкого мужчину, взвалили на него крест, и процессия двинулась дальше. Он уходил, распрямившись, спокойно и царственно, а я не мог оторвать взгляда от удаляющейся фигуры. С тех пор я жду Его...

Он окончил рассказ. А мы не двигались с места и даже не могли задать вопрос. Казалось, мы все смотрели вслед удаляющейся фигуре ИДУЩЕГО НАВСТРЕЧУ СМЕРТИ.

На улице была уже страшная темень. Он отправил нас по домам, благословив на дорогу: «Да сбережет вас Бог и казненный!».

На следующий день он исчез из нашего города. Больше его не видел никто. Мы еще изредка собирались с ребятами в доме, но не бегали и не кричали там, а только рассказывали друг другу таинственные, иногда страшные истории. Через короткое время заброшенный дом сгорел. Говорили, что его поджег рав Пазель. Очень может быть, что ВСЕ ТАК И БЫЛО...

Колодец-ловушка.

Равви Гелеб сидел у восточной стены прямо напротив заходящего солнца. Меня удивило, что он мог смотреть на него не щурясь. Раз он видел в темноте как кошка, то солнечный свет должен был бы слепить его, но понемногу мы начали привыкать к тому, что обычные мерки для

равви Гелеба не всегда подходили. Он смотрел прямо в солнечный свет и к чему-то там приглядывался (к чему можно приглядываться в солнечном свете?). Затем он протянул руку и, казалось, начал что-то как бы доставать прямо из солнечного луча. Наконец он произнес:

Над каменистой Иудейской пустыней висело пыльное знойное красноватое марево. Солнце склонялось к горизонту. По едва заметной дороге шли две фигуры, два мужчины среднего возраста, одеты как обычные иудеи.

Одного зовут Фома, другого Иуда. Они спешат к своему Учителю. Солнце уже близко подошло к горизонту, и потому они торопятся. Сегодня, посылая как обычно на проповедь благой вести своих учеников парами в разные селения, Учитель произнес необычное и тревожное предупреждение. Он сказал, что видел нынешней ночью сатану, как молнию сходящего с небес. Предупредил, что сатана будет охотиться за ними, но сказал, что сделал их невредимыми для ядовитых гадов, которыми кишит пустыня, так что сатана не сможет воспользоваться укусом или жалом этих тварей. Однако предупредил настрого, что если они не успеют вернуться до заката солнца к Нему обратно, то чтобы не вступали в разговор ни с кем посторонним, пока не дойдут до Учителя, ибо сатана может принять обличье человека и попытается соблазнить их своими речами.

- Днем я еще могу уберечь вас на расстоянии от его чар, но после заката, во тьме, его сила возрастает, так что берегитесь, чтобы не быть вам соблазненными обо Мне.

Это предупреждение звучало в ушах апостолов, и потому торопились они, так как место, где их ждал Учитель, было у подножия горы Фавор, а до нее было еще не менее часа пути. До заката же солнца оставалось всего какая-нибудь пара десятков минут.

Жара все еще не спадала и давила своим томлением все вокруг. Несмотря на привычность, оба все же чувствовали жажду, а все припасы воды были уже исчерпаны. На поясе Фомы болтались пустые кожаные меха, а у Иуды висела сума, в которой позвякивали монеты. Приближался праздник кущей. Нужно было приготовить стол и приношение Богу. Иуде удалось сегодня собрать пожертвований втрое больше против обычного. Он был весьма доволен собой. То-то

обрадует он Учителя и других учеников. Однако на удовольствие накладывалась гнетущая жажда. Пить! Хотелось пить. Губы ссохлись и потрескались. К горлу подкатил спазм. Глаза сами собой начали искать вокруг источник воды.

Это было похоже на чудо. На склоне каменистого холма он заметил нечто напоминающее колодец. Пригляделся. Точно, колодец!

- Фома, погляди-ка туда. Не колодец ли?
- Похоже. Только какой-то старый. Поди, как заброшенный, давно высох? Ты думаешь там есть вода?
- А вдруг! Всякое бывает. Давай проверим!
- Не стоит. Потерпим. Уже не так долго осталось идти, да и солнце почти у горизонта. Ты помнишь слова Учителя?
- Да, помню я, помню. Но тут же нет никого. Свернем!?

И Иуда уже упрямо шел в сторону от дороги по направлению к колодцу, таща за край одежды Фому. Тот стал отбиваться.

- Смотри, место здесь какое-то... нечистое. Мерзостное. Дрянное.
- Ты вечный упрямец, Фома. Что такого углядел? Место как место.

Они карабкались по склону к заманчивой кладке старого колодца. Но странно, что, несмотря на небольшую высоту (было шагов тридцать вверх, не более), ноги их деревенели с каждым шагом так, как будто они прошли все триста в гору, а то и больше. Наконец они добрались до площадки, на которой стоял колодец, и почти рухнули на землю. Фома сквозь заливающий глаза пот взглянул на старую, убогую, растрескавшуюся кладку колодца, на унылые камни вокруг, на чахлую и пыльную траву, которая кое-где с трудом побивалась сквозь камни, вдохнул тяжелый, знойный застоявшийся воздух, который, буквально, встал у него колом в горле... . Сквозь оседавшую пыль он увидел садящееся знойное багровое солнце. Фома не знал, что почувствовал Иуда, но на него почему-то неожиданно навалилась беспричинная жгучая тоска, ощущение душевной пустоты и безысходности.

- Я же говорю, здесь что-то не так, - задыхаясь, проговорил Фома.
- Пойдем-ка отсюда скорее!
- Сейчас, я только все-таки загляну в него – отозвался Иуда. Он поднялся, подошел к краю и почти перевалился через каменную кладку вниз. И тут, о, горе! Его сума тоже перелетела за край,

монеты шустрым ручейком вытекли из нее и полетели на дно. Иуда проводил их сначала ничего не понимающим взглядом. Потом глаза его округлились. Там внизу была совершенная темень. Даже трудно представить, как далеко дно. Он тупо посмотрел вниз, вслед монетам, повернулся, сполз к основанию кладки и стал шарить рукой в суме. Не осталось ничего. Он вывернул суму. Потряс. Ничегошеньки! Пусто! Посмотрел на Фому. Тот издали следил за его движениями и сначала не мог ничего понять. Но когда Иуда поднял на него глаза, то Фома изогнул брови от удивления! Таким Иуду он еще не видел никогда.

Иуда слыл между апостолами самым решительным, бескомпромиссным и твердым духом. Потому ему и доверили сбор пожертвований – знали, он на деньги не соблазнится. Иуда был точен в расчетах, требователен и строг ко всем к другим. Часто он показывал пример выносливости в трудностях их скитальческой жизни. Ни жалоб, ни даже вздохов не позволял он себе.

Но тут Фома увидел в первый раз полную растерянность и даже отчаяние на лице друга. Иуда сидел, нервно сгребая пальцами каменистую пыль, и даже, о Боже, редкие сдавленные рыдания начали вырываться из его груди.

- Все деньги, все деньги – повторял он. - Что я теперь принесу Учителю! Иуда начал плакать, пытаясь вытирать лицо грязными руками, от чего вид у него стал совсем страшным и жалким. Сердце сжалось в груди Фомы. Он тоже чуть не прослезился. Но сдержался и стал утешать Иуду:
- Плюнь! Эка беда! Вставай да пошли скорее. Гнилое место здесь. Я так и чуял какую-то беду!
- Нет! – жутким голосом закричал Иуда. - Их нужно достать! Вернуть! Понимаешь! Вернуть!
- Да брось же! - Фома подошел и стал поднимать друга на ноги. - Пойдем скорее, проклятое здесь место!
- Нет! Нет! Фома, голубчик, помоги мне, ради всего святого. Это же позор! Понимаешь ты, позор! Ну, давай придумаем что-

нибудь, а!? Веревку из поясов, ты спустишь меня туда – он тыкал пальцем в сторону колодца – и я все соберу!

- Да ты что!? Какая веревка!? Ты хоть знаешь, какая там глубина!?
- Все равно! Позор! Я это не переживу. Как я буду глядеть в глаза всем вам?!

Фома растерялся. Таким Иуду он не видел раньше никогда. Жалость жгла душу. И особенно его подкупил непредвиденный жест: Иуда обнял ноги Фомы, умоляя его, сделать по-своему.

- Ну, ладно. Давай, но если ничего не получится, то обещай быстрее уйти отсюда.
- Хорошо-хорошо. Давай скорее!

Дрожащими руками кое-как скрепили из поясов, из другого подручного материала веревку. Она оказалась не слишком длинной. Начали спуск. Фома крепко держал один конец, а Иуда, взявшись за другой, осторожно начал снижение. На пятом шаге веревка не выдержала, то ли развязалась, то ли разорвалась, и Иуда с резким шорохом сорвался вниз. Фома только услышал глухой стук. Перевалившись через край, крикнул:

- Ты цел? – Из колодца ударило какой-то резкой застойной вонью.
- Да – слышался после небольшой паузы глухой голос в ответ – немного ушибся. Поищи что-нибудь, чтобы вытащить меня отсюда.
- Хорошо! – Фома почти ринулся в обступавший уже сумрак, так тяжело ему было находиться в этом нечистом месте, хотя и было боязно за друга.
- Поищу колючку или перекати-поле, как-нибудь сплету что-то подходящее – крикнул он на ходу.

На дне колодца Иуда потерял ушибленное место. Вроде ничего, легко отделался. Хотя высота, судя по полету, была порядочной. Но грунт был мягким, скорее всего песок. «Беды не ходят по одной!» - подумал Иуда. Внизу, на дне колодца было сравнительно прохладно, но эту маленькую радость перебивал стойкий зловонный запах. Возможно, где-то рядом во тьме находился разлагающийся труп какого-нибудь животного, которое случайно попало сюда и не смогло выбраться. От мысли наткнуться на этот труп Иуда содрогнулся. Стены

колодца здесь были на ощупь влажными и какими-то осклизлыми, возможно когда-то здесь и была вода? «Однако мерзостное местечко!». Он стал очень осторожно и брезгливо шарить в темноте, пытаясь найти монеты. На счастье довольно быстро нащупал одну, потом еще одну... Вдруг услышал какое-то отчетливое не то шуршание, не то потрескивание.

- Змея! – Пришла в голову первая мысль. Он отдернул руку, но потом вспомнил, что Учитель сказал им не бояться змей. Однако шуршание продолжалось. Теперь оно доносилось со всех сторон.

- Много змей! – подумал Иуда. Они собираются иногда клубками в старых заброшенных колодцах – прячутся от дневной жары. Он стал медленно поворачивать голову, прислушиваясь. Вдруг руки, которой он опирался о дно, что-то коснулось. Он отдернул ее вновь. Потом протянул во тьму и ощутил стену колодца.

- Постой! Но ведь вроде она была дальше, ведь он же пытался шарить ближе к центру колодца. Снова его отведенной слегка руки что-то коснулось. Ощупал. Это снова была стена. Она приближалась! Приближалась, тихо шурша и потрескивая. И это было со всех сторон!

Ужас объял Иуду. Он понял, что стены колодца медленно и неуклонно стягиваются. Он вскочил и завопил, задрвав голову вверх:

- Фома! Фома! Скорее! Помоги! Скорее! Фома! – сверху никто не отзывался.

- Фома! Да что же это! Что делать!?

Иуда попытался вскарабкаться на стену, цепляясь на ощупь мокрыми от пота пальцами за мелкие выступы и трещины. Немного поднялся и сорвался снова на дно. Он почти кинулся на стену, снова и снова повторяя попытки подъема, но каждый раз чуть приподнявшись, срывался. Задышавшись, хриплым голосом во всю мочь снова позвал он Фому.

Наконец сверху послышались шаги.

- Фома! Да скорее же! Помоги!

Подошедший к колодцу наклонился. Чуть еще сереющий овал верха закрыла чья-то тень. И тут у Иуды дрожь пошла по всему телу!

Ему показалось, что его наглухо замуровали, что сверху вовсе не человек, а каменная крышка гроба задвинулась навсегда. Тьма, пришедшая сверху, была ощутимо тяжелой и давила на грудь. Дыханье у него перехватило, как будто кто-то сжал его за горло, началось страшное удушье. Но потом стало почему-то еще страшней, так как ему показалось теперь, что вовсе не крышка нависла сверху, а чье-то страшное лицо с двумя горящими как угли глазами. От них было некуда деться в этом каменном мешке. Он метнулся к стене, но понял, что глаза сверху ВИДЯТ ЕГО И ВИДЯТ ОТЛИЧНО, КУДА БЫ ОН НЕ ПЫТАЛСЯ СКРЫТЬСЯ. Он присел на корточки, закрыл голову руками, закрыл и глаза, сжался от ужаса. Звуки голоса, донесшегося сверху, заставили его содрогнуться:

- Тут есть кто-нибудь?! - Голос был мощным, низким, властным, почти утробным, как рык голодного льва.

Иуда сначала молчал, но молчал не из-за наказа Учителя, о нем он уже забыл от страха. Молчал от ужаса.

- Отвечай же! – прозвучал сверху приказ.
- Добрый человек, у тебя есть веревка? – жалостливым голосом произнес Иуда.
- Сейчас.

Через пару минут ему сбросили веревку, и он с чьей-то сильной помощью быстро оказался наверху. В наступившей уже полутьме Иуда с трудом разглядел своего спасителя. Им оказался человек, похожий на раввина. Да, того самого, что днем дал ему в подаяние целый динарий! Эта монета запомнилась Иуде, так как такую крупную сумму от одного человека, да еще раввина, они получали впервые. Раввины не очень-то жаловали их и обычно не верили их благой вести о приходе в Израиль долгожданного Мессии. А тут раввин не только благосклонно отнесся к их словам, но и дал целый динарий! Рядом с раввином стоял ослик, на котором, видимо, приехал раввин, к боку, как и положено, был приторочен футляр с Торой.

- Я узнал тебя – сказал раввин – ты ходишь с вестью от своего учителя!?
- Да. - Иуда опустил глаза вниз. Голос раввина уже не казался ему жутким, напротив, в нем появились приятные интонации, хотя

какая-то подавляющая властность по-прежнему присутствовала. Так повелитель говорит иногда со своим рабом, когда находится в добром расположении духа.

- Что ж похвально, что вы служите добросовестно своему господину. Но почему же вы не хотите послужить Иудее, народу нашему?
- Как же это? – растерянno спросил Иуда.
- Ты слышал о настоящих патриотах нашей земли и веры, о зелотах? – Иуда кивнул в ответ.
- Они собирают тайно оружие и людей для восстания. Рим может уважать только силу – продолжал раввин. – А ваш учитель, ЗАЧЕМ ОН ПРИШЕЛ МЕШАТЬ НАМ? Он только отвлекает народ, все ходит и проповедует о любви, даже о том, чтобы молиться за врагов. Какая чушь! Свернуть им шеи! Вот это дело настоящих мужчин. Разве не обливается твое сердце кровью, разве не закипает в нем праведный гнев, когда ты видишь, как эти римские ублюдки обирают наш народ, рушат наши дома, продают в рабство наших женщин за неуплату налогов?! Разве не содрогаешься ты от крестов, стоящих вдоль дорог, с развешенными на них лучшими людьми народа нашего?! – голос раввина звенел как металл отчетливо и властно.

И Иуде показалось даже, что вовсе не раввин он, а гордый воин, скрывающийся под маской раввина, воин великий и смелый! Гнев и ненависть звучали в словах этого человека с такой завлекающей силой, что сердце Иуды дрогнуло и затрепетало в ответ. Он ощутил исходящую от этого человека волну воинственного духа, пылающей стрелой вонзилась она в сердце Иуды и зажгла жажду мести. Он уже мысленно держал в руке меч и обрушивал его на головы ненавистных римлян. Колоть, рубить со всего плеча, крушить и гнать их, гнать вон, преследовать и убивать, топить в крови! Кровь, кровь римлян захотелось ему увидеть своими глазами. Кровь, текущую рекой. Захотелось увидеть свободный Иерусалим, гордо шествующее иудейское воинство по дорогам беспредельной римской империи и бегущих в страхе от них не только римлян, но всех-всех гоев! Всех без исключения! Они докажут им с кем истинный Бог. Всем докажут!

- С нами Бог Израилев! Мы избраны Богом, чтобы покорить всех гоим! - Раввин протягивал руку в даль, в которой Иуде показалось видимым зарево мирового пожара и заря победы над Иудеей!

- Пока твой учитель в безопасности, пока ему не угрожают со стороны римлян суровые меры, он будет ходить и слюнтяйничать, сюсюкать о любви. Он очнется только тогда, когда ему самому будет угрожать римская казнь. И ты поможешь ему очнуться, Иуда!

Иуда тогда даже не подумал, откуда этот человек знает его имя, ему казалось, что этот великий пророк может знать все, такой сильной и праведной ощутил он его проповедь.

- Ты понял меня, Иуда?

Иуда кивнул в ответ. Он с юности был наполнен мечтой о свержении римского владычества. Грядущий Мессия представлялся тогда ему не иначе, как великий воин, непобедимый царь иудейский, который уполномочен самим Всевышним, чтобы возглавить победоносное шествие иудеев по миру, чтобы свершить покорение всех народов и приведение их железной рукой к истинной вере! Иуда готовил себя к борьбе, к воинским подвигам, к войне, жестокой, но праведной! Когда он встретил Учителя, то под обаянием Его личности и творимых Им чудес, воинственный пыл в душе Иуды почти угас. И он перестал понимать, как же это свершится то, что обещано священными писаниями с приходом Мессии. Как установится во всем мире истинная вера, мир и порядок? Он преклонялся перед Учителем, но все же какие-то смутные сомнения терзали его ум и душу, слишком уж мягок был Учитель, слишком уповал Он на любовь, доброту и свет. А ведь большинство людей понимают только право сильного. Сколько раз он видел, как над Учителем смеялись, как открыто хулили Его и даже пытались расправиться, но Тот не отвечал немедленным мщением, хотя с Его способностями к чудесам мог бы стереть их в порошок. Сердце Иуды закипало ненавистью к этой толпе, к черни, хулящей Учителя. Ему не раз хотелось сказать: «Что же ты, Учитель? Покажи им свою силу! Поставь этих святотатцев на место!» Теперь он понял окончательно, что Учитель заблуждается в своих путях, что любовью и добротой поставленных целей не достичь и людей этих не исправить.

Он знал теперь, как переубедить Учителя. Этот замечательный раввин, больше похожий на пророка, помог Иуде понять все окончательно. Раввин протянул ему ладонь.

- Тогда вот тебе монета, на ней есть тайный знак. Когда попадешь в Капернаум, найди лавку сапожника. Там покажи эту монету, и тебя сведут с зелотами. А когда твоему учителю понадобится их помощь, ты первый сведешь его с ними. – на ладони лежала небольшая монета, - храни ее в тайне ото всех! Особенно от вашего учителя! Пока ему не положено все знать.

Иуда зажал монету в кулак. Теперь ему показалось, что наконец-то у него открылись глаза! Он знает, как действовать дальше!

Раввин сел на ослика и растворился во тьме.

Несколько мгновений спустя с другой стороны из тьмы слышались шаги. Вернулся Фома.

- Как ты уже наверху?! Как тебе удалось?
- Да я..., знаешь, это..., эти... стены у колодца там внутри такие неровные. Я кое-как, но, слава Богу, вскарабкался.
- Мне показалось, что ты только что разговаривал с кем-то?
- Я...? Да...нет. Просто я вслух помолился за избавление.
- А? Ну, тогда скорее пойдём к Учителю! Нас, поди, уже заждались!

У подножья горы Фавор горел костер. Вокруг кучно сидели люди. Когда Иуда и Фома были уже в пределах слышимости шагов, кто-то из людей поднял руку, чтобы прекратить разговор. Фома нетерпеливо крикнул издали:

- Мы здесь!
- Хвала Всевышнему, - слышалось в ответ – Мы уже тут не знали, что и подумать!
- Что случилось?
- Попали в небольшое приключение – ответил Фома. Он скосился на Иуду. Было видно, что тому неприятно будет рассказывать обо всем.

- Вы говорили с кем-нибудь после заката? – спросил вставший от костра Учитель.
- Нет! - честно выпалил Фома.

Учитель подошел ближе. Он смотрел прямо в глаза Иуде. Сначала Иуда даже хотел отвести взгляд, но зажатая в ладони монета жгла руку и сердце, пробуждая в нем упрямое желание, стоять на своем. Они несколько секунд молча смотрели в глаза друг другу. Наконец Иуда произнес:

- Мы никого не видели после заката, равви! – а в глазах его горел незнакомый Иисусу гордый и злой огонь. Учитель отвел свой взгляд, и тайная тревожная дума появилась в Его сердце.

Равви Гелеб тоже опустил глаза. Похоже было, что такая же тайная и тяжелая дума была и на его сердце.

- Кто такие эти люди?! Кто их учитель?! - начали осторожно спрашивать мы – Что Вас так расстроило, равви Гелеб?
- Как это стены колодца могли сжиматься?
- Это было темное наваждение, это, думаю, показалось Иуде от страха – ответил он.
- Как это наваждение?
- Можно навести на человека мысль или состояние, так, что он этого не заметит, но будет думать, что это так и есть на самом деле.
- Вы говорили о Мессии, но ведь он еще не приходил?!

Гелеб не отвечал. Потом он сказал, почти как обычно.

- Уже поздно, дети. Идите по домам. И подумайте о том, как часто мы, желая лучшего ближним, роем им яму.

¹У костра.

Когда погода бывала хорошей, и снега уже не было, равви Гелеб иногда выводил нас из своего домика в соседний лесок. Там был небольшой открытый холм с красивой и прямо пахнущей луговой травой. На нем мы разводили костер. Сам процесс зажигания костра мы всегда ждали как чуда, потому что рав Гелеб всегда устраивал нам это маленькое чудо. Напомню, что спичек он не держал. У нас так же часто не было с собой спичек, но в них и не нуждался Гелеб. Он брал самую сухую веточку, нежно зажимал ее между ладоней, поднимал их к небу и читал на каком-то древнем языке завораживающую короткую молитву. Я запомнил первые слова, по-моему, довольно хорошо и потом, уже когда стал взрослым, пытался их перевести с помощью знакомых и словарей. Получилось нечто вроде: Да святится Имя Твое! При этих словах между ладонями равви Гелеба возникал ярко светящийся шарик, от которого через несколько секунд занималась веточка. Но загоралась она не сразу, а только тогда, когда он заканчивал молитву и разводил ладони. Он клал веточку на уже приготовленное костровище, и от нее загорался веселый теплый огонь. Он озарял наши детские лица, на которых был написан восторг. Ах! До сих пор ничего сравнимого с этим трепетным переживанием я в жизни

не испытывал, разве только любовь, да восторг от собственных научных озарений...

В тот раз он снова вывел нас к костру. И когда он зажег огонь чудесным способом, то неожиданно для нас всех из-за деревьев на поляну буквально выскочил раввин Пазель. Он сразу начал кричать:

- Что вы все здесь делаете! Идите домой! Вас родители давно ждут! А ты! А тебя...! – У него явно не хватало слов для обращения к равви Гелебу:

- Ай, ата озер шель Азазель ата*! – вдруг выпалил он на древнем языке, который использовался только в богослужениях. Мы, конечно, не знали самого языка, но поняли, что речь идет на нем.

- Ле несахсэх кан, ешь по еладим**! – неожиданно для нас (и еще неожиданней для раввина Пазеля) совершенно спокойно ответил на том же языке Гелеб. Раввин Пазель ошеломился, побледнел, и только водил рукой по воздуху, пытаясь что-то сказать.

- Ле кедай леһашмиа стам эт һа-шем шель Азазель (кмо һа-шем шель Адонай) ле мишем ше зе кадош, эла ше ле исмах һу паам носефет***. – Еще спокойнее и тише произнес, обращаясь к раввину Пазелю Гелеб. У того даже передернуло лицо от злости. Под пристальным взглядом Гелеба он не мог долго стоять здесь у костра.

- Ай, ата озер шель Азазель ата*! – снова выкрикнул Пазель и скрылся в темноте.

Кто-то из нас засмеялся, но равви Гелеб поднял руку и сказал:

- Дети, никогда не смейтесь над старшими, тем более учителями, даже если вам кажется, что они не правы. – Он сказал это, никак не аргументируя свое утверждение, но нам почему-то и так стало стыдно за наш дурацкий смех.

И он начал новую сказку.

У костра, у подножия горы Фавор сидел Учитель и его ученики. Последними вернулись Фома и Иуда. После разговора с Иудой Учитель несколько помрачнел. Все сразу заметили это. Сначала держалась

тягостная пауза. Но потом по привычке ученики стали задавать вопросы Учителю. Первым решился Петр:

- Позавчера, Учитель, когда мы проходили через поле с овсом и были очень голодны, Ты велел срывать колосья и, растирая их от шелухи, есть зерна.

- Так – кивнул Учитель.

- Но ведь была суббота и один благочестивый фарисей, который все это видел, попенял нам за нарушение заповеди Господней. Ведь в законе сказано: чти святую субботу. А ведь это слово Божье?

- Слово Божье – чуть раздосадовано повторил Учитель. – Верно ты говоришь. Святые писания были написаны Моисеем и пророками, вдохновляемыми свыше. Многие раввины и фарисеи, указывая на футляр с Торой, говорят, здесь вся Мудрость, здесь слово Божье! – Он снова сделал паузу и Петр успел вставить:

- А разве не так?!

- Так-то оно так, да не совсем. – Он взял в руки футляр с Торой. – Здесь мудрость? – спросил он, постучав пальцем по футляру. Ученики согласно закивали.

- А здесь что!? – спросил он, постучав пальцем по лбу.

- Голова! – выпалил Петр.

- А если нет мудрости в голове то, что вам мудрость, которая в Торе? – апостолы переглянулись.

- Дайте Тору безумцу или темному неграмотному язычнику, прибавится у них мудрости от того, что они будут везде носить с собой футляр?

- Нет! – не сговариваясь, дружно ответили сразу несколько человек, сидящих у костра.

- Вот и получается, что мудрость в Торе, как богатство в прочно закрытом сундуке, а ключик вот он где. – Учитель снова прикоснулся ко лбу и к сердцу. – Нет ключика, нет пользы от богатства.

Апостолы изумились простоте и мудрости ответа. Так было уже не первый раз.

- Мертво богатство и мертво слово Божье без оживляющей силы человеческого разума и сердца. Вы же все время уповаете на это мертвое слово, тогда как с вами рядом живое Слово Божье. Вы же не пользуете Им ни мало, а все копаетесь ключиком в скважине от сундука, да не всегда он вам открывается!

Установилась долгая пауза. Было видно, что сравнение про живое Слово Божье, сказанное Учителем, так и не дошло до учеников.

- Поздно уже, надо поспать, - сказал Учитель – а то завтра праздник кущей, и встать нужно будет пораньше.

Впрочем, слова учителя застали уже некоторых из апостолов мирно дремлющими у теплоты угасающего костра. Постепенно заснули все. Только один ученик, из очень молодых, самый пытливый и ненасытный до знаний, по имени Иоанн, не заснул. Он видел, что Сам Учитель не собирается спать, он видел, что Его тревожит нечто таинственное, скрытое. Учитель немного отошел от костра и начал молитву. Иоанн встал в стороне. Он почти тут же впал в какое-то полуоцепенение. И тут ему показалось (?) или на самом деле стало видно, что над учителем зажглось небольшое светлое облако. В этом облаке увидел Иоанн призрак города-крепости. Двенадцать прочных сторожевых башен насчитал он у стен, окружавших город, двенадцать прочных форпостов отпора врагу. А враг осаждал город со всех сторон, но не мог прорваться внутрь, бессильно расшибались волны вражеских атак о стены и башни неприступного города. И вдруг одна из башен зашаталась, словно мутная волна пробежала по ней. Рухнула башня и часть стены с ней. И ворвался неприятель в город, разрушая все на своем пути. И ворвался враг в храм и святая святых города сего, осквернил и разграбил ее. На этом видение исчезло, сменившись другим. Увидел Иоанн двенадцать прекрасных звезд, кругом стоявших на небе, а внутри них свет как от Солнца и Луны вместе. И тьма бушевала вокруг двенадцати звезд, пытаясь прорваться и загасить свет внутри, но не давали ей звезды сделать это. Вдруг одна из звезд предательски замерцала и погасла. И ворвалась тьма внутрь и погасила свет. На этом и это видение исчезло, но появилось новое. Вот двенадцать ясных соколов кружат вокруг белого голубка, распластав крылья и закрывая его от коршунов, черных как смоль, что кружат

снаружи и хотят разорвать голубка. Но соколы на страже не дают им растерзать белую птицу. И вот один из соколов пал. И ворвались в круг коршуны и схватили белого голубя, и понесли на расправу. На сем видения исчезли, а Учитель прекратил молитву. Он почувствовал, что за Ним из темноты кто-то следит.

- А, это ты, Иоанн!?
- Я, Равви!
- У тебя опять вопрос?

Так уже повелось давно, что когда все апостолы уже засыпали, утомившись от дневных дел и осоловев от беседы, молодой Иоанн оставался бодрствующим и подступал к Учителю со своими вопросами. Учителю очень нравилась эта ненасытная жажда знаний и общения, обнаружившаяся у Иоанна. Он охотно отвечал на его многочисленные часто наивные вопросы, но получалось, что Иоанн узнавал от Учителя больше других апостолов и продвинулся в своем развитии дальше других. Учитель нередко наедине даже называл его любимым учеником.

- О чем ты хочешь узнать? Спрашивай!
- Равви, я хочу побольше узнать о живом Слове Божьем, про которое Ты сегодня нам рассказывал. Я правильно понял, что Ты и есть живое Слово Божье?
- Верно! Молодец!
- И, значит, нам не нужно постоянно думать, что по поводу того или иного случая сказано в писаниях, ведь Ты нам и так все вернее растолкуешь?
- Правильно. Хотя думать самому никогда не вредно.
- И все-таки я не очень пойму. Как это ты Слово Божье? Вот человек скажет слово, и рассеется оно по ветру, лишь иногда вернется на мгновение эхом и тут же растает.
- Это у человека. У Бога же всякое Слово есть живое существо, творческое и вечное. И все вы сотворены Словом, и все во вселенной, что стало когда-то и становится сейчас, появилось только через творческое Слово Божье.
- Ну, как же так! – не унимался Иоанн. А мы, что же не способны творить словом?! Раз мы созданы по образу и подобию Божьему?

- До грехопадения люди были способны, так же как Отец наш небесный, творить словом всякое дело, всякую вещь и явление. Но теперь на время люди лишены этого, пока не очистятся все от греха.
- А Ты, Равви, можешь творить словом?
- Могу!
- Покажи!
- Хорошо, только дай мне свое слово, что пока никому об этом не расскажешь, но расскажешь, когда придет время!
- Какое время?
- Сам узнаешь! – с этими словами Учитель набрал горсть песка в руку, плюнул в нее, немного растер пальцем и произнес над брением какое-то слово на непонятном Иоанну языке. Песок на руке начал раздувать в светлеющий шар, потом в его центре что-то треснуло и вспыхнуло. Учитель поднес развернутую ладонь прямо к носу любопытного Иоанна. На ней красовался драгоценный камень, величины с самый большой рыбий глаз, который когда-либо видел Иоанн. В лунном свете камень играл теплыми, мягкими красками и был восхитительно красив. Иоанн невольно протянул к нему руку.
- Возьми его себе. Он тебе еще пригодится.
- Вот это да! – Иоанн сиял от счастья как ребенок. Ему хотелось еще чудес, но он не решался больше просить у Учителя.
- А еще, Учитель, видения... - он не успел окончить вопрос, как Учитель поднял руку в знак молчания.
- Об этом узнаешь завтра. – Он почему-то помрачнел. – А пока иди. Поспи хоть немного.
- А ты, Учитель?!
- Мне нужно еще помолится.

Равви Гелеб закончил рассказ.

Ребетня начала засыпать его вопросами:

- А вы можете творить словом, равви Гелеб!?
- Нет, ребята!
- А огонь! Вы же как-то создаете его?

- Так это не я сам, а по моей просьбе..., по молитве.
- А нас вы можете научить этой молитве?
- Научить-то можно! Да здесь не только слова знать нужно. Здесь нужно включиться в сотворчество.
- Во что! – мы явно не совсем поняли последнее слово.
- Почти все, что творится здесь, творится не просто Богом, но совместно Богом и человеком. Потому Богу и нужны здесь верные Ему люди, праведники, пророки. Таким был и Моисей, и брат его Аарон. Потому через них и смог сотворить Бог множество чудес для нашего народа. Ну, о них вы, верно, хорошо знаете?
- Знаем! – закивали мы головами. – Нам равви Пазель рассказывал.
- Ну, вот, а вы позволили себе сегодня смеяться над ним. Кто бы без раввинов и других учителей помогал нашему народу сохранять память о нашей истории и милости Божьей к нам? Кто бы помогал хранить нашу веру?

Нам было удивительно, что рав Гелеб так хорошо говорит нам о Пазеле. Ведь рав Пазель просто ненавидел его. От этого обаяние равви Гелеба в наших глазах только усилилось. После мы и сами перестали тайком смеяться над Пазелем (но вообще-то, честно говоря, нам он не очень нравился), хотя раньше мы, грешным делом, любили потравить кого-нибудь, если он становился предметом всеобщих насмешек и презрения.

- Ну, а что Вы еще умеете, чудесного? – Оська задал смелый вопрос. Мне стало немножко стыдно за Оську. Подавай ему чудеса. Нам ведь и так хорошо было с равви Гелебом. Никто не умел так увлечь нас своими рассказами. Разговаривать с ним было наслаждением. Он держался с нами просто и уважительно, но мы никогда бы не почувствовали себя с ним запанибрата. Он был чем-то загадочным, пришельцем из какого-то другого мира, о котором мы могли только мечтать и догадываться.
- Что чудесного я умею? Да я в жизни и научился только одному ремеслу: рассказывать байки да притчи.

Конечно, равви Гелеб, явно преуменьшал свои способности, но нам, любопытным детям, у которых не было тогда еще современных информационных возможностей, которые жили в глухом провинциальном городишке, затерянном на краю большой и бестолковой империи, и этого было предостаточно. Он был нашим окном в огромный, бездонный мир, таинственный и величественный.

- А что это..., как это: мир сотворенный словом Божьим? – я впервые за все время решился задать ему вопрос.

Он внимательно посмотрел на меня.

- Ты, Мойше, вырастешь, поступишь в университет (я даже не сразу запомнил то слово, которое сказал мне тогда рав Гелеб), будешь ученым. Будешь физиком. (И это загадочное слово поразило меня.) И ты узнаешь точно, как это Словом была сотворена вселенная и откроешь это людям.

Когда он говорил эти слова, я почувствовал легкую дрожь в теле, но не от страха, не от ужаса, ничего такого я не чувствовал. Просто эти слова Гелеба прозвучали ЧЕРЕЗ меня как пророчество, пронизали меня. Мне показалось, что кто-то открыл мне глаза на далекое-далекое будущее, которое теперь я не мог даже чуточку предчувствовать.

Рав Гелеб как-то точно уловил, произошедшее со мной.

- Вибрации, так на ученом языке, дети, называются небольшие, но ощутимые колебания. Вся вселенная заполнена вибрациями. Все, что мы знаем и видим, есть вибрации, их совокупность и наложение и создает для нас видимую и ощутимую картину мира. Исходные вибрации создает Господь Бог, а остальные – сотворенные им существа. Ведь и слово состоит из вибраций.

- Как это?

- А вот приложи ухо к моей груди, когда я говорю.

Я не сразу осмелился подойти поближе, но рав Гелеб улыбался широко и открыто. Я не почувствовал за этой улыбкой никакого подвоха и подошел. Приложив ухо к его груди, прислушался. Рав Гелеб красивым низким голосом пропел: «А-а-а-а!». И я вправду ощутил, как вибрирует его грудь.

- Ну, что? Почувствовал?

- Да! Как интересно!

- Учись, Мойше, и узнаешь еще больше. Узнаешь и обязательно откроешь не только себе, но и миру.

В этот раз, уходя домой, я уносился думой в далекое, туманное, заманчивое и немного страшное будущее. «Физика» - почему-то это новое слово ласкало мне слух, как загадочное заклинание счастья.

Глава 21. Рассказы Глафиры. Продолжение.

Фаворский свет

(На вершине горы)

Иоанн прикорнул ненадолго. Чрез пару часов уже начало светать. Учитель тихо подошел к спящим и разбудил троих из них, прикладывая палец к губам – жестом прося их не нарушать тишину. Иоанн, Петр и Яков встали и последовали за Учителем на гору. Им было странно такое положение вещей. Обычно Учитель проводил общие молитвы и «занятия» со всеми апостолами, а тут какое-то заговорщичество? Думая об этом, Иоанн поднимался вверх и наблюдал за двумя другими апостолами. У них тоже было тревожное недоумение на еще заспанных лицах, но они привыкли во всем доверять Учителю и не задали в этот раз лишнего вопроса, наверное, дальше все само собой разрешится?

Наконец, они оказались на вершине этой небольшой, покатой горы. Здесь Учитель жестами показал им места, где они должны были расположиться. Сам он встал впереди по середине и начал неслышимую для них молитву. Это тоже немного удивило и насторожило апостолов. Иоанн чувствовал нарастающую тревогу. Но вдруг откуда-то, может сверху, а может просто из окружающего пространства, возникло и стало заполнять все вокруг светящееся облако, так что скоро Иоанн перестал различать что-либо вокруг, кроме фигуры Учителя впереди. Она отличалась от облака каким-то невыразимым оттенком света. Учитель продолжал молиться, а Иоанн стал буквально таять от блаженства. Накрывшее их облако, кроме света источало необычайный покой, тихую радость и тончайший благовонный аромат, оно наполнило все тело Иоанна непривычной легкостью, как будто оно

стало совсем пустым, воздушным. Ему даже показалось на миг, что он вот-вот оторвется от земли и поплывет вверх, над горою.

Иоанн ощутил окружающий его свет не как некое простое природное явление, а почему-то как живое, мыслящее существо. Да! Свет источал мудрость, любовь, покой, благодать. Казалось, он говорил: «Будь счастлив, Иоанн! Купайся в моем блаженстве! Успокой все свои тревоги и печали!». Свет струился со всех сторон, но Иоанн каким-то неизъяснимым образом почувствовал, что он исходит из колоссальной дали. У Иоанна даже захватывало дух, когда он мысленно пытался донестись до источника света. Это было где-то бесконечно далеко, в неописуемых глубинах вселенной, в самом ее средоточии, в сияющем центре. Кроме того, Иоанн ощущал сущность этого света, как существо очень и очень древнее, равное возрасту самой вселенной. Он удивился этому ощущению, но тут же его сердце невольно улыбнулось другому открытию. Иоанн каким-то непостижимым образом понял, что на счет древности этого света он ошибся. Свет был вечным! Он был и очень-очень древним и молодым, свежим, даже озорным. Он был и до сотворения вселенной, и все время ее существования, он есть и будет всегда, даже когда эта вселенная прекратит свое существование. Он почувствовал, что если соединится с этим светом, то сам станет вечным!

Вдруг по светоносному эфиру, окружившему Иоанна, Учителя и двух других апостолов пробежали волны. Когда они коснулись слуха Иоанна, он услышал: «Сей Сын Мой возлюбленный, Его слушайте.». При этом фигура учителя начала переливаться неизъяснимыми цветами. Затем из облака справа и слева от Учителя чуть сверху показались две исполинские фигуры. Как Иоанн понял, что это были именно Моисей и Илия, он бы не мог объяснить никому вразумительно? Как часто бывает во сне: мы узнаем в совершенно странных сущностях и обликах кого-нибудь совершенно точно и отчетливо, но если бы нас спросили, отчего мы так уверены, то, скорее всего, вряд ли кто-то мог бы растолковать это узнавание.

Учитель начал о чем-то говорить с пришедшими, но смысл их беседы ускользал от Иоанна, ему и так было слишком хорошо,

блаженство расслабило разум, он плавал на водах неопишемого счастья и восторга в каком-то полусне-полуяви.

Учитель же восходил на гору в полной тревоге. Видения, которые предстали перед ним в ночной молитве, имели для Него достаточно ясный смысл, подтверждали опасения, возникшие у Него после возвращения Иуды и беседы с ним. Слишком высока была цена этих событий, слишком большую и непоправимую роль они могли сыграть в ходе выполнения всей миссии Его, пришедшего освободить Израиль и все человечество от рабства темным силам. Он взял сегодня только трех из апостолов, которым мог полностью довериться. До этого дня Он не разделял их и ничего не скрывал ни от кого из них. Все они были большой и дружной семьей. Но ныне в семье возник дух измены. Теперь все становилось зыбким и эфемерным. Он еще не успел восполниться всеми силами Логоса, чтобы миссия могла быть законченной триумфально, чтобы все обетованное Израилю и миру Моисеем и пророками сбылось. Гагтунгр когда-то пытался искушать Его, но после неудачной попытки искушения уже искал только одного – убить. Двенадцать учеников были не только опорой Иисуса, но и защитой в мирах невидимых, хотя сами и не подозревали о том. Ведь Он слишком сильно доверился им, очень тесно сошлись в тонких планах Его существо с их существами. Теперь у них уже не могло быть необщей судьбы. Предательство одного открывало Его пред темными силами и могло подставить под непоправимый удар.

Он начал молиться Отцу, чтобы перед Ним была открыта дальнейшая судьба Его и судьба мира, который был доверен Отцом Сыну для водительства. Во время молитвы Он почувствовал, как Отец своим светом объял Его, затем Он увидел двух посланников свыше. Это были Моисей и Илия.

- Что велено передать вам от Отца? – после короткого приветствия спросил Он их.
- Нам велено передать, что Иуда предаст тебя, что душа его пленена Гагтунгром, и теперь предательство уже неотвратимо. А, значит, неотвратима Твоя смерть.
- Что же делать Мне теперь?
- Теперь есть другой план спасения, но он может произойти

только, если Ты не будешь ждать своего насильственного умерщвления от Гагтунгра и скрываться от него, но Сам пойдешь навстречу смерти.

- Разъясните!
- Если Ты Сам пойдешь на смерть и передашь власть над своей смертью Гагтунгру, то кармически он должен будет неизбежно отдать власть над посмертием всех людей Тебе. Он сам не понимает этого. Впрочем, ему и так, и эдак будет, что потерять.
- Значит уже никаких шансов на исполнение раньше задуманного, на освобождение всего человечества В ЭТОМ МИРЕ от власти темных сил уже нет?
- В этот раз нет! Нужно будет прийти сюда еще раз.
- А когда это будет?
- Об этом нам ничего не было сказано. Готов ли Ты к другому плану действий во спасение человечества хотя бы в посмертной их судьбе, в темных адских слоях, куда предстоит сойти Тебе в три дня между смертью и воскресением?
- Готов! Отче! – твердо возгласил Иисус.
- Но Ты должен знать, что Гагтунгр сделает все, чтобы смерть Твоя была мучительной, а в глазах людей позорной.
- Что ж! Приму чашу сию.
- Тогда Отец наполнит Тебя сейчас силой для выполнения этого подвига. Готовься и прими!

После этих слов Иисус склонил голову, и с шумом, как бывает при падающей росе или обильном грозовом дожде, на Него полились свыше светящиеся струи. Они наполнили все Его существо необычной силой. Он воссиял как тысяча звезд, так что у апостолов, видевших это, на мгновение помутилось в глазах. Одежды Его сделались белыми и блистающими. После чего облако растворилось вместе с фигурами Илии и Моисея, а в ушах апостолов осталось только: «Сей Сын Мой возлюбленный, Его слушайте.». Эти слова были как нельзя кстати, ибо горькую весть придется рассказать Учителю сегодня всем ученикам.

Трое из учеников стояли остолбеневшие о всего произошедшего. Они не поняли еще ни бед, ни тревог Учителя. Им было очень хорошо!

- Наставник, хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: одну

Тебе, одну Моисею, Одну Илию – не зная, что говорил, произнес Петр.

При этих словах Учитель повернулся к ним лицом. Оно было блистающим, но строгим. Не было света радости на нем. Он сказал: «Пойдем вниз, я должен объявить всем важную новость!».

По дороге вниз Учитель размышлял про себя, как бы сказать им всем эту тяжелую новость, как бы не ввести их в искушение о Себе при этом? Ведь до этого апостолы были уверены, что с ними долгожданный Мессия, что все обетованное Израилю с появлением Мессии уже недалеко и вот-вот начнет сбываться, что приблизилось Царствие Небесное. Ведь об этом они и разносили благовест – Евангелие по городам и весям Израиля. Иудеи же из закона усвоили только одно, что если придет долгожданный Мессия, то Он пребудет вовек, что царствию Его не будет конца, что все они будут спасены, что исчезнут не только страдания и войны, болезни и распри, но даже и самая смерть. Как-то мимо них прошло переданное через пророка Исаю, что ведь может народ и не принять посланца Божьего, посчитав Его за соблазнителя и разбойника. Ведь даже преданный пес, если в него войдет бес, может укунить руку хозяина, подающего пищу, приняв хозяина за чужака. Потому БОГ ВСЕГДА ЗАДУМЫВАЕТ КАЖДОЕ СВОЕ ДЕЯНИЕ ТАК, ЧТОБЫ ДАТЬ СВОБОДУ ВЫБОРА И УЧЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ОТКАЗА (то есть, как минимум в двух вариантах). Если народ не примет пророка, праведника и даже Самого Мессию, как посланца Божьего, то не будет выполнения обетованного в этот раз, но предстоит пострадать посланцу свыше, чтобы хоть своим страданием искупить часть грехов народа. После предстоит пострадать и народу, так как темные для того и побеждают, чтобы усиливать и умножать страдания. И вот сейчас Он узнал, что предстоит Ему Самому пострадать и быть казненным, так как Гагтунгр и его приспешники добились такого настроения в народе иудейском, но главное – соблазнили Иуду, одного из учеников. Это решило все окончательно. Как же теперь сказать об этом, чтобы апостолы не подумали, что Он не Тот вовсе, за кого Себя выдавал?! Он знал, что после сего сообщения поселятся в душах некоторых из них сомнения, тревога и даже страх. Придется обратить их внимание на то, что в писаниях сказано и о такой судьбе Мессии, как о возможной, если

свои не примут Его. Ах! Как тревожно было Ему за апостолов, и за всех-всех, и за весь этот мир, который ОН МОГ БЫ СПАСТИ УЖЕ В ЭТОТ РАЗ!

Когда они спустились с горы, то апостолы по-прежнему еще спали.

- Нужно разбудить их – тихо попросил Учитель.

Яков, Иоанн и Петр пошли выполнять поручение, а Учитель еще раз помолился.

Наконец все встали. Был проведен обряд умывания, утренняя молитва, небольшой завтрак. Все было почти как обычно, но гнетущее молчание Учителя, Его сумрачное настроение ощущалось всеми. Обычно Он бывал весел, любил шутить, заразительно смеялся, светло, беззлобно, лучисто, так что хотя бы не улыбнуться в ответ было просто невозможно. Им было так хорошо вместе с Ним! Такой надеждой, верой и любовью были наполнены сердца, что прошлая их жизнь казалась мрачноватым сном. Теперь они и представить не могли себе жизнь без Учителя. Быть рядом с Ним везде и всюду, выполнять Его поручения, дышать Его словом, жить общением с Ним – это было единственным смыслом их жизни.

После завтрака, когда были убраны остатки пищи, Учитель собрал их возле Себя и задал странный вопрос:

- Скажите, кем считают Меня люди?

Они сказали в ответ:

- Одни почитают за Иоанна Крестителя, а иные - За Илию, а другие же говорят, что один из древних пророков воскрес.

Он спросил их:

- А вы за кого почитаете Меня?

Некоторое недоумение и замешательство вызвал этот вопрос среди учеников. Кажется, для них все было ясно: Он и есть Тот Мессия, которого ждал Израиль. Они переглянулись. Но Петр, который только что слышал слова на горе из осиявшего их света Божьего: «Се Сын Мой возлюбленный, Его слушайте» - выпалил без долгих раздумий:

- Ты Христос, Сын Бога Живого!

Иисус видел, как некоторые ученики переглянулись, удивившись еще сильнее. Это шло вразрез с иудейским вероучением и даже было похоже на святотатство! Сын Божий! Об этом писания не говорили! Сын Божий? Этим Он ровняет Себя с Самим Богом!? Зачем Ему это? Если это сказать где-нибудь открыто, то их тут же могут закидать камнями! Может быть, Петр ошибся? Может, как это нередко бывало, сейчас Учитель объяснит его ошибку, и все станет на свои места? Но вместо ожидавшегося большинством разъяснения Учитель сказал другие слова:

- Не говорите никому о сем, сами знаете, как это может разгневать иудеев. А сейчас узнайте, что Сыну Человеческому (так Христос нередко называл Себя, как Его называли предсказавшие Его приход пророки) должно много пострадать, и быть отверженному старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть.

Он увидел, как смятение прошло по лицам апостолов. Видел, что многие задумались мрачною думою. Он понимал, какое тяжкое испытание переживает сейчас каждый из них, кроме Иуды. На Иуду Он взглянул пристальнее. Тот почти сразу отвел глаза, но Учитель уже прочел его думу. Иуда понял, что Учителю уже известно, что он хочет предать Его. Однако Иуда полагал, что это будет всего лишь сподвиганием Учителя на решительные действия, а не действительным преданием Его на казнь. «Ах, Иуда, Иуда! – подумал про себя Учитель – ты еще осознаешь всю мерзость своего замысла, но осознаешь, когда все уже будет исполнено!».

После небольшой паузы Учитель велел всем собраться и идти в палаточный стан, где располагались еще семьдесят учеников, следовавших за Учителем повсюду. Там Он начал говорить речь, в которой слышалось героическое напряжение, и которая призывала их сделать последний выбор. И хотя семьдесят еще не знали, о том, что сказал Учитель двенадцати, но по всему, включая выражение лиц апостолов, пришедших с учителем, они поняли, что произошло что-то непоправимое.

- Если кто хочет идти за Мною – начал Учитель, обращаясь ко всем собравшимся – отвергнись от себя, и возьми крест свой, и

следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее.

В этих решительных и странных словах был ответ на молчаливые мысли апостолов, ибо некоторые из них по дороге сюда, после странных слов Учителя, после того, как Петр объявил Его Сыном Божиим, а Он не опроверг этого, стали думать, как бы не было все это соблазном для их душ, как бы не получилось, что, признавая Его за Сына Божия, они участвуют в постыдном святотатстве!

- Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого повредить или повредить себе? Ибо кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда приидет во славе Своей и Отца и святых ангелов. Говорю же вам истинно: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие.

Апостолы ощутили стыд за свои сомнения, когда поняли, что Учитель знает их помыслы. Но Его запрет, говорить о том, что слышали в своем узком кругу, они, конечно же, выполняли свято.

То, что рассказывал нам тогда Гелеб было нам далеко не во всем понятно (мы даже не знали значения многих слов), но мы чувствовали «шестым чувством», что он рассказывает про что-то великое, о чем знать нам было важно, хоть наш ум и не понимал многое из того, что говорил этот человек. Сами рассказы он вел медленно, слова звучали ярко, весомо и ощутимо. Мы были там, в далекой Иудее, в те древние времена, мы ходили вместе с Учителем и учениками по каменистым тропам пустынь, поднимались на горы и холмы, плавали на лодках по Генисаретскому озеру, сидели у костров прохладными ясными ночами под бездонным небом пустыни.

Мы, конечно, задавали Гелебу разные вопросы, которые скорее показывали, что мы мало что поняли своими умишками, чем обнаруживали новый уровень познания у нас. Но доверие к Гелебу было колдовски сильным. Слушать его было большим удовольствием, несравнимым ни с какими нашими играми и развлечениями. Тем более, что он никогда не злоупотреблял нашим вниманием, и рассказы обычно, казались нам слишком короткими, скудными, а нам так хотелось бесконечно слушать его. Но, разумеется, родители, учеба в

школе, много других дел не позволяли нам проводить с ним столько времени, сколько нам бы хотелось. Каждый раз мы морщили носики, когда он снова и снова напоминал, что нам пора по домам. Но каждый раз мы беспрекословно слушались его.

В этот раз Абраша спросил:

- Кто же такой, этот Сын Божий. В законе говорится о сынах Божьих, которые возжелали дочерей человеческих. Он что, один из них?
- И почему человеческие только дочери, а сыны только Божьи? – спросил еще кто-то. – И в псалмах Давида тоже только про сынов Божьих. А бывают дочери Божьи?

Сейчас вспоминаются наши вопросы, и улыбка невольно возникает на лице. Какие же мы были... Впрочем мы были вполне нормальные дети своего народа и своего времени, не хуже, хотя и не лучше многих других таких же. Однако, как помнится, все, кто пообщался с равви Гелебом, стали лучше, намного лучше. Он действовал на нас как-то облагораживающе, что ли? После общения с ним нам не хотелось ни ругаться, ни драться, ни дразнить кого-нибудь. Мы стали больше уважать старших, стали милосерднее, серьезнее, взрослее, ответственнее... Трудно все перечислить. Но даже взрослые постепенно перестали возражать против наших встреч с равви Гелебом, хотя сначала некоторых даже драли ремнем. Дольше всех сопротивлялся раввин Пазель. Он так до конца и не примирился с влиянием на нас Гелеба.

- А кто такой этот Гаг..Гагтун?
- Тихо! Не нужно лишний раз поминать это имя, – попросил равви Гелеб, – тем более к ночи.
- Но ведь Вы же поминали?!
- Да, но я лишь по необходимости.

Мы замолчали, столкнувшись в еще одной необъяснимой тайной. Он не объяснял нам этого запрета, но в детстве чаще всего достаточно сделать строгое лицо и сказать что-то запрещающее, чтобы это уже могло иметь силу. Рав Гелеб даже не делал строго лица. Мы и так верили ему во всем.

Иногда нам даже интересней было, чтобы что-то оставалось тайной, чем было бы нам объяснено, это создавало интригу, которая так нужна человеку всегда, но особенно в детстве. Священное всегда хоть немного остается тайной, но это тайна, греющая душу.

Сговор в Капернауме.

После разговора с учениками настало обеденное время. И уже подошли многие жители Дарвафа и Кессулофа – ближайших поселений. Большинство, конечно, пришли, так как хотели исцеления своих близких, зная, что не только Сам Учитель, но и Его именем ученики исцеляют больных, прогоняют даже бесов из бесноватых. Учитель распределил места, на которых апостолы занимались исцелением. Некоторые, по просьбе пришедших отправились к ним домой, чтобы заниматься целительством на месте.

Иуда подошел к Учителю и попросил разрешения пойти в Капернаум. Там у него действительно жили родственники, которых он давно не видел и хотел посетить, но главной его целью была лавка сапожника. Мысль о встрече с фарисеями не давала ему покоя. Он чувствовал, что что-то важное должно разрешиться при этой встрече. Монета была надежно спрятана. Он постоянно помнил о ней и ощущал ее, как залог счастливого будущего.

Учитель ждал от Иуды подобной просьбы. Он даже примерно знал, что сеть заговора вокруг Него усилится после этого похода Иуды в Капернаум, но судьба этого вопроса была уже решена. Он отпустил Иуду, хотя нельзя сказать, чтобы сделал Он это с легким сердцем.

Капернаум находился почти в двухстах стадиях северо-востоку, недалеко от того места, где Иордан впадает в Генисаретское озеро. Иуда не пошел туда по протоптанной дороге, которая шла по руслу высохшего ручья, потом вдоль Иордана, через Таррихел, Емаф и Магдалу – то есть по берегу озера. Он отправился напрямую почти бегом. Нет, сначала он пошел спокойно, но как только убедился, что скрыт от возможного взгляда Учителя, то он почти побежал, нащупав на ходу заветную монету – пароль при встрече. Он бежал, когда задыхался, тогда снова переходил на шаг, затем снова бежал, не

обращая внимания на цепляющиеся растения, на каменные россыпи, которые встречались довольно часто. Он стремился на эту встречу, охваченный желанием великих свершений, исполнения чаяний Израиля, освобождением от римского ига и грядущим всемирным апофеозом Израильского царства. Слова, сказанные у колодца, весь разговор, облик раввина – все это живо стояло перед его глазами. Путь занял около пяти часов. К вечеру он был в желанном Капенауме и сразу пошел в лавку сапожника, которую хорошо знали все жители этого городка.

Когда он подошел к лавке, уже стемнело. Он постучал, ему быстро открыли и, ничего не спрашивая, впустили. Как будто здесь его ждали уже давно. Убедившись, что кроме хозяина в комнате никого нет, Иуда ничего не говоря, вытащил монету и протянул ее хозяину. Тот поднес ее к слабо чадающей лампе, тщательно осмотрел и, кивнув, открыл нечто похожее на ковер, висящий на стене. За ним оказалась скрытая дверь. Хозяин рукой пригласил пройти.

Дверь вела в довольно обширную комнату без окон. Посреди комнаты стоял большой стол, к потолку привешена тусклая лампа. Вокруг стола расположились несколько людей, глаза которых пытливо глядели на Иуду. Он огляделся, но того раввина, которого он встретил у колодца, кажется, не было среди них. Точно не было. Ему стало немного не по себе. Вид людей на миг почему-то показался ему разбойничьим. Эдакая шайка, которая удачно заманила его в ловушку. Он чуть-чуть струхнул. Его жестом пригласили присесть.

- Ты Иуда?

Он кивнул в ответ.

- Раввин Парав, тот самый, что дал тебе заветную монету, рекомендовал нам тебя, как самого честного из учеников этого вашего учителя! Он сказал, что сердце твое горит желанием биться за народ наш и веру против римских захватчиков?

- Так – сказал Иуда, - глядя с опаской в глаза спрашивавшему его человеку.

- Ты понимаешь, насколько серьезно дело, в которое ты вступаешь?

Иуда снова кивнул.

- А согласен ли ты с тем, что твоего учителя нужно подтолкнуть к

мысли о необходимости восстания?

- Да. Я понял, что только арест Его римскими властями может привести Его к верному решению.
- Тогда Расскажи-ка нам побольше о твоём учителе. Мы хотим знать, насколько он может сгодиться нашему делу.
- О! Я считаю, что только Он и может по-настоящему обеспечить успех восстанию!

Слушавшие его переглянулись, некоторые даже усмехнулись.

- Это почему же так?!
- Потому что Он и есть истинный Мессия, посланный Израилю Богом!
- Как же ты это докажешь?
- Он творит такие чудеса! Я видел их так много и таких, что сомнений ни у кого бы не осталось.

При этих словах Иуды двое из присутствовавших закивали, возможно, они были местными, а Иисус сотворил немало чудес в Капернауме.

- Так почему же он не с нами?!
- Он...Он... У Него какое-то странное представление о римлянах. Он говорит, что они тоже достойные люди и так же как многие просто попали под влияние сатаны. Он говорит, что все люди достойны спасения, даже мытари и блудницы!
- Мытари! – при последних словах Иуды один из присутствующих соскочил и выкрикнул:
- А знаешь ли ты, что по доносу одного мытаря, который хотел выжать с моего отца двойной налог и прихапать себе в карман побольше денег, моего отца бичевали принародно до тех пор, пока он не умер от боли! Он кричал: «Фаддей, закрой глаза!» – но римский сотник стоял рядом и следил, чтобы я не отворачивался. Последними его словами было: «Фаддей, отомсти за меня и весь наш народ!». А мою мать так же принародно изнасиловали и продали в рабство. Я вот только и сбежал. Сволочи, римляне – это бешенные псы! Их нужно убивать там, где увидишь! А мытарей! Тех бы я вообще казнил самой жестокой казнью. Знаешь ли ты, что почти каждую ночь я придумываю казни для мытарей, да так и не

могу остановиться на такой муке, которую они заслуживают. Вот если бы они могли жить несколько раз подряд, то бы выжал из них все соки! – говорящий сверкал очами, и руки его скрючились как бывает при одной сильной болезни или бесновании.

Иуда отпрянул от говорящего, так как тот во время речи, надвинулся на него и, казалось, вот-вот схватит его за горло. Он опустил глаза, ему даже стало стыдно за Учителя.

- Успокойся, Фаддей! – резко сказал какой-то крепкий мужчина. В его бороде выступала проседь, лицо со шрамом на правой щеке выглядело мужественным суровым, но спокойным, а в голосе чувствовалась привычка отдавать команды.
- Но, говорят, что ваш учитель может уходить из рук людей лучше, чем скользкий угорь из рук рыбака? – обратился этот человек к Иуде.
- Рассказывали, например, что в его родном городе Назарете толпа схватила его во время проповеди в синагоге и повела, чтобы сбросить со скалы. Но когда они пришли на скалу, то его среди них не оказалось? В другой раз таким же загадочным образом он ушел из толпы, которая окружила его и уже хотела закидать камнями. Как же это ему удастся. Можешь ли ты объяснить?
- Могу! Я же говорю, Он Мессия, Он может творить еще большие чудеса.
- Но тогда Он уйдет и от ареста римлян!
- Да, об этом я как-то не подумал – с удивлением признался Иуда.- Впрочем, мы, ученики, видим Его все время, от нас-то Он не скрывается. Я как-то наблюдал, как люди схватили Его, но потом стали как слепые, начали оглядываться вокруг, и Он был среди них, но они Его почему-то не замечали. А мы, ученики, видели Его прекрасно! Да! Я могу показать Его римским солдатам! – Иуда, произнес последние слова, вдруг понял, что в таком случае ему не тайно нужно будет назвать место, где находится Учитель, а прийти со стражей для ареста и указать на Него! От этой мысли кровь бросилась ему в голову, он резко покраснел, но при тусклом свете лампы, никто этого не заметил.
- Славно – произнес тот мужчина, который показался Иуде главным среди них. – Нужно будет только подождать, когда твой учитель

придет в Иерусалим. Там сначала слуги Первосвященника возьмут его, а уж потом передадут римскому ставленнику. Равви Парав говорил примерно тоже, что и ты, то есть, что восстание удастся только в том случае, когда будет арестован этот ваш учитель. А равви Парав человек ученый, и непросто силен в Законе, но он почти пророк!

Иуда невольно кивнул при этих словах, ведь после той единственной встречи, которая произвела на него незабываемое впечатление, он тоже считал, что этот раввин просто пророк.

- Значит, ты готов придти и показать нам вашего учителя при аресте?

Иуда с готовностью кивнул.

- Тут с нами человек из Синедриона. Они даже готовы выплатить тебе вознаграждение. Неплохие деньги!

Иуда начал оглядываться, полагая, что человек из Синедриона даст о себе знать. Но никто из присутствующих никоим образом не обнаружил, что именно он человек из Синедриона. Заметив движение Иуды, старший сказал:

- Тебе пока не нужно его знать. Достаточно того, что он видел тебя и запомнил. Он узнает тебя, когда ты придешь в синедрион в Иерусалиме. Смотри, не подведи нас. Мы шутить не любим.

Последние слова были сказаны спокойно, но с явной угрозой.

- Иди и будь готов. Ни в коем случае твой учитель не должен ничего заподозрить! Сам понимаешь. И помни, теперь ты с нами в одной упряжи. Раскроется наш план, и тебе несдобровать от римлян. Да и у нас руки не короткие! И всюду свой глаз!

Иуда уже повернулся к двери.

- Да, и подумай, каким знаком ты покажешь нам своего учителя!

Эти последние слова заставили Иуду задуматься. Он как-то не придавал этому особого значения. Каким знаком?! Да просто рукой! Но, нет! Что-то тут было не то. Он решил подумать об этом как следует.

Иуда провел ночь в доме родственников. А утром отправился обратно.

В эту же ночь Учитель снова не спал. Он молился. И во время молитвы узнал, что совершить нисхождение в ад для освобождения томящихся там душ, нужно именно в ближайшую Пасху. Пасха или Песах – день освобождения еврейского народа из египетского плена. Не зря именно эти сроки были указаны в свое время Моисею, как самые благоприятные для такого деяния, как освобождение народа из плена. Во вселенной все протекает по своим законам и ритмам. Даже Творец, создавший их и всю вселенную, для того чтобы что-то свершить в ней, не нарушив общий, созданный Им порядок, должен Сам следовать этим ритмам. Каждый год один раз наступает самое благоприятное время для того, чтобы светлые силы могли освободить кого-то из плена тьмы, из рабства. Такое время как раз приходится на праздник Песах. Иисусу было передано, чтобы Он обязательно прибыл в Иерусалим на этот праздник Пасхи, что там и произойдет все, включая предательство Иуды.

Учителю было показано совещание zelотов, на котором присутствовал Иуда. Он все видел и слышал. Ему в очередной раз стало горько за Иуду. Однако теперь уже все определялось волей Отца. Еще тогда, в тот вечер, когда Иуда вернулся, побывав в колодце-ловушке, он мог бы исправить положение, если бы открыто во всем признался Учителю, покался. Но он тогда, глядя в глаза Учителю, сделал свой выбор. Слишком велики были ставки в борьбе за этот мир, за человечество в нем. Очень трудно было апостолам выстоять в этой войне света и тьмы. И вот один не выстоял. И это, увы, ставило крест на всей земной миссии в том ее варианте, который бы мог завершиться триумфом Христа, Его апофеозом. Было бы освобождено все человечество. Он прожил бы в этом мире двести, может триста лет. И когда все человечество было бы просветлено от темного семя дьявола (эйцехоре), когда были бы выработаны меры по дальнейшему недопущению затемнения вновь рождающихся, когда человечество превратилось бы в Братство, исчезли бы государства, распри и войны, болезни и злодеяния, исчезла бы самая смерть, и люди уходили бы на небо через трансформу, вот тогда Он Сам бы тоже прошел трансформу и на глазах всего мира вознесся бы, уходя «домой».

- Теперь на всем этом придется поставить крест. – Учитель усмехнулся горькой усмешкой, понимая своеобразный каламбур.

Он уже видел в видениях, как будет поставлен крест на Голгофе, крест, на котором предстоит умереть Ему мучительной смертью. Но крест был нужен, а не другой способ казни. Крест – важнейший магический символ и «инструмент». В тонких планах крест имеет внушительную силу. Его боятся бесы, он ломает их энергетику, корежит все их магические «поля» и утверждает свет! Но темные добились того, чтобы крест в глазах людей стал символом мучений, ненавистным орудием казни. До чего же они умеют подменить светлое темным, да так незаметно. Они внушили многим народам, особенно римлянам, именно такой способ казни, чтобы люди отвратились от креста. И люди видели теперь в кресте только ужасные мучения и конец жизни. Все наизнанку! Нет, Он должен через Свою казнь снова утвердить светлую магию Креста в здешнем мире. Это будет обязательно! Но для этого на кресте придется пострадать Самому. Потом позже, с возникновением науки в человечестве, Он внушит это и ученым. И в математике, и в физике крест станет символом положительного начала, соединяющим, приумножающим.

Теперь предстояло сойти в адские слои, навсегда замкнутые Гагтунгром от выхода для попавших туда людей. На «входе» одного из таких слоев он даже утвердил гордую вывеску: «Оставь надежду, всяк сюда входящий!». Что ж, теперь ему придется расстаться с безраздельным владычеством в созданных им слоях. Отныне они будут раскрыты для действия светлых сил, и многие люди, хотя и претерпев муки и страдания, но смогут очиститься в них, просветлиться и быть поднятыми силами света наверх: либо в слои дальнейшего просветления, либо для перевоплощения в новую земную жизнь. Думая об этом, Христос приободрился, снова почувствовал Он в Себе силу, переданную Ему Отцом для совершения этого подвига. Ему предстояло собрать на Себя добровольно огромное количество грехов, ныне живущего человечества, ибо они как камень ныральщику, помогут Ему опуститься в самую глубь ада, для того, что совершить преобразование и самых глубинных адских слоев.

Пасха приближалась. Нужно было идти в Иерусалим. И Он стал молиться за всех остальных апостолов, ведь Он оставит их в мире, где

темное начало по-прежнему будет иметь значительную власть. Он оставит их одних перед бушеванием Гагтунгра. Конечно, они будут укреплены Святым Духом, но и выдержать им придется немало. Как Он переживал за них! Как горело Его сердце огнем любви и сострадания. Он любил их намного сильнее, чем самая любящая мать своего младенца.

Теперь они без Него будут растеряны, напуганы. Увидев Его казнь, испытают невыразимое отчаяние. Только Его воскресение, да Святой Дух, посланный им после, постепенно сделают их настоящими светочами духа в этом так и не дождавшемся просветления мире.

- Равви Гелеб, а тебя могут казнить?! – вдруг спросил Оська.
- Ну, если никто из вас не предаст меня, тогда – нет! – улыбнулся он в ответ.

В избушке повисла гнетущая тишина. Что это вдруг дернуло Оську на такой вопрос?! И как это мы можем предать его? Никогда!

- Вы предадите меня, если не захотите стать честными, умными, порядочными – снова с улыбкой произнес равви Гелеб. Он потрепал Оську по голове.
- Если совсем забудете то, о чем я вам рассказывал, то это еще ничего! – Он сначала по-прежнему улыбался, а потом сделал серьезное лицо:
- Ребята, вам предстоит в будущем пойти в нелегкую взрослую жизнь. Она почти лишена сказки, такой милой вам сейчас. Она пресна и полна тягот, а так же соблазнов. Мир не любит сказок, хотя в них-то чаще всего и сосредоточена мудрость не от мира сего. Если вы когда-либо, под натиском мира, устыдитесь того, что слушали меня, того, что вы были очарованы моими рассказами, устыдитесь того, что я вам рассказывал, устыдитесь слов моих, вот тогда это и будет настоящим предательством!

Путь в Иерусалим.

Нужно было идти в Иерусалим, так как до Пасхи оставалось не более десяти дней. Учитель стал намечать путь, и решил, что пойдут они не коротким и прямым путем, а через Капернаум по восточному заиорданью. Почему Он так решил?

Во время своих молитв, Он прозревал материальные и духовны миры, космические выси и адские глубины, Он видел, кто настраивает евреев на дух воинственности и насилия, инспирирует их на восстание, кто внушает им мировые притязания господства иудейского царства. Это было страшное чудовище – уицраор еврейства, темный демон государственности. Огромное по своим размерам, сравнимым с географическими пространствами, драконообразное существо обитало в темных четырехмерных мирах, смежных географически с Иудеей, Самарией и Галилеей, однако наиболее сильным его влияние на психику людей было в Иудее, но даже не в самом Иерусалиме, а в Хевроне, Газе, Вирсавии. Кстати, Учитель узнал, что Варрва, тайный предводитель zelотов, был родом из Газы.

Это колоссальное существо – уицраор израильского царства, хоть и был сам в плену, то есть опутан щупальцами другого, еще более колоссального чудища – римского уицраора, но все продолжал надеяться на реванш. Как же! Сам Гагтунгр инспирировал его на то, что именно он может и должен стать мировым господином во всех шрастрах – темной изнанке четырехмерных миров! Уицраор Израиля своим безграничным психическим напряжением создавал в иных точках земли такое состояние ненависти к римлянам и желание уничтожить их всеми средствами, что никакая незащищенная человеческая психика не смогла бы устоять против этого натиска и не впасть бы фанатичное стремление поднять восстание и победить, во что бы то ни стало! Варрава был избран уицраором, как психически наиболее мощный и надежный проводник своего влияния. Большинство людей, встречавших Варраву, говоривших с ним, быстро заражались духом насилия и ненависти, в тоже время признавали Варраву как своего вождя, как личность исключительно сильную духом, высоко волевою и фантастически преданную своему делу. Он быстро набрал влияние в тайной организации zelотов и стал их безусловным лидером. Он показал себя несколько раз в скрытных расправах и

стычках с римлянами как отважный, беспощадный воин, умелый и неуязвимый. Он впервые предложил наложить тайный налог на всех торговцев Иудеи. Расправами заставил их бояться и платить, да так, что никто не осмеливался донести римлянам. Благодаря этому удалось купить и изготовить много оружия, способного вооружить целую армию. Всюду, где влияние Варравы было сильно, большинство мужчин боеспособного возраста тайно были зачислены в отряды, тайно тренировались во владении оружием. Варрава под носом римлян совершал смелые и дерзкие рейды по захвату караванов с продовольствием и оружием, идущих либо к римлянам, либо как собранная дань в Рим. Он умело создал слухи, что это действуют не иудеи, а шайки бедуинов, проникающих на территорию Иудеи из пустыни Илú (Ефам?), что на северном побережье Аравийского полуострова. Его удачливость наводила многих иудеев на мысль, что он посланник Бога, и что Божье благословение на нем и защищает его от провалов и поражений.

Второй Мессия не нужен был зелотам. Он так мешал влиянию Варравы. Слишком сильно ослабевал боевой дух тех, кто встречал Иисуса на своем пути и лично общался с Ним. Поэтому ненависть всех зелотов и связанных с ними людей к Иисусу была просто безграничной. Устранить Его, уничтожить – было их величайшим желанием. Но многие из тех, кто был подослан к Нему, как тайные убийцы, либо приходили ни с чем, говоря, что Он ускользнул от их рук, либо говорили, мол, они поняли, что убивать Его незачем, что Он совершенно безвреден их делу, либо даже оставались с Ним, ходили за Ним, слушали Его речи и становились последователями! Рассказывали, что когда, наконец, Варрава послал на это важное задание своего ближайшего сподвижника Ахаза, война преданного, решительного и умелого, который со ста шагов без промаха попадал из лука в смокву, умело метал дротики, а во владении коротким мечом почти не уступал самому Варраве, то тот взял, да и не вернулся. Потом его видели среди следовавших за Учителем. Узнав об этом, Варрава, как говорили видевшие, в исступлении, выхватил золоченный дамасский кинжал и за несколько минут в щепки изрубил им толстый стол из прочного ливанского кедра. Он поклялся, что теперь сам найдет и обезвредит это Учителя! Потому-то он и отправился в Иерусалим накануне Пасхи, что

узнал о возможном приходе туда Учителя. Но вот незадача, сам Варрава был арестован римлянами, так как при нем был обнаружен тот самый дамасский кинжал, с которым он нигде не расставался.

Учитель прозревал, что влияние темного чудовища – уицраора, сильно только на правом берегу Иордана, а в Заиордании (восточнее Иордана) оно значительно слабее. Восточнее Капернаума люди уже не были столь ожесточены и воинственны, как на другом берегу. Словно Иордан был каким-то труднопреодолимым рубежом для уицраора. Учитель знал, что после Его воскресения и укрепления апостолов Святым Духом, они пойдут проповедовать об Учителе весть и творить Его именем чудеса во все стороны земли, но сначала будут проповедовать среди иудеев, чтобы спасти как можно больше их душ. С тем, чтобы их проповедь находила удобренную почву за Иорданом, Учитель и решил пройти этим краем, чтобы совершить последние земные милости Своему народу.

Когда Он объявил апостолам о том, что сначала им нужно будет пойти в Капернаум, Иуда немного разволновался. Неужели Ему уже все известно?! Он старался не выдать себя, но апостолам была незаметна его скрытая тревога, так как теперь тревога не покидала их всех.

В Капернауме они остановились в доме одного благочестивого человека. Иуда, снова сказавшись, что будет ночевать у родственников, но сделал это от преследовавшего его страха разоблачения. Он просто не мог спокойно глядеть ни в глаза Учителю, ни другим апостолам. Ему уже было тяжело общаться с ними.

Вечером Учитель созвал остальных апостолов к Себе и, попросив свиток с книгой пророка Исаяи, развернул его на каком-то хорошо известном Ему месте. Он начал читать главу 53: «Господи, кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня? Ибо Он взошел перед Ним, как отпрыск и как росток сухой из земли; нет в Нем ни вида, ни величия...». Перед апостолами развевалась картина того, как в своем отечестве пророка и даже Сына Божия не может распознать народ, как не видят в нем ни правды, ни величия, как презирают его, как помыкают им, как, в конце концов, придают его расправе.

- Вот, – сказал Он, – то место в пророках, где предсказано все, что

происходит со Мной. Так что не соблазняйте обо Мне, что Я не Тот, за кого Себя выдаю. Вам надлежит убеждать иудеев вот этим местом из писания. Выучите его наизусть. Ничего не происходит из того, что не предсказано в писаниях!

- Да не будет ничего такого с Тобой, Учитель! – горячо воскликнул Петр.

Учитель пристально взглянул на него.

- Знай, что сейчас был Я искушаем через тебя. Не перечь решенному Свыше.
- Измена уже среди нас. Я уже принял решение. – совсем тихо добавил Учитель.

Установилась гробовая тишина. Апостолы переглядывались между собой. Они не хотели верить своим ушам. Измена поселилась в их семье?

- Ложитесь спать. Завтра с утра в путь. А днем у нас будет много работы. Много страждущих придет к нам за помощью. Нужно будет постараться помочь всем.

Ранним утром, чуть только рассвело, учитель поднял апостолов, и они, помолившись и слегка подкрепившись, отправились в путь вокруг Генисаретского озера. В первом же поселении, Гевесе, к ним пришло множества народа, ибо слухи об их приближении дошли раньше. Среди них было много больных, увечных, слепых и глухих, принесли расслабленных, отдельной кучкой жались прокаженные. Началась работа по исцелению. Через несколько часов оказалось, что все прибывшие полностью здоровы. Учитель отвечал на многие их вопросы, говорил с ними притчами. Многие из них, узнав, что Учитель и апостолы следуют на праздник Пасхи в Иерусалим, решили следовать вместе с ними. Люди были полны веселья. Многие не только громко восхваляли Иисуса, но даже пели песни от радости. Его почему-то упорно называли сыном Давидовым. Наверно потому, что так именовался в писаниях пророков грядущий Мессия.

- Осанна сыну Давидову – кричали люди. – Благословен грядущий во имя Господне! – и пели гимны, псалмы и другие радостные и хвалебные песни. Шумным табором двигались они вдоль берега

озера. Только вот ни Учителю, ни апостолам не было до конца весело. Конечно, они невольно заражались весельем окружающих людей, но не могли полностью разделить с ними их ликования. Лишь изредка они улыбались в ответ на приветствия людей, храня при себе тревожные думы. Люди списывали это на их усталость, ведь столько трудов было положено на исцеления.

Подошли к селению Гадары. Там при подходе их уже встретила целая толпа нуждающихся в исцелении и их родственников. Снова началась работа, закончившаяся только к вечеру. Всех желающих в домах Гадары размесить не могли. Люди ночевали прямо на склонах горы, кто в палатках, кто прямо под открытым небом. С утра жители Гадаров принесли пищу всем пришельцам, сколько смогли собрать. Люди перекусили и отправились дальше. Теперь их уже было наверно около нескольких тысяч.

Затем они прошли дальше и остановились недалеко от Беф-Нимра. Здесь повторилось тоже самое. Подошли еще и люди из Беф-Харама. Толпа росла. И она была веселой, легким весельем, была неагрессивной, но наполненной какими-то странными надеждами на чудо. С ними был Тот, Кого они так долго ждали, ждали их предки, ждала вся земля. Они еще не знали, что миссия Его будет оборвана, и в этот раз чаемое спасение всех не состоится. Они шли и играли на свирелях, дудели в глиняные гудки, приплясывали. Особенно старались те, кто еще недавно был увечным и либо совсем не мог ходить, либо хромал. Им было так радостно, так приятно ощущать свое тело снова здоровым и подвижным.

Во второй половине дня перешли Иордан и вступили на дорогу, ведущую через Иерихон и Вифанию в Иерусалим. Перед Иерихоном их уже встречала толпа. Все хотели увидеть Мессию, Сына Давидова. Многим нужно было исцеление. Снова возле Иерехона разбили палаточный город. Можно, наверно, уже было насчитать около пятнадцати тысяч в этой толпе. Заночевали и на следующее утро направились в Иерусалим.

В Иерусалиме же был совсем другой по настроению народ. Люди были переполнены тайной ненавистью, желанием насилия, скрытым

заговорщическим единством под влиянием zelотов. Услышав от верных людей, что в сторону Иерусалима движется тот самый учитель, да еще с восторженной многотысячной толпой последователей, zelоты срочно собрали тайное совещание. На нем были и представители Синедриона. Варрава к тому моменту уже был арестован. Положение zelотов стало крайне сложным. Без Варравы другие zelоты не были так решительно настроены на восстание именно в этот раз. Что делать – не знали. Связи с Варравой в заключении не было пока никакой. Тут один человек из Синедриона предложил хитрую уловку для этого учителя. Он сказал, что нужно встретить толпу и учителя и приветствовать его как «царя иудейского». Это не может тут же не дойти до Пилата, а Пилат обязан принять ответные меры. Ведь римская администрация признает только своих наместников народу иудейскому – сыновей Ирода, в таком случае выбор своего царя был равнозначен открытому неповиновению, буквально восстанию! Пилат просто обязан был сразу же арестовать этого самозванного правителя!

План был очень хорош. Римскими руками расправиться с этим учителем – это просто подарок судьбы! Своим людям доверили донести до толпы, уже пришедшей в Иерусалим в преддверии праздника, это поручение – встретить этого якобы мессию как царя. Воздать ему царские почести при въезде в город. Для этого все хорошо подготовили. И уже теснились толпы у Восточных ворот.

Когда Христос с сопровождавшим Его народом приблизился к Иерусалиму, то Он уже знал о намеченной Ему встрече. Но Он понимал, что это последняя возможность Его народа приветствовать Его как истинного царя иудейского. Он велел апостолам пойти в Виффагию и взять там молодого осла и ослицу, чтобы ему въехать в город, как было это предсказано в пророках. Поручение было быстро исполнено. Он сел верхом на осла и выехал вперед, под восторженные крики окружавших его людей.

Тут произошла встреча двух толп. Это были как бы два разных народа одного рода-племени. Одни искренне ликующие, кричащие «Осанна!» от чистого сердца и надеющиеся на чудеса от Господа Бога своего, другие – исполненные тайной жадной расправы, исполненные желания крови и насилия. Иисусу ясно было, что победа, увы, будет за

вторыми. Это настроение давно уже стало решающим и в верхушке народа, среди старейшин, саддукеев и многих фарисеев. Рядом с Ним в толпе шли и другие фарисеи, которые приняли Его искренне. Но и они испугались открытого приветствия Его, как царя иудейского, потому что понимали, что это ставит Его Самого под удар. Они даже попросили: «Учитель! Запрети им!». Но Иисус, уже зная наперед, что и как произойдет, отвечал, что если эти люди умолкнут, то камни возвопят (то есть знамение все равно будет, даже если и не от человеков, что Он и есть истинный, свыше посланный Царь Иудейский). Пусть народ открыто признает Его царем хоть сейчас, накануне смерти.

Народ стелил перед Ним одежды и пальмовые ветви. Триумфально въезжал Учитель в город. Но толпа, которая шла с Ним от Иерихона, не смогла пройти в город, там уже все улицы и площади были заполнены другими людьми, ждавшими от Него совсем другого.

На площади перед преторией – прочно укрепленным логовом Пилата (крепостью Антония) уже быстро возвели нечто похожее на помост. Его пригласили туда, чтобы Он сказал им речь. Он взойшел на помост почти с таким же чувством, с каким взойдет потом на Голгофу. Обвел взглядом стоявшую вокруг толпу. Ему хорошо было известно не только настроение этих людей, но и их тайные думы. А думы были о восстании, о насилии и крови, о войне до победного конца. Они ждали от Него воинственной речи, призывающей их на последний и решительный бой под Его руководством, под водительством Мессии, а значит, Самого Бога. В таком случае, даже при далеко неравном соотношении сил с римлянами успех им все равно обеспечен.

Толпа напряженно умолкла. Иисус начал не сразу. Сначала Он вспомнил, что в видениях уже было показано Ему, чем через несколько десятков лет закончится восстание иудеев, которое они все-таки решатся поднять. Камня на камне не останется ни от города, ни от храма, только останки Стены Плача – вот все, чем будут утешаться будущие поколения народа. И он начал говорить об этом. Он поднял руку, успокаивая возбужденную толпу, обвел людей прозорливым и печальным взглядом:

- Шаме, Израэль! Слушай, Израиль, что говорит тебе Бог Твой!

От напряженной тишины на площади, казалось, тихо звенел сам воздух!

- Кто поднимет меч, от меча и погибнет! Кто прольет кровь, сам кровью истечет! Кто пойдет против рожна, на рожне и окажется! Ах, Иерусалим! Не понял ты часа посещения твоего! Не останется здесь камня на камне. Не буду Я с вами, непокорными и жестоковыйными, в час сей! Так говорит Господь Бог Твой. Шапе, Исраэль! – на несколько секунд установилась полнейшая тишина. Потом в толпе начал нарастать ропот.

Толпа сначала была ошарашена таким поворотом событий. Как это Он говорит о том, что худое дело задумали они, что насилие приведет только к разрушению и города и храма. Это же было для них равно предательству. Кто-то выкрикнул: «Да, Он! Римский шпион!». Толпа заулюлюкала. Дальше Он уже не смог говорить. Возмущение толпы нарастало с каждой минутой. Он краем глаза увидел, как начали искать камни. Но он знал, что сейчас Его не забьют камнями.

Действительно, открылись ворота претории, и оттуда выехал римский конный отряд, сопровождаемый боевыми кличами трубы и криками: «Разойтись!». Засвистели бичи. Народ от неожиданности растерялся и быстро начал разбегаться в соседние улицы. Христос сошел с помоста и удалился. Он незамеченным прошел через толпу к жалко жмущимся у стены дома ученикам. Жестом Он показал им следовать за собой. Они быстро вышли из города и направились в Вифанию. Там Учитель собирался снова остановиться в доме Лазаря, которого Он недавно воскресил из мертвых.

- А почему они не подняли восстания в этот раз? – спросили мы Гелеба после того, как он паузой показал, что на этот раз сказка окончена.

- А что стало с Варравой? Неужели такой воин был казнен римлянами?

- Нет, ребята. Варраву тогдашний римский прокуратор Иудеи отпустил по просьбе народа накануне праздника. Он сделал это, можно сказать, против своей воли. И Пилат был не настолько прост, чтобы не установить за Варравой тайной слежки. Слишком странным ему показалось настойчивое, несколько раз

им отклоняемое требование народа отпустить им именно Варраву, ведь в его глазах он был простым разбойником. Тайная слежка быстро установила, кто такой на самом деле этот Варрава. Была обнаружена и скрытая сеть организации зелотов. Варрава был убит тайно, а остальных арестовали и казнили очень жестоко принародно в назидание. Их дома были разрушены, а семьи проданы в рабство. В общем, восстания еще долго не могло случиться. Произошло он только почти сорок лет спустя, когда выросли и возмужали люди, не видевшие жестокой расправы римлян над заговорщиками. Но это восстание было подавлено Римом, и по приказу императора Тита город и храм были разрушены, осталась только известная вам по рассказам Стена Плача.

- Значит, их Учитель был прав, когда говорил, что не следует восставать?
- Прав.
- Но как же можно жить под таким игом?
- Если иго не мешало народу Израиля исполнить свою мировую миссию под руководством Мессии, то зачем восстание и насилие?
- А как же это могла бы осуществиться эта мировая миссия?
- Учитель был Мессией. Он мог постепенно просветлить всех людей, и римлян тоже, от влияния темных сил, избавить от рабства греху.
- Он мог бы всех-всех вылечить?! А вот такую, как моя сестра, которая от рождения искривилась, как старая ива? И ходит такой закорючиной?
- Мог бы. Он не только излечил бы всех людей, но помог бы им стать добрыми, любящими, они жили бы дружной и счастливой жизнью, и никакой дьявол не смог бы поссорить их. А в конце жизни они не умирали бы, а просветляли бы свое тело настолько, что уходили бы в мир иной, на небеса (а не в шеолы). Уходили бы вместе со своим телом.
- Как? И от человека ничегошеньки бы не оставалось? А к кому же ходить на могилку?
- Не было бы могил. И тех, кто попал в могилы до того, Он бы

воскресил. Люди бы видели иные миры и общались бы даже после ухода из этого мира в другой.

Этому в словах равви Гелеба было настолько трудно поверить, что даже самые маленькие из нас, выросшие на сказках, с сомнением покачали головой.

- Но вам же читают в пророках и законе, что когда придет Мессия, то и смерти не будет?
- Читают, да только не очень-то в это верится! – сказал Оська.
- Эх, вы, маловеры – улыбнулся равви Гелеб, – а верить нужно. Если вы не будете верить Господу Богу (а ведь пророки передают Его слова), то кому же тогда верить?

Действительно, подумали мы. И до сих пор этот вопрос для многих из нас, уже повзрослевших, так и остался неразрешенным. Кому же верить?

Прощание.

С тех пор, как равви Гелеб предсказал мне странное будущее, я стал искать встреч с ним как можно чаще. Я придумал, наконец, как можно застать его одного в избушке. Тем последним летом я вставал с самой зарей, нет, даже чуть раньше, когда не только в моем доме, но и почти везде в округе еще спали. Быстро одевался и босиком бежал на городскую окраину. Еще даже не выводили коров на пастбище, а я уже был возле избушки. Равви Гелеб, казалось, никогда и не спал. Я встречал его всегда уже бодрствующим. Он даже в полушутку стал называть меня – любимый ученик, как когда-то Учитель апостола Иоанна.

- Ну, здравствуй, любознательный, Мойше! Опять пришел с вопросами? Задавай!

Да вопросов у меня было множество: и что такое университет, и что это за такая наука – физика, и еще многое-многое интересовало меня? Равви Гелеб терпеливо пытался объяснить мне все. Он обычно садился возле дома, разгребал сандалией из плетеной бересты песок и начинал веточкой чертить на нем всякие фигуры и знаки.

- Вот видишь, – показывал он мне, – это наше Солнце, а это

планеты, которые движутся вокруг. Вот это наша Земля. А вот движутся кометы. Скоро одна из них будет видна на небе...

Мне все казалось страшно интересным. Он иногда задавал мне вопросы, давал задачи и упражнения, и я нередко отвечал, видимо, довольно, умно, так как он одобрительно кивал и повторял:

- Да, у тебя, Мойше неплохие математические способности! – или:
- Интересный ход мысли, Мойше! Ты, несомненно, станешь большим ученым!
- Это значит, я буду знать Тору и пророков наизусть и умело буду их толковать?
- Не только. Ты будешь знать гораздо больше. Отец даже отдаст тебя в гимназию.
- Но это же невозможно! У нас даже нет денег, чтобы платить за учебу.

Гелеб начертил какие-то знаки на песке, что-то вполголоса рассуждал про Меркурий в каком-то доме... Потом сказал:

- Скоро у твоего отца будут деньги на твое обучение. А ты, Мойше, должен очень постараться! Твое будущее – в твоих руках.

Я закивал головой с таким энтузиазмом, что чуть не ударился лбом о скамеечку, на которой сидел Равии Гелеб, так как я расположился у его ног, чтобы лучше видеть рисунки, которые он делал на песке.

- Равви Гелеб, а зачем мне гимназия, когда вы так хорошо учите меня, вот этой физике, математике и другим наукам?
- Не долго нам уже быть вместе. Скоро я уйду.
- Как же так?! – у меня на глаза навернулись слезы. А как я? Как все мы? – я имел ввиду всех моих друзей, которые слушали сказки равви Гелеба.
- Вы уже выросли из моих сказок. Пора вам становится самостоятельными. Тот, кто не забудет и не предаст меня, потом сам найдет в жизни еще больше того, что я вам рассказывал.
- Я никогда не предам Вас, равви Гелеб!

Он прищурился посмотрел на меня, потом куда-то поверх меня, в неведомую даль.

- Ты трижды отречешься от меня – неожиданно и серьезно сказал он.
- Как это? – я опешил. – Нет! Не может быть.
- Ничего страшного! Потом ты снова встретишься со мной, через много-много лет, когда будешь готов.
- Когда?!
- Пока я ничего не скажу тебе, это зависит от многих не решенных еще до конца обстоятельств. Но главное будет зависеть только от тебя самого, от твоего выбора, твоего упорства.

И хоть сердце мое радостно вострепнулось от этих последних слов о новой встрече, но все же близкая разлука легла печалью на мою душу.

В тот вечер мы снова собрались у равви Гелеба в избушке. И почти сразу начали с вопросов, которые появились у нас после его последнего рассказа.

- Равви Гелеб, а как же Израиль мог бы выполнить свою миссию, без освобождения от римского владычества, разве Рим не стал бы главным препятствием на этом пути?
- Все и просто, и сложно, ребята! Если бы Учитель дожил до того времени, когда исполнился бы всеми силами Логоса (он пояснил: всеми силами, заложенными в него Отцом Небесным), то тогда бы началась иная история человечества.
- А что, разве Учитель сразу не обладал всеми этими силами?
- Вот вы рождаетесь слабыми и малыми, но потом растете и набираетесь сил. Скажите, откуда они берутся?
- Ну как? Мы едим, бегаем, упражняемся...
- Верно, но это только помогает развиться силам, которые свиты в вас, то есть уже заложены от рождения. И потому, у кого-то сил больше, хотя бегают и ест он не больше других, а у кого-то сил меньше.

А ведь и верно! Мы даже не задумывались над этим. Кому-то ведь, и вправду, получается, дано больше, а кому-то меньше!

- И силы, заложенные в вас, проявляются не сразу. Нужно время, нужны и ваши усилия. Так было и у Учителя. Нужно было, чтобы подошли определенные сроки. Кроме того, это очень важно

понять, нужно было, чтобы народ Израиля принял Его как Мессию, посланника Божьего. Ведь Бог не делает ничего насильно, против воли людей. Если человек или народ не захочет следовать божественному предопределению, то может отказаться. Правда, такие отказы всегда кончаются для него плачевно (не по вине Бога), но тут уж он сам должен сделать выбор, а потом нести за него ответ. А народ Израиля, под влиянием темных сил, соблазнился другой фигурой, другой идеей и другим путем.

- Но ведь были и такие, кто принял Учителя?!
- Да, конечно, они стали потом первыми христианами.
- Раввин Пазель говорит, что христиане – это еретики, соблазненные лжемессией!
- Бог ему судья.
- Ну, так как же было бы, если бы народ наш тогда принял этого Учителя?
- А вот как! – Гелеб медленно поднялся со своего места, распрямился и стал казаться удивительно высоким и внушительным. Его фигура с длинными седыми волосами и совершенно белой от седины бородой, действительно напоминала древних пророков, как мы могли представить их по рассказам в синагоге. Он протянул правую руку с растопыренными пальцами вперед и начал говорить, обращаясь не то к нам, не то к кому-то невидимому:
- Ш(а)мэ, Исраэль! (Слушай, Израиль). Это говорит Бог твой!

Голос его звучал раскатисто и чисто, глаза, казалось, излучали не то свет, не то просто какую-то энергию. От него шли почти ощутимые волны благодатной силы. Так, наверно, когда-то пророки обращались к народу Израиля.

- И было мне слово Господне: сын человеческий! Обрати лице твое к Гогу на земле Магог, князю Роша, Мешеха и Фувала, и изреки на него пророчество и скажи: так говорит Господь Бог: вот, Я – на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала! И поверну тебя, и вложу удила твои, и выведу тебя и войско твое, коней и всадников, всех в полном вооружении, большое полчище, в бронях и со щитами, всех

вооруженных мечами, Персов, Ефиоплян и Ливийцев с ними, всех со щитами и в шлемах, Гомера со всеми отрядами его, дом Фогарма, от пределов севера, со всеми отрядами его, многие народы с тобою. Готовься и снаряжайся, ты и все полчища твои, собравшиеся к тебе, и будь им вождем. После многих дней ты понадобишься; в последние годы ты придешь в землю, избавленную от меча, собранную из многих народов, на горы Израилевы, которые были в постоянном запустении, но теперь жители ее будут возвращены из народов, и все будут жить безопасно. И поднимешься, как буря, пойдешь как туча, чтобы покрыть землю, ты и все полчища твои и многие народы с тобою. Так говорит Господь Бог: в тот день придут тебе на сердце мысли, и ты скажешь: «поднимусь я на землю неогражденную, пойду на беззаботных, живущих беспечно, - все они живут без стен, и нет у них ни запоров, ни дверей, – чтобы произвести грабеж и набрать добычи, наложить руку на вновь заселенные развалины и на народ, собранный из народов, занимающихся хозяйством и торговлею, живущий на вершине земли».

¹³ Савва и Дедан и купцы Фарсисские со всеми молодыми львами их скажут тебе: «ты пришел, чтобы произвести грабеж, собрал полчище твое, чтобы набрать добычи, взять серебро и золото, отнять скот и имущество, захватить большую добычу?» Посему изреки пророчество, сын человеческий, и скажи Гогу: так говорит Господь Бог: не так ли? В тот день, когда народ мой Израиль будет жить безопасно, ты узнаешь это и пойдешь с места твоего, от пределов севера, ты и многие народы с тобою, все сидящие на конях, сборище великое и войско многочисленное. И поднимешься на народ Мой, на Израиля, как туча, чтобы покрыть землю; это будет в последние дни, и Я приведу тебя на землю мою, чтобы народы узнали Меня, когда Я над тобою, Гог, явлю святость Мою перед глазами их.

Так говорит Господь Бог: не ты ли тот самый, о котором Я говорил в древние дни через рабов Моих, пророков Израилевых, которые пророчествовали в те времена, что Я приведу тебя на них? И будет в тот день, когда Гог придет на землю Израилеву, говорит Господь Бог, гнев Мой восплает в ярости Моей. И ревности Моей, в огне негодования Моего Я сказал: истинно в тот день произойдет великое потрясение на земле Израилевой. И вострепещут от лица Моего рыбы морские и

птицы небесные, и звери полевые и все пресмыкающиеся, ползающие по земле, и все люди, которые на лице земли, и обрушатся горы, и упадут утесы, и все стены падут на землю. По всем городам Моим призову меч против него, говорит Господь Бог; меч каждого человека будет против брата его. И будут судиться с ним моровою язвою и кровопролитием, и пролью на него и на полки его и на многие народы, которые с ним, всепотопляющий дождь и каменный град, огонь и серу; и покажу Мое величие и святость Мою, и явлю Себя перед глазами многих народов, и узнают, что Я Господь.

- Ты же, сын человеческий, изреки пророчество на Гога и скажи: так говорит Господь Бог: вот Я – на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала! И поверну тебя и поведу тебя и выведу тебя от краев севера, и приведу тебя на горы Израилевы. И выбью лук твой из левой руки твоей, и выброшу стрелы из правой руки твоей. Падешь ты на горах Израилевых, ты и все полки твои, и народы, которые с тобою; отдам тебя на съедение хищным птицам и зверям полевым. На открытом поле падешь; ибо я сказал это, говорит Господь Бог. И пошлю огонь на землю Магог и на жителей островов, живущих беспечно, и узнают что Я Господь. И явлю святое имя Мое среди народа Моего, Израиля, и не дам вперед бесславить святого имени Моего, и узнают народы, что Я Господь святой в Израиле. Вот, это придет и сбудется. Говорит Господь Бог, – это тот день, о котором Я сказал. Тогда жители городов Израилевых выйдут, и разведут огонь, и будут сжигать оружие, щиты и латы, луки и стрелы, и булавы, и копья; семь лет будут жечь их. И не будут носить дров с поля, и не будут рубить из лесов, но будут жечь только оружие; и ограбят грабителей своих, и оберут обирателей своих, говорит Господь Бог.

Гелеб закончил, опустив руку. В избушке наступила гулкая тишина. Проповедь прозвучала страстно, но чисто и огненно. Я узнал это место из пророка Иезекииля. Оно мне очень нравилось, хотя, конечно, я не помнил его наизусть. Гелеб окинул всех нас внимательным взглядом и присел снова на свою скамеечку.

- Ну? Как вы понимаете это место из пророка Иезекииля?

Мы промолчали в ответ. Проповедь, звук голоса Гелеба все еще эхом звучали в нас. Нам пока даже не хотелось думать над смыслом,

так красиво, так сказочно было все это произнесено. Равви Гелеб сам начал ответ на свой вопрос.

- Если бы Учитель не был тогда предан и казнен, если бы народ Израиля принял Его как долгожданного Мессию, то могло бы произойти примерно следующее. Он стал бы Царем Израиля, но это никак бы не затронуло римскую администрацию. Иудея по-прежнему исправно платила бы налоги в Рим. Правда, теперь все золото и другие подати не пришлось бы добывать тяжелым человеческим трудом. Все это смог бы «добывать» Мессия. Римские ставленники под Его воздействием тоже бы просветлели душой и доносили бы в Рим, что жизнь здесь идет прекрасно и мирно, что никаких восстаний и волнений в народе нет, что они исправно собирают и платят все налоги. Наш народ стал бы самым процветающим во всей округе. Исчезли бы болезни. Земля бы начала родить сторицей, появилось бы изобилие всяких благ. Люди бы не ссорились и не завидовали, не продавали бы и не покупали, так как в этом бы тоже не стало надобности. Стала бы устанавливаться атмосфера всеобщей любви, добрососедства, дружбы. Благодаря Мессии и вере в Бога, все люди стали бы просветленными.
- Постепенно слухи об этом распространились бы по многим уголкам земли, достигли бы и Рима и других воинственных народов. Они узнали бы, что есть такая земля, где люди живут в изобилии и благоденствии и при том не имеют ни оружия, ни армии, ни защитных крепостных стен. Жуткое желание покорить себе эту землю появилось бы у многих, а Рим захотел многократно увеличить налоги, чтобы роскошь перетекала бы в «столицу мира». Но, поскольку согласия на такое условие получено не было бы, то и Рим начал бы подготовку к военной экспедиции. В общем, собралось бы огромное войско, состоящее из разношерстного воинства – любителей легкой наживы. Это войско, как огромная туча саранчи двинулась бы в сторону Израиля. Мессия знал бы о продвижении этого войска, но сказал бы народу, что никаких военных приготовлений вести не нужно, что вопрос разрешится в пользу Израиля.
- И вот, когда это войско уже оказалось бы на подходе к землям

Израиля, на восточном берегу средиземноморья, то сразу несколько несчастий навалилось бы на него: моровые язвы, межусобная резня и раздор, шквальная буря с моря и землетрясение в горах... - все это привело бы к тому, что войско погибло бы в считанные дни или даже часы. Потом бы все успокоилось. И вот народ Израиля вышел бы хоронить трупы и жечь оставшееся на поле оружие. Семь лет хоронили бы даже кости, чтобы не осталось никого не погребенным, ибо это нужно было бы и для спасения душ этих, напавших.

- После ни у каких народов уж не появилось бы желания идти и сложить головы в земле Израиля. Мессия начал бы посылать ко всем народам евреев по 12 мужчин (от каждого колена по одному) с семьями – это были проводники Его чудесного влияния в народы земли. Они всюду, где бы их радушно приняли, творили бы Его именем чудеса, и на земле устанавливался бы постепенно новый порядок, где не было бы не только войн, болезней, эпидемий, голода, раздоров и тому подобного, но исчезла бы и сама смерть. То было бы иное человечество и иная история.

Равви Гелеб закончил свою вдохновенную речь. Он был весь таким приподнятым и воодушевленным, таким мы его видели, пожалуй, впервые. Нам передалось это воодушевление. И хоть многое было все-таки непонятно, но в целом мы уловили, какое будущее могло бы ждать человечество земли, если бы миссия Учителя не была оборвана.

- А Мессия? Что было бы, в конце концов, с ним?
- Он бы, закончив установление нового мира на земле, Сам не умер бы, а вознесся как Илия на небеса в теле на глазах человечества!
- Вот это да! А теперь что же, такое уже невозможно никогда?
- Почему же? Он обещал еще вернуться и исполнить все, что было обещано Израилю и всему человечеству через пророков.
- А когда же это будет?
- Не знаю. Знаю только, что будет обязательно. У Бога все обетования выполняются раньше или позже. В данном случае позже.
- Но, слушайте, я вам расскажу, как закончилось дело тогда, почти

две тысячи лет назад.

И он начал новую сказку.

Тяжело было Учителю в Вифании, тогда, накануне Пасхи, предательства и смерти. Он нередко приходил с учениками в Иерусалим, проповедовал в храме и пытался говорить народу о том, что Ему скоро предстоит быть распятому, и через три дня воскреснуть. Но Его упорно не понимали, так как из Закона и пророков народ усвоил, что Мессия, который придет, пребудет вовек.

Наконец наступил четверг. В этот раз они не стали возвращаться на ночь в Вифанию, а остались в Иерусалиме, в доме одного очень знатного, но преданного Христу человека. Они накрыли на стол. И Христос сказал, что эта вечерня последняя перед Его казнью. Апостолы уже не возражали, а только удрученно примолкли.

Иуда же размышлял про себя: «Варрава арестован. Никто уже не требует от меня как можно скорее предать Учителя, чтобы устроить ту самую провокацию, которая принудит Его начать решительную борьбу с римлянами. Может быть, и не стоит торопиться? Не хочется портить товарищам праздник. Пусть они еще побудут с Ним и порадуются в последний раз вместе с Ним празднику».

Иисус же знал, что события должны произойти именно накануне Пасхи, чтобы все могло свершиться теперь в потусторонних мирах как можно удачнее для освобождения плененных там душ. Медлительность и нерешительность Иуды могла многое осложнить. Несмотря на неизбежность событий, они могли произойти в лучшем или худшем из вариантов. Он прочел последние мысли Иуды и понял, что нужно поторопить его.

- Одни из вас предаст Меня – снова сказал он апостолам за столом. Они начали молча переглядываться. Каждому было не по себе не только от такой возможности предательства, но и от неопределенности. Кто предаст! Неужели я? Не может быть! Но ведь учитель не шутил.

Наконец учитель, видя, что и эти слова никак еще не действуют на Иуду, наклонился к нему и тихонько произнес: «Делай скорее, что делаешь». Эти слова пронзили Иуду, как вспышка молнии тьму. Он

мгновенно понял, что Учитель все уже давным-давно знает. Ему стало нестерпимо быть здесь с Ним и апостолами. Он быстро встал из-за стола и направился вон. Другие апостолы подумали, что он отправился по какому-то поручению Учителя, и не стали беспокоиться на этот счет.

Иуда вышел и направился прямо в Синедрион. Ему стало понятно, что медлить более нельзя. Даже не столько понятно, сколько у него внутри как бы разжалась какая-то скрытая пружина, которая страшно давила его все это последнее время. Он стал действовать молниеносно и без раздумий.

В Синедрионе его быстро узнали. Расспросили его, как он собирается выдать им Учителя. Честно говоря, Иуде были противны все эти «рожи», окружившие его с сальными выражениями лиц. Он чувствовал себя, как игрок, который ставит все ва-банк и точно не знает, выиграет ли?! Ему предложили денег. Он не стал торговаться, хотя на все их предложения ему было наплевать. Ему сейчас важно было знать, скоро ли Учитель начнет громить римлян?! Скоро ли он устроит им здесь «кирдык», эшафот и кровавую баню?! Он взял деньги, небрежно сунул их за пазуху и повел воинов Каиафы туда, где Учитель собирался провести эту ночь с апостолами.

Он уже знал, что для того, чтобы Учитель не смог бы вновь скрыться от пришедших Его арестовать, он должен Его поцеловать. Странное дело для человека не знающего. Но ведь Учитель уже открыл им часть тайных познаний. Целование – не даром оно от слова «целое». Не зря Учитель ввел обряд тоекратного целования при встрече с желанным человеком. Он Сам объяснил им, что при целовании энергии одного человека попадают прямо в кровь другого, так как на губах кожаца, отделяющая кровь от воздуха, самая тонкая. Целуя что-то, человек на время делается с этим целуемым одним целым в тонких мирах, невидимых обычным глазом. Но Иуда, как и многие из апостолов, уже умел кое-что видеть в этих тонких мирах. Если он через поцелуй соединится с Учителем, сделается с Ним одним целым, то на какое-то время Учитель никак не сможет ускользнуть от него. А это и требовалось Иуде.

Он повел вооруженный отряд на масличную гору в Гефсиманский сад. Там должны были быть и Учитель, и ученики в эту ночь. К отряду

стражников привязались и еще какие-то добровольцы с кольями. Иуде даже стало стыдно. Все стало превращаться в какой-то фарс. Но он решил пройти все до конца, чтобы добиться так желаемой им цели. Он уже шел как разъяренный бык напропалую.

На масличной горе расположились Учитель и ученики. Учитель просил их бодрствовать и молиться. Но их упорно клонило в сон. А Его душа стенала. Он знал, что доселе нераздельное в Нем человеческое и божественное должно на время, на три дня разъединиться меж собой. И человеческая природа должна будет умереть на три дня. И хотя через три дня предстоит ей воскреснуть и снова воссоединиться с божественной теперь уж навечно, но страшны были эти три дня небытия. И она, эта человеческая часть Иисуса (Сын человеческий в Нем) скорбела и металась. Она молила:

- Боже! Да минует Меня чаша сия, если то возможно, – но потом Он собрался с духовными силами и твердо произнес, – Но, да будет воля Твоя, а не Моя, Господи!

После, уже на кресте, все же она, Его человеческая природа, воскликнет напоследок, перед самым моментом смерти, когда божественное уже отделится от нее: «Боже Мой, зачем ты покинул Меня?!».

Момент развязки стремительно приближался. Он уже видел сначала тонким зрением, как подходят к саду вооруженные люди. Чтобы не испугать апостолов, он не стал их будить, и Сам вышел навстречу страже. От толпы отделилась фигура, то был Иуда. Он подошел к Учителю, торжественно и громко (что совсем не соответствовало моменту) произнес: «Приветствую тебя, Равви!» – и поцеловал. Потом отошел, глядя на него острым, колющим взглядом. Тут вскочили некоторые из апостолов. Иоанн был даже практически не одет. Петр, видя вооруженных агрессивно настроенных людей, откуда-то выхватил нож, который тайком принес из дома, где они вечерели. Он подскочил с клинком в руках к Учителю, и воскликнул: «Никому Тебя не отдам!». «Еще петух не пропоет, как ты трижды отречешься от Меня» - без осуждения ответил ему Учитель. Петр немного опешил от таких слов. Но только кто-то из стражи попытался приблизиться к Учителю, как сверкнул клинок, и отрезанное уже болталось у этого

человека на небольшом кусочке кожи. Он схватился за ухо и отскочил. Присел на корточки. Кровь хлестала ручьем. Учитель присел к нему. А Петр, окрыленный таким первым успехом, выставил вперед нож, и воинственно кричал:

- Ну, кто еще хочет коснуться Учителя! Я вас так «исцелю», так попотчую! Напьетесь вы своей кровушки!

Учитель приложил отсеченное ухо охранника к голове, прошептал пару слов, перекрестил свободной рукой. Потом отнял руку. Крови не было, и ухо приросло на место! Пришедшие, видя это, расступились.

- Уймись, Петр! – сурово произнес Учитель. Выхватил у него нож и кинул в темноту.

Петр был совсем растерян.

- Что же вы вышли на Меня как на дикого зверя, с кольями? Я же был с вами не раз – обратился Учитель к пришедшим.

- У нас приказ первосвященника – ответил главный из них. – Мы должны арестовать тебя.

- Что ж, пойдем!

Старший приказал схватить Его за руки и повести за собой. Учитель замер на несколько секунд, остановился, оглянулся: позади стояли растерянные апостолы.

- Прощайте. Еще Увидимся. – улыбки у Него не получилось, хотя Он так хотел приободрить их Своей улыбкой напоследок.

Гелеб закончил свой рассказ. Снова посыпались вопросы:

- Иуда? Что стало с ним? Он ведь не остался с апостолами?

- Конечно. Иуда все остальное время ждал того момента, когда наконец, Христу надоест «играть» с римлянами немощь, когда, наконец, Он Сам и Его Отец обрушат на них все кары небесные. Когда содрогнется и загорит под их ногами сама земля. Он ждал и тайно ходил за арестованным Христом, и все убеждал себя, мол, вот сейчас – сейчас! Однако Христос не разверз над римлянами смоляной горящий дождь, не образовал под ними трещину, чтобы они все провалились туда, не наслал на них заразу, мор, страшные мучения, немедленную смерть. Он просто пошел на казнь, Сам пошел навстречу смерти. Еще когда тело сняли с креста, Иуда тайно наблюдал издали, что вот-вот...

Но когда его унесли в пещеру и закрыли камнем, тогда Иуда окончательно убедился в том, что он и есть настоящий предатель. В душу Иуды словно воткнули раскаленный нож. Он метался от стены к стене, как тогда, в колодце-ловушке, бесслезно рыдая, изрыгая нечеловеческие звуки. Он швырнул в окно Синедриона проклятые деньги. Наконец, он вернулся в Гефсиманский сад, развязал пояс, приспособил его кое-как к дереву и удавился, не в силах больше жить с такой душевной болью и нравственной ношей.

- А вы от нас не уйдете никогда?
- Всеу приходит свой конец! Я прощаюсь с вами, на тот случай, если мы больше не увидимся, ведь человек должен прощать другому человеку, особенно тогда, когда другой возможности у него больше не предвидится.

Он всех нас обнял крепко, расцеловал, почему-то попросил прощения, хотя никто из нас обиду на него не держал.

- А еще, можете вы исполнить мою просьбу?
- Конечно!
- Чего там!
- Запросто, равви Гелеб!
- Тогда передайте мою просьбу о прощении равви Пазелю. Очень прошу вас! Обещаете?

Мы сначала немного смутились, но потом обещали.

- Смотрите, ведь я надеюсь на вас!

Глава 22. Разговор с отцом Пахомием.

Вечером того же дня заглянул к Михеичу отец Пахомий.

- Есть у меня важный разговор к тебе, Степан Михеич, по поводу «Розы Мира».

- Да, Владимир Иванович! Ожидал я такого разговора.

- Я теперь уже не смотрю на эту книгу, как на писанину человека, оказавшегося в прелести, но многое меня в ней смущает и наводит на размышления.

- Размышления – это хорошо, лучше предвзятого отрицания. Давай, излагай свои сомнения!

- Я по поводу образа и роли Христа! Ты же понимаешь, что практически все христианство – это и есть Христос, вера в Него, служба Ему и уже через Него Богу, всей Пресвятой Троице.

- Понимаю. Ну, давай обсудим, все, что тебя так смущает.

- Первое, в христианском учении Христос не просто Сын Божий, но одно из лиц Троицы. А в «Розе Мира» указывается, что Он лишь Планетарный Логос, т.е. как бы «Владыка» Земли, но не более.

- Ты прав, нужно обсудить это расхождение. Учение о двуединой природе Христа развивалось достаточно продолжительное время и прошло через фазы противоречий и ересей, например, монофилитской и монофизитской. Думаю, ты об этом знаешь. Много было споров, обсуждений и копий сломано. Благодаря этому, учение выкристаллизовалось в очень ясный и обоснованный догмат. Кстати, у Владимира Соловьева есть замечательная работа о развитии этого догмата и стадиях его становления. Читал?

- Нет, нам в лавре говорили, что Соловьев еретик и находился в прелести...

- Да, мы уже с тобой эту тему про нахождение в прелести обсуждали. А я тебе советую, почитай, сам разберись, ересь – не ересь, чай, человек ученый, а не темнота, какая-нибудь. А вот, понимаешь, учение о Троице слишком мало развивалось, слишком быстро заостенело в догмате. И в нем немало противоречий.

- Это каких?

- Ну, начнем с вопроса, от кого родился, вочеловечился Иисус Христос?

- От Духа Свята и Марии Девы!

- Верно! Так кто Ему отец? Получается Дух Святой Ему и Отец!

- Пой, ты не передергиваешь?

- В чем ты видишь подвох?

- Не знаю... Формально получается, что Дух Святой Ему отец!

- Не формально, а фактически, если верить Евангелиям и Символу веры. Так!

- Вроде бы так...

- Меня вот тоже все время «смущает», как ты сказал, как евреи, тот же евангелист Матфей пытались вывести родословную Иисуса от царя Давида. У Матфея идет долгое перечисление, которое доказывает, что Иосиф, муж Марии, происходит из рода Давидова. Но, при чем тут Иосиф?! Он к рождению Иисуса не имеет ровно никакого отношения, кроме того, что он Его усыновил, принял как родного! Пару раз Сам Иисус говорит об этом иудеям, когда они его упорно величают, Иисус сын Давидов. Михеич взял с полки Новый завет, раскрыл и процитировал:

41. Когда же собрались фарисеи, Иисус спросил их:

42. что вы думаете о Христе? чей Он сын? Говорят Ему: Давидов.

43. Говорит им: как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит:

44. сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих?

45. Итак, если Давид называет Его Господом, как же Он сын ему?

46. И никто не мог отвечать Ему ни слова; и с того дня никто уже не смел спрашивать Его.

(Мф. 22, 41–46).

- Более того, нигде в Евангелиях Иисус не говорит, что Он вместе с Отцом творил вселенную и всех обитателей в ней. А ведь, если Он равноправное лицо Троицы, то так и должно быть. Иначе Он где-нибудь сказал бы, вот я с Отцом сотворил вас для того-то и того-то, а вы не слушаете слов Моих. Когда Он объясняет, в Евангелии от Иоанна, апостолам, что идет к Отцу, то прямо говорит: «Я сказал: иду к Отцу; ибо Отец Мой более Меня». (Ин. Гл. 14 ст. 28). Не могут быть ипостаси Троицы одна более или менее другой! Или это не так?

- Не знаю. Что тебе ответить, Степан Михеич! Я ранее как-то не задумывался над этими местами. Мне казалось, что в учении о Троице

все ясно.

- Увы, неясностей много. Даже то место, где разошлись католики с православными в Символе веры, оно странно звучит: Получается Дух Божий исходит от Отца или от Отца и Сына? Но если Дух полноценное лицо Троицы, то Он может существовать и действовать Сам, Ему не требуется исходить от кого-то. Как Он действовал в древних пророках. Единственный исток, на основании которого родилось нынешнее представление о Троице я вижу в том, что Иисус говорит, что Он пребывает в Отце, а Отец – в Нем, и что кто видел Его, тот видел и Отца. Но ведь Он говорит, что пребывает и будет пребывать в апостолах, а они в Нем. Но это не делает их лицами Троицы. Внутреннее пребывание одного в другом – это единосущие. Оно закреплено в Символе веры, но никакого отношения к догмату о Троице не имеет. Вспомни, чему ты так доверял в источниках еще до того, как ты принял Христа. Ты же искал космического «Владыку» Земли! И понял, что Христос Им и является!

- Да, было дело, с этого представления я и был «пленен», в хорошем смысле этого слова, образом Христа.

- Ну, так все верно! Сам Христос говорит, что Отец дал Ему всю власть на Земле. Пойми, картина космической иерархии очень верна. Монады делятся на два больших класса: богосотворенные и Богорожденные. Первые не помнят ничего, что было до их сотворения. Для них все впервые, они наполнены жадой творить, улучшать, переделывать. Но они не знают Отца, как переделывать, как творить, чтобы достичь той цели, что поставил Отец?! Для этого Отец посылает в мир «Владык» - Богорожденные монады, которые знают Отца и находятся с Ним в постоянной внутренней связи (они пребывают в Нем, а Он – в них). Они поэтому, как и Отец, осознают себя, как пребывающими до всех времен, до сотворения. Они поставлены руководить эволюцией на каждом небесном теле. Они знают, сколько сотворить слоев в брамфатуре планеты или звезды, они знают как распределить по этим слоям те монады, которые творит Отец (и только Отец). Какие законы должны действовать в этих слоях, как они должны быть взаимосвязаны, как переходить из слоя в слой и так далее и тому подобное... Они являются выражением божественного плана, божественного сознания для данной планеты или звезды, для

галактики. Они божественные Логосы данных брамфатур. Слово – «логос» содержит структуру и последовательность звуков, так и планетарный Логос содержит в Себе и творит всю структуру планетарной брамфатуры, с ее слоями и законами. А богосотворенные монады могут попасть к Отцу только по лестнице космической иерархии, только через подчинение этим законам, этим монадам – «владыкам». Так что путь к Отцу лежит только через Христа, ибо Он один на нашей планете знает Отца и знает тот, кому Он открывает. Он – пастырь, а не творец этих монад! Разве это в чем-то расходится с Евангелиями или символом веры?

- А как же «Им же вся быша»?.

- Действительно, вытекающее из Евангелия от Иоанна утверждение про Слово Божье, через которое все начало быть, на самом деле относится не ко Христу непосредственно. Тут все сложнее. Троичность пронизывает все сущее на всех уровнях. Об этом нужен отдельный очень важный разговор. Если говорить о том, какую именно из Ипостасей Троицы преимущественно выражает Христос – то это будет ипостась Божественного Сознания, именуемая Логос, и выражаемая через Слово. Как создает Бог Словом всю вселенную и все сущее в ней, мы поговорим потом, скоро придет Николай, выдающийся физик, он нам многое объяснит. А теперь вернемся к образу Христа. В «Розе Мира» все описано так, как я сейчас излагал и это ни на йоту не отклоняется от того, что содержится в Евангелиях и Символе веры, но может противоречить некоторым интерпретациям и домыслам, сложившимся в религиозном представлении и догматике. Христос не является ипостасью Троицы, а в Своем явлении на Земле, выражает Собой одну из этих трех ипостасей – Божественное сознание или Логоса.

И так, когда еще в нашем слое, планета Земля была огненным шаром, в нашу брамфатуру, в других слоях, сошел Христос, Планетарный Логос, чтобы творить здесь волю Отца. Он стал создавать слои, законы, размещать здесь по этим слоям богосотворенные монады. Он создавал и создает все условия космического сотворчества огромного количества богосотворенных монад с Отцом и всей космической симфонией остальных миров и светил. Отец дал Ему для этого все полномочия. Он в недалеком будущем приведет планету в

развитии ко второму великому этапу – второму зону. При этом Он сотворит все новое – новое небо и новую землю. Т.е. Он обновит и преобразит все слои брамфатуры, преобразит и всех обитателей в них, а так же создаст новые слои для следующего шага космической эволюции.

- Извини, Степан Михеич! Часто звучит у тебя слово «брамфатура» - напони мне старому, что это такое?

- Брамфатура – это совокупность всех разноматериальных слоев нашей планеты, связанных между собой в единое целое. Как тебе такая картина «маслом»?

- Ну, в целом, выглядит убедительно. Только все же надо все осмыслить. Дай мне время.

- Хорошо. Но я добавить хочу, что представление об Иисусе Христе, которое существует сейчас в церкви – это отражение того мировоззрения, отражение картины мира той эпохи, когда это представление складывалось. Тогда Земля казалась единственной планетой во вселенной, окруженная небесной твердью, в которую «вбиты» хрустальные гвоздики звезд, вокруг которой все вращается. Поэтому Единственным и казался Сын Божий, пришедший в наш мир и вочеловечившийся. Еще раз вернусь к представлению о Лицах Троицы: Сын рождается Отцом, но в Троице Лица присутствуют всегда, Они предвечны как и Сама Троица, то есть существуют еще до всякого сотворения. Не может одно лицо Троицы рождаться от другого. Они есть сразу в Ней все три и всегда.

- Но церковь говорит, что Христос «предвечно рождается» от Отца.

- Ну, это же оксюморон.

- Верую, ибо абсурдно...

- Вот и дьякон Кураев приводит такое забавное сравнение в своей книге «Сатанизм для интеллигенции» (забавно и название – оговорочка по Фрейду): мол, вы новые «язычники» от «Розы Мира» поклоняетесь какому-то космическому «ефрейтору» (так с его точки зрения трактует образ Христа «Роза Мира»), а мы мол, истинные христиане не хотим поклоняться «ефрейтору», а только сразу «главнокомандующему»! От так! Я представляю армию – иерархическую структуру, где каждый солдат настолько горд, что ефрейторам подчиняться не хочет и даже лейтенантам, а только

главкому! Долго ли такая армия продержится? Если уж пользоваться этим сравнением.

- Забавно, конечно, но для того, чтобы изменить трактовку, лежащую в основе веры, нужны серьезные основания!

- А разве произошедшие за три последних века изменения в наших знаниях о вселенной, о человеке не являются такими основаниями? Расширившийся кругозор позволил правильнее оценить и размеры вселенной и место Земли и человека в ней. А мы все цепляемся за старые представления.

- Нужно все это осмыслить. Я еще раз перечитаю эти места из «Розы Мира» и священных писаний. Сам проведу сравнения. Тогда и продолжим разговор.

- Хорошо, потому что самое важное обсуждение будет, как ты понимаешь, о Троице! До праздника Троицы еще несколько недель. Думаю, мы успеем. Хотя более глубокий и фундаментальный разговор пойдет, когда вернется Николай, и Юру мы сможем сюда пригласить. Нужно будет вчерне собрать пазлы общей картины будущего учения «цельного знания» - синтеза науки, религии и философии.

Глава 23. Консилиум 1.

Коля приехал в Колмогорское в один из пасхальных дней поздно вечером. Остановился он у Юры. Не успел как следует «оглядеться», не успел встретиться и поговорить с Глашей, чего он жаждал более всего, как Михеич пригласил их всех на следующий день к себе в библиотеку на маленький, как он сказал, «консилиум». Утром друзья начали собираться в гости.

- А Глаша там будет, - спросил Николай у Юры.

- Тоже приглашена! Думаю, что обязательно придет.

- Глаша приглашена – звучит как строчка из стиха! Она про меня спрашивала?!

- Ну, конечно, Ромео, твоя Джульетта тоже, по-моему, с нетерпением желает тебя увидеть – Юра улыбался.

- Да, хорош шутить! Столько лет прошло, а я как мальчишка трясусь от понимания того, что нынче с ней увижусь. Не думал даже. Там в Америке я, конечно, не забывал о ней. Но, знаешь, чувства как-то притупились. Привык жить с мыслью, что она уже только мое прошлое и никаких перспектив! От этой мысли порой так щемило сердце! Но жить-то как-то надо. Только наука и спасала. Я в нее погружался с головой! А у тебя с наукой – все? Ты же теперь бизнесмен. Успешный!

- Был успешный. Вот, думал, что все в жизни теперь встало на колею. Бизнес налажен, денег – куры не клюют. Дом, семья полной чашей, так сказать... Именно «так сказать». Когда меня партнеры кинули, а все долги, кредиты остались на мне, когда стало ясно, что многое придется продавать... Жена «вдруг»... друзья «вдруг», связи «вдруг» - все оказалось «вдруг» - не хочу об этом говорить. Слава Богу, с долгами рассчитался. Теперь вот только родительский дом остался, да кое-какие несерьезные активы еще есть...

Друзья замолчали. Стали собираться к Михеичу. Вышли на улицу.

- А, знаешь, - заговорил Юра. – я понял, что все «там» было ненастоящее, «успех», почет, достаток... Вот здесь, где вырос, здесь, Коля, все настоящее: река, храм, село, друзья детства, Михеич со своей библиотекой. Он как-то узнал, что у меня все там, в Казани, посыпалось, сразу позвонил. Говорит, Юра, пора снова заняться наукой – это твое призвание. Я ему говорю: что Вы Степан Михеич, какой теперь из меня ученый, все, поди, забыл. А он – приезжай вспоминать будем. Я тут такую компанию соберу – все вспомнишь, и новое найдем, вместе-то мы – сила! Так меня вдохновили эти слова! Я тут же собрался и вот уж неделю, как здесь. Михеич – молодец! Достал мою диссертацию (а я ему сразу после защиты один авторский экземпляр подарил), мы ее перечли, обсудили... У меня опять серьезные мысли забурлили в голове. Умеет же Михеич на умственную работу стимулировать.

Они уже подошли к библиотеке. Сад был в самом цвету. Роскошные яблони, вишни, черемуха – пенились белыми и розовыми оттенками, благоухание разносилось наверно на километр от сада. Казалось и сад встречает Пасху Христову в праздничной одежде. На пороге библиотеки их радостно встречал Михеич: «Христос воскрес!»

Молодые люди! Проходите, только вас и ждем.». Провел гостей сразу в кабинет, где уже находились Глаша и отец Пахомий. Все поприветствовали друг друга. Глаша стояла у полки, но не решилась подойти близко к Николаю, хотя видно было, что волнение переполняет ее.

- Нам предстоит очень непростой разговор, и для того, чтобы он не был бесплодным, давайте начнем его с обсуждения критериев истины. Мы должны определиться с тем, как и почему мы будем считать одно достаточно или бесспорно истинным, а другое противоречивым и ложным. Если такого консенсуса мы не достигнем, то тогда и начинать разговор бесполезно. Вы с такой постановкой вопроса согласны? – Михеич сделал паузу и обвел присутствующих острым и проникновенным взглядом. От этих глаз невозможно было скрыть что-то внутри, затаиться, держать какой-нибудь камушек в душе. Все закивали молча.

- Молчание – знак согласия! Начнем. Лет уже 20 назад?.. - Михеич повернулся к Юрию за поддержкой

- 19 лет – поправил Юрий.

- Юрий защитил свою кандидатскую по философии. Скажу вам: очень преинтересная и зрелая работа, посвященная гносеологии. Там как раз одно из центральных мест занимает вопрос о критериях истины. Я попросил Юру сегодня конспективно нам осветить содержание этой части его диссертации. Он согласился выступить перед нами с небольшим докладиком, тезисно. Я призываю вас внимательно послушать. Не стесняйтесь задавать вопросы по ходу юриного доклада. Юра, прошу. Юра привстал со своего кресла, держа в руках какой-то фолиант:

- Практика – критерий истины. Однако «практика» - понятие растяжимое, не очень определенное, поэтому, если говорить более конкретно, то для человека его опыт – критерий истины. Почему есть три основные сферы человеческого познания: религия, философия и наука – оказывается, потому, что у человека есть три сферы различного опыта: опыт внешний, опыт внутренний и опыт трансцендентный. – Юра начал загибать пальцы.

- Что это за опыт «трансцендентный»? - сразу спросила Глафира.

- Подожди! Пойдем от простого к сложному. Хорошо?

Глафира пожала плечами, мол, что я? Я не возражаю.

- Опыт внешний – опыт, полученный нашими органами чувств. На этом опыте преимущественно основана наука. Она гонит всякий опыт внутренний, как субъективный, мешающий объективному научному познанию, а опыт трансцендентный вообще отрицает, относя все, что с ним связано, к области психиатрии – Юра покрутил ладонью у виска – думаю, я понятно изъясняюсь?

Глафира закивала головой, остальные молчали, выражая этим свое понимание и согласие.

- Однако опыт научный приносит нам только относительное познание. Уточню, здесь этот термин имеет буквальное и самодовлеющее значение. Что значит измерить что-либо в научном эксперименте – значит сравнить с неким эталоном. Например, по отношению к этому эталону, то дерево выше него, а это ниже. То же по отношению к холодному и горячему, далекому и близкому, тяжелому и легкому – и ко всему такого рода познанию. «Все познается в сравнении» - это краеугольный камень научного познания.

- Можно мне вмешаться? – неожиданно спросил Николай. Юра кивнул головой - Я даже немного добавлю. Дело определения эталона в науке довольно непростое. Ведь органы чувств нас могут обманывать. В курсе физики американских школ есть такой опыт, который просят провести учеников, чтобы убедиться в том, что органы чувств нас могут обманывать : перед учениками ставят три чашки с горячей, теплой и прохладной водой. Сначала просят поддержать указательные пальцы правой в чашке с горячей, а левой – в чашке с прохладной, а потом опустить оба пальца двух рук в чашку с теплой водой. Для одного пальца она кажется холодной, а для другого, в тоже время, – горячей! Противоречие – выявляет обманчивость органов чувств.

- Напротив, - возразил Степан Михеич, - этот опыт подтверждает относительность такого рода познания. Относительно горячей воды теплая ощущается как прохладная, а относительно прохладной – как горячая. Относительность познания органами чувств!

- А ведь, и правда Ваша, как я об этом не подумал - подтвердил Николай.

- Еще добавим, что научное познание открывает нам условные истины. - Степан Михеич вышел на середину комнаты. – Поясню, ведь все явления природы, которые изучает наука – условны, т.е. при одних условиях они проявляются (не зря же названы «явлениями»), а при других – не проявляются. Потому- то их часто и приходится долго искать, эти явления, что подходящих условий нет. Например, электрический ток существует только при условиях наличия свободных зарядов и электрического поля. Плавление начинается только при достижении соответствующих давления и температуры и т.д. и т.п.

- Можно и я тут свои «пять копеек вставляю»?! – Глаифра радостно подхватила обсуждение. До этого она молчала, и казалось ей, что в серьезный разговор этих умных мужчин ей нечего будет добавить.

- Вставьте, мадам! – со снисходительной улыбкой произнес Николай.

- Я же историк, и изучала не только историю государств и общественно-экономических формаций, но и немного интересовалась историей мысли, историей физики, между прочим, тоже, - она повернула указательный палец на Николая. Коля понял это как подтверждение, что она про него никогда не забывала. А иначе, откуда такой интерес у провинциальной учительницы к истории физики!

- Вот эта условность явлений природы, эта относительность естественнонаучного познания долгое время заставляло мыслителей древности и средневековья считать такого рода познание ненадежным, зыбким, не всеобщим и относиться к нему недоверчиво. Ему противопоставлялось познание «чистого разума», в сфере которого царствовала «железная» аристотелева логика. Оно претендовало на ранг всеобщего, очищенного от случайного, относительного, сиюминутного. Примером такого надежного научного знания являлась тогда геометрия Евклида. Даже звание доктора наук можно было получить лишь поклявшись на библии, что ты прочел (заметьте только прочел, а не обязательно понял) труд Евклида «Начала геометрии».

- Ничего себе! А я и кандидатом-то с трудом стал. Писал, размышлял, потом защищался. – Юра изумился ранее неизвестному ему факту.

- Да, в древности господствовала схоластика. Ее считали высшей наукой по сравнению со всеми этими лабораториями с их колбами и приборами.

- Ну, да, об этом мы слышаны. А потом Кант, один из первых выступил с «Критикой чистого разума». Разметал он эту схоластику там основательно! Ну, ладно. Можно я продолжу?! – Юра снова встал со своего места.

- Про опыт внешний пока сказано довольно разного. И про преимущества мы знаем, он позволил развить современную науку, и про недостатки только что упомянули. Теперь про опыт внутренний. На нем преимущественно базируется философия. Это опыт внутреннего самопознания, опыт различных переживаний, эмоциональных состояний вкупе с ментальными. Это внутреннее мировоззрение человека и многое другое, что с ним находится всегда, что сопровождает всю его жизнь. Чтобы не быть голословным отмечу, что такой опыт наиболее непосредственно отражается в музыке, опыт переживания внутренних состояний. Язык музыки потому и универсален, в отличие от вербального общения, что он непосредственно выражает опыт внутренний. Вот возьмем такой пример. Допустим, в некоем кинофильме несколько минут камера показывает нам какую-то улицу (пустую ли, с людьми ли – неважно). Но за кадром в первом случае звучит напряженная тревожная музыка. Человек, смотрящий этот кадр, начинает воображать, что сейчас может произойти что-то страшное, убийство, землетрясение, обстрел... Если за кадром будет звучать бодрая мажорная музыка, то зритель будет переживать ожидание чего-то радостного: вот пойдет праздничная колонна, или будет сцена любовной встречи или еще чего-то. Если звучать будет грустная музыка, то человек, видящий эту сцену будет думать об одиночестве в большом городе и т.п. Внешняя картинка одна и та же, а внутренние переживания разные. Внутренний мир человека наполнен колебаниями и вибрациями – это и ритм сердца, и дыхание, и работа чакр – уж извините, меня те, кому этот термин кажется

сомнительным. Музыка тоже создает звуком смесь вибраций, сочетание колебаний, которое хорошо отображает всю эту внутреннюю напряженную человеческую жизнь. На сочетании внутреннего и внешнего опыта построено искусство.

- Однако для нас главным, центральным во внутреннем опыте будет все же опыт самопознания – вмешался Михеич.

- Да, Степан Михеич! Я все помню и перейду к этому, но чуть дальше. В начале я хотел бы хорошо прояснить все дефиниции... - Михеич понимающе кивнул.

- Во внутреннем опыте мы переходим к абсолютному познанию!

- Ух ты, как интересно, я, честно говоря, всегда немного снисходительно относился к философии и вообще, ко всем вашим общественным наукам. Помнишь, Юра, как мы на семинарах по диамату «громили» доцента Одинокова? Я всегда считал, что в этих ваших неестественных науках и истины не совсем естественные. Еще выдающийся физик Лев Ландау, лауреат Нобелевской премии, говорил, что все науки можно разделить на: естественные, неестественные и сверхъестественные. К сверхъестественным он относил, конечно, математику, которую боготворил. А что? В математике истины разве не абсолютные?

- В математике они абсолютные, но условные.

- Это как так?

- Ну, в математике истинность того или иного вывода сильно зависит от исходных определений, т.е. договоренностей или условностей. Условимся мы считать четырехугольник с парой параллельных сторон трапецией, тогда для него одни выводы будут справедливы, а условимся с двумя парами параллельных сторон, то другие выводы будут справедливы. Всякая математическая теория начинается с условностей, с определений и аксиоматики. От этого сильно зависят справедливость тех или иных выводов. Знаешь, есть такой анекдот про математику?

- Интересно!

- Ну, летят два путешественника на воздушном шаре. Попали в густой туман. Заблудились. Спустились пониже над незнакомой местностью. Видят, по тропинке идет человек. Он ему кричат: «Любезнейший! Не подскажите, где мы находимся?». Любезнейший остановился, посмотрел на них, задумался и ответил: «Вы находитесь на воздушном шаре!» - и пошел дальше. Путешественники переглянулись. Один говорит другому: «Знаешь, мне кажется, этот человек – математик!» - «С чего ты взял?!» - спрашивает второй. «Во-первых, он задумался, во-вторых его ответ был абсолютно точным, но абсолютно бесполезным!». Вот вам и абсолютность математического знания!

Кабинет наполнился смехом. Даже, молчавший до сих пор отец Пахомий заливисто смеялся.

- Ну, юмор юмором. А я хочу, чтобы мы поточнее определили, что такое абсолютное познание. В свое время был у нас со Степаном Михеичем разговор. Я даже записал кое-что в свой тогдашний юношеский дневник...

- Юрка, ты тоже в студенчестве вел дневник, а что ты мне ничего тогда не рассказывал?

-Ну, знаешь, у каждого человек может быть что-то совсем тайное, только для себя. Там я записал несколько страниц под заголовком «Жажда абсолютного». А Степан Михеич мне еще подсунул статью про Владимира Соловьева, чья она...? Не припомню!

- Князя Трубецкого! Можно я уже к слову в нашем разговоре процитирую? – Михеич одел на нос очки, взял с полки какой-то старинный дореволюционный журнал и прочел оттуда: «Искание безусловного и безотносительного, наполнявшее душу философа, беспредельно расширяло его ум и не давало ему возможности окончательно удовлетвориться чем-либо условным и относительным. Тот широкий универсализм, в котором Достоевский усматривает особенность русского гения, был ему присущ в высшей мере; именно благодаря этому свойству он был беспощадным изобличителем всякой односторонности и тонким

критиком: в каждом человеческом воззрении он тотчас разглядывал печать условного и относительного».

- Вот-вот, Степан Михеич, и тогда я этой жаждой «заболел», Вы меня заразили, начал искать это абсолютное.

- Неужто нашел?! – с веселым скепсисом спросил Николай. Его улыбка как бы говорила: что за ребячество, никто абсолютной истиной обладать не может!

- Действительно, ты прав, Николай! Никто абсолютной истиной о всей вселенной обладать не может, кроме Абсолютного Существа – Бога!

Николай восторгнулся, улыбка сошла с его лица. Он уже как-то подзабыл про эту способность Михеича – читать в сердцах и мыслях людей. Сейчас эти слова словно обожгли его. Он понял, что тут разговор идет откровенный, от Михеича ничего не возможно было утаить. Михеич продолжил:

- Прошу прощения, но я хочу зачитать как раз рассуждения Даниила Андреева из его «Розы Мира» по поводу истины. Такова уж моя роль. Я библиотекарь. – сказал Михеич с какой-то особой важностью. - Находить источники и цитировать их – моя профессиональная обязанность. Итак «Роза Мира» книга 1-ая, глава «Отношение к религиям»: «Как часто употребляем мы слово «истина» и как редко пытаемся определить это понятие.

Не смутимся же, однако, тем, что повторяем, в сущности, вопрос Пилата, и попытаемся в меру наших сил разобраться в этом понятии.

Истинными называем мы ту теорию или то учение, которые, на наш взгляд, выражают неискажённое представление о каком-либо объекте познания. В точном смысле слова истина есть неискажённое отражение какого-либо объекта познания в нашем уме. И сколько существует на свете объектов познания, столько же может существовать истин.

Но объекты познания познаваемы от нас, а не из себя. Следовательно, истина о любом объекте познания, познанном от нас, должна быть признана истиной относительной. Истина же абсолютная

есть отражение такого объекта познания, который каким-либо субъектом познан «в себе». Такое познание принципиально возможно лишь тогда, когда противостояние объекта и субъекта снято; когда субъект познания отождествляется с объектом.

Абсолютная истина универсальная есть неискажённое отражение в чём-то сознании Большой Вселенной, познанной «в себе». Абсолютные истины частные суть неискажённые отражения какой-либо части Вселенной - части, познанной «в себе».

Естественно, что Абсолютная истина Большой Вселенной может возникнуть лишь в сознании соизмеримого ей субъекта познания, субъекта всеведущего, способного отождествиться с объектом, способного познавать вещи не только «от себя», но и «в себе». Такого субъекта познания именуют Абсолютом, Богом, Солнцем Мира.

Бог «в Себе», как Объект познания, познаваем только Собою. Его Абсолютная истина, как и Абсолютная истина Вселенной, доступна только Ему».- закончил цитату Михеич.

- Да “Ding an sich” – «вещь для себя сущая» или «вещь в себе» по Канту непознаваема. Но тогда позвольте спросить, а как Кант вообще догадался, что есть такая «вещь в себе»? Может, ее вовсе и нет, просто Кант выдумал, и баловство ума все это? – задумчиво проговорил Юра.

- Ну, почему же?! Я считаю, что Кант прав – твердо сказал отец Пахомий.

- А я – нет! – так же уверенно возразил Николай. Вообще, у вас философов и софистов всяких, простите, но я служителей церкви всех считаю схоластами, все как-то загадочно и туманно.... Фарисейство одно!

- Фарисейство – суть вещь несколько иная – возразил отец Пахомий.

- Ну, может, я изъясняюсь не точно, простите, не очень я силен в вашем богословии.

- Вообще-то на счет существования «вещи в себе» я задал вопрос риторический. Ответ на него я знаю – заговорщически произнес Юра.

- Интересно-интересно! Изложите сударь. – Николай пристально посмотрел в глаза Юрию.

- Человек в своем самопознании познает себя и как «вещь от себя» и «как вещь в себе», т.е. познает абсолютно! Ведь что мы знаем о понятии «абсолютное»?

- Э... - Коля напрягся – приставка «абс» - типа как русская «от» - означает оторванность, отвлеченность...

- Подожди Коля рваться в бой! Это ведь снова был вопрос риторический!

- Ладно. Слушаем тебя!

- «Абсолютный» как раз диалектически противоположное понятие «относительному». Если «относительное» относится к чему-то конкретному, узкому, определенному, то «абсолютное» относится ко всему (абсолютно ко всему!). А еще, согласно той же диалектической логике, в добавок, одновременно, не относится ни к чему!

- О как все запущено! Поясни свою схоластику! – Николай уже начал немного раздражаться, считая, что здесь торжествует «словоблудие».

- Не нервничай, Коля! Сейчас, думаю, все станет ясным. Действительно без конкретного примера все это кажется схоластическим сотрясанием воздуха. Но вот есть один такой объект, который для человека не абстрактно абсолютный, а вполне конкретно и, так сказать, «осязаемо» абсолютный. Это человеческое «Я». С одной стороны всякий акт познания – это акт соотнесения «Я» с познаваемым объектом. В этом смысле человеческое «Я» относится ко всему, что человек познает, с чем имеет дело. Когда, человек не осознает свое «Я», то он ничего и не познает, не помнит, находится вне сознания (бывает такое и при глубоком опьянении, например). В глубоком детстве, пока у человека не сформируется первое устойчивое представление о своем «Я», он ничего практически и не помнит, потому что ядро памяти – это человеческое «Я». Я помню, я познаю, я делаю и т.п. С другой стороны, человек осознает, что его «Я» не сводится к сумме воспоминаний и восприятий, а имеет собственную особую природу, от всего отстоит, отрывается, абстрагируется,

существует само по себе. Поэтому для человека в его внутреннем опыте его человеческое «Я» абсолютно! Однако во внешнем опыте человек находит себя не абсолютным, а ограниченным в пространстве и времени, а еще не уникальным, как ему подсказывает внутренний опыт, а одним из многих себе подобных. В этом противоречии внешнего и внутреннего опыта заключается одна из важнейших драм любой человеческой личности, но и стимул к её развитию, к преодолению ограниченности, к становлению уникальности.

- Во как!? Интересно! По-моему убедительно! Что скажите Степан Михеич?

Степан Михеич не успел ответить, как вмешался Юра:

- Да что может он сказать Степан Михеич, если моя диссертация родилась из наших с ним разговоров! Он практически мой научный руководитель, хотя официально, сам понимаешь, это другой человек.

Коля посмотрел на Михеича, тот кивнул. Коля развел руками.

- Я вижу, вы тут без меня серьезными делами занимались. Но все же, что это все нам дает? Допустим, человек, в своем внутреннем опыте, познает себя абсолютно и свое «Я» как абсолютное?

- Погоди, это еще не все в самопознании, это только «цветочки». Ягодки будут потом. Вот тогда нам твои знания по физике очень понадобятся – сказал Михеич, чем очень польстил Николаю. Тот начал воспринимать разговор более спокойно, адекватно и серьезно.

Тут вмешалась Глафира:

- Вы сейчас много и хорошо рассказали нам о внешнем и внутреннем опыте человека. Но Юра упоминал какой-то трансцендентный. О нем хотелось бы поподробнее.

- «Трансцендентный» – означает «запредельный», проще говоря, это опыт, в котором человек выходит за пределы собственного «Я». Или нечто входит в него извне. Например, мы говорим: «Начальник сегодня не в духе!» - не понимая, что само такое выражение пошло еще с библейских времен. Нередко в книгах древних пророков можно встретить такое выражение: «Сегодня я был в духе.» - а дальше идет некое откровение, которое через него передал этот Дух. Чаще всего это

был Дух Божий (глаголавшаго пророки), говоривший через пророков народу своему: «Шаме Исраэль!» - «Слушай Израиль! Я Бог Твой...» - так начинали пророки огненную проповедь свою на площадях Иерусалима и других еврейских городов. И народ, внимая проповеди, ощущал, что сейчас с ним говорит не пророк, а через пророка Сам Господь Бог. Но это высший из трансцендентных опытов, который, как мы понимаем, доступен лишь избранныкам Божиим. Есть гораздо проще опыт, более приземленный и, чаще всего, губительный для человеческой души. Я даже не говорю об одержимости бесами. В это тоже многим поверить трудно. Но есть опыт, когда человек внутренне сливается с каким-то коллективом, например, с клубом футбольных фанатов. Когда они идут вместе после матча по улицам, горланят кричалки и прочее, то каждый из них ощущает, что он теперь нечто большее, чем просто Вася Иванов или Петя Зюганов – теперь они «команда», «бригада» и прочее. Каждый ощущает в этом единении большую силу и вдохновение, выход за рамки своего мелкого заскорузлого «Я». В таком трансцендентном опыте человек отказывается от своей индивидуальности не в пользу высшей ступени развития (как при соединении с Высшими силами), а в пользу чего-то примитивного, «одноклеточного», в пользу эгрегора этой толпы, партии, армии и тому подобного. Про «эгрегоры» более подробный разговор нужно вести отдельно. В такой толпе человек подчиняется низшим «инстинктам», и может сотворить то, от чего бы сам один на один с собой отказался бы.

- Да, вот почему я не люблю толпы – задумчиво произнесла Глафира – теперь понятно, почему тятя всегда запрещал ходить на демонстрации, ведь там тоже такое происходит с людьми, они от своего божественного «Я» отказываются в пользу «коллектива», в пользу партии, в пользу государства...

- Верно говоришь, девонька! – поддержал ее Михеич.

- Ну, а в церкви, разве порой не тоже самое происходит? – спросил Николай. – По мне так церковный фанатизм не лучше футбольного.

- В сектах происходит тоже самое – это однозначно – отвечал Михеич – там человека быстро подчиняют сектантской дисциплине, где

способности критически мыслить, принимать осознанные решения, иметь свою точку зрения – не приветствуются и даже караются.

- Где грань между сектой и церковью?! – настаивал Николай.

- Давай сейчас этот разговор отложим – остановил его Михеич. – Послушаем дальше Юру, ведь у него есть еще, что сказать про трансцендентный опыт. Так, Юра?

- Так! Приступаю к одному из самых важных моментов в трансцендентном опыте. Опыте любви!

Глафира при этих словах вскинула ресницы, взглянула не на Юру, а на Николая. Коля тоже встрепенулся, настроился, прислушался.

- У Владимира Соловьева есть, по-моему, очень замечательная статья «Смысл любви».

- «Смысл любви» - какое название – повторила Глаша – хотелось бы прочесть, а то тут всю жизнь мучаешься, спрашиваешь себя: зачем она дается нам – эта любовь?!

- В этой статье Соловьев как раз говорит о замечательном свойстве человека – все время выходить за свои рамки, все время расширяться и развиваться, расти. Вспомним Гегеля, тот утверждал нечто подобное, но у него все объекты таковы – а это не верно. Может ли стол, например, обладать таким свойством? Стол сделан для того, чтобы быть только столом, а не выходить за свои рамки...

Так вот, Соловьев определяет смысл любви именно в таком трансцендентном опыте – опыте выхода из себя и начала жизни в другом, ради другого, когда человек им дышит, им существует, только о нем думает, только за него переживает, готов пожертвовать собой ради любимого. Это чувство любви подрывает изнутри человеческий эгоизм, делает душу человека шире и благороднее. Она растет и очищается от самости – и в этом главный смысл любви! Она окрыляет душу. Вспомним послания апостола Павла, где он говорит, что все бессмысленно, если нет любви. И тут еще один удивительный нюанс: человек начинает переживать другого как абсолютное существо. Он для него во всем, по всех познаниях, переживаниях, мыслях, он относится ко всему в его внутреннем мире. Поэтому от настоящей

любви никуда не деться, она – абсолютна, она заполняет собой внутри человека все! Но при этом человек понимает, что он и его любимый – разные, т.е. это все еще и не относится к человеку, точнее, различается с ним, с его «Я». Это парадокс, но человек встречает другое абсолютное в любви! Встречает не абстрактно, в умственных рассуждениях, а конкретно, «весомо, грубо, зримо...». Именно так по-настоящему верующий человек и должен ощущать, переживать все время везде и во всем Самого Бога прежде всего и важнее всего. И все мы поэтому маловеры (может только разве Степан Михеич...). Любящий человек гораздо ближе внутренне к Богу, чем человек просто набожный. Часто большая набожность удивительно сочетается в человеке с жестокостью, эгоизмом, черствостью души. А бывает атеист, который за ближнего готов все отдать.

- Ах, как правильно ты все это Юра говоришь! – воскликнула Глафира - Вот у нас, у старообрядцев, все-то вроде бы делается с упоминанием Божьего имени, все с благословения старейшин, но какой ненавистью порой пышет человек по отношению к традиционной церкви или просто неверующим – ужас как бывает! Я помню, как полюбила, и любая ненависть стала противна моей душе, она ранила, она убивала мою любовь, и я старалась бежать от ненависти, гордыни, жестокости не потому, что тятя так или вера наша велит, а потому, что любила и люблю – уже почти шепотом повторила она, снова взглянув на Николая. В ее взгляде была такая нежность, лицо ее так сияло добротой и каким-то внутренним светом, что все мужчины невольно залюбовались ею. Хоть этой женщине уже было сильно за сорок, но внутренний огонь не покинул ее душу, и делал ее душу горячей, а глаза светящимися, голос ее становился таким «грудным» и звонким, что понятно было – слова исходят из самого сердца. Она вся выпрямилась, приподняла головку и устремилась куда-то в высь, как стройная былиночка, которая тянется к солнечному свету. Установилась короткая пауза в их разговоре. Каждый как бы ушел в себя, вспоминая и переживая заново те моменты любви, какие он знал когда-то в жизни. Затем Глаша тихо повторила: «Значит это и есть опыт трансцендентный? Любовь по-нашему».

- Да, Глаша – подтвердил Юрий, - однако при таком выходе из себя неподготовленную душу ждут не только взлеты, но и страсти, и падения, ведь и темные силы тоже не дремлют. Высунулась душа из корки своего заскорузлого эго, а там ждет ее «ветер», часто порывистый и шквалистый, куда ее понесет?! Вот почему душа так жаждет любви и так ее боится!

- Душа так жаждет любви и так боится! – как верно сказано, Юра! Ты прямо поэт, а не философ.

- Ну, философия часто об ручку с поэзией ходит.

- Раньше я думала, что смысл любви заключается в том, чтобы соединить сердце мужчины и женщины...

- Но ведь такое возможно только во взаимной любви, а сколько бывает несчастной, неразделенной! Гораздо больше!

- Да, я думала, что союз мужчины и женщины, освященный любовью, дает свои плоды – любимых детей, счастье в доме, счастье на земле... Но ты прав, Юра, сколько же любви неразделенной, сколько боли в одиноко горящих сердцах, неужели все это зря?! Теперь понимаю – не зря! Любовью растут и воспитываются и укрепляются души героев, поэтов, праведников, в горниле этого огня выковываются высокие и жертвенные судьбы ...

- А помнишь Юра! Какой ты стих написал после твоей ссоры с Леночкой из твоей группы? – вдруг спросил Николай.

- Да не было никакой ссоры, она просто меня игнорировала... Ладно – «дела давно минувших дней. Преданья старины глубокой...». Так вот, продолжим. Теперь, думаю, все понимают, что на трансцендентном опыте в основном построена религия, т.е. на опыте откровений Высших сил о Себе и иных мирах (а темные религии – совсем не на опыте сил Высших, но низших и темных). То есть, повторю еще раз: есть три вида опыта и три основные сферы познания. Каждая сфера построена преимущественно на своем виде опыта. Наука – в основном – на внешнем опыте, философия – на внутреннем, а религия – на трансцендентном. Сразу хочу предупредить, что между тремя видами опыта: внешнего, внутреннего и трансцендентного нет жестких границ. Все они составляют полноту опыта человека и человечества,

дополняя друг друга. Собственно, если опереться именно на эту дополнительную, создать соответствующую аксиоматику цельного знания, то потом можно будет развивать и полноценную теорию, теорию, в которой будут соединяться неслиянно но и нераздельно наука, философия и религия. Пока же получается, что никто такую задачу не ставил и работу не проделывал.

- Ну, как говорится в «Ревизоре»: «Господа, я собрал вас здесь чтобы сообщить...». Я призываю вас, если, конечно, вас это увлекает, к такой работе приступить – улыбаясь, произнес Михеич.

- Слушайте, а вы уверены, что мы такую грандиозную работу потянем? – спросил Николай.

- Потянем и даже вытянем, если очень постараемся – улыбнулся Михеич. Есть у меня несколько рекомендаций, выполнение которых нам бы очень помогло в такой работе.

Все обернулись к Михеичу с вопросительным выражением на лицах.

- Если просто – нужен будет пост, впрочем, не очень строгий, и молитва, желательно совместная, но если кто возражает, то можно и самостоятельно проводить, в домашних условиях.

По-разному отнеслись к этим словам участники того «малого консилиума», как назвал его Михеич. Николай – с недоумением. Юра немного напрягся. А вот отец Пахомий и Глафира, которые привыкли к такой практике в укладе своей жизни, – с пониманием и даже закивали головами.

- Ну, а чтобы поставить лирическую точку сегодняшней нашей беседы. Хочу снова удариться в цитату! Не возражаете?

Присутствующие слегка закивали. Михеич снова подошел к полке, взял книгу, начал читать:

Феликс Кривин притча: ЛЮБОВЬ

Былинка полюбила Солнце...

Конечно, на взаимность ей трудно было рассчитывать: у Солнца столько всего на земле, что где ему заметить маленькую неказистую Былинку! Да и хороша пара: Былинка — и Солнце!

Но Былинка думала, что пара была б хороша, и тянулась к Солнцу изо всех сил. Она так упорно к нему тянулась, что вытянулась в высокую, стройную Акацию.

Красивая Акация, чудесная Акация — кто узнает в ней теперь прежнюю Былинку! Вот что делает с нами любовь, даже неразделенная...

Они пошли к роялю. Глафира спела несколько романсов. Отец Пахомий в паре случаев ей подпевал. У него был несильный, но красивый баритон. Как дивно заканчивался этот вечер. Николай подумал, что с тех пор, как он услышал здесь впервые вокализ Рахманинова, столько воды утекло, но Глаша теперь, как ему показалось, поет еще лучше, чище и уверенней. Все чувства зажглись в нем вновь на полный накал. Как в юности, нет не так! Теперь огонь был ровней, мощней, не таким жгучим, зато более светлым.

Глава 24. Отождествление.

Стали расходиться. Николай сказал Юре, чтобы не беспокоился, он только проводит Глашу и придет. Юра понимающе усмехнулся. Отец Пахомий еще остался в библиотеке. Они что-то начали обсуждать с Михеичем. Остальные гости вышли в вечеряющий сад. Он еще цвел, только часть лепестков осыпалась на землю, и стояло такое благоухание, что голова кружилась от запахов. До ворот дошли молча. Юра обратился к нашей парочке:

- Ну, Глаша, до свидания! Колю жду. Сильно не загуливайся!

- Постараюсь.

Дальше Коля и Глаша шли рядом так же на «пионерском» расстоянии, как они шли когда-то, много лет назад, по этому же саду и улицам. Некоторое время ни о чем не говорили. Слова не шли. Хотелось вот так просто идти рядом и, чтобы рукой руки касаясь, как писал когда-то Николай в своем стихотворении. У Глаши теперь была немного другая прическа. Точнее, та же коса осталась, но была обернута «корзинкой» вокруг головы. С одной стороны это была его милая-милая, добрая Глаша, а с другой — в ней чувствовалась строгая учительница. Он не знал, как начать разговор.

- Знаю, что у тебя дети есть. Что муж погиб.

- Да, что было, то было. А дети, да: старшенький, Павел, в армии сейчас. Полгода всего служить осталось. А Аленка школу заканчивает, собирается тоже в университет поступать, только на психолога.

- Ты еще долго помнила обо мне?! Тогда, после нашей разлуки?

- Никогда не забывала! Только думала, что безнадежно все, что теперь уж в жизни мы вряд ли встретимся. Особенно, когда ты в Америку уехал. Знаешь, иногда выходила я вечером на речку одна, шла вдоль берега и воображала, что с другого берега идешь ты. Вот идем мы в одном направлении, а там мостки. И оба мы подходим к ним и уже идем навстречу друг другу. Иногда это видение повторялось во снах. А иногда я достану бессонной ночью тот клочок бумаги, где твое стихотворение про весну написано, читаю и плачу или улыбаюсь и целую бумагу.

- Так оно живо!? Это стихотворение?! Постой, как же там: «Несет трамвай тебя по линии, а ты стоишь и улыбаешься...».

- «Твоя коса, тугая длинная по ветру вольно развивается» – подхватила Глаша.

- У тебя и сейчас такая же роскошная коса!

- Так у нас, у староверов, все женщины косу носить обязаны. Конечно, сейчас меня никто не заставляет, но я уже привыкла.

- А можно маленькую просьбу! Сними косу с головы, чтобы она как раньше висела.

- Странно! Ну, если ты так хочешь. – Глаша нащупала заколки, убрала их. И ее мощная тугая коса повисла до пояса. Николай ловким движением ухватил кончик косы, поднес к своим губам и поцеловал.

- Что ты, Коля! Сумасшедший! – Глафира залилась пунцовой краской. Румянец был так ей к лицу, что Коля залюбовался ею еще сильнее. Он невольно протянул руки к этим пылающим щекам в желании их немного остудить. Сначала Глаша резко откинула голову назад, воспитанная в строгом староверческом уставе в отношениях между мужчинами и женщинами, Глаша была редкой недотрогой.

- Что ты, Глашенька! Испугалась! Родная! – Коля начал говорить тихо и с такой неподдельной нежностью, что Глаша с удивлением подняла глаза. Глядя прямо ему лицо, схватила его ладони и прижала к своим щекам. Слезы полились из ее глаз. Она начала жадно целовать руки Николая.

- Что ты, что ты... - только и мог шептать Николай. Он прижался уже своим лицом к ее лицу. Вместе теперь они плакали, как будто прорвалась какая-то плотина, которая столько лет сдерживала весь напор их тоски друг по другу, всей их несбывшейся любви и судьбы.

Они еще долго гуляли. Вспоминали те редкие встречи и свидания, которые подарила им судьба много лет назад, когда зажегся огонь их любви, непогасший, как оказалось, до сих пор. Он довел ее до калитки дома. Уже давно было темно. Только фонари да горящие окна домов освещали затихшие улицы.

- Смотри, окошко еще горит! Аленка все еще не спит! Поди, меня потеряла. Зайдешь?

- Нет, Глашенька! Пойду к Юре, а то он тоже, небось, волнуется. Завтра увидимся!

От того, что они могли увидеться завтра и послезавтра и еще неисчислимое количество раз, им обоим казалось, что счастье переполняет весь мир, а не только их сердца. Впереди, казалось, могло быть только вечное блаженство. Души были переполнены переживаниями. Они протянули ладони навстречу друг к другу, прикоснулись тепло и ласково, сплели пальцы, крепко сжали и стояли так с минуту. «А я хочу, чтоб были вместе мы, когда рука руки касается...» - прошептали они оба, не сговариваясь, и засмеялись.

Дверь глафиринового дома распахнулась:

- Мама, ты?! Я уж тебя потеряла! Ты домой пойдешь? – на пороге стояла Аленка.

- Пора! – Глаша еще раз улыбнулась Николаю и весело зашагала по тропинке к дому.

Коля пришел к Юрию уже довольно поздно. Но тот не спал. Работал в ноутбуке над каким-то текстом.

- Знаешь, Юра! Я уже давным-давно хотел тебя спросить.

Юра оторвался от ноутбука: «Спрашивай!»

- Вот у тебя в диссертации есть еще одна очень важная тема, которую, как мне кажется, я знаю не по слухам на собственной шкуре.

- Что именно за тема?

- Это тема «Познание через отождествление».

- Да, это я рассматриваю, как альтернативный способ познания, доступный человеку, но не используемый им.

- Объясни мне еще разок, а я сопоставлю со своим опытом.

- Ну, если коротко, то суть состоит в том, что мы в нашей цивилизации познаем все «от себя». После Канта – это общеизвестные мысли. И Кантом же был поставлен предел познания в связи с этим – невозможность познания «вещи в себе», т.е. как она сама себя «чувствует». Приведу пример, вот два разных, но знакомых меж собой человека, договорились и купили одинаковые цветы в горшках в цветочном магазине. Один, такой ученый, купил еще инструкцию, как поливать цветок, как за ним ухаживать. Второй не купил. Через месяц первый жалуется второму, что хотя все делает по инструкции, но его цветочек вянет, чахнет на корню, а как, мол, у тебя? Тот говорит ему: у меня все нормально, цветет и пахнет, разрастается... Как так? – спрашивает первый. У тебя, наверное, другая инструкция на руках уже была. Поделись! Нет, - говорит второй, я просто прислушивался к нему, с ним разговаривал, пытался почувствовать его, и по этим ощущениям поливал, подкармливал, ставил на свет или в тень. Ну, вот я представляю, что я цветок в горшке, настраиваюсь на него. Стою я на солнце – жарко! Убираю его в тень. Стою день, стою – два. Пить хочу! – Поливаю его, притом прислушиваюсь, напился или нет, а то ведь залить можно. Отождествляюсь я с ним!

Не понял – говорит первый, тебе в психушку нужно. Ты – цветок!? Сбрендил совсем! Вот так вся наша цивилизация относится к альтернативному способу познания – это для сумасшедших! А на Востоке еще среди тамошних риши (мудрецов), йогинов и подобных им, этот способ где-то сохранился. Шри Ауробиндо, например, писал:

«Ты становишься тем, кого познаешь». Более того, еще в средние века в Европе в ремесленных сообществах – цехах можно было отслеживать что-то подобное. Я изучил немало материалов, где рассказывается, что например, при обучении подмастерья (которое, между прочим, могло продолжаться с десятков лет), мастер-столяр учил чувствовать дерево как продолжение своей руки. Тогда было понятно, какое дерево выбрать для того изделия, какое для более прочного. Как нажимать при обработке, чтобы не лопнуло. Все это шло через тонкое ощущение материала, «слияние» мастера и изготавливаемого мастером изделия. Там, действительно, оставалась часть души мастера, как у художников в древних полотнах. Такое изделие несет не только функциональную пользу, но дарит тепло мастера, создает канал общения с ним, через изготовленную им вещь. Почему так ценятся изделия некоторых мастеров – потому что они достигали такого уровня проникновения в вещь, отождествления с ней.

- Я почему спросил? Помню отчетливо, когда в Глафиру влюбился, то переживал ярко примерно тоже, только по отношению к людям. Вот сижу я, общаюсь с человеком и невольно чувствую все его внутренние реакции на мои слова, поступки, действия... причем чувствую ярко, мощно. Я как бы отождествлялся с этим человеком. Ну, типа я – это он, или наоборот: он – это я. Вот почему мне стало с тех пор противно делать человеку зло? – Потому что я сам остро переживал, как будто это зло причинили мне самому. Я понял, что делать другим зло нельзя по-другому, на глубинном уровне, и это шло не от воспитания, не от манерности и правил поведения в обществе, а от этого непроизвольного переживания себя в другом... Так я понял, что уже потом прочел у Владимира Соловьева (кстати, с твоей подачи) в работе «Смысл любви», что любовь подрывает эгоизм изнутри человека, подрывает его в корне, а не просто слегка «пропалывает» как это делается с помощью воспитания и морали.

- А я, было давно уже, как-то спонтанно на несколько мгновений отождествился с сосной! Интересные получил переживания – поделился Юра – Шли мы летом в зной с пляжа по небольшой роще. Там такая сосна прекрасная стояла, живописная! Я вдруг подумал: «А что если я бы стоял вместо этой сосны?». И, знаешь, меня затянуло. За

несколько секунд пронеслась целая жизнь дерева. Вот я стою день, неделю, лето прошло, снег начал на меня падать, а я все стою, только ощущаю, как соки движутся по моему стволу. Стою, не склоняя головы. Вот уж весна, птички на моих ветках. А я стою... Стою, быть может, век, может – два! Оказывается у сосны можно научиться стойкости! Но самое интересное, что я получил и новое знание, как, накануне рассвета, все деревья как бы получают информацию – сейчас солнце взойдет! По их вершинам как бы прокатывается такая волна ликования! Я прямо эту эмоцию радости пережил. Странно!

- Ага, я как физик люблю проверки экспериментом. Сможешь отождествиться с этим яблоком?

На столе у Юры лежало яблоко, купленное в магазине. Крупное, зеленое, ни единой червоточинки на нем, с глянцевым отливом. Думаю, многие легко могут представить такое. Оно то ли генномодифицированное, то ли еще как-то искусственно выращенное, уж слишком «картинный» вид имеет.

- С яблоком? Не знаю... Ты какие-то странные задания даешь.

- Ладно. У тебя душ работает?

- Обижаешь!

- Пойду, окачусь водичкой, а то столько эмоций за сегодня, боюсь – не уснуть будет.

В душе Николай все думал сам над своим заданием. «Отождествиться с яблоком». И даже вроде пытался что-то представить. Но выходило плохо. Почему-то ему мерещилось, что здоровый белый червь ползает внутри. «Это, наверное, мои грехи примешиваются, ведь для отождествления нужно уметь внутренне «отречься от себя». Как бы освободить внутри себя место для того, с кем отождествляешься. Иначе ничего не выйдет». А ладно! Не вовремя!

Он вытерся. Вышел в комнату. Юра все еще сидел за ноутбуком.

- Юрок, а пожрать что-нибудь есть!

- Вон яблоко! Ты же на него глаз положил.

- Давай пополам! Ножик дай!

- В кухонном столе.

Николай с треском надрезал яблоко и разломил пополам. Внутри ползал жирный белый червь!

Глава 25. Консилиум 2.

В этот день они снова собрались в кабинете Михеича. И увидели некоторое отличие от той обстановки, что была ранее: в кабинете появилась доска с мелом, такая передвижная, на колесиках.

- Ой! Как интересно! - Глафира всплеснула руками, я как будто в своей школе оказалась. У нас в некоторых кабинетах есть такие. Небось, из школы попросили?

- Да, нет. Она всегда здесь за полкой стояла, место нужно немного, она же узкая. Но сегодня Юра попросил, чтобы я ее выкатил сюда, в кабинет. Говорит, что-то нужно будет объяснять с мелом в руке.

Михеич положил кусочек мела на плашку доски и начал вступительное слово:

- Сегодня мы будем обсуждать один из самых важных аспектов нашей работы по созданию аксиоматики, точнее системы основных понятий концепции цельного знания. Это проблема самоопределения и структуры человеческого «Я». Что бы понять важность этого, нужно вспомнить хотя бы тот факт, что, по мнению древних греков, человек есть микрокосм. Как это понимать? Ну, вот есть макрокосм – то мироздание, в котором мы живем, где существуют планеты, звезды, галактики и прочие космические тела и объекты. Но, оказывается, что это только внешняя видимость мироздания, которая совсем не похожа на внешнюю видимость человека с его двумя руками и ногами, пятью пальцами на них, головой, туловищем и так далее. В этой внешней видимости человек и мироздание вовсе не похожи и имеют мало что общего. Но, по мысли греческих философов, есть и в мироздании – макрокосме, и в человеке – микрокосме нечто более глубинное и

внутреннее, что делает их подобными. И в это скрытой внутренней структуре человека как в капле воды, отражающей свойства всей воды океана, отражается внутренняя скрытая структура мироздания. Эта мысль не одинока в мире древних цивилизаций. В Библии мы читаем в первой книге, называемой «Бытие» - Михеич дал слово отцу Пахомию, который держал в руках библию:

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.

И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» - прочел батюшка.

- Заметьте, здесь содержится примерно та же мысль: микрокосм – человек подобен и содержит в себе образ Бога, т.е. абсолютного существа, которое выше всей вселенной.

- Ну, церковь учит, что человек еще не подобен Творцу, а только должен обрести подобие, а вот образ – да, образ в себе содержит.

- Ну, пусть, хотя есть же прямое указание... Но я хочу отметить здесь еще очень важное для нашей будущей работы положение: «Мужчину и женщину сотворил их». Значит, в образе Божием есть как мужское, так женское начало. Вижу, отец Пахомий, Вы хотите что-то возразить?

- Ну, это нужно понимать духовно...

- Вот всегда так, как встречается какое-нибудь неудобное место в Библии для современного церковного толкования, так сразу: «сие нужно понимать духовно...». Ладно, пока оставим дискуссию на эту тему. Главное для нас понять, что такое скрыто в человеке, какая важная структура в нем заключена, что отображает глобальную структуру мироздания? Юра тут мы слово представляем тебе.

- Да, я начну, пожалуй, издалека. Задам вопрос, Коля, риторический! Как человек различает свое «Я» и не-Я окружающего мира. В чем внутренняя разница для него в этих основных, базовых моментах внутреннего опыта существования?

- Странный вопрос! Вот «Я». А вот окружающий мир! – Николай указал на себя и обвел рукой библиотеку.

- Вопрос только кажется странным. Просто определение своего «Я» во внутреннем опыте человека происходит обычно так рано и потом практически не требует уточнения, что мы пользуемся им, не замечая истоков и критериев. – Юра обратился к отцу Пахомию:

- Отец Пахомий, вы же психолог по образованию и по первому месту работы? Так! Приходилось Вам сталкиваться с такого рода расстройствами психики, когда человек четко не фиксирует свое «Я»?

- Ну, да, наполеоны там всякие, или один псих упорно утверждал, что он торшер!

- Видишь, Коля, когда психика в порядке, мы не задумываемся над этой проблемой, как ходим мы, не задумываясь, а ведь когда-то этому учились. При некоторых расстройствах умение ходить может исчезнуть, и его придется восстанавливать заново. Так же и с умением отличать свое «Я» от окружающего не-Я. Когда Бог хочет наказать кого-то: Он лишает его разума.

- Вообще-то Бог никого не наказывает – вмешалась в обсуждение Глаша.

- Согласен, но ведь так говорят, а значит, в этом есть доля истины?! Я вообще, считаю, что слово «разум» нужно расшифровывать как «различать умение». РАЗ – УМ.

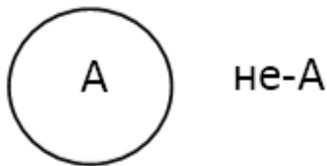
- Остроумное замечание. Нужно будет запомнить. – Николай поднял вверх палец.

- То есть, если человек теряет разум, то он теряет умение различать, в данном примере: свое «Я» и не-Я.

- Да, психические исследования показывают, что на ранних этапах развития ребенок воспринимает все очень недифференцировано. То есть, сначала видит свет вообще и различает его от тьмы, потом постепенно начинают у него различаться образы разных предметов из этой общей картины света. То же происходит и в восприятии звука, и с другими органами чувств. Запах молока матери он начинает различать одним из первых. – подтвердил правильность рассуждений отец

Пахомий. – то есть, по-вашему, выходит, что у него постепенно формируется разум как «различать умение».

- Ну, да. Но вы пока говорили об опыте внешнем, формируемым главным образом через органы чувств. А я буду говорить об опыте внутреннем, опыте самоопределения, самопознания. Вообще человек познает все сначала через различение. Любое определение в научном ли познании или в каком другом – это отделение некоего понятия «А» от всего остального «не-А». Само слово «о - определение» от слова «предел», это некая граница между «А» и «не-А». – Юра нарисовал на доске большую букву А и обвел ее кружочком, за пределами кружка он написал «не-А» - обвел рукой: «Все, что внутри кружка – А, а все остальное – «не-А».

И вот тут старик Гегель был прав. «А» и «не-А» исключают друг друга для человека в его понимании, то есть по определению нечто есть либо «А» либо «не-А», иначе может возникнуть путаница. В чем была ошибка Гегеля, он же был идеалист. Для него Идея выше реальности, и он путал в своих законах познание реальности в идеях с самой реальностью. Именно в познании мы различаем эти самые «А» и «не-А», а в реальности они едины или, по крайней мере, связаны.

- Правильно я понимаю, – спросил Николай, - что, различая «Я» и «не-Я», я должен понимать, что мое «Я» остается связанным с окружающим миром?

- Верно. Мы различаемся от этого окружающего мира, но не разделяемся с ним.

- Мысль хоть и не глубокая, но верная – задумчиво произнес Николай. – Ну, ладно. Что там дальше-то про это различение? Я пока вашу революционную мысль не улавливаю!

- Почему ребенка пеленают? – вдруг неожиданно с хитринкой в глазах спросил Юра, глядя в глаза Николаю.

- Почему..., ну чтобы... Да я не знаю, у меня своих детей никогда не было. Может, Глаша нам ответит?

- Пеленают потому, что он может своими ручками повредить себе чего-нибудь, ведь ручки сначала ему не особо подчиняются и движутся сами по себе, как, впрочем, и ножки...

- Вот-вот, ребенок с первых месяцев своего опыта внутреннего вкупе с внешним начинает различать, что есть нечто, что непосредственно подчиняется его волевым приказам, импульсам (и то порой не сразу, как в примере с ручками), а что нет. Например, рука постепенно начинает подчиняться: хочу – протяну, хочу – согну. А вот, например, висящая над кроватной погремушка – сама по себе не приближается, когда он хочет ее достать. Таким образом, он получает в своем внутреннем опыте первый критерий отличия «Я» от «не-Я». Это опыт подчинения воле. Если что-то подчиняется воле, т.е., как говорится, находится в единстве с его волей, то это – «Я», а если нет – то «не-Я». То есть «Я» - это воля!

- А что такое «воля»? – Николай даже привстал со своего места, азартно втягиваясь в дискуссию. – Эта ваша «воля» - поток энергии или частиц каких-то особенных?! Что говорит по этому поводу наука?

- Ну, вот ты опять пытаешься все свести к внешнему опыту! К науке, частицам, энергиям...

- А ты как предлагаешь?!

- А я предлагаю так, как это происходит естественным образом: во внутреннем опыте человека «воля» есть основное аксиоматическое простейшее понятие, ни через что другое не определяемая, как например: «время», «пространство» или «заряд» в физике. Помнишь, ты сам хотел поставить на семинаре проблему «истинно элементарных понятий». Но Одинокоев тогда тебя срезал, сбил, аки голубя в полете!

- Ну, было дело!

- Так вот, воля – одно из трех элементарных понятий, которые человеку объяснять не нужно, он сам ее знает в себе, как нечто первичное, как «хочу» и «могу».

- Так «воля» – это только одно из трех?

- Ну, да! Если не будешь перебивать, то продолжим наше исследование того, как и из чего у человека формируется понятие собственного «Я». – Коля в знак согласия кивнул головой.

- Какие еще два простейших для человека в его внутреннем опыте понятия формируют образ его «Я» во внутреннем опыте? Если бы только понятие «воля» формировало бы, то например, ушные раковины, многие не смогли бы отнести к своему «Я». Нормальный человек ушами шевелить не может – Юра взялся за кончики ушей и смешно пошевелил ими. Глафира хихикнула. Но если ухо, например, уколоть, то человек почувствует боль. Так мы приходим к еще одному критерию самоопределения человеком своего «Я». Это критерий чувственности – т.е. способности чувствовать. То, что непосредственно приносит человеку ощущения – это его «Я». Рука, которой может двигать ребенок, еще и доставляет ему ощущения.

- Ну, и, наконец, третий компонент нашей «гремучей смеси» - это, собственно, сознание человека. Через что он осознает себя как некое «Я». Сознание есть такой же неотрывный атрибут человеческого «я», и без этого сознания сам внутренний образ «я» не сформировался бы.

- Слушай, что такое сознание не могут разгадать целые институты, десятки лет исследуя этот вопрос, а тут приходишь ты и говоришь: «Господа ученые – сознание это элементарно!» – Коля вопреки своему обещанию снова влез с замечанием!

- Да, они не могут определить сознание, так как пытаются определить его через внешний опыт, через всякие там нейронные импульсы, сети и связи. А я говорю, что во внутреннем опыте человека, обладать сознанием – так же естественно и просто, как дышать. Вот, например, когда Эйнштейн создавал специальную теорию относительности, он же не объяснял, почему скорость света постоянная в вакууме во всех инерциальных системах отсчета. Просто ввел такой постулат. Или Нильс Бор, не объяснял, почему электроны в атоме, летая вокруг ядра, не излучают энергию, просто предложил это запостулировать. Так и я предлагаю, исходя из развития внутреннего опыта человека, считать эти три «начала»: «волю», «чувственность» и «сознание» в их единстве – основой отличия человеком «Я» от «не-Я» во внутреннем опыте самопознания человека. Постулировать

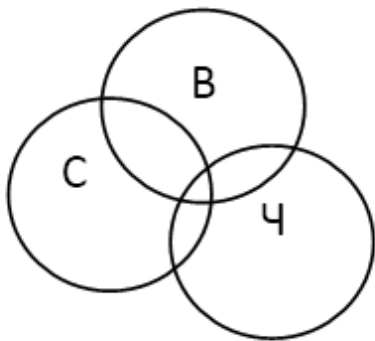
результаты этого опыта самопознания и самоопределения. Собственно, не я это предлагаю, это вытекает из нашего опыта самопознания и самоопределения, просто я предлагаю в нашей теории это запустулировать.

- Ну, допустим, мы примем это?! Что дальше?

- Дальше, они находятся в триединстве в человеке.

- Это как?

Юра написал на доске три больших буквы, в вершинах невидимого треугольника: В, С, Ч и обвел их кружками, так что круги пересекали друг друга.

- О! Получилось «СВЧ»! – сверхвысокочастотное излучение! – Николай опять встрял с юрину речь.

В

С

- Триединство – это особый способ «сосуществования» начал в единстве: как говорят в христианстве «неслиянно и нераздельно». Для тебя, Николай, конкретный пример из физики: внутри нейтрона и протона по три кварка – верно!

- Верно!

-Но добыть их оттуда не представляется никакими способами!?

- Ну, да. Они там в «конфайменте». То есть взаимодействие их таково, что чем они дальше друг от друга, тем выше энергия

взаимодействия.

- Но ученые твердо уверены, что они там есть именно в трех экземплярах, то есть неслиянны?

- Да.

- Но и нераздельны!?

- Да.

- С тремя началами внутри человека еще интересней! Ведь, если кварки в нашем мире никак не могут проявляться сами по себе, то воля, сознание и чувственности могут проявляться, но условием проявления каждого из них являются два других. Приведу примеры: для проявления воли нужно, чтобы в чувственности и сознании был отражен один и тот же образ в противоречии. Висит, скажем, яблоко на ветке – таков образ в нашей чувственности, мы это видим. Но в сознании, в нашей мечте это яблоко уже во рту и приносит нам приятный вкус, даже реальная слюна у нас выделяется. Налицо противоречие в образах яблока в чувственности и сознании. Чтобы преодолеть это противоречие, человек применяет волю: волевым усилием протягивает руку, срывает яблоко и кладет его в рот. Если бы такого противоречия не было изначально, то проявление воли не состоялось бы. Так!

- Ну, так...

- Теперь возьмем чувственность: ведь она заключается в реагировании органа чувств на какой-то внешний раздражитель. В этом реагировании, в этом ответе заключается вторичная активность – то есть воля. Но это еще не все, что сигнал превратился в чувственный образ, он должен попасть в сознание и быть там обработанным. Таким образом, полноценное проявление чувственности требует работы воли и сознания. В сознании, в свою очередь, есть способность не только адекватно отображать окружающую действительность (в чем проявляется единство сознания и чувственности) по сигналам, идущим из органов чувств, но и расчленять этот образ, конструировать из него нечто новое, по-новому соединять. А это уже работа воли над образом в сознании.

То есть, триединство – это такой способ единения начал, где нет единения по принципу иерархии (одно начало главнее другого и ему подчиняется) или по принципу следования (одно начало следует из другого) или причинности – это когда одно является причиной другого... и тому подобного. Все три начала равноправны и, имея особенности (неслиянны), в тоже время не могут проявляться друг без друга – нераздельны. Всегда в осуществлении одного из них участвуют два других. Просто, одно преобладает в каждом конкретном случае, а два других его обеспечивают. Вот такая получается конструкция человеческого «Я» во внутреннем опыте человека.

- Так это же получается Троица неслиянная и нераздельная! – воскликнула Глафира.

- Верно, Глашенька! В человеке есть образ и все-таки – Степан Михеич взглянул на отца Пахомия – и с нажимом произнес – подобие Божие!

Отец Пахомий активно завертел головой в знак своего несогласия!

- Погодите, отец Пахомий, я уточню, и может быть в таком варианте, Вам будет легче принять, то, что мы сейчас с Юрой говорим.

- Человек имеет в себе три начал в их триединстве, но как помните, в законе развития, открытого Вл. Соловьевым: сперва эти начала находятся в таком «безразличном единстве» в достаточно беспорядочном смешении. И только потом человеку, при правильном развитии этих трех начал предстоит стать внутренне стройным, т.е. подобным Богу уже на другом уровне, на уровне «преподобного», т.е. святого. Ведь у Бога все эти три начала, три Лица соединены в божественной сверхгармонии.

- А! Теперь я поняла, что стройность – это не только худощавая фигура, пропорции тела, всякие там 90-60-90...

- Вот-вот, Глашенька – заулыбался Михеич.

- Интересно девки пляшут! – Николай с задумчивым лицом встал, подошел к доске, с нарисованными на ней буквами и кружочками, встал, подпирая подбородок рукой.

- Это еще не все – сказал Михеич – но этого уже в юриной диссертации нет! Так что, господа, позвольте, я кое-что добавлю.

Все посмотрели на Михеча. Он выдержал паузу.

- Рассаживайтесь поудобней. Если рисовать далее картину богословскую, которая пока, вероятно, еще далека от картины мира Николая, то все различия в мире должны базироваться на изначальных различиях в Лицах Троицы, как начала всего сущего. Все сущее троично, и каждое отличие (слово «от-личие» происходит от слово «лицо») должно быть как-то связано с этим базовым отличием Лиц Пресвятой Троицы. Все должно носить в себе черты этого подобия, только выраженного по-разному.

- Извините, тут я вмешаюсь – Николай привстал с несколько обиженным видом, - вы тут сказали о том, что это для меня слишком далеко, но я, как раз, знаю прекрасный пример, иллюстрирующий вашу концепцию, назовем так «всепоподобия». Есть такие объекты в современной математике и физике, как фракталы. Позвольте... - Николай подошел к доске, взял мел и стал быстро рисовать нечто похожее на дерево или куст ли травинку. Вот есть исходная фигура. Он показал на некую «галочку» - разветвление двух линий, идущих из одной точки, одна чуть короче другой.

- Если мы будем умножать эту исходную фигуру, пририсовывая к ней подобные, но все меньшие по масштабу «веточки», то получим нечто очень похожее на дерево, где веточки на разных масштабах повторяются, т.е подобны друг другу. Главная идея фрактала, что любая его сколь угодно мелкая часть подобна целому и наоборот, целое в основе имеет ту же структуру, что любая даже бесконечно мелкая часть.

- Ценное замечание – похвалил Николая Михеич. Тот уселся с довольным видом и стал слушать дальше.

- Пока я не буду слишком углубляться в такое глобальное подобие или самоподобие...

- Вот-вот – опять вмешался Николай – главное свойство фрактала – «самоподобие» – я слово потерял.

- Хорошо. Рассмотрим отличие мужчины и женщины с точки зрения не их анатомического строения или биологических функций, а с точки зрения найденной внутренней структуры человека. Мужчина, будучи триединым внутри, выражает в себе или через себя преимущественно волевое начало из трех. Он должен совершать поступки, принимать решения и тому подобное, делать усилия... Все это требует волевых качеств. Поэтому мужское начало из трех, находящихся в единстве, проявляет преимущественно волю – в этом его отличие, от слова «лицо». Женщина тоже внутри триединая, но выражает вовне преимущественно начало чувственное. Она имеет более обостренные органы чувств (например, женское обоняние в среднем в 8 раз чувствительнее мужского), она более интуитивна, эмоциональна и так далее. Это мы выразили достоинства двух полов. Но в этом и их недостатки. Мужчина более груб и бесчувственен (в среднем, конечно), а женщина менее решительна, более истерична, подвержена атаке чувств, панике... То есть в каждом из этих полов нет стройности внутренней, одно из начал более развито от природы, от рождения в данном типе тела и может подавлять два других (что часто и происходит). Но когда мужчина и женщина начинают любить друг друга, то они находят каждый в другом то дополнение, которого им так не хватает во внутренней жизни в их одиночестве. Мужчина учится у женщины быть более тонко чувствующим, способным к сопереживанию, состраданию, а женщина у мужчины – быть более решительной, деятельной, менее капризной, подверженной панике и истерике и т.п. То есть вместе они помогают друг другу быть внутренне более стройными!

- Вот, отец Пахомий, про какое «женственное» и «мужественное» начало в Боге Творце идет речь. «Сотворил их мужчину и женщину» по «образу своему и подобию». В Творце есть все три начала, значит, есть «мужское» и «женское».

Отец Пахомий встал. Вид у него был несколько обескураженный и возмущенный. Он начал говорить слегка дрожащим от волнения голосом:

- Догмат о Троице как Отце, Сыне и Святом Духе выработан коллективным разумом Церкви Христовой, а она не может ошибаться.

Может ошибаться только отдельный представитель церкви. Почему мы православные и не верим в католический догмат о непогрешимости папы Римского «на кафедре». Но вот вся церковь, не может она вся ошибаться!

- Ну, во-первых, не вся церковь вырабатывала этот догмат, а церковные соборы, а это уже сильно ограниченный круг людей. Во-вторых, почему собор берет на себя роль непогрешимости? Откуда это взято? – разве не был, например, проведен так называемый «разбойничий собор», в котором тоже большинство пришло к согласию по поводу двуединой природы Христа? Между прочим, это был по всем правилам созванный Вселенский собор единой тогда еще церкви. И приняли постановление, а заодно избили и убили часть истинных иереев. А потом это постановление отменили, и собор сам называли «разбойничьим»? Вы же знаете об этом!

- Ну, это был единственный случай!

- А раскол в русской православной церкви! Что с ним прикажете делать? От четверти до трети (по разным оценкам) церкви не согласилось с принятыми изменениями! Если бы собор обладал непогрешимостью в утверждении истины, могло ли быть такое?

- Никто, кроме Самого Бога, не может обладать монополией на абсолютную истину. И то, Он нам позволяет сомневаться и искать. Значит, в этом есть своя глубокая правда! Мы можем только приближаться к такой истине по мере нашего роста и совершенствования. Хоть отдельный человек, хоть отдельная человеческая земная структура. Это Небесная Церковь во главе с Самим Христом не может ошибаться, а все земное носит печать несовершенства. Мы можем только идти к истине путем последовательных приближений - итераций (хотя нередко и удаляемся от нее).

- Я согласен с Вами, Степан Михеич, и опыт развития науки это же подсказывает – поддержал Михеича Николай.

- И опыт философского пути познания стоит на том же! – подхватил Юрий.

- Мы собрались здесь искать – начала Глафира, - а не противопоставлять друг другу абсолютные, как нам кажется, истины. Я вот тоже, хоть и из староверческой среды вышла, но мне их претензии на знание единственно правильной веры тоже кажутся совершенно неприемлемыми.

- Давайте не будем ссориться, а послушаем аргументы друг друга – сказал Михеич. – Вы позволите, я снова процитирую «Розу Мира»:

«Как показано выше, Абсолютная истина есть достояние только Всеведущего Субъекта. Если бы такой истиной обладал какой-нибудь человеческий субъект, например, коллективное сознание конкретно-исторической церкви, это обнаруживалось бы объективно в безусловном всеведении этого коллективного сознания. И тот факт, что таким всеведением не обладают ни один человеческий коллектив и ни одна личность, лишний раз показывает беспочвенность претензий какого бы то ни было учения на абсолютную истинность. Если бы представители Розы Мира вздумали когда-нибудь претендовать на абсолютную истинность её учения, это было бы так же беспочвенно и нелепо.

Но столь же беспочвенно и нелепо утверждение, будто бы все учения или какое-либо одно учение ложно. Совершенно ложных учений нет и не может быть. Если бы появилось мнение, лишённое даже крупинки истинности, оно не могло бы стать учением, то есть переданной кому-то суммой представлений. Оно осталось бы собственностью того, кто произвёл его на свет, что и случается, например, с философическими или псевдонаучными построениями некоторых душевнобольных. Ложными, в строгом смысле слова, могут быть только отдельные частные утверждения, которым способен придавать иллюзию истинности заёмный свет от частноистинных тезисов, соседствующих с ним в общей системе. Однако имеется известное соотношение количества и весомости частноистинных и ложных тезисов, при котором сумма ложных начинает обесценивать крупинки истины, в данном учения заключённые. Далее следуют учения, в которых ложные утверждения не только обесценивают элемент истинного, но переводят всю систему в категорию

отрицательных духовных величин. Подобные учения принято именовать учениями «левой руки».

- Да, я помню – подхватил Юра, Владимир Соловьев находил во всех популярных учениях своего времени, даже в учении Ницше, зерна частных истин. Это зерно он видел в том, что исторически должен появиться «сверхчеловек». Только Ницше видел это появление через отрицание христианства, а Соловьев – через развитие христианства! Или, например, я сам задумывался, почему именно большевики пришли к власти в 17-18 году, а не социал-революционеры, хотя они были влиятельнее? Ответ я нашел только после прочтения «Розы Мира». Дело в том, что идею о мировой миссии России предлагали только большевики. Они считали, что наш народ предназначен для того, чтобы «зажечь» процесс мировой трансформации человечества в братство и эта идея легла на подсознание нашего народа, т.к. он чувствовал и чувствует свою всемирно историческую миссию. А иначе ради чего свергать царя, отвергать веру в Бога и церковь? Только ради альтернативной всемирно исторической идеи! Ни царь, ни церковь, к сожалению, нарисовать такой всемирной идеи народу не смогли. А большевики смогли и еще по пути убедили, что препятствиями на пути этой осуществления идеи стоят царь и церковь. Вот как они использовали зерно истины в своем учении левой руки.

- Верно, Юра! Нужно бы на эту тему написать статью. Историческое эссе на тему идей революции и назвать, скажем «Уроки несбывшегося» – Глаша поддержала рассуждения Юры.

- Почему так?

- Потом объясню!

Михеич прервал дискуссию Николая и Глаши:

- А теперь, с вашего позволения еще одну цитату из «Розы Мира»:

«В развитии науки мы наблюдаем непрерывный процесс накопления относительных частных истин и их совершенствование, уточнение. На очередной стадии отвергаются обычно не ряды накопленных ранее фактов, а лишь их устаревшее толкование. Случаи, когда старый ряд фактов ставился под сомнение и отвергался, как это произошло, например, с алхимией, - сравнительно редки. Но в истории

религий господствуют, к сожалению, иные обычаи. Вместо преемственно сменяющих друг друга осмыслений не подвергающихся сомнению духовных фактов, мы видим чаще всего, как на очередной стадии религиозного развития отвергаются значительные ряды ранее постигнутых относительных, частных истин, а свой, новый ряд их, со включением некоторого числа старых, выдаётся за абсолютное».

- В наше время это особенно видно – убежденно произнесла Глафира. - Каждый новоявленный «пророк новой секты» утверждает – мол, все до меня было ложью, только я знаю истину, абсолютную истину! Это же и в «Белом братстве» было, у того же Виссариона и прочей нечисти, прости, Господи! – она перекрестилась.

- Владимир Соловьев мечтал написать большое исследование на тему «История мировых религий». Цель, как я понимаю, у него как раз была такая: показать те зерна истины, которые несет каждая религия и раскрыть ограниченность и несостоятельность их претензий на абсолютную истину в последней инстанции. – продолжил разговор Юра.

- Да, я даже вам скажу, что отец Александр Мень провел такую работу, написал семь томов. Он считал, что тем осуществил мечту Владимира Соловьева. Правда, там эта главная мысль Соловьева не совсем точно отражена – подтвердил отец Пахомий.

- Вот они: все семь томов. – Михеич подошел к одной из полок в своем кабинете – желающим, могу дать прочесть.

Юра подошел ближе к полке, взял первый том.

- Хотелось бы прочесть! Возьму?

- Бери! Ну, что ж, сегодня мы неплохо поработали. Наш «консилиум» пришел к важнейшему во всей дальнейшей работе заключению: человек в своем внутреннем опыте раскрывается как триединство воли-сознания-чувственности. Эта троичность лежит в основе его самоопределения, самосозерцания и самоощущения. Этим он отличает свое «Я» от «не-Я». И в этом, согласно древним Откровениям лежит суть триединства Мира и его Творца – Бога.

- Это центральный вывод философской части нашего исследования. Нам предстоит еще найти связи этого триединства с богословской и научной картиной мира.

- Ну, что, чайку? А потом помузицируем? Все согласно закивали головами.

Глава 26. Консилиум 3.

Несколько дней Михеич не приглашал всю группу к себе в библиотеку, а общался только с Николаем. Тот практически с раннего утра и допоздна засиживался в читальном зале и кабинете Михеича, читал какие-то книги, «подсунутые» ему Михеичем. Они о чем-то горячо спорили. Даже с Глашей Николай виделся только поздними вечерами.

- Если не секрет, о чем вы там со Степаном Михеичем все толкуете?
– Глаша, не выдержав «стены секретности», прямо спросила у Николая.

- Да, не секрет, конечно! Мы хотим разгадать эту шараду - как именно внешний, то есть научный опыт переключается с внутренним. Какие категории науки соответствуют вот этим воле-сознанию-чувственности?!

- Получается что-нибудь?

- Да, вырисовывается очень интересная картина! И, понимаешь, многое для меня в науке начинает обретать новый смысл.

- А можно подробнее?

- Знаешь, мы обязательно изложим результаты наших исследований всему нашему «консилиуму», но попозже. Хорошо?

- Ну, ладно. Коли все так секретно!

- Не секретно, а просто пока несколько расплывчато и туманно.

На следующий день Михеич пригласил весь консилиум встретиться в библиотеке. В начале он объявил, что поскольку разговор предвидится, возможно, важным, то для того чтобы он не остался втуне, Степан Михеич решил записать его и вооружился диктофоном.

- Никто не возражает? А то наши разговоры утекают, как вода сквозь песок.

Вроде никто не возражал.

- А потом я сделаю текстовую обработку результатов нашего разговора. Дам всем почитать, каждый будет вправе внести свои поправки в текст. В общем, все по взаимному согласию сторон! – Михеич улыбнулся, обвел всех добродушным и вдохновляющим взглядом. Все закивали в знак согласия.

Мировая Воля и разговор ни о чем.

- Не подумайте чего-то лишнего, что я, например, просто хочу поиздеваться над вами, но я предлагаю начать разговор о том «что такое ничего» или «ни о чем». Вот Николай, как специалист, говорит, что физике важнейшим понятием является понятие «физический вакуум». Происходит это понятие от латинского слова «пустота». Можно назвать это «ничем». Т.е. пустота – это ничего. Как ни странно – это логически очень непростое понятие. Во второй книге Маккавейской в главе 7 стих 28 сказано (Михеич взял Библию, открыл там, где была закладка и процитировал):

«Посмотри на небо и землю и, видя всё, что на них, познай, что всё сотворил Бог из ничего» ([2Мак. 7:28](#)). (Сразу скажу, что книга неканоническая, некоторыми христианскими конфессиями не принимаемая... сомнительная) Таким образом, для богословия вопрос был, вроде бы снят. Однако это не так. Многие серьезные мыслители задавались вопросом о том, что же это за «ничего» или «пустота», из которой Бог творит все? Или эта некая субстанция, отличная от Бога, или это часть самого Бога или еще нечто. Например, Николай Лосский писал: сотворение мира из ничего «...подводит нас к тайне столь же бездонной, как и тайна бытия Божественного», поскольку, «чтобы допустить вне Бога и рядом с Ним что-то другое и от Него отличное, какой-то совершенно новый сюжет, также необходим «бросок» нашей веры». А у Сергея Булгакова в его работе «Свет невечерний» есть целая глава, которая так и называется «Божественное Ничто». Само название заставляет задуматься о том, что, видимо, есть и не божественное, а «простое» ничто. И у нас уже умножаются сущности. Сколько всяких «ничто» еще можно придумать! Много есть прекрасных

рассуждений об этом самом «ничто», из которого Бог сотворил мир. Но вот ведь вопрос, где истина?! Тут я предлагаю такой критерий истины: поскольку мы все время ведем речь о так называемом «цельном знании», в терминах Вл. Соловьева, то понимание основных терминов, толкование фундаментальных понятий должно быть непротиворечивым не только для богословия и философии, но и для науки. Поэтому я хотел бы, чтобы Николай просветил нас по поводу того, как на понятие «вакуум» смотрит современная наука с тем, чтобы потом это не противоречило науке в нашей общей системе категорий, а было с ее категорийным аппаратом согласовано.

Михеич пригласил Николая на середину кабинета. Николай встал возле доски и начал:

- Понятие «пустота» логически непростое, как верно заметил, Степан Михеич. Если брать и пытаться осмыслить его абсолютно, то выйдет абсурд. Есть это самое «ничто» само по себе или нет, мы не можем сказать, так как по его определению мы не можем само по себе «абсолютное ничто» ни наблюдать, ни исследовать, ни даже мыслить о нем. Его же нет! А как же тогда появляется понятие «ничто» в нашем уме? Сначала относительное, конкретное понятие «ничто» появляется как отсутствие чего-либо конкретного. Например, дырка в ткани. Вокруг ткань есть, а здесь ее нет – пустота, ничто, но это конкретное ничто – отсутствие именно ткани. Т.е. понятие «ничто» требует своего обрамления, как нужна рамка для «Черного квадрата» Малевича. Без рамки – это просто темнота, чернота – это не картина, не художественный «шедевр». Если же пытаться выйти на максимальное обобщение понятия «пустота», т.е. если попытаться вообразить её самую по себе, без чего-либо дополнительного, то мы выйдем на абсурд.

- В некоторых течениях философии буддизма именно и пытаются абсолютизировать понятие «пустоты», заменив им само понятие о Боге. У них, к сожалению, пустота не только начало всего, как в иудео-христианском богословии, но и конец всего. «Квадрат Малевича» им в руки – с улыбкой произнес Михеич.

- Да, я читала у Пелевина роман «Чапаев и Пустота». По-моему, штука талантливая, но такая же противоречивая и безысходная, как и само

понятие «абсолютной пустоты». – Глаша добавила свою реплику в разговор.

- В физике долгое время как-то не задумывались об этом понятии, как и понятиях «пространства» и «времени». Наверно потому, что физики «философствовать» начинают только когда «припрет», т.е. только тогда, когда философская неопределенность препятствует дальнейшим физическим исследованиям. С появлением квантовой механики таких философских неопределенностей накопилось немало. Первое революционное представление о вакууме ввел в физику Поль Дирак. Вот ведь интереснейший был мыслитель! Он открыл уравнение, которое описывало поведение электрона в «релятивистском» случае, это когда скорости движения близки к световым. Из решения этого уравнения следовало существование свободных электронов с «отрицательной» энергией или положительным зарядом. Любой «трезвомыслящий» физик просто откинул бы это решение, как нефизичное и все! Поясню. Математика старается найти все(!) решения каких-либо уравнений – это ее цель. Ей не важно, как эти решения соотносятся реальностью, на то она и математика. Но бывают решения, которые противоречат наблюдаемой действительности, т.е., как говорят, «нефизичные». Их принято просто отбрасывать, как шлак, который неизменно образуется при плавке руды. Ну, и физики к этому относились нормально. А вот Дирак уперся! Заявил, что все решения его уравнения должны соответствовать физической реальности. Если же не соответствуют, то значит, мы еще что-то не открыли в этой физической реальности. И стал выдумывать такую модель, в которой его решения полностью соответствуют реальности. Ему пришлось придумать модель вакуума! Только вообразите, модель пустоты! Модель того, чего нет!

- Это что, серьезный «дяденька» занимался такой ерундой!? – Глафира невольно воскликнула.

- Да вот из этой «ерунды» получилось много важного и интересного. Квантовая механика стала для физиков, а затем и для многих других людей науки своеобразным «кредо ад абсурдум»! Верую, ибо абсурдно! Однажды даже, говорят, был такой случай. Один молодой физик принес какую-то работу Нильсу Бору на рассмотрение. Бор прочел ее и сказал следующую фразу: «Мне кажется, что ваши идеи

неверны ибо, они не слишком безумны!». Но вернусь к Дираку. Что же придумал этот тогда еще молодой «безумец»? Он рассуждал так, с точки зрения физики «ничто» это вовсе не обязательно отсутствие чего-либо вообще, а это может быть то, что есть, но мы не можем его наблюдать ни при каких обстоятельствах. Т.е. она, эта «пустота» есть, но для нас неуловима. Понятно я излагаю?

Окружающие закивали головами.

- Далее вам придется кое-что принять на веру, т.к. это истины, известные в основном только физикам. Я постараюсь изложить попроще. Есть такой «принцип запрета Паули».

- Этот Паули что-то запретил?! – Глафира опять напряглась.

- Нет, это природа запретила, а Паули только сформулировал, что она запретила. Таким частицам, как электрон (их называют фермионами) запрещено находится в одном и том же состоянии в тесных квантовых системах. Из-за этого, кстати, электроны в атоме располагаются по разным слоям, а не кучкуются все в одном слое. При наблюдении чего-либо происходит обязательно взаимодействие наблюдаемого и наблюдателя. При этом излучается или поглощается фотон, с помощью которого мы и наблюдаем объект. Для излучения или поглощения фотона электрону нужно перейти с одного уровня на другой, но, и вот тут самое важно(!), если все(!) уровни в какой-то системе «забиты» другими электронами и ему переходить некуда, природа запрещает, то мы его не увидим никогда!!! Так как он ничего не может излучить или поглотить. И вот (та-дам!) Дирак предлагает, что вакуум не пустота, а полностью забитый электронами объект, все состояния заняты, переходить им там некуда, и поэтому мы его наблюдать не можем! А не потому, что его нету! По-моему, гениально! Куда там «черному квадрату»! Вакуум это не пустота, а наоборот такая полнота, что дальше некуда. Там есть еще детали про отрицательные и положительные энергии и барьер между ними, но это уже сложнее. Я вам только самую суть передал.

Николай сделал паузу. Обвел присутствующих изучающим взглядом. Он понял, что они должны это «переварить». Михеич тоже заметил это:

- Может, сделаем паузу, попьем чайку?

- Пожалуй, - согласился отец Пахомий.

Когда чай был разлит по чашкам, и все приложились к ароматному напитку, Николай продолжил разговор о Дираке.

- Вы понимаете, что не только для вас, но и для физиков того времени эти идеи действительно были «безумны», но поскольку Дирак уже имел серьёзный научный авторитет, то над ним посмеивались аккуратненько. Хотя все же посмеивались. Чувство юмора у физиков всегда было на высоте.

- Да, помню, с удовольствием читал сборник «Физики шутят» - подхватил Юра.

- Так вот, смеялись недолго. Через пару лет, после появления «безумных» идей Дирака был открыт позитрон – частица с такими же характеристиками, как у электрона, но положительным зарядом. Предположение Дирака блестяще подтвердилось! Кроме того стало ясно, что у всех частиц в природе должны существовать античастицы – двойники антиподы. Эта новая симметрия природы была открыта благодаря уравнению Дирака и его упрямству.

- Да, про античастицы очень интересно – вступила в разговор Глаифра. Я слышала еще про антиматерию и антимир. Это как-то с адом связано?

- Думаю, что никак! – усмехнулся Николай.

- А как сейчас физики понимают «вакуум» - спросил отец Пахомий – неужели все так же, как предложил этот самый... этот Ваш...

- Дирак.

- Да.

- Сейчас модель вакуума несколько иная, но, главное, в отличие от спекулятивной картины Дирака, очень хорошо подтвержденная фактически.

- И как же сейчас физики представляют это «ничто»? – Глаша, чуть смущаясь, поглядела на Николая.

- Прежде, чем я попытаюсь вам это объяснить я попрошу у Степана Михеича для наглядности обычную банку с плотной крышкой – Михеич кивнул головой и пошел на кухню. - И водички туда налейте! - прокричал вслед Михеичу Николай.

Банка скоро была доставлена. Она была примерно наполовину наполнена водой.

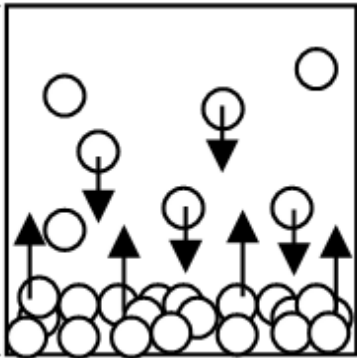
- Закройте ее крышкой, плотно! Хорошо. Сейчас простой вопрос: вода в банке испаряется?

- Нет! Ей же крышка испаряться мешает – сказала Глаша.

- Ну, да. Длительные наблюдения за водой, ее уровнем в банке, вроде бы позволяют сказать, что вода не испаряется, так как ее уровень не меняется (это, правда, при постоянной температуре). Однако кто запретит молекулам воды вылетать из нее и переходить в пар?

Все пожали плечами. О молекулах они как-то не задумывались.

Николай нарисовал на доске банку, молекулы воды в ней плотненько так внизу, а молекулы пара реденько сверху. Стрелками показал, как молекулы воды переходят вверх в пар, а молекулы пара вниз – в воду, и сам ответил на этот вопрос:

- Никто! Молекулы движутся хаотически. Они испаряются. Но никто не запретит им переходить обратно в воду – это называется конденсацией. Так вот в банке с водой идут два взаимно обратных процесса: испарение и конденсация. Но если они уравновешены, то есть примерно столько же молекул покидает жидкость, сколько и возвращается, то мы ничего этого не заметим. Эти процессы маскируют друг друга. Но если нарушить это равновесие, эту симметрию прямого и обратного, то мы увидим, что процессы-то существуют (по крайней мере, один из них). Стоит открыть банку, как испарение начнет превышать конденсацию. Это еще один пример, когда нам кажется, что чего-то нет, но это только видимость, просто точная симметрия прямого и обратного хорошо маскирует процессы и не дает их нам наблюдать. Или, например, мы видим неподвижный предмет, но молекулы-то в нем движутся! Просто, сколько движется в одну сторону, столько же, примерно, и в противоположную. Т.е. два движения маскируют друг друга. Движение есть, но мы его не видим.

- Ты видишь суслика? – Нет! – А он есть! – Юра вспомнил одну популярную шутку из телесериала.
- Ну, да, что-то в этом роде – улыбнулся Николай. – Так вот, есть еще одно интересное следствие из симметрии частиц и античастиц – они могут аннигилировать. Т.е. именно такой паре законы сохранения всяких там зарядов не запрещают исчезать при слиянии, превращаясь в обычную пару фотонов, т.е. просто в энергию.
- Это переход массы в энергию еще Эйнштейн открыл до всякой квантовой механики - проявил осведомленность Юра – Знаменитая формула $E = mc^2$. Юра подошел к доске и записал формулу. - -- Но поскольку всяким прямым процессам соответствуют обратные, то наоборот – фотон (энергия) может превращаться обратно в пару частица- античастица, энергия может превратиться в массу.
- Ну, это все более-менее хорошо известно не только вам, физикам, но и любому образованному человеку со школы – заметил Юра.
- Ну, Юра, не скажи! Я вот это все не знала, а может, знала и забыла? А Вы, отец Пахомий?
- Отец Пахомий согласно кивнул головой.
- Так что пусть Коля рассказывает.
- Да, но придется еще добавить некоторые разъяснения, ибо без них, увы, полной картины представления о вакууме в современной физике не получится. Но, думаю, вам будет интересно, так как речь пойдет об еще одном принципе познания, который был открыт в современной физике, точнее еще об одном ограничении в нашей возможности познания природы – это «принцип неопределенности» Гейзенберга.
- Как у вас в физике все загадочно: принцип запрета, принцип неопределенности...
- Принцип дополнительности – подхватил Николай – а еще цвета и ароматы кварков: странность, очарованность, истинность...
- Глафира только замотала головой от удивления.
- Так вот принцип неопределенности Гейзенберга говорит о том, что есть предел в точности одновременного определения таких пар параметров квантовых частиц как: координата и импульс или время и энергия. Согласно этому принципу на очень короткое время закон сохранения энергии может как бы нарушаться в микромасштабе (это «как бы» потому, что на самом деле он в макромасштабе не

нарушается). На оче-еень короткое время энергия может появляться, как бы из ниоткуда, а, значит, может из нее появляться пара: частица-античастица. Такую пару называют виртуальной, потому что она через мгновения аннигилирует, снова превратившись в энергию, но только тоже как бы виртуальную, в пределах разрешенных принципом неопределенности мгновений времени.

- Как все запущено! - Глафира напрягла лоб.

- Из таких виртуальных пар, которые все время рождаются и аннигилируют и состоит вакуум с точки зрения современной физики. Это, по-научному, называется нулевыми осцилляциями вакуума (осцилляции – колебания). Есть некое море виртуальных пар частиц, которые как бы существуют, но как бы их и нет. Поскольку число рождений таких пар частиц хорошо уравнивается числом уничтожений, то мы и не замечаем вакуума. Его как бы нет для нас.

- Это все похоже на какие-то сказочки: иди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что! – пробурчал недовольно отец Пахомий.

- Все было бы так, но есть тонкие эффекты, вызванные этими осцилляциями, они наблюдаются! Так что эту сказочку физики приняли не на веру, а на основании очень тонких экспериментов. Причем точность этих экспериментов в совпадении их с теорией, рассчитанной на основе данной модели вакуума, поражает. Ну, а вам придется поверить мне на слово - Николай улыбнулся.

- Вот такое «ничто» принято сейчас в физике, придется с этим смириться – тоже с улыбкой произнес Михеич.

- Но дальше начинается самое интересное – блестя глазами продолжил Николай – если нарушить это равновесие в сторону, например, большего рождения частиц, то из вакуума появится материя. Правда, чтобы она сразу не аннигилировала полностью, нужно еще раз нарушить симметрию между количеством частиц и античастиц в этой появившейся материи.

- Да у вас сплошные нарушения, гражданин – пошутил Юра – пора вас прав лишать!

- Нет, правда – вполне серьезно продолжил Николай – я только сейчас, точнее, когда мы со Степаном Михеичем обсуждали эти темы, заметил, что полная симметрия, которая наступает в замкнутой системе, симметрия прямого и обратного – это сплошная виртуальность

процессов, это остановка всяких изменений и эволюции системы – это, наконец, смерть! Все, что не виртуально, а реально, все имеет какие-то нарушения симметрии. С одной стороны вся физика, все ее законы сохранения основываются на различных видах симметрии, а с другой – все симметрии так или иначе нарушены, и эти нарушения порождают необратимость многих процессов, эволюцию систем, развитие, жизнь, в конце концов. В чем разница того, на чем стоит современная физика, и на чем настаивает Степан Михеич. В физике считается, что все эти нарушения спонтанны, т.е. самопроизвольны, и не принимается во внимание, что они могут иметь целенаправленную причину. И всеобщий характер таких нарушений и связь их именно с переходом от виртуальности к реальности заставляет и меня задуматься, что должна быть какая-то причина, которая целенаправленно приводит к этим нарушениям симметрий! Эта причина, если её сопоставлять с внутренним опытом человека – это некая воля. Я бы даже сказал Воля с большой буквы. Мировая Воля, всеобщая Воля, которая, нарушив первоначальную симметрию вакуума, а затем симметрию между частицами и античастицами, породила мир, которая сделала так, чтобы галактики были спиральными, а молекулы ДНК имели именно левоспиральную структуру, чтобы в реакциях распада нарушались всякие там P, CP и другие симметрии. В конце концов, не было бы этого глобального нарушения симметрии – не было бы и времени. Стрела времени имеет ярко выраженный характер нарушенной симметрии. Все смотрели на Николая заворожено, они интуитивно понимали, что сейчас присутствуют, может быть, при рождении очень важного понимания и новой истины. Николай продолжал:

- Вот физики говорят «самопроизвольное» нарушение симметрии, но даже здесь звучит корень «воля» - «самопроизвольное»! Это не шутка, думаю, такая, не случайное совпадение, а какая-то очередная заложенная в наш язык тайна!

- Теперь я, кажется, понимаю – Николай сделал небольшую паузу, но никто не решился вставить ни единого словечка – так «чувственность» во внутреннем опыте сопоставима с понятием «материи» в опыте внешнем, научном. Материя так же пассивна, но способна откликаться на внешние воздействия. Она склонна ко всяким симметриям, копированию, отражению... Это точно обосновано в физике.

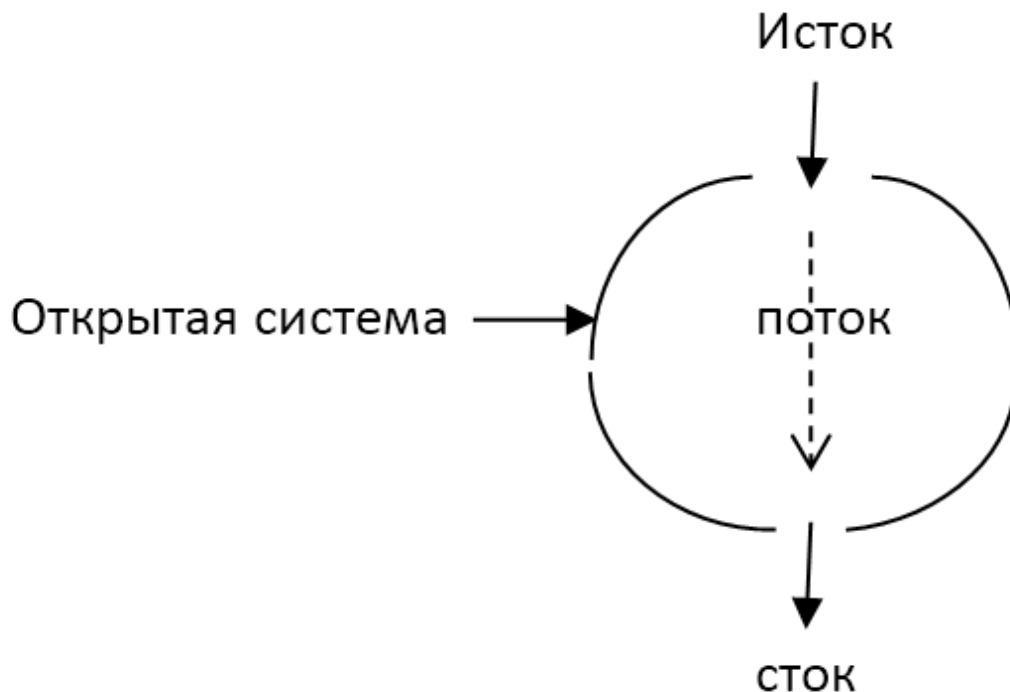
- Не даром, Ньютон называл Вселенную – «чувствилицем Божества» - подтвердил Михеич.
- Но в природе должна быть другая причина, другое Всеобщее начало (как, впрочем, она же может быть частного характера), которое нарушает эти симметрии, и заставляет материю переходить из виртуального состояния в реальное. Нарушает не спонтанно, а в соответствии с замыслом в сознании. Если бы нарушения были спонтанны, они должны были быть равновероятными и в ту и в другую стороны, то есть они бы так же компенсировали друг друга, как компенсируется, например, случайное, хаотическое движение молекул. Тут были бы нарушения в одну сторону, а там в обратную – в результате – ноль! Эта причина неспонтанного нарушения симметрий – Мировая Воля (пока назовем ее так), она же Отец или Творец всех миров!
- Замечательный вывод! Это прорыв! – Михеич улыбался самой широкой и открытой улыбкой – хотя тут есть еще что уточнять, но шаг в главном направлении уже сделан.
- Мне захотелось добавить, можно? – скромно спросил мало говоривший до этого отец Пахомий.
- Конечно, батюшка, прошу. – Степан Михеич провел рукой, приглашая его выступить.
- Мне кажется теперь, что не зря в молитве «Отче Наш» упоминается именно Воля Божья ибо это проявление одного о той же Ипостаси в Троице?!
- Возможно, мысль интересная! – отметил Михеич.
- Я еще хочу продолжить – Николай взъерошил волосы, стоя у доски. Вот смотрите, в физике хорошо известно, что замкнутая система или материя, предоставленная сама себе (без воздействия на нее чьей-то воли) приходит в состояние равновесия, в состояние с наибольшей энтропией. Она «умирает», т.е. перестает меняться, развиваться, эволюционировать. Однако есть в физике замечательная теория неравновесной термодинамики или теория открытых систем. Когда-то давно (помнишь ли ты это Юра?) доцент Одинокоев срезал меня на семинаре, говоря об открытых системах. Я тогда ничего еще по этому поводу не знал. – Николай обращался к Юре.
- Что-то вроде припоминается? А может и нет... - Юра был неуверен.

- А я хорошо запомнил, потом уделил внимание изучению этой теории открытых и неравновесных систем. За нее бельгийский физик Илья Пригожин получил нобелевскую премию. Кажется, сейчас у меня возникает более понятная картина, как это все может быть взаимосвязано. Смотрите – Николай взял мел – открытая система должна иметь «исток», «сток» и через нее должен идти поток энергии, вещества или информации... Впрочем, зачастую наличие одного без другого бывает невозможно.

- погоди, Коля! Ты же про «синергетику» рассказываешь? Ячейки Бенара... реакция Жаботинского-Белюсова...

- Ну, да. У вас философов эту теорию изрядно упростили и... вообще-то, вульгаризировали. Не обижайся Юра!

Юра махнул рукой. А Коля уже рисовал мелом на доске:

- Такая система способна развиваться, «делать выбор» в точках так называемой «бифуркации», создавать структуры. Вот воля, она меняет состояние тела, руки, ноги и прочее. А за состоянием всегда стоит материя или чувственность в терминах внутреннего опыта. Состояние может возникать только в условиях равновесия прямых и обратных процессов. Не зря же оно названо «состояние» от слова «стоять» на месте, не изменяться. Теперь я, кажется, могу конкретизировать: воля

должна сочетаться с понятием «Дух». Ведь слово «дух» от глагола «дуть», а дуть – значит создавать ту самую струю или поток, который делает систему открытой, способной эволюционировать, развиваться. Дух делает материю живой на языке богословия. Верно я говорю?

- Верно!

- Верно! – не сговариваясь сразу откликнулись Степан Михеич и отец Пахомий. Последний процитировал: «Дух животворит, плоть же не пользует ни мало» - это из послания апостола Иоанна.

- Да, я помню это место. – подтвердила Глафира, - Ну, вот, получается, что когда дух покидает тело, оно становится замкнутой системой и умирает!? И это верно не только с духовной, но и научной точки зрения. О! как интересно! - заключила она.

- Что-то в этом роде получается – согласился Николай.

- И так, что мы имеем – начал обобщать Степан Михеич, - воля, представленная во внутреннем опыте, как одно из трех фундаментальный начал, выявляется во внешнем опыте, как начало, нарушающее симметрии, равновесие, как струя духа? Примерно так?

- Не зря же говорят всё время вместе : «сила духа и сила воли»! – Глаша тоже размышляла вслух – или «сломить волю, сломить дух человека» считается тоже достаточно близкими по смыслу выражениями?

- Я еще добавлю – Николай снова взял слово, - сама струя или поток своим существованием нарушает одну из фундаментальных симметрий материи, так называемую изотропию. Изотропия – это равенство всех направлений в пространстве. При наличии потока или струи одно из направлений в пространстве – это направление потока, оказывается выделенным! Равенство направлений нарушается.

- Я думаю, что дух еще может иметь другую фундаментальную структуру – структуру не просто прямого потока, но спирали. Не даром на латыни «spirit» и «spiral» однокоренные слова. Этим, полагаю, и объясняется, что ДНК имеет форму спирали, чтобы проводить дух в материю.

- Это смелое предположение, Степан Михеич, но его нужно проверять.

- Так-так - согласился Степан Михеич.

Установилась долгая пауза.

- Я предлагаю подвести итоги нашего сегодняшнего консилиума – сказал Степан Михеич:

- Во-первых, мы выяснили что «ничто» не есть понятие первичное, а есть комбинированное понятие, как сумма единицы и минус единицы дает ноль, так и сочетание какого-либо «А» и «анти-А», когда они взаимно маскируют друг друга, создает впечатление отсутствия чего-либо. Значит, правы были древние римляне, которые говорили «аут нихиль – нихиль» - «из ничего – ничего». Основа мира скрытана от нас такой маскировкой – замаскирована под пустоту, но на самом деле чревата мирами и сущностями, стоит только вывести ее из «сонного» состояния равновесия. Она рождает тела и миры, планеты и звезды, туманности и галактики, давая им плоть, но только после воздействия на нее животворящего Духа.

Это Дух выявляется в мир как поток, струя, спираль, создавая вихри, давая начало всякому изменению состояния, эволюции, образуя вместе с материей структуры.

- Да, - тут же внес дополнение Николай – в явлении электромагнитной индукции вихревое поле порождается изменением магнитного потока, пронизывающего пространство!

- Это не «самоорганизация» материи, - продолжил Степан Михеич - как это придумали философы в своей «синергетике», это плод взаимодействия материи, как Матери всех миров, и Духа, как их Отца и Творца. Во внутреннем опыте мы знаем дух как волю, это одно и тоже только в разных выражениях. Вот мы с вами пришли к первым категориям и понятиям, которые соединяют все виды опыта: внешний, внутренний и трансцендентный. Это хорошо. Но это только начало. Нужна еще работа в этом направлении, ведь концепция должна носить всеохватный характер. Во всяком случае, я вижу, что вы вдохновлены нашими маленькими открытиями! Или мне кажется?

Все так или иначе выразили свое согласие с мыслью Степана Михеича.

- Ну, что ж, тогда я возьму на себя труд оформить стенограмму нашего заседания в философский текст. Потом, как и обещал, каждый сможет прочитать и внести правки в пределах разумного...

- А, кстати, слово «вдохновение», видимо, нужно понимать буквально, как поток чего-то, какого духа или информации, который начинает проходить через человека, его сознание и чувства – Глафира

произнесла эти слова, сама находясь, как бы в состоянии озарения или вдохновения сегодняшним их разговором. – Кто-то в него «вдыхает», «вдувает» этот поток духа, а он его улавливает и творит с его помощью формы в меру своего таланта! Так?!

- Так, Глаша, так!

- ... «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» - отец Пахомий процитировал Библию, выходя из кабинета.

Они расходились из библиотеки с ощущением какой-то важной работы, которую они вместе проделали сегодня.

Николай об руку с Глафирой пошли на реку:

- Ах, Глаша! Я здесь так счастлив! Теперь про Америку даже вспоминать не хочется. Там я жил только наукой. Отношения с женщинами у меня были так себе... Я думаю, ты понимаешь – почему?

- Почему? – Глафира немного кокетничала, она хотела снова услышать от Николая слова о любви.

- Потому что любил только тебя все это время, хотя загонял это чувство, что называется, в «подвал души», но любовь берет свое!

- Я тоже тебя любила всю свою жизнь. Дети, семья – это только часть счастья, но какое же счастье без любви?!

Они подошли к реке. Сели на скамейку. Берег был пустынным. Они дали волю чувствам, горячо целуясь друг другом.

- Ну, хватит, хватит, а то люди увидят! – Глафира держала руки на груди Николая, как бы отталкивая его. Но больше она боролась с собой, чем с ним. Она знала, чем его можно унять:

- Коля, а вот ты про симметрии всякие рассказывал, что материя реагирует на их нарушения. Можешь поподробнее?..

Николай разнял руки. Посмотрел в глаза Глаше. Лицо его сразу посерьезнело и приняло такое «академическое» выражение, когда профессор рассказывает студентам новый материал. Но это не было скучное дежурное выражение, оно носило печать вдохновенности.

- Понимаешь Глаша, как все интересно «завертелось»! Это точно укладывается в концепцию современной теории калибровочных полей.

- Подожди, как ты сказал «калибровочных полей». Это наверно что-то очень сложное, мне не понять?

- Это, разумеется, очень сложная вещь с точки зрения математических уравнений, их решений, всяческих функций и прочего, но я попытаюсь объяснить самую суть, а она достаточно проста. Представь однородное поле.

- Луг что ли?

- Нет, пожалуй, луг здесь не подойдет. А что же... а вот, для женщины, думаю, будет понятней: вот ткань из которой шьют колготки – типа капрона. Она всюду одинакова – то есть однородна, каждый ее кусок похож на другой кусок как две капли воды – т.е. симметричен ему. Это и есть симметрия однородности. Но вот на колготке случилась затяжка. Точнее, кто-то взял и слегка прикрутил ткань, «сгустил» ее в одном месте и держит пальцами. Представила?

- Ну, да.

- То есть симметрия однородности в каком-то месте нарушилась.

- А вот это самое нарушение симметрии, о котором ты сегодня весь день говорил?

- Ну, да. Слушай дальше. Ты видела, как вокруг этой затяжки изменяется структура ткани, она натягивается. Возникает как бы напряженное поле или «поле напряжений».

- Ну, да.

- Если отпустить затяжку ткани, то это напряженное поле ее растянет обратно. И однородная структура ткани восстановится. Это и называется калибровкой, то есть тонкой настройкой, устранением всяких неполадок. В физической теории вакуум, материя реагирует на нарушение однородности появлением различных т.н.

«калибровочных» полей, которые пытаются устранить это нарушение, «замазать» его, замаскировать, устранить... что ли... Понятно?

- Вот так вроде понятно! Ты мне на чулках это объясняешь, потому что считаешь душой?

- Что ты, Глашенька! И в мыслях не было, просто я искал образ, ну поближе к женской жизни, вроде как...

Глаша немного надула губки, но Николай положил свою руку на ее ладонь, и погладил. Ей стало так хорошо и тепло от этого прикосновения, что она забыла про свои надуманные обиды.

- Я еще хотел там в библиотеке рассказать о «струнах» и вибрациях.

- Про музыку, что ли?

- Нет, видишь ли, в современной физике есть такая «революционная» теория, согласно которой все элементарные частицы не есть материальные точки, как полагалось ранее, а есть результат взаимодействия неких струн и мембран (их называют просто «браны»). Я, изучая эту теорию, задавался все время вопросом, хорошо, пусть будет так, но откуда взялись эти струны и браны? Теперь, после всех наших разговоров в Михеичем и вами всеми, я пришел к мысли, которая поразила меня самого: а что если эти струны и есть потоки Духа Божьего? И, значит, Он своим Духом создал все эти мириады частиц, из которых состоит все, что изучает физика! А, как тебе?! Я тут с вами скоро совсем сектантом стану.

- Но, ты же сам говорил, что в Америке стал верующим.

- Понимаешь, я, возможно, не такой как вы верующий! У вас ведь все просто. Вера досталась от отцов, с молоком матери впиталась. Вы верите и все! А я все время сомневаюсь, по мне, если в вере есть противоречие с наукой, то я скорее науке поверю, чем священным писаниям или их толкованиям. Знаешь, Глаша, я всю жизнь посвятил науке, когда расстался со второй своей женой там, в Америке, то такая тоска взяла. Вот есть наука, но она перестала полностью заполнять душу, а чего-то не хватает, пустота какая-то и боль в этой пустоте. Иду я как-то по Бостону с этой болью в душе неприкаянный и вдруг слышу звон. Обыкновенный звон колоколов. У меня вдруг внутри зазвучал второй концерт Рахманинова. Помнишь, как он начинается?

- Да там такой набат колокольный! Красота!

- Я свернул в тот переулок – откуда звон. А там: золоченные купола, наш храм православный, Русь Матушка! Так на душе потеплело, отлегло, а ноги сами в храм повели. Я там сначала постоял, свечку, знаешь, впервые в жизни поставил. Потом подошел к батюшке. Очень мне многое спросить хотелось и сказать. Мы с ним потом подружались. Я стал постоянно в этот храм ходить. Батюшка, отец Анатолий, мне дал видеозаписи бесед Антония Сурожского. Сказал – это для вас интеллектуалов в самый раз будет. Я полюбил этого отца Антония. Так он все правильно говорит, без догматизма и фанатизма.

- Я тоже смотрела записи его бесед, и мне очень люб этот батюшка.

- Ну, вот видишь, у нас с тобой теперь еще больше общего!

- В общем, после этих встреч и бесед стал я верою проникаться. Тебя все чаще стал вспоминать. Домой меня потянуло. Что и говорить, к тому времени я свою карьеру в Америке уже как бы до предела довел. Стал профессором, лауреатом многих научных премий... - Глаша взглянула на него вопросительно.

- Нет, нобелевку я не получал, ты бы узнала... Но человеком был далеко не последним. И вот стал чувствовать, что все вокруг чужое. Этот их лощенный мир, фальшивые улыбки, гламур, толерантность в последнее время особенно стала докучать... Ощущение есть, что тот мир заканчивается и катится куда-то не туда. Была Америка великой державой, в том числе великой научной державой, но теперь сдувается. Да и то, почти вся их большая наука на иммигрантах держится, в том числе и на мне. А тут еще и Михеич, нашел меня по интернету. Я думаю, во старик дает! В его-то годы так освоить новую технику. По скайпу со мной давай общаться. Позвал домой. Говорит, приезжай, здесь тебя ждут великие дела! Я подумал, а как с работой? И тут узнаю, что есть президентская программа по возвращению ученых на родину. Посмотрел в интернете, послал заявку. Выделили грант. Теперь могу жить в Москве. И работа есть, и средства. Слушай Глаша, поедешь со мной в Москву?

Глафира вздрогнула от этих слов Николая.

- Коля! Как-то ты так сразу! У меня же дети, дом, работа...

- Да, я не тороплю с ответом. Просто спросил.

Глава 27 . Струны и браны.

На другой день они не собирались вместе. Видимо, Михеич решил дать всем обдумать все обсуждаемое ими. Но Николай буквально без завтрака побежал с утра к Михеичу, так распирали его новые идеи. Юра, который готовил что-то на кухне, успел крикнуть ему:

- Ты куда, чудик! Сейчас омлет будет готов!

- Не до того, Юрок! Прости, но есть пока не хочу, а хочу с Михеичем потолковать! Идеи, понимаешь прут! Давно у меня такого вдохновения не было!

- Вижу, у тебя глаза горят. А как у тебя с Глашей?

- Все хорошо, Юрик! Все хо-ро-шо! Трудно пока заглядывать далеко в будущее, но полагаю, все у нас может наладиться, и никакая Милана нам уже не помешает. Все, побежал!

В библиотеке Михеич уже ждал Николая, как будто понимая, что тот насыщен потоком идей. Они беседовали несколько часов к ряду.

- Что ж, замечательно! – сказал Михеич в конце разговора. – Теперь нужно все это постараться изложить достаточно популярно, чтобы все остальные наши тоже поняли. Мы ведь работаем не только для себя.

Николай согласно закивал:

- Я попробую, популярно, хотя задача не из легких, я ведь сам, что называется, только что понял!

- К завтрашнему дню успеешь?

- Думаю, да.

- Тогда передай Юре и Глаше, что завтра снова будет сбор. А отцу Пахомию я сам передам.

- Ладно.

Они собрались в кабинете Михеича, заняв уже привычные места. Михеич, на правах председательствующего, объявил:

- Сегодня будет важный, но трудный для понимания доклад на нашем «семинаре». Тем более, что у автора все «с пылу, с жару». Есть еще всякие шероховатости. Однако прослушать доклад полезно, даже если не все будет понятно сразу.

После вступительных слов, Михеич оглядел аудиторию, убедился, что все прониклись пониманием и настроены на серьезную работу.

- Прошу, Николай!

- Я сразу извиняюсь, что буду говорить, не прибегая к достаточным основаниям. Здесь вы бы все равно в этих основаниях многое не

поняли, но постараюсь максимально упростить, сделать все образы доходчивыми, а тезисы ясными и простыми.

Сначала о современной тенденции в физике буквально в двух словах. Развитие квантовой теории показало, что если считать элементарные частицы исчезающе малыми «шариками», или материальными точками, где есть все свойства кроме размера, то описание взаимодействий на очень маленьких масштабах сталкивается с непреодолимыми математическими трудностями. Теория начинает давать все более неопределенный результат, возникают так называемые «расходимости». Проще говоря, чем глубже мы пытаемся «залезть» в материю, тем меньше конкретных значений и больше всяких бесконечностей.

Коля обвел слушателей взглядом и смутился произведенному впечатлению. Видно было, что им пока ничего не говорят приведенные слова про «расходимости» и «бесконечности». «Ну, что ж – подумал он, - все равно нужно продолжать, предприятие может быть не совсем уж безнадежным!»

- Неким образом (уточнять здесь ни к чему), исследователи дошли до революционной мысли, что если описывать на самом микро-микро уровне частицы не как «шарики», а как некие «струны». Т.е. бесконечно тонкие, но протяженные объекты, то математические описания их взаимодействий уже становятся вполне нормальными, уходят бесконечности, теория вновь обретает определенность. В этой теории есть, кроме струн, еще одни фундаментальные объекты – «браны», ну это как бы «плоскости» или слои в пространстве, которые имеют разные размерности. Такие как бы «блины» двух, трех, четырех и более измерений. – глядя на напряженное выражение лица Глафиры, Николай добавил:

- Я рекомендую, не пытайтесь слишком конкретно представлять себе эти объекты, это будет только мешать дальнейшему пониманию. Просто на уровне примитивного образа остановитесь. Хорошо?

- Ну, блин я себе, конечно, могу представить, но у меня это никак не вяжется с элементарными частицами!

- Ну, что ж... я все же продолжу. Наш трехмерный мир можно представить как такой трехмерный «блин» или трехмерную гиперсферу...

- А, я, кажется вспомнила! Когда-то давно, в автобусе, ты объяснял Юре и мне что-то про эту трехмерную гиперсферу, еще шарик надувал!

- Надувал, но никакого желания надуть вас у меня нет! – пошутил Николай.

- Первый мой тезис для нашей с вами концепции, заключается в следующем: эти элементарные струны – струйки Духа Божьего. Тут еще нужны пояснения. Когда в сжимающееся однородной среде, например, в воздухе, создают струю, то поперечное давление в ней будет падать, причем, чем больше скорость движения струи, тем меньше поперечное давление. Это закон Бернулли. Таким образом, эту струю окружающее вещество будет сжимать до тех пор, пока давления снаружи и внутри не уравновесятся. Т.е. «дожмет», до минимально возможного поперечного размера. Поэтому эти «струны» очень и очень тонки. Есть такой размер, называемый «планковской» длиной... десять в минус 33 степени сантиметра. Юра, ты же в курсе?

- Что-то припоминается, но давно уж я в вашу физику не влезал!

- Ладно, снова примите на слово. Нам нужно идти дальше. Когда струна пересекается с бранной, то могут происходить интересные вещи: струна делает петлю. Петли эти могут колебаться, и вот их колебания и выглядят для нас, по мнению многих современных физиков, как разные элементарные частицы. А вот теперь важные детали. Степан Михеич, мне нужны будут нитка и круглый карандаш. Вчера мы договаривались.

- Да, у меня все под рукой!

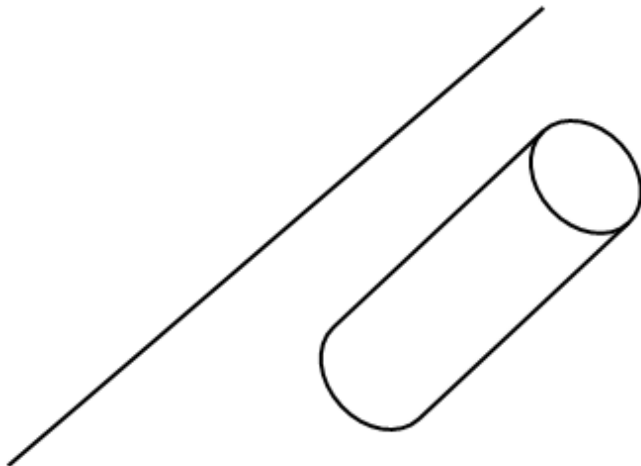
- Тогда помогите мне! Глаша, поддержи нитку натянутой. – Николай дал в руки Глаше обычную нить.

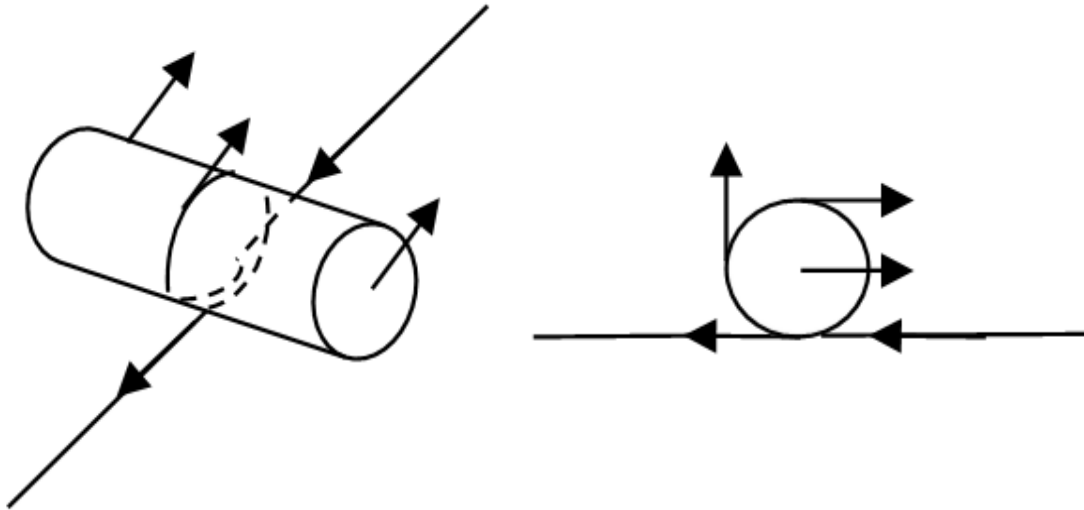
- Руки сделай пошире - Она растянула ее почти на всю ширину рук.

- Теперь смотрите! – все подошли поближе к Глаше. Коля взял карандаш и ловким движением сделал так, что ниточка петель обвила карандаш.

- Вот, карандаш – это элемент браны, а брана, согласно теории расширяющейся вселенной «едет» вперед. Наша вселенная в виде, например, трехмерной гиперсферы расширяется в четырехмерном пространстве, все ее части участвуют в движении вдоль нашей струны, и вдоль радиуса в четвертом измерении. То есть струны натянуты вдоль радиуса из центра сферы наружу или наоборот. Мы их не можем видеть в нашем мире, как струны, а только как точки в местах, где струны пересекают нашу гиперсферу.

Николай стал двигать карандаш вдоль натянутой нити. Ниточка, его обхватывающая стала вращаться вокруг него. Вот смотрите, относительно карандаша нить движется с постоянной скоростью, равной скорости движения карандаша вдоль нити. Но одни ее элементы движутся в ту же сторону, что и сам карандаш (для нас верхние), а другие – в противоположную (для нас нижние). А когда-то Калуца показал, что движение в четвертом направлении порождает электрический заряд, и он пропорционален скорости.

- Вот, сейчас я вспомнил! – воскликнул Юра. – И про то, что заряды исчезнут, если движение прекратится ! И еще, что одинаковая для всех элементов нашего мира скорость в четвертом измерении (вдоль радиуса гиперсферы) порождает одинаковый элементарный заряд у всех частиц!

- И я вспомнила! Мы обсуждали это. Правда, ни тогда, ни сейчас я еще не очень понимаю все это...

- Ничего, понимание придет со временем! – успокоил Глашу Михеич.

- Теперь смотрите: движение в одну сторону с карандашом соответствует положительному знаку заряда, а движение в противоположную – отрицательному.

- Интересно девки пляшут – не выдержал отец Пахомий – мы тут из ниточек и карандашей целую вселенную строим!

Все засмеялись.

- Есть еще одно важное следствие, сказал Николай – это «спин» частиц.

- Спин? Это что за зверь такой? – удивился отец Пахомий.

- Эх, долго объяснять, но у большинства элементарных частиц есть «спин» от английского слова «вращаться». Спиннинг у Вас есть, отец Пахомий?

- Есть. Люблю рыбалку.

- Ну, вот, у элементарных частиц, как бы есть «вращение». Но если представлять их теми самыми «шариками» с исчезающе малыми размерами, то всякое представление о вращении бесполезно, когда радиус частицы стремится к нулю. Но спин-то есть, он не стремится к нулю, хотя и очень мал! Вот и стали говорить, что это нечто не имеющее аналогов в классической физике, но каким-то чудом образом связанное с условным «вращением». А у нас спин, получается, просто в нашей модели: у нас есть вектор на оси вращения, т.е. направлен вдоль «карандаша» и лежит в плоскости браны, так как струна вращается вокруг «карандаша».

- А откуда берутся эти «блины», ой, извиняюсь, «браны», которые струна пересекает? – Глаша провела ладошкой поперек нити, параллельно карандашу.

- Вопрос хороший, но очень непростой. Если вы готовы к длинному объяснению?!

Все не сговариваясь кивнули головами.

- Начнем с того, что Бог творит все Словом. Трезво мыслящему человеку кажется, что все это «трепотня», потому что его повседневный опыт говорит о том, что звуки следов не оставляют, а «растворяются» в пространстве. Ну, может быть, иногда возвращаются эхом, и то очень ненадолго.

- Кто украл хомуты?! Ты...ты...ты... – сквозь сложенные трубочкой ладони проговорил Юра.

- Ну, да, все, наверное, знают эту шутку? Но, однако, все гораздо серьезнее. Звуки не оставляют следов в привычных нам состояниях среды: жидком, твердом, газообразном... Есть все же такие состояния сред, в которых можно творить формы и тела звуком. Это так называемые неустойчивые состояния: например, переохлажденная

жидкость или газ. — глядя на собеседников, на их вопросительные выражения лиц, Николай начал терпеливо пояснять.

- При какой температуре застывает вода?

- Это все знают! - поторопилась с ответом Глаша, - при нуле градусов!

- Да и это при нормальном атмосферном давлении. Однако можно, взяв очень чистую, дистиллированную воду и очень хорошо очищенный сосуд, аккуратно понизить температуру воды существенно ниже нуля, но она при этом еще будет оставаться жидкой!

- Постой, это, мне кажется, противоречит всему, чему нас в школе учили — произнес с недоумением Юра.

- Нет, это просто выходит за рамки школьной программы. Дело в том, что при переходе из жидкого состояния в лед, вода меняет свои свойства, параметры. Например, плотность должна уменьшиться. Начаться это процесс может в разных местах жидкости, где есть уже какие-то примеси, какие-то неоднородности. Если же вода очень чистая, т.е. очень однородная, то появляющиеся неоднородности будут встречать нечто вроде калибровочного поля (вспомни, Глаша), которое будет подавлять такие неоднородности — «рассасывать» их, и вода будет оставаться жидкой. Но если искусственно извне все же создать такие неоднородности, то с них начнется лавинообразный процесс отвердевания воды, т.к. ее температура уже ниже температуры замерзания. Стоить, например, бросить в воду кусочек льда или еще чего-нибудь, хлопнуть в ладоши, крикнуть что-нибудь, как мы увидим в воде резкое и быстрое образование льда. Во многих случаях, то, как именно образуется лед, каким он будет, какие в нем возникнут кристаллики, будет зависеть от произнесенного слова.

- Ой, я вспомнила! Читала я книжку, автор японец, там про снежинки из воды, возникавшие при воздействии разных слов.

- И я читал — подхватил Юра, даже автора помню Эмото Масару. А книга «Послания воды».

- Были и наши отечественные исследования — подтвердил Степан Михеич.

- Да, и Петр Гаряев, микробиолог проводил подобные эксперименты – включился в разговор отец Пахомий.

- Ладно, вижу, что вы все люди сведущие. Тем лучше! Продолжим. Возьмем нашу трехмерную вселенную. Когда, еще в прошлом веке, была построена крупномасштабная структура вселенной, по известным наблюдательным данным, то получившаяся картинка очень озадачила ученых. Ведь если считать, что на образование этой структуры влияла только гравитация, то такая стройная картина не могла бы получиться, а должны были получиться везде и всюду такие более-менее округлые сгустки материи, типа шаровых звездных скоплений. Но картина была совсем иная : она напоминала трехмерную сеть с пустыми ячейками – войдами, «плоскостями» - стенами и «нитьями». А такая картина могла сформироваться, например, под действием звуковых волн, которые «замерзли» благодаря гравитации.

- Это как так, «замерзли»?!

- Дело в том, что вселенная расширяется и при этом еще остывает.

- Знаем – произнес Юра.

- Пока она была очень горячей, гравитация не могла сформировать какие-либо устойчивые структуры, так как их разбивало слишком мощное тепловое беспорядочное движение. «Слипшиеся» под действием гравитационного притяжения сгустки почти тут же подвергались мощной бомбардировке окружающих частиц, имеющих огромные энергии движения. И тут же разваливались. Но как только тепловое движение ослабло, в результате остывания вселенной, то гравитация смогла удерживать «слипшиеся» структуры. А где они, прежде всего, слипались?

- Где?

- Там, где уже было гуще. Ведь там расстояния между частицами меньше, гравитация сильнее. Знаете закон всемирного тяготения?

- Ну, сам закон я точно не помню, но ясно, что чем ближе тела, тем сильнее они притягиваются – уточнил Юра.

- А там где материи было негусто, где гравитация слабее, ее становилось еще меньше, так как ее утягивали на себя сгустки. Но

чтобы образовалась такая «правильная картина» - космическая сеть, нужно чтобы кто-то заложил ее основы в виде распределения первоначальных сгустков, ибо гравитация их только усиливает, стягивает, уплотняет, но сама не может так «правильно» распределить. Оказалось, что такое распределение могли создать звуковые волны, носившиеся во вселенной, когда она еще была горячей. Они сталкивались друг с другом, накладывались и создавали именно такую «сеть» уплотнений и разряжений. А потом они «отвердели», в результате расширения и охлаждения вселенной, как наши снежинки из воды. Ведь что такое звуковая волна – это ничто иное как распространяющиеся периодические сгустки и разряжения в пространстве, в определенной среде. Они, накладываясь друг на друга, и создают такую типичную «сетку», которую мы наблюдаем во вселенной. Т.е крупномасштабная структура вселенной была создана звуком, можно сказать, словом – ведь слово – это набор звуков. Кто произвел эти звуки или они имеют естественное происхождение, туту еще можно поспорить? Но если их произнес Кто-то, то этот Кто-то должен быть вселенского масштаба!

- Вот за такой пример я готов Вас, Николай, очень и очень благодарить, а то иногда так трудно разговаривать с учеными скептиками. Читаешь им: «Вначале было Слово и Слово было у Бога и Слово было Бог. 2 Оно было в начале у Бога. 3 Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть». А они говорят, что есть «слово» - сотрясение воздуха! Ветер подул, и нет его! Или в символе веры, есть «Им же вся быша...» - это тоже подтверждается в изложенных научных соображениях!

- Ваша благодарность очень ценна для меня. Но я хотел бы продолжить, выдвину предположение, как именно создаются «браны». Я в свое время целую статью написал, еще будучи в Америке, потом переслал Степану Михеичу. Суть идеи статьи в том, что звуки, которые мы произносим, создают разные структуры в пространстве. Например, звуки: «р», «ж», «з», «с», «ф» - длительные и создают нечто подобное так называемым линейным волнам, близки к обычным – гармоническим. При их произнесении возникают такие последовательности из многих волн – «цуги», как говорят в науке.

Видели волны от падения камня на поверхности воды? Вот произнесите звуки: «р», «ж», «з» - чувствуете вибрации разной частоты?

- Да, - сказала Глаша. – Как интересно!

- Еще интересней такой момент, который и навел меня на мысль исследования этой темы и написания статьи. Возьмем названия цветов: «красный», «оранжевый», желтый, зеленый, синий, фиолетовый – произнесите их, прислушиваясь к частоте вибраций основного звука. «Р», «ж», «з», «с», «ф»... . Убедитесь, что частота звуковых вибраций растет! Но ведь известно, что и частота электромагнитных колебаний у этих цветов тоже растет от красного к фиолетовому! Совпадение?! Слишком тонкое, чтобы быть просто совпадением. Здесь уже при образовании названий цветов кто-то направлял мысль людей так, чтобы эта аналогия с ростом частоты была заложена! Вот так, на мой взгляд! Тут невольно удивишься и увидишь, что язык наш был создаваем и в развитии своем направляем кем-то мудрым и высшим.

Присутствующие внимательно слушали, а Глаша увлеклась произношением названий цветов.

- Здорово. Тон основного звука в названиях и правда растет. И что, это совпадает с физическими характеристиками цветов!?

- Да, Глашенька, мы отличаем цвета потому, что частота колебаний в свете у каждого цвета своя! Ведь свет это разновидность электромагнитных волн.

- Это-то я помню со школы, а вот про разницу в частоте вибраций – забыла!

- Но есть в нашем языке буквы, которые создают как бы ударные волны.

- Что за ударные?

- Это такие уединенные, как бы одиночные волны, в которых нет никаких вибраций, а просто они некой «стеной» отделяют одно состояние среды от другого. Ну, вот например, при взрыве образуется такая волна, как распространяющаяся со сверхзвуковой скоростью сфера. Внутри этой сферы одно давление, одна температура, одна

плотность воздуха, а снаружи – другая. Так вот при произнесении звуков: «б», «д», «г» и их глухих аналогов создается нечто вроде уединенных ударных волн. Представим, что Бог говорит: «Да бу – дет!» Это же целая конструкция из волн и струй. Здесь сначала идет «брана» через слог «Да», потом струя духа, через слог «бу», затем петля и «отрезание» этого духа от Отцовского через слог «дет». Вот мы со Степаном Михеичем обсуждали это с богословской точки зрения. В книге «Бытие» написано, что Бог сначала сотворил мужчину и женщину по образу и подобию своему, т.е. как струи духа – духовные монады. Это говорится в первой главе. Затем во второй главе зачем-то текст про процесс творения повторяется, но там говорится, что создал человека из праха земного и вдохнул в него душу живую.

- Здесь не нужно воспринимать это как простое повторение текста о творении. Это нужно понимать, как разные этапы творения, – вмешался в разговор Степан Михеич – сначала Бог создает человека как дух по образу своему, ведь Бог есть Дух, не так ли отец Пахомий? Затем этому духу даются тела из «праха земного», то есть этот дух вдвуют - «вселяют» в тела из материи. А уж после «изгнания из рая» людей одели еще и в «одежды кожаные» - совсем грубые физические тела.

- А про Еву из ребра что скажете? – Глафира снова оживилась.

- Тут много всяких нюансов, сначала Ева здесь не просто женщина..., а существо стихийное..., а только потом под ней подразумевается женщина... не будем торопить события, давайте сначала разберемся в одном до конца – ушел от ответа Михеич.

- Хорошо, - согласилась Глаша.

- На чем мы остановились? – спросил Николай.

- На сотворении... - подсказала Глаша.

- «Да будет»... каждый акт творения начинается с этой конструкции не случайно. Здесь все выстроено в цепочке структур. Жаль, что здесь у меня нет возможности разложить это по полочкам. Степан Михеич читал мою статью про структуры, которые создаются при произнесении разных звуков, там все рассматривается подробнее – Степан Михеич закивал головой. Есть еще одно важное обстоятельство, которое я

вынужден на и так перегруженные новой информацией головы, все же вылить. Вот мы говорили про вибрации. Так вот «браны» - эти слои, эти «блины», образованные через звуки «да» еще имеют разные так называемые «базовые частоты нулевых осцилляций» - Николай записал это словосочетание на доске и поставил рядом греческую букву «ню» ν . Не пугайтесь этого названия. Я постараюсь пояснить как можно проще. Помните, мы рассуждали про вакуум в физике? Там мы говорили, что в нем постоянно рождаются и аннигилируют пары частица-античастица.

Все закивали головой.

- Так вот, обычно считается, что никакого порядка в этих рождениях и аннигиляциях нет, все чисто хаотически. Но последние исследования с так называемыми гидродинамическими аналогиями заставляют задуматься, а так ли это?

- Гидродинамические аналогии, что-то я про это слышал – Юра нахмурил лоб. У нас философы так возбудились, когда узнали об этом. Я по старой памяти общаюсь с кругом философов в Казани, но так не в научном плане, а по дружбе еще с тех университетских времен. Так вот они рассказали мне о том, что есть какие-то аналогии в воде, где вся запутанная квантовая механика становится ясной.

- Ты все правильно говоришь, Юра! – Николай снова продолжил. – Французские исследователи обнаружили странную вещь: когда капелька воды падает на поверхность гладкой воды, то она сначала отскакивает, иногда даже несколько раз, но потом все же тонет в общей массе воды. Наверно вы наблюдали такое? Но, оказывается, если воду поместить в ванночку и создать определенной частоты колебания, то капелька воды так и будет существовать на поверхности, перемещаясь по ней, не утопая в общей массе воды. Можете себе это представить?

- С трудом – прокомментировал отец Пахомий.

- Но так есть на самом деле. Капелька катается себе по поверхности воды и не тонет, если есть определенной частоты, как бы поддерживающие ее вибрации. Но это даже не самое удивительное. Опыты показали, что такая капелька ведет себя не как типичная частица или твердая корпускула, а как квантовый объект. Всякие там эффекты

возникают, которые характерны только для микромира! Они проводили опыты, например, по рассеянию таких капелек на щелях. Все произошло, как при рассеянии электронов! Вот это оказался шок для физиков, как и для философов, о чем нам только что сказал Юра. Какие выводы можно сделать? Я предполагаю, что у вакуума, нашего трехмерного, есть основная частота осцилляций, соответствующая рождению пары частица-античастица: электрон-позитрон. По формулам Планка и Эйнштейна получается вот так (не пугайтесь, но придется написать формулку): $2 \cdot h\nu = 2 \cdot m_e c^2$. Что? Страшно?! Поясню, h – постоянная Планка, ν – частота колебаний вакуума, m_e – масса покоя электрона, c – скорость света в вакууме. В общем, неважно! Просто получается, что основная частота колебаний нашего вакуума, ν порядка 10^{21} Герц. Остальные колебания – обертона и другое – сопровождают эту основную частоту как флуктуации. Почему из истинно элементарных частиц только электрон (позитрон) стабилен и может свободно (не вступая в комбинации с другими частицами) перемещаться в нашем вакууме? Потому, что он может обмениваться состояниями с вакуумом, «телепортируясь» с одного места на другое, здесь – исчезая, там – появляясь. Ну, ладно! Я, кажется, уже загрузил вас по полной. Остановимся. Просто добавлю, для себя наверное, что я эмпирически вывел формулу, как основная частота осцилляций вакуума связана с количеством пространственных измерений в «бране»: $\nu = 10^{7 \times n}$, где n – количество измерений пространства. – Николай ввел последнюю формулу на доске. Положил мел, с видом несколько обреченным, который говорил, что он вряд ли надеется на понимание аудитории. – В общем, в других видах вакуума, с другим количеством измерений пространства, уже другие частицы являются основными стабильными, а не электрон с позитроном.

Глаша заметила своим тонким чутьем настроение Николая. Она, разумеется, не поняла большую часть из того, что он говорил и писал на доске. Она только поняла, что это должно быть плоды глубоких раздумий этого талантливой ученого и близкого ей человека. Глафира подошла к Николаю. Взяла его руку в свою ладонь. Пожала и виновато улыбнулась:

- Ты уж, Коля, прости, что я не все понимаю, но верю в тебя. Полагаю, что все ты не зря придумал.

- По крайней мере, я вижу здесь серьезные задатки той картины мира, в которой научное мировоззрение сочетается с религиозным и философским. Может быть еще будут ошибки, искания, варианты, но дорогу осилит идущий... - Степан Михеич тоже поддержал Николая.

Юра подтвердил:

- На мой философский взгляд, работа эта серьезная, нужно продолжать. По крайней мере, для меня многое «заиграло» новыми красками. Казалось бы, уже давно известные истины, факты и тексты выглядят по-новому.

- Да, тут есть простор и для богословской мысли – согласился отец Пахомий.

- А вот об этом мы сначала отдельно поговорим с Вами, отец Пахомий, прежде, чем мы соберем новый консилиум. Согласны?

Отец Пахомий закивал.

Подведем некоторые итоги. Сегодня мы говорили о струнах, бранах, их колебаниях, о неустойчивых состояниях сред, из которых даже звуком можно структурировать разные формы и тела. И это теперь уже имеет некое научное основание. Но такое развитие науки все ближе приводит нас к тому, как мы сегодня показали, что это все неплохо может сочетаться с богословской картиной мира, при правильной интерпретации. То есть наука и религия сближаются в понимании мира, его происхождения и развития. А это как раз то, над чем мы работаем. Все согласны с такими выводами?

Все закивали.

- Ну, тогда на сегодня у нас все. Всем спасибо за внимание и понимание. – Михеич улыбнулся, оглядывая гостей.

Глава 28. Божественный Логос. Имя Божье.

Отец Пахомий пришел в библиотеку на следующий день рано утром. И сразу начал с вопроса, который его давно занимал:

- Хорошо, допустим, я принимаю то, что вы говорите о двух ипостасях Троицы: это начало Волевое оно же Отец или Творец всего сущего, принимаю, что в Троице есть чувственное начало или женственное, назовем ее Матерь Мира. Но, что же из себя представляет то начало, которое в человеческом опыте самопознания мы определяем, как сознание?

- Вопрос не в бровь, а в глаз! Мы действительно упустили в своих обсуждениях эту Ипостась Троицы. Ну, что ж попытаюсь ответить. В Евангелии от Иоанна первые три стиха говорят нам о Логосе или Слове Божьем, которое в то же время Бог. Так?

- Так!

- С точки зрения обыденной логики это абсурд. Я, например, не могу быть моим словом, я в этом слове могу что-то из своего внутреннего мира выразить, но я не тождественен с ним. И вообще, «мысль изреченная есть ложь». Вы согласны с поэтом?

- Ну, здесь конечно есть преувеличение. Просто поэт констатирует несовпадение того внутреннего содержания мысли, с тем внешним выражением, которое мы передаем в словах. Как бы мы ни старались, вряд ли мы можем достаточно точно передать наружу, то, что есть внутри.

- Ладно! Мы не об этом. Греческое слово Логос, которое употребляется в Евангелии, можно перевести и как «слово» и как «закон», и как «понятие» или «мысль». Как мы можем убедиться, что перед нами существо разумное, имеющее индивидуальное сознание? Только через целенаправленность его действий, через выстраивание существом структуры действий, направленных на достижение какой-то цели (кроме цели низкой инстинктивной, так как там сам инстинкт выстраивает структуру), через его умение различать и управление инстинктами, через речь, наконец. Само слово имеет структуру – в виде последовательности определенных звуков. Сознание во внешнем опыте соотносится с умением выстраивать структуру, разумные целенаправленные последовательности действий. То есть для внешнего опыта структура и слово (в широком смысле слова – информация), есть выражение сознания, данного во внутреннем

опыте. Логос – слово своеобразный Сын двух других ипостасей, так как мы уже говорили, что в триединстве каждое из трех начал проявляется в бытии только при условии взаимодействия двух других. В этом смысле для нашей планеты Земли, Планетарный Логос – это Божественный разум планеты. Он содержит в себе всю структуру, весь божественный план устройства Земли во всех слоях, так, чтобы творчество всех монад было согласовано между собой и всем космическим вселенским творчеством и чтобы вело их к Отцу, ко всей Пресвятой Троице. План этот динамичен. Он может перестраиваться в зависимости от обстоятельств развития, но он всегда в согласии с Богом Отцом, так как Планетарный Логос всегда находится во внутреннем единстве с Ним. Просто нужно уметь различать, так сказать, Глобальный Логос, Божественное Сознание в Троице, и локальный Логос – Планетарный. Хотя суть у них одна – Божественное сознание и Слово божье. Христос единосущен Отцу.

- Ну, против этого я возражать не буду, это записано в символе веры, можно сказать кровью праведников и святых отцов.

- Божественное сознание – внутри, Слово Божье – снаружи, но это одно и то же, по-разному выраженное, поэтому Слово и есть, в данном случае, Бог. А, поскольку Николай показал нам, как Словом можно творить все во вселенной, начиная от элементарных частиц, заканчивая галактиками, скоплениями галактик, войдами и «стенами», то получается, что через Слово начало быть все, что начало быть.

- Да, вывод замечательный! Я еще прошлый раз Николаю за это благодарность особую выразил.

- Подведем предварительный итог: «слово», «структура», «информация» - все это отражение во внешнем и научном опыте человека того, что называется сознанием внутри. Согласны?

- Ну, а что здесь возразишь? – пожал плечами отец Пахомий.

- Теперь мы перейдем к самому главному, к Имени Божьему. Через понимание этого самого главного, что Бог нам дал, можно понять и Его Замысел, по которому Он сотворил небо и землю, и конечную цель, которую Он ставит для всего развития вселенной и человека, и

стратегию, и тактику достижения этой Божественной цели. Все в Его имени заложено. Нужно только увидеть и правильно понять!

- Как-то до сих пор не поняли! А Вы надеетесь понять?! Да, и имен у Бога много, поди – разберись ... какому отдать предпочтение. Лично я тяготею к апофатической точке зрения, что Бога никаким именем нельзя определить. А вы как на это смотрите?

- Странно, но ведь молитва Отче Наш начинается со слов: «Да святиться Имя Твое!». Это что – простой и пустой ритуальный посыл?!

- Нет, конечно, что-то в этом, видимо, есть ...

- Знаете, прежде чем я начну свое повествование, приведу пример, который поможет понять, почему до сих пор никто не усмотрел главную «тайну» имени Божьего. Если говорить совсем просто, ее не видят, потому что она на самом виду! Все куда-то стараются под спуд заглянуть, а «слона»-то и не примечают.

- Это как же так...?

- Ну, вот несколько дней назад захотел я с Николаем чайку выпить со своим знаменитым бальзамом!

- Да, бальзам у вас знаменитый, неповторимый.

- Ну, так вот, захотел попить. Прихожу на кухню и начинаю искать. Нигде нет. На полке, где я его всегда держал – нет, в шкафчиках нет, в комод, нет, в холодильнике...

Михеич, глядя на растерянный взгляд отца Пахомия, усмехнулся и продолжил:

- В общем, попили мы чай без бальзама. На следующий день я спрашиваю Глашу: «Деточка, где бальзам? Не видела? Я везде обыскался, всегда его на этой полочке в баночке держу, а нынче его там нет». Подходит Глаша и говорит: «Дак, вот он здесь и стоит!» и указывает мне на бутылочку, которая и правда все время здесь стояла, но я обычно не в этой бутылочке бальзам держал, а в баночке. Глаша говорит, я его в эту бутылочку перелила, а то в баночке крышка прохудилась. Т.е. бальзам у меня все время был перед глазами, но я его не видел, потому что у меня в мозгу стояла картина, что он должен быть в баночке, и бутылочку я игнорировал!

- Это зачем Вы мне про баночки да бутылочки... - отец Пахомий смущенно улыбнулся.

- Если есть какой-то шаблон, то он может закрыть путь к познанию и свободному исследованию! Мы смотрим и не видим, слушаем и не слышим, потому что мы все равно все вынуждены воспринимать через шаблоны. Поэтому всякое исследование обычно должно начинаться с разбора существующих шаблонов и критического отношения к ним. Понимаете, проблема того, что люди не видели главного смысла имени Божьего в том, что они себе забили в мозг о Боге одно, и другого увидеть не могли.

- Это что же такое они «забили» в мозг?

- Давайте по порядку!

- Хорошо!

- Вот вы сказали, что, мол, имен Божьих много, где, мол, искать смысл – не известно, но ведь есть одно важнейшее место в Ветхом Завете, где на прямой вопрос Моисея, как Твое имя, Сам Бог называет ему это имя. Как вы думаете, Бог знал, какое имя содержит ту самую главную Его «тайну»? Или нет? Или просто назвал нечто, что бы подурочить Моисея?

- Думаю, что знал...

- Он назвал себя «Яхве». Это имя пишется как знаменитый тетраграмматон: יהוה .

- Ну, да это хорошо и очень давно известно. Что же дальше?

- А дальше, как перевели это имя?

- «Я есмь сущий.»

- Да. «гениальный» перевод. Я есть, я существую. Из этого перевода никакой тайны не извлечешь. А еще есть не менее «гениальный»: я есть, кто я есть! Из этих переводов складывается такое ощущение, что Бог действительно дурачит Моисея.

Отец Пахомий пожал плечами. Михеич продолжил.

- Есть переводы и толкования этого имени поинтересней. Прочтем одно из них: «Это имя яв ляется формой еврейск ого глаго ла ха-вах

(πῶν), то есть «становиться» и по сути означает: «Он дает становиться». Таким образом, имя Бога указывает на Того, Кто последовательно исполняет свои обещания и неизменно осуществляет свои намерения». То есть, судя по приведенному толкованию главное Божье свойство, что Он выполняет свои обещания. Замечательно! Скольких же людей можно считать богоподобными, ибо они тоже всю жизнь выполняли свои обещания!?

- И что же все-таки вы предлагаете? Каков же, по-вашему, должен быть истинный перевод?

- Перевод простой: Я (есть) становящийся! Люди же обычно считают, что Бог вечно неизменен! Сосредоточившиеся на одной стороне божественных свойств, на том свойстве божьем, что в Нем есть вечного и неизменного (а это действительно есть в Нем), люди не могли смириться с тем, что Он Сам может, оставаясь в некоторых основных отношениях неизменным, меняться и развиваться! Например, Троичность Его неизменна, и Лица всегда одни и те же, но в отношениях этих трех Лиц есть динамика и изменения.

Отец Пахомий слушал молча, но насупившись.

- Зайдем с другой стороны, допустим, автор перевода, который я привел последним, прав в том, что Бог дает всем становиться. Но может ли Он дать другим то, чем Сам не обладает?

- Ну, наверно, не может...

- Значит Он должен Сам уметь становиться, меняться, развиваться! Представьте, что Вы попали в рай. Там есть всяческие наслаждение, но нет только одного – возможности развиваться и совершенствоваться. Нет никаких перспектив в этом плане, Вы будете одним и тем же вечно, и все вокруг будет таким же неизменным вечно! Как Вам такой «рай»?!

- Никогда об этом не думал.

- А Вы подумайте! Полезно. Ведь все мы стремимся в рай – Михеич был очень серьезен, видно, что вопрос им был задан не случайно. Он продолжил:

- В древности довлела метафизика. Как Вы знаете, в ней главной чертой было представление о том, что все, в общем-то, неизменно. Все

раз и навсегда дано и предопределено. Отсюда и такое отношение к Богу и Его качествам. Только, начиная с эпохи возрождения и далее, идея о том, что все в мире развивается, начала проникать в умы мыслящих людей, так как само человечество перестало жить только наследием предков, но стало само создавать что-то новое и двигаться вперед. Идея развития постепенно брала верх. Видя это, темные силы, сумели воспользоваться тенденцией и послали своих миссионеров. Прежде всех – это был Гегель. Он взял идею всеобщего развития, поднял ее на божничку и испоганил ее борьбой непримиримых противоречий, борьбой, что называется, насмерть, оправдывая вражду и ненависть, навязываемую темными силами, во всех сферах жизни. Он поставил в своей системе эту непримиримую борьбу как единственный стимул развития. За ним были и Дарвин с его борьбой за существование, как основой развития биологических видов, и Маркс с его идеей непримиримой классовой борьбы, как основой исторического развития... Да что перечислять. Я думаю, мысль Вам понятна?

- Да, я понимаю, что все эти теории наполнены бесовщиной. Кроме того по плодам их узнаете их. Сколько страданий принесла теория непримиримой классовой борьбы, диктатуры пролетариата в нашей истории.

- Вот видите, какая открывается драма идей! Умеют же темные силы свернуть человечество на свою тропу. Но вернемся к Имени Божьему. Итак, Бог – Он Становящийся, Он Сам все время совершенствуется и стремится стать лучше Себя. Как этого Ему добиться?

- Трудный вопрос!

- Представьте, что есть только Бог, трехипостасный. Но больше никого и ничего нет. Он Себя сознает и хочет стать еще лучше – это, будем полагать Его основное стремление, которое он, кстати, заложил и в человека. Непрерывное совершенство. Никогда не останавливаться на достигнутом, всё время, на базе этого достигнутого, идти вперед! Вот основной пафос Бога и человека, созданного по Его образу и подобию. Кстати, слово «образ», как показывает Николай в своей статье про слова и звуки, являет нам такую динамическую структуру:

«об» - кольцо, обруч, ограничение, «раз» - это его разрыв и выход за рамки «себя сущего». Ну, ладно, сейчас не об этом. Хотя... Помните, какое условие ставит Мефистофель Фаусту, когда его душа будет окончательно отдана под власть дьявола?

- Когда он скажет «остановись, мгновенье! Ты прекрасно!».

- Казалось бы, что в этом плохого? Но ведь эта остановка и есть отказ от главного божественного свойства, от главного свойства Духа все вокруг все время менять, в хорошем смысле, «нарушать» устоявшееся, нарушать симметрии, все совершенствовать. Отказ от этого – это же хула на Святого Духа! Вспомним евангельскую притчу о рабе лукавом и ленивом. Идея там примерно та же: «деньги» нужно не хранить, а «отдавать в рост».

- Да, притча замечательная, все мы этим так или иначе грешим...

- Ну, вот, вернемся к тому, как Бог, Троица может совершенствовать Себя? - Для начала, нужно «отказаться» от уже имеющегося совершенства, где-то его «стереть». Представьте себе школьную «доску» заполненную прекрасными стихами. Но автору пришли в голову еще более прекрасные. Где их записать? Придется стереть часть старых стихов. Или как-то нарастить чистую доску. В общем, идея первоначально состоит в том, чтобы создать «пустое пространство» для творчества. Но так как кроме Бога ничего нет, то Бог внутри Себя, в некоем ограниченном месте, «стирает» все структуры и все достигнутое совершенство (слово «внутри» здесь употребляется условно, сами понимаете, сколько условностей в этих наших размышлениях о Боге и Его творчестве еще будет). В этом месте возникает Божественная пустота или Ничто. Как мы убедились из рассказов Николая, такая пустота не есть полное отсутствие всего, а есть маскировка двух начал взаимным наложением. Два Лица Троицы, любя Третье, умаляются в третьем – в Мировой Женственности, друг друга компенсируя. Ведь суть любви в том, что любящий умаляется в любимом, «растворяется» в нем, отказываясь от собственной самости и эгоизма. С точки зрения опыта внешнего происходит следующее: в каком-то месте Бога (это опять очень условно про «место», просто мы не можем мыслить другими категориями), как полноценной Троицы, проявленной во всех трех ипостасях, стираются энергии (дух, воля) и

структуры (сознание, Логос), взаимно компенсируясь. Остается в проявленном виде одна Ипостась – Женственная. Она же первоматерия – Мать всех миров. Т.е. Бог разделяет Себя на «небо» и «землю». «Вначале сотворил Бог небо и землю». «Земля» - это все что внутри, а «небо», как ему и положено – снаружи. Здесь «земля» вовсе не наша маленькая планета, а вся будущая вселенная, куда будут затем вселяться Богом сотворенные и рожденные монады и сущности. Земля пока «безвидна и пуста» - все в ней «стерто», нет в проявленном виде ни структур, ни энергий, ни света. «Земля же была безвидна и пуста» «И Дух Божий носился над бездною темных вод». Здесь очень точно передано, что потом при расширении этой «земли» и охлаждении возникнет состояние подобное переохлажденной «жидкости». А в таком состоянии среды можно творить звуком, словом всякие структуры, что Бог и делает. Он же постоянно говорит: «Да будет...!»

- Знаете, что я вспомнил? – заговорил отец Пахомий, – У поэта Вознесенского на даче (это я увидел в телеинтервью) висела такая анаграмма: по кругу было написано «матьматьматьмать...» без начала и конца. Получалось «мать» переходила в «тьму» и наоборот – это как прочесть! Выходит эта тьма и стала матерью всех миров и сущностей, т.е. дала им плоть и тела. Это совсем не та тьма, которую мы имеем ввиду, когда говорим о силах тьмы. Верно я понимаю?

- Да, верно! Это тьма и есть расширяющаяся вселенная, которая до определенного этапа эволюции была без света, и только через, примерно, 300 тысяч лет от рождения вселенной свет отделился от вещества и во вселенной стало светло, согласно современным научным данным. «И сказал Бог, да будет свет. И стал свет».

- Все так. Все так.

- Далее Бог населяет вселенную монадами, которые от своего сотворения ничего не знают и имеют одно «страстное» желание, что-то изменять, что-то творить, что-то совершенствовать, как и себя самих, между прочим. Они должны пройти весь путь сначала, найти при этом новые более совершенные решения стоящих в сотворении задач. Почему Богу так дорога свобода каждой монады, даже если она ошибается и грешит, отступая от Бога? Ответ в данной концепции прост. Если бы Бог дал монадам не свободу, а программу, по которой они

будут творить, то все это в Боге уже есть, в Его этой программе, и это Ему неинтересно! А Он хочет нового, небывалого, чего еще Сам не знает. И этого небывалого может и должна достичь каждая монада на своем поприще, определенном Богом, и принести это новое Богу, возвратившись в Отчее лоно уже на новом уровне совершенства. Вот как Вы думаете, может ли Бог восхититься человеком?

- Странный вопрос? Как это Он всесовершенный может восхититься человеком? Он любит человека, но как дитя неразумное, несовершенное...

- Как Вы понимаете слово «восхититься»?

- Ну, возьмем однокоренное слово «похитить» - типа «украсть», «утащить»... В старославянском было слово «нисхитить». Оно означало «утащить вниз», ага, значит «похитить» - как бы «утащить в сторону», а «восхитить» - это типа, что-то «утащить вверх». Так получается?

- Восхитить – действительно – это «приподнять над собой». Когда человек говорит «я восхищен», то подразумевает, что некое событие приподняло его над собой, его душу возвысило, сделало его хоть на мгновение лучше. Повторю вопрос: может ли Бог восхититься человеком?

- Это как же так сам Бог приподняться над Собой из-за человека? Что нелепое в этом есть.

- А в нашей концепции ничего нелепого, но, напротив, Бог именно для того и создает человека и всю вселенную с мириадами ее насельников, чтобы каждым восхититься, в конечном итоге, стать лучше Себя, вобрав в Себя вселенную и каждого человека на конечном этапе их развития, вступив с ними в «плерому» - полное единение. При таком единении человек несет Богу какое-то частное новое совершенство, а Бог – человеку всеобщность и полную абсолютность.

- Почему Бог так ненавязчив? Почему «стоит рядом» и редко вмешивается в процесс развития человека? Потому что не хочет навязывать ему уже готовых решений, которые Богу неинтересны. Он ждет, когда человек сам найдет нечто совсем новое, чтобы восхититься этим!

- Интересные мысли! Это поднимает человека в наших глазах на небывалую высоту. Получается, человек рожден для богосотворчества, как пишет Даниил Андреев в «Розе Мира».

- Итак, Бог «стирает» часть своего совершенства – это место называется «земля» или «вселенная», оставаясь при этом в своем уже достигнутом былом совершенстве на «небе» - вокруг «земли» (Отце Наш, сущий на небесах). Там Он Триедин во всех проявленных ипостасях. Там и просветленная Материя – Женственность, и просветленное Сознание, и просветленная Воля Божья в полном согласии меж собой и любви. На «земле» же Бог, как Троица остается только в проявленной Женственной ипостаси – Матери Мира или первоматерии (первичной тьме). Здесь она получается непросветленной. На небесах Бог триединый в частности, в ипостаси Отца пребывает повсюду, а во вселенную – на «землю» эта ипостась сходит в виде Святого Духа, пребывая локально и ограничено в каких-то из частей этой «земли» для сотворчества с живущими там духами. Там на небе Отец Небесный – это Святой Дух, но в другом проявлении, в нашем мире, на «земле». Это одна и та же ипостась Троицы, в разных формах существования и проявления. Поэтому Дух Святой исходит от Отца. Поэтому Иисус Христос рождается от Святого Духа, как от Отца Небесного.

- Я правильно понимаю, что из всего «концерта» вселенского сотворчества всех монад и сущностей, сотворенных и рожденных Богом, появляется как бы новый Бог? Вселенная, таким образом, превращается в материнское лоно для нового Бога?

- Да, Бог, оставаясь снаружи, во всем своем достигнутом прежде совершенстве и проявленном триединстве, следит за процессами «внутри», во вселенной, и по сути рождается там потом, при соединении «земли» и «неба», будет новым более совершенным Богом! Бог, как бы сначала умирает там внутри, в темноте первоматерии, а затем воскресает еще более прекрасным и совершенным, как птица Феникс, которая сжигала себя в огне, чтобы возродиться более совершенной. Вселенная расширяется и «охватывает» все большие «части» Бога, который снаружи – на небесах. Примерно так. Нужно сказать, что картина, нарисованная

нами – только лишь очень тусклый эскиз, набросок будущего, более совершенного полотна, но начинать с чего-то нужно.

- Да, тут есть над чем поразмыслить – отец Пахомий задумчиво поглядел вдаль. – Я пока не готов принять все в этой как вы выразились «картине», слишком многое выходит за рамки традиционного богословия, но по тому впечатляющему и вдохновляющему воздействию, которое я ощущаю, есть здесь что-то очень перспективное!

- Итак, если правильно понимать имя Божье, как «Я становящийся»!, то все становится на свои места (извините за невольную тавтологию). Возникает гармоничная картина Божьего замысла и его реализации. Становится понятным место человека в этом замысле, роль вселенной, и ее расширения. Понятно, почему Бог так дорожит свободной волей человека... Понятно практически все основное, уточнять нужно только детали. Вот что значит: «Да святится Имя Твое!» - это Имя – непрерывное развитие и совершенствование, становление! «Яхве» – значит «я становящийся»!

- Получается, что мы все живем во чреве Бога?! Внутри этой первоматерии, в физическом и мистическом вакууме? В Его Женственной ипостаси.

- Ну, да, а разве может верующий человек вообразить, что где-то нет Бога?

- Мы с Ним в единстве, но пока только материальном, но не в духе и не в сознании. Так я понимаю?

- Да, примерно, так.

- А нам нужно достигнуть единства во всех трех ипостасях, просветлив при этом материальность, то есть нашу плоть, вот тогда это и будет достижения подобия Божьего через достижение истинной внутренней стройности.

Отец Пахомий и Степан Михеич увидели, что хорошо понимают друг друга в вопросах богословия, несмотря на то, что батюшка выражал свою неготовность принять все тезисы нового понимания сущности Божественной Троицы.

- Я хочу Вас попросить, через пару дней выразить суть нашей беседы своими словами о сути имени Божьего и сделать доклад для нашего «консилиума». Отец Пахомий не возражал, и через два дня Степан Михеич снова собрал всех участников их бесед у себя в кабинете. Прежде чем дать слово отцу Пахомию, он сделал небольшое вступление.

- Когда-то Владимир Соловьев начал писать свою «Теодицею». Это странное название переводится примерно как «Оправдание Бога». Сам я лично считаю, что Бог не нуждается ни в каких наших оправданиях, в них нуждаемся, прежде всего, мы сами. Мы имеем искаженный образ Бога, от того и наши отношения с Ним искажаются. Мы должны попытаться всеми силами лучше Его понять, ведь заповедь «возлюби Господа Бога своего» подразумевает понимание, а не тупое рабское следование Его указаниям. Помните, Христос говорит апостолам: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего». (Ин. Гл .15. ст. 15).

Потом Степан Михеич дал слово отцу Пахомию. Тот изложил весь разговор, состоявшийся ранее у него с Михеичем. И даже написал на доске тетраграмматон.

- Ну, как Вам такое толкование имени Божьего? – спросил присутствующих Степан Михеич – согласны, или есть возражения?

- Я очень даже согласна! – воскликнула Глаша, - я уже говорила, что с детства нас воспитывали в страхе божьем. Грозили всякими карами от Его лица. И Он предстал в моем детском сознании как тятя мой, только еще строже и со всей вселенской мощью. У меня тогда много возникало детских вопросов. Зачем же он создал нас такими несовершенными, чтобы все время нас наказывать за грехи? Не уж то Ему это нравится, не уж то Он не мог по-другому? И еще много подобных вопросов и про ад, и про рай... про болезни и смерть, про любовь и ненависть... Сейчас, прочитав «Розу Мира», послушав ваши рассказы про цель Бога и способы ее достижения, я многое поняла, почти все вопросы получили свои ответы и во всех, действительно, Бог для меня полностью оправдан. Все хорошо, что хорошо кончается! Мудрейшая поговорка! Это я сейчас так вижу. Да. Есть трудности, но все

закончится рождением нового Вселенского Совершенства, Нового Бога, который лучше прежнего. Все, в конце концов развития этой вселенной, выполняют свою роль, несмотря на временные ошибки, заблуждения и даже сознательные отпадения!

- Спасибо, Глаша, за столь эмоциональную речь. И в связи с ней я хочу добавить несколько мыслей о сознательном отпадении. Например, о мотивации Люцифера. Имя это переводится как «несущий свет». Прекрасное имя, не правда ли? Я полагаю, что это существо, богорожденная монада, как сказано в «Розе Мира» было предназначено именно для обеспечения светом вселенной на ранних этапах ее развития. Это у вас, физиков, Николай, все происходит самопроизвольно, так называемым «естественным» путем, а в богословской картине мира, чтобы обеспечить действие какого-либо «естественного» закона, Бог создает соответствующее существо иногда вселенских, иногда местных масштабов, которое обеспечивает выполнение этого закона. Это Логосы, богорожденные монады, они, как мы уже говорили выше, содержат в себе, в своем сознании, структуру данного участка мироздания или даже всей вселенной на определенном ее уровне или вселенском слое. И своим существом поддерживают выполнение того или иного порядка вещей. Так вот, когда сказал Бог: «Да будет свет!» - он, по-нашему богословскому разумению, создал для выполнения этого закона колоссальное существо – Люцифера. Это был прекрасный и могущественный Дух-Логос, богорожденная монада колоссального масштаба. Бог начал раскрывать ему Свой замысел о вселенной. И, между прочим, объяснил, что монадам будет дана абсолютная свобода воли, вплоть до того, что они могут и отпадать от Бога-Творца, хулить Его, грешить... Думаю, что Люциферу не понравилась «такая постановка вопроса». Он, видимо, решил, что так быть не должно. Он очень любил Отца, чтобы позволить кому-либо оскорблять и хулить Его (но, видно, не очень любил созданный Им мир и созданные Им монады, а это нельзя отделять одно от другого). И он, возможно, подумал: «Я силен, могуч, Отец дал мне много сил и способностей, я в ответ отблагодарю Его и создам миры (сначала, в тайне от Него), где не будет места греху и отпадению! Где никто не посмеет хулить имя Божье! И начал свое творчество миров, вымощенное благими намерениями. Вскоре он

увидел, что для создания таких миров нужно стать деспотом, насильником, «кастрировать» или существенно ограничить проявление творческих свойств монад, заставить их «ходить» вдоль четко прочерченных линий. Тех же, кто не подчиняется – в «каталажку». Пришлось ему в своем мире придумать и создать эту «каталажку». Это был первый прообраз ада.

- Отец, в конце концов, сказал ему: «Брось все эти свои затеи. У тебя из этого ничего хорошего не получится! Ты же видишь плоды!». Но тот хотел доказать Отцу, что он способен на выполнение своего замысла и начал упорствовать! Чем дальше, тем враждебней становился он к Отцу. В конце концов, пошел уже на открытый бунт, объявив Отца главным препятствием на пути к воплощению своего «светлого замысла». А ведь не забываем, что только Отец может творить новые монады. Именно эти новые монады все время мешали Люциферу в вот уже, казалось, достроенном «прекрасном» мире. Они не подчинялись ему, рушили всю картину идеальной дисциплины. Он пошел на хитрость и постарался взбунтовать эти монады против Бога (объявив, что именно Бог угрожает их свободе), чтобы потом, когда они отрекнутся о Бога, приструнить их своей силой, и заставить выполнять свою волю. Это была первая прямая ложь Люцифера против Отца. Часть монад поддавалась на это. Так в мире появились первые демоны во главе с Люцифером. Они были одержимы противоположными устремлениями: Люцифер хотел всех подчинить себе, а примкнувшие к нему монады жаждали абсолютной свободы – своеволие было для них высшей ценностью. Но вместе они были временными союзниками против Бога-Творца. Как мы знаем из «Розы Мира», Люцифер и «наш» планетарный демон – фигуры разного масштаба. Люцифер – вселенского, а «наш» планетарный – значительно мельче, но и он очень силен, так как очень древний. Ведь со времен этого люциферианского бунта прошли миллиарды лет. Тогда, на заре сотворения мира, Бог творил вначале очень крупные формы и гигантские сущности. Демоны отпали от Бога на очень высоком духовном уровне – на уровне извращения монад, так как тогда еще очень плотных миров с малым количеством пространственных измерений почти не было. С тех пор больше таких бунтов не происходило, и Бог гарантировал вселенную от повторения таких

бунтов, отделив «воды верхние» - миры духовные, от «вод нижних» - миров материальных: «6. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. [И стало так.]

7. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так.» (Книга Бытие Гл 1) . Если и происходят еще иногда отпадения от Бога, то не на уровне монад, а на значительно более низких уровнях. Эти отпадения легче исправляются. Но Замысел Бога таков, что и демонические монады раньше или позже поймут тщетность своих усилий, раскаются и повернутся к Богу. Бог многотерпелив, Он создает вокруг этих монад такие условия, в которых они сами дойдут до мысли о бесперспективности и преступности своих деяний и замыслов. Ничто, созданное Богом не пропадет втуне. Монады бессмертны. Их уничтожить нельзя. Они все придут снова к Богу. Хороший конец, как во всякой нормальной сказке, неизбежен. Бог это прекрасно знал сначала, и мы должны знать, если в Него веруем! Все хорошо, что хорошо кончается! – Михеич на этих словах подошел к Глаше и чуть приобнял её. - Замысел Бога хорош, ибо он хорошо закончится!

Глаша вся разрозовелась от того, что её мысли и эмоциональное состояние так совпали с состоянием и мыслями Михеича. Остальные смотрели на них с одобрительными улыбками. У всех было ощущение, что добрый ангел сошел в библиотеку и обнял их своими крылами, и сама Богородица улыбается им с небес, такой теплотой и оптимизмом веяло от этого разговора.

Глава 29. Человек.

После разговоров в библиотеке они долго не могли разойтись. Втроем: Глаша, Николай и Юра гуляли по берегу реки. Начиналось лето, где-то пел соловей. Черемуха уже отцвела, отцвела и сирень. Полная Луна царственно висела над водой. Иногда легкий ветерок гладил листья деревьев. Лунная дорожка бежала по воде прямого к ним с того берега. Николай вдруг начал цитировать стихи Пастернака: «...я люблю Твой замысел упрямый и играть согласен эту роль...».

- «Но сейчас идет другая драма и на этот раз меня уволь...» – подхватил Юра.

- А знаешь, Юра, вторая часть – это, я думаю, уже не к нам относится, а к тому тревожному и тяжелому времени, когда жил Пастернак – сказала задумчиво Глаша.

- Я тоже так полагаю, - поддержал Николай, - потому, остановился бы на первых строчках. Мы ведь сегодня о Замысле Божьем говорили и сошлись на том, что он хорош!

- Нам ли критиковать Бога! – воскликнула, улыбаясь, Глаша! – вот же вы богохульники!

- А, по-моему, Бог на то и дал нам свободу воли и разум, чтобы мы могли критически оценить всё Его творение, понять Его замысел и принять Его не потому только, что Бог неизмеримо велик, по сравнению с нами, но принять сознательно, внутренне согласившись, что только так и будет хорошо, а никак иначе. – Николай повернулся лицом к Глаше, он был очень серьезен.

- Понимать и размышлять – это моя профессия, так, кажется, ты, Коля, сказал когда-то при нашем первом знакомстве? – вспомнил Юра.

- Кажется, так, что-то припоминается.

- А я помню все это, юность нашу студенческую, наполненную надеждами. Тогда казалось, что завтра будет лучше, чем вчера. Помнишь песенку такую, «Птица счастья» называется ?

- Лучше чем вчера, лучше чем вчера, завтра будет лучше чем вчера... - все втроем подхватили незамысловатую мелодию, немного невпопад, но дружно и весело разнеслась пеня над рекой.

- Тише... все село разбудите! – Глаша строго помахала им пальчиком.

- А я вот тут к интересным мыслям пришел. – Юра развернулся к ним, - хочется мне старую диссертацию на счет критериев истины продолжить.

- Это чего тебя вдруг понесло?

- Да, знаете, вот эти новые образы: дух – беспокойное начало, нарушающий всякие симметрии, первоначальная темная – физический

вакуум и прочее... Мысли зашевелились! Ну, вы как хотите, а домой – за ноут сяду, наберу текстик!

- Удачи! А мы еще погуляем, а то спать совсем не хочется, как ты, Глаша?

- Я «за»!

- Ну, пока...

Юра почти вприпрыжку пошел домой. Глаша и Коля еще долго гуляли. Потом Глаша сказала:

- А пойдем вместе к Юре. Посмотрим, что он там накропал! Интересно?!

- Пойдем!

Окошко в юрином доме светилось неугомонным светом. Они вошли в дом. Юра все еще сидел за компьютером. Он мельком взглянул на счастливую пару и произнес:

- Сейчас, еще минут пять! Я вижу, вам не терпится узнать, что у меня тут получилось?

- Не терпится!

- Ну, ладно, присаживайтесь и слушайте. Я решил написать небольшой текст о критериях истины, но не в науке, а в обыденной жизни, в поведении человека, в связи с тем, как себя вести в таких «конфликтных» ситуациях, чтобы соответствовать троичному устройству и развитию человека. А то мы все пишем диссертации, которые, как в том анекдоте про математиков, абсолютно точны и абсолютно бесполезны. Хочется, чтобы наука помогала человеку и в его повседневной жизни.

- Во как! Уже заинтриговал! Говори! – Николай шутливо пригласил Юру в центр комнаты.

- Начал я с того, что взял за основу принятую в христианстве троичность человека, как духа, души и тела. Вы в этой части имеете возражения?

- Нет!

- Ну, тогда с Богом! Я тезисно, очень коротко, с парой примеров изложу суть. Сначала охарактеризуем каждую составляющую: высшее это дух – беспокойное начало, которое во всем стремится к совершенствованию, к творчеству, новизне, не терпит застоя, «заостряет» все «углы», бескомпромиссен, целеустремлен, волевой, подвижный, выражение преимущественно мужественного начала...

- Слушай, я помню, у Гумилева Льва историка, есть такое понятие: «пассионарная» личность. Это, по-твоему, значит очень духовная? – Николай задал «исторический» вопрос.

- Ну, да, только духи-то бывают разные. Есть и падшие... ведущие в бездну. Верно я говорю, Глафира Акинфиевна?

- Верно, глаголишь, сын мой! – шутя, отвечала Глаша.

- Например, некоторые революционные вожди... Ладно, сейчас не об этом. Продолжу. Среднее по значению и положению – душа. Она относится больше к чувственному женственному началу, точнее, его сильнее собой выражает. Она хочет ровности в отношениях, дружелюбия, стабильности, равновесия, душевного комфорта, любви, но такой взаимной комфортной, на «бытовом» что ли уровне, а не в ее крайних высоких и жгучих устремлениях. Он сглаживает все «углы», она хочет тепла, душевного тепла в отношениях между людьми, гармонии во всем. «Ребята, давайте жить дружно!» – это лозунг не только кота Леопольда, но и души. Душа очень эстетична, любит красоту, как гармоничность сочетания разных частей... Душевность и духовность довольно сильно отличаются. Вы с этим тоже согласны.

- Пожалуй, что да, – в раздумьи произнес Николай.

- А, по-моему, здесь много поклепа на «душу». Если она женственна, то вовсе не значит, что в ней не может быть стойкости! Целеустремленности! Цельности и чистоты.

- Глаша, не обижайся! Но стойкость и целеустремленность душа берет от духа – Николай, попытался внести примирительные нотки.- Это у вас, староверов: да убоится жена мужа своего, да убоится душа духа своего... - Николай хихикнул.

- А что, в этой переключке что-то есть, в том смысле, что мужчина более выражает волевое, а, значит, духовное начало, а женщина – чувственное, то есть душевное, а так как по критериям истинности выше должны стоять интересы духовные... – задумался Юра.

- Ну, да, вам бы все староверов критиковать, а у нас, между прочим, жизнь строгая, но чистая!

- Не ссорьтесь! Давайте дослушаем до конца.

- Хорошо, продолжай! – Глаша «царственным» жестом «разрешила» Юре снова начать свою речь.

- Переходим к телу. Низшее из всех составляющих. Слово «тело», происходит от слова «цело» - это я у Павла Флоренского прочел в работе «Столп и утверждение истины». Действительно, во многих славянских языках звуки «т» и «ц» часто взаимозаменяемы, или звучат как одно целое, не разберешь, то ли «ц», то ли «т». В нашей группе была одна девушка из Белоруссии, так она говорила «цецрадь», вместо «тетрадь», ну и так далее. Я к чему все это, а к тому, что тело обеспечивает целостность функционирования души и духа. Это структура, которая удерживает их вместе и позволяет им согласовать свои действия. А раз это структура, то во внутреннем опыте триединства оно выражает, как ни странно, - сознание. Тело желает телесного комфорта. Оно нуждается: в пище, дыхании, движении, отдыхе. Оно желает размножаться, обладать вещами, которые облегчают ей физическое существование: одежду, кров, всякие механизмы, которые облегчают физический труд...

После того, как даны характеристики этим частям или составляющим человеческого триединства, можно приступить к обсуждению критериев истинности.

Расставим приоритеты: на первом месте должны стоять интересы духа, как всем стало ясно из замысла Божьего – человек, прежде всего, творец, как и Сам Создатель. На втором месте интересы души, как более высшего, по сравнению с телом, отдела строения человека. И интересы тела должны быть на последнем месте при правильном духовном подходе к делу, к поведению человека. Чтобы было понятнее, к чему я клоню, давайте разберем примеры.

- Давайте, а то я пока не очень понимаю, к чему ты все это ведешь?
– выразила недоумение Глаша.

- Когда нет конфликта интересов духа, души и тела, то мы и не заморачиваемся, что нам да как выбрать в поведении, в наших действиях. Но представим такой конфликт интересов. Допустим, у двух друзей возник конфликт из-за автомобиля при разделе имущества фирмы, которой они вместе владели. У души на первом месте интерес сохранить дружбу, а у тела – завладеть автомобилем. Можно расставить критерии истины правильно: на первое место дружбу, как иерархически более высокую «вещь», а на второе – автомобиль. Тогда либо один уступит, ради дружбы, другому, либо они продадут автомобиль и разделят деньги пополам. Если интерес тела будет поставлен выше интереса души, то есть владение автомобилем выше дружбы, то это может привести к такой вражде, которая закончится катастрофой, в различных ее вариантах, в том числе и для тела. Тут, думаю все ясно?

- И, правда, ты все так по полочкам разложил, что и не поспоришь!
– воскликнула Глафира.

- Другой пример конфликта интересов и возможных вариантов его разрешения. Конфликт духа и души. Рос-рос в семье мальчик – Юра показал рукой на Глаифру, - да и вырос! – Глафира кивнула головой.

- Его дух стремится к творчеству, к подвигам, к самосовершенствованию, для чего он выбирает путь в трудную профессию, требующую куда-то далеко и надолго уехать в опасные места. А душа матери хочет держать сыночка рядом, чтобы было комфортно, тепло, дружно, безопасно... Она не хочет его отпускать никуда. Если она настоит на своем, то есть поставит приоритет души над духом, то, скорее всего, получится следующее: мальчонка станет «маменькиным сынком», в жизни мало на что способным, жалким недомужчиной. Ну, вы поняли. Да потом еще может и попенять матери за то, что помешала сделать правильный выбор, и начать ее ненавидеть за это. То есть не только не выполнится приоритет духа, но и разрушатся душевные отношения.

- Вот так при нарушении приоритетов в критериях истины: духа, души и тела, дальнейший путь обычно оборачивается катастрофой для всех трех. Таков мой вывод по результатам анализа наших бесед в библиотеке. Интересно?

- Интересно! Обычно вокруг таких конфликтов выстраиваются бытовые драмы, про них пишут романы, сочиняют стихи, пьесы... . А, можно, мне привести еще пример подобного конфликта интересов – Глафира вопросительно посмотрела на мужчин.

– Конечно!

- Например, конфликт тела и духа, если я все правильно поняла: тело хочет лежать на диване, а дух гонит его на пробежку...

- Ну, мать, не в бровь, а в глаз! Это укор всем нам?!

- Почему это всем, я дома регулярно физзарядку делаю! – Николай возмущился таким обобщением. - Так что ты зря, Юра, тут со своими критериями истины на дому!...

- Да, я, просто, попытался дать философский анализ, но с такой необычной точки зрения, какая родилась у нас, в нашем общении.

- Да, плоды интересные. Ты Михеичу покажи. Он, вероятно, оценит и придумает место в общей концепции для этого твоего эссе. – Николай встал и подошел к ноутбуку, заглянул в экран. - На мой взгляд, выводы, хотя верные, но довольно банальные. Русская и советская литература все время боролась с мещанством и пошлостью. Оказывается, они отстаивали приоритет духовного над душевным и телесным. Что ж, не возражаю. Но это, кажется, было известно давно.

- Да, но все это было не в системе, а в «художественном» беспорядке. Ты знаешь, как художники не любят порядок. Я просто попытался привести все это в порядок, оформить в систему. Когда-то, когда я еще занимался наукой...

- Ты и сейчас ей занимаешься!

- Ну, ты сам знаешь, какой большой был перерыв. Так вот, когда-то я был штатным рецензентом комиссии по кандидатским диссертациям, были, конечно, дельные работы, но больше приходилось всякую чушь читать. Вот на что я обратил внимание: у многих гуманитариев есть

такой недостаток, в одном абзаце они пишут одно, а через пару абзацев или глав пишут совершенно противоположное, при этом никакого противоречия не замечая. Потом у Выготского я прочитал такую замечательную мысль: чтобы обнаружить противоречивость суждений, нужно, чтобы они входили в одну систему. Понимаете! В систему! А у гуманитариев часто никакой системы нет. Вот всякие там хайдеггеры, попперы, сартры и подобные меня всегда раздражали, так как у них философия превращалась в разговорню, в поток сознания без системы, без «руля и ветрил». А! Так! Говорим – куда поток понесет! Лишь бы вещать с важным и значительным видом. Вот в физике, напротив, я всегда вижу четкую систему, за что очень ее уважаю! Иногда жалею, что не стал физиком.

- Ну, должен же кто-то и в философии систематичность отстаивать! – Коля поддержал друга. – У тебя очень хорошая и дельная диссертация, мне понравилась. И ведь, главное, материалы из нее мы положили в основу системы. Правда, пока, мне кажется, всю систему видит только Михеич, а мы так – куски разрабатываем!?

- Согласен – Юра был того же мнения, - просто у него энциклопедические познания во всех сферах, в которых мы знаем лучше только свои части.

- Но он, тут нужно отдать должное, умело руководит всем процессом «сборки» системы. А как вы думаете?

- Да, Михеич – голова! – Глаша заулыбалась – повезло нам с библиотекарем. Вот вы ребята были в разных странах, городах, общались с людьми науки, политиками, бизнесменами, но такого второго, как Михеич видели?

- Конечно, нет! Он уникал! И, мне кажется, под его руководством мы придем к желанной истине. – Юра согласился с друзьями. – Давайте скажем прямо, я как верующий человек, думаю, что он посланец небес, эдакий визионер, как описано в той же «Розе Мира», которую он нам так пропагандирует. Помните главы «Миссии и судьбы» из этой книги?

- Да, они впечатляют, и для меня, как историка, дают иной взгляд на исторических личностей, который открывает связи истории с

Божественным замыслом. Вот это особенно ценно! Я часто пытаюсь донести это ученикам на уроках. Некоторые родители считают это в моем преподавании издержками староверческого происхождения, но большинство одобряет, так как дети становятся более понимающими, более уважающими родителей и послушными, добрее, в конце концов!

- По плодам их узнаете их – кивнув, произнес Юра.

- Ну, в общем, Юра, завтра к Михеичу на рецензию – Коля похлопал друга по плечу.

- Какое завтра! Посмотрите – уже рассвет! – Глаша отдернула штору на окне.

- Отдохну и к Михеичу!

Михеич внимательно изучил эссе Юры и попросил всех собраться завтра.

- Будет важный разговор на тему «Человек». Твой материал как раз туда сгодится!

На следующий день кабинет Михеича заполнился людьми. Он дал слово Юрию. Доклад Юрия был более обстоятельным, чем его разговор с Глашей и Николаем. Главное он очень понравился отцу Пахомию.

- Вот это по православному! Такой подход я поддерживаю. Нужно что-то будет использовать в своих проповедях. Юра, ты мне сбросишь текст на флешку?

- Хорошо!

- Теперь, если позволите, я продолжу тему составные части и строение человека – Михеич подошел к доске. Все закивали.

- Мы, конечно, говорим не об анатомическом строении физического тела, как вы все прекрасно понимаете. Мы будем говорить об так называемом энергетическом строении человека, которое и позволяет реализовывать Божий Замысел по отношению с нему. Начнем с арифметики! – Михеич сделал паузу и с лукавой улыбкой посмотрел на присутствующих. – Я запишу на доске цифры, которые мы знаем как арабские, известно, что арабы взяли их у индийцев. А

индийцы... Вот тут я без особых объяснений, которые заняли бы много времени, покажу вам реконструкцию изображения цифр, до того, как они попали к арабам. Их можно найти только в очень древних индийских трактатах, которые, к сожалению, утрачены в настоящее время, но в моей библиотеке найдется все. Степан Михеич подошел к полке и погладил по корешку какой-то старинный фолиант, по виду очень древний с незнакомой надписью, возможно на санскрите. В этом трактате написание цифр выглядит так:

1 2 3 4 5 6 7

- Цифры узнаваемы?

- Да. Но кажутся стилизованными под какой-то неизвестный способ письма, возможно древнего. Какие-то здесь лишние петельки, «хвостики», «спиральки»...

- Да, и все они очень важны, как значимые символы.

- Объясните нам - попросил Николай – и при чем тут человек?

- Ой, а я кажется вижу, цифры-то симметричные, только перевернутые!.. – воскликнула Глаша.

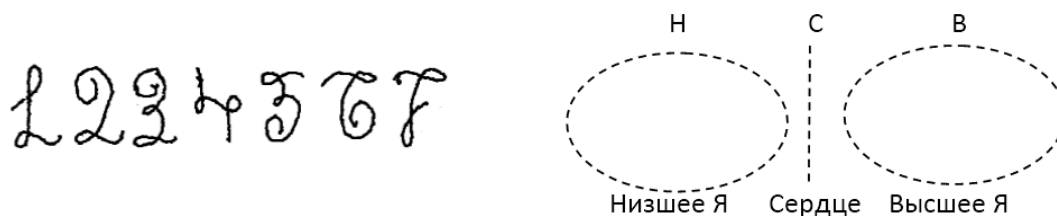
- Верно, если провести ось симметрии с учетом «перевернутости», то она пройдет по цифре «4». – Михеич провел пунктиром ось:

1 2 3 4 5 6 7

- Может быть кто-то из вас читал или где-то слышал, что в человеческом теле, с точки зрения эзотерики (но не в физическом, разумеется), есть 7 «чакр» или иначе – «энергетических» центров. Даже слово «семь-я» употреблялось когда-то не по отношению к группе родственников, а по отношению к одному человеку, в котором содержится 7 «я», относительно самостоятельных, но функционирующих вместе (хотя бывают и разлады). А вот теперь перейдем к троичности. Сейчас я покажу вам, что $7 = 3!$

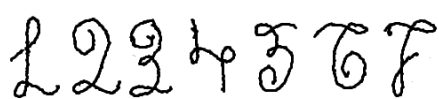
Все замерли с недоумением ожидая, какой такой фокус припасен для них у Михеича.

- В книге «Космогоническая концепция розенкрейцеров» (заметьте, как название «розенкрейцеры» перекликается с «Розой Мира») Макс Гендель пишет о том, что триединое «высшее Я» человека «отражается в его триедином «низшем Я»:

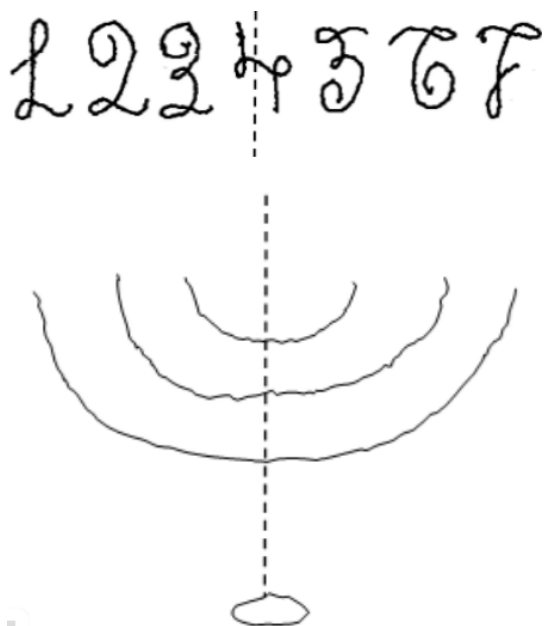

- В-С-Н- триединая структура человека.

- Похоже на бабочку с крыльями, как психея в древнегреческой мифологии, бабочка-душа! – Глаша с широко раскрытыми глазами смотрела на картинку.

- Эти «хвостики» внизу у трех первых цифр как раз символизируют отношение к низшему Я, «прицепление» к низшим мирам с размерностями пространства от 1 до 3. Мир четырехмерный соединяет низшее и высшее я, являясь как бы «зеркалом», для отражения. Четверка состоит из двух «хвостиков», «прицепляя» одну совокупность миров, к другой. Высшие миры с размерностями пространства от 5 до 7 – это миры, где обитает Монада – высшее триединое Я человека. Здесь «хвостики» у цифр стоят сверху – символ «прицепленности» или отношения данных тел-чакр к высшим мирам. Далее проведем еще одно дополнение – соединим симметричные цифры линиями:

- Получили фигуру, напоминающую семисвечник – один из символов, используемых в христианстве и на гербе еврейского государства. Это символ человека в его энергетической сущности. Горящие семь свечей – это исправно работающие чакры человека. Зачем же нужна такая структура?

- Действительно, Вы нас озадачили этими симметриями, чакрами, телами и мирами с разным количеством измерений. Зачем все это.

- О тут много нюансов, но остановлюсь на главном, что имеет отношение к нашей концепции. Единица и семерка симметричны друг другу, так как они символизируют потоки восходящей и нисходящей энергии. Одномерное тело – это и есть поток, с его единственным или главным направлением. Давайте вспомним, что нам рассказывал Николай про открытые системы в физике. Там есть «исток», «сток» и поток через открытую систему. Здесь картина чуть-чуть сложнее. В открытой системе – «человек» есть сразу два потока, встречных. Один, верхний (направлен сверху вниз) т.е. «нисходящий». Он приносит информацию (негэнтропию) о божественном совершенстве. Это мощный светлый поток, в нем все совершенно и упорядоченно, а другой – снизу – поток «восходящей» энергии из матери-тьмы, который несет в себе отсутствие структур и форм - т.е. свободен от всего, несет в себе свободу. Я даже могу добавить, что в этом тонкое различие применяемых нами терминов «воля» и «дух». Мы их чуть ли не

отождествили. Но «дух» в этой модели человека – это нисходящий поток, идущий от монады из высших миров, а «воля» - это восходящий поток, который приносит свободу от уже готового в нисходящем потоке совершенства. Поэтому часто «воля» и «свобода» воспринимаются нами в нашей речи как синонимы. Задача человека не просто провести «вниз» божественное совершенство, а создать нечто новое, более совершенное. Когда эти два потока встречаются в сердце человека (не в анатомическом органе, а в энергетическом «теле»), то старое совершенство, принесенное нисходящим потоком, как бы «разбирается» на составляющие в пространстве «свободы», принесенной восходящим потоком, а затем вновь собирается. Уже в нечто более совершенное. В сердце человека рождается новый Бог и Новая Вселенная. Сердце человека – арена творчества. Символ сердца

– «звезда Давида», потому что в нем встречаются два потока, нисходящий (треугольник вниз) и восходящий (треугольник – вверх). Но это я рассказал вам, как должно быть в идеальном случае, когда сердце человека наполняется Богом – нисходящим потоком, наполняется любовью к Богу. В нашем мире чаще бывают всякие искажения. Но главная духовная практика христианского монашества – это погружение ума (я бы сказал) разума – в сердце. Разум, помните – это «различать умение». Он помогает сначала Божественное совершенство «разобрать» в сердце, а потом уже любящее сердце все собирает вместе заново. Эти два потока: восходящий и нисходящий скручиваются в двойную спираль, наподобие двойной спирали ДНК, или как две крылатых змеи на посохе Моисея и у современных патриархов – Михеич открыл рисунок в какой-то книге и показал всем присутствующим. – Это второй эзотерический символ человека.

Давайте вспомним стих Николая – Степан Михеич взял со стола какую-то свернутую бумажку, развернул и стал читать, в конце стихотворения еще раз повторил рефрен «... но лучшее не повторяется...»

Николай посмотрел на Глафиру и шепотом спросил:

- Ты что, отдала Михеичу мое стихотворение?

- Ничего я никому не отдавала! – помотала головой Глаша.

- Тогда откуда?!

Глаша пожала плечами, они с Николаем еще раз убедились, что в библиотеку к Михеичу попадают разные документы неизвестным способом.

- Коля, можно, я зачитаю еще одно место из твоего дневника, как раз по поводу «лучшее не повторяется»? – в руках у Михеича оказался дневник Николая, который он сам уже дано куда-то задевал, потерял и не придавал этому никакого значения. Николай провел рукой по волосам, взглянул пристально на тетрадку. Видимо ее узнал:

- Читайте, там ничего секретного, но откуда это у Вас? Я же его сжег когда-то...

- Неважно. «Рукописи не горят...». Я прочту?

- Ага.

- «Лучшее никогда не бывает по-старому, я пытался много раз в жизни воспроизвести что-то, что мне очень нравилось: попасть в ту же обстановку, в тот же круг людей, но каждый раз убеждался, в том, что либо бывает по-иному, лучше прежнего, либо это унылое повторение старого, скучноватое и пошлое...». - Вот в этих размышлениях и стихах еще юношей Николай, по-моему, уловил главную суть нашей концепции, еще ничего о ней не зная. Пути Господни – неисповедимы! Он ведет нас от интуитивно чувствуемых вещей к ясному пониманию основных истин. В наши души заложены многие предпосылки того, что потом мы реализуем в жизни.

- Я с этим совершенно согласен – закивал отец Пахомий – даже мой трагичный случай, раньше или позже, привел меня к Богу, а без этого, я, скорее всего, был бы просто обычным рядовым психологом.

- Я еще раз уточню про «сердце» человека, – продолжил разговор Степан Михеич, - Сердце – само название происходит от слова «середина», «серёдка». Это ласковое название середины, как слово

«солнце» - ласковое название нашего светила (аналогично, окно – оконце). Но ведь, сердце, как анатомический орган находится совсем не в середине тела человека, не в центре, а слева. Значит, к нему применять это слово не очень корректно. А вот к тому, о чем я рассказывал выше – это очень даже подходящее название.

Если подводить предварительный итог, что получается, что человек одной стороной своего существа прикреплен к нижнему миру – миру первоматерии, миру первичной тьмы (над бездною которой носился Дух Божий еще в начале творения), другой стороной он прикреплен к Богу, существу на небесах. Человек – «мост», соединяющий эти два состояния Бога: Троиственного Бога старого совершенства (актуального во всех своих ипостасях) и Троиственного Бога, стершего свое совершенство, пребывающего актуально только в ипостаси Матери – Божественной Женственности, ради будущего, еще лучшего совершенства.

- Кстати, если кто-то задался вопросом, как это Бог отделил «нижние воды» от «верхних вод» (это из книги «Бытие» Библии гл.1 ст.6 и7), гарантировав тем самым невозможность отпадения новых монад, то вот вам пример на картинке. Мир четырехмерный и соединяет, но и разделяет высшие миры и низшие. Они могут влиять друг на друга только через эту «твердь», и отпасть монады, соединившись с тьмой нижних миров, теперь уже не могут. «Твердь» не обязательно что-то сплошное и упругое или очень жесткое, она может быть и чем-то просто трудно проницаемым. Этот четырехмерный мир по терминам, принятым в эзотерике, называют «астральным». Он по своему общему фону – темный, а тела в нем светятся как звезды на ночном небе. Отсюда и название. «Астра» по-латыни «звезда». Всем этим уровням соответствуют «тела» человека: физическое, эфирное, астральное, ментальное, будхическое, атмическое... тела разных материальностей и разного количества размерностей пространства. Но о них разговор можно будет вести позже, тем более, что это уже детали, которые напрямую ничего в общей концепции не меняют.

Николай подошел к доске, еще раз внимательно изучил рисунки и записи:

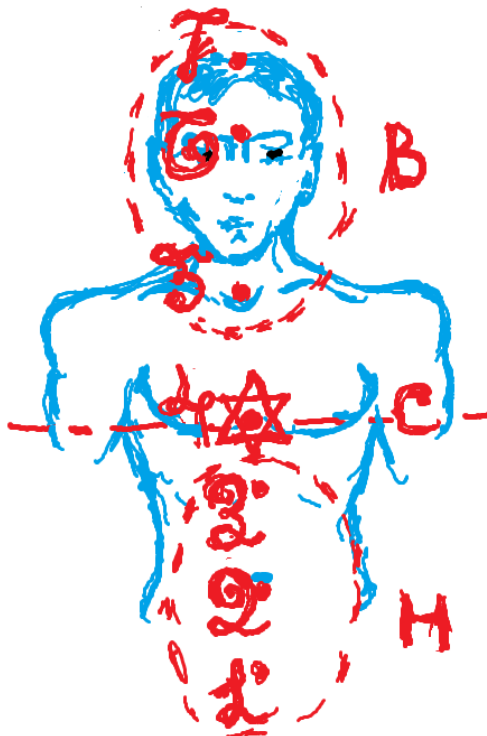
- Может, я скажу вещь не очень понятную, но все это напоминает мне из физики так называемую кварк-лептонную симметрию...

- Кварк-лептонную?! - Глаша взглянула на Николая вопросительно-восхищенно. – Ты опять какими-то терминами сыплешь, мне совершенно непонятно.

- Да так, пришла в голову одна аналогия, но, возможно, так – ерунда!

Степан Михеич, тем временем, набросал еще одну картину на доске:

- Я не художник, но примерно так соотносятся точки расположения чакр с физическим телом человека, хотя находятся они в эфирном и других телах. На одномерное тело, как на ось нанизывается сначала тело двумерное (такой плоский «вихрь»), как круги нанизывают на ось. Затем два тела трехмерных – физическое и эфирное. На них уже «надевается» тело астральное, как промежуточное между двумя «сакуалами» миров: мира нижнего и верхнего. А в верхнем мире у человека пока только одно более-менее сформированное тело – ментальное, пятимерное (и то, его нужно развивать), а, так называемые, «будхическое» и «атмическое» только в зачатке (как у высших животных тело ментальное). Человек, духовно развиваясь, начинает совершенствовать и эти тела. Когда он станет существом еще и духовно развитым, то у него будет полноценный набор всех семи «Я». У него будет настоящая «семья». В общем, выглядит это как игрушка - «матрешка». Эта игрушка, кстати, тоже была придумана не случайно, а как символ, который я сейчас попытался для вас расшифровать.

Михеич остановился. Ему было видно, что информация эта пока не очень укладывается в сознании его гостей. Однако радовало его и то, что какого-то резкого скепсиса или неприятия он тоже не заметил.

- Еще я хочу рассмотреть, буквально в двух- трех словах, чем отличаются «царства» природы друг от друга, в свете рассмотренных нами обстоятельств. Всем известно, что природу принято делить на: 1) «царство» минералов; 2) растительное «царство»; 3) животное «царство»; 4) наконец, человек составляет свое особое «царство». Чем же они друг от друга отличаются внутренне? У минералов (камней, кристаллов) есть отдельное индивидуальное физическое тело, но нет индивидуальных сознания, воли и чувственности. Хотя согласно нашей концепции и взглядам того же буддизма – сознание есть у всего. Только формы его очень разные.

1) Сознание камней проявляется в структурах кристаллических решеток, но оно видовое, общее для данного типа камней. Если попытаться «встать» на точку зрения минерала, то такое сознание переживается как в глубочайшей прострации или трансе. Какие-то мысле-образы примитивные ходят, но ни толком созерцать их, ни понимать их смысл, ни, тем более, влиять на них, управлять ими нет никакой возможности. Чувствительности тоже практически нет – или в самом общем виде по законам природы – действие порождает противодействие самый примитивный отклик согласно 3-му закону Ньютона. Воли своей индивидуальной тоже нет никакой.

2) В «царстве» растений уже проявляется индивидуальная воля – назовем ее стремлением к прорастанию. Появляется такой одномерный поток, нарушающий симметрию так, что мы видим проявление простой жизни. Этот поток заставляет растения тянуться (например, к солнцу), выстраиваться стебли, ветви... У растения есть уже не только индивидуальное физическое тело, но и т.н. тело «жизни» или эфирное. Но чувствительность у растений не индивидуальная, а общая видовая, как показано в некоторых опытах над растениями. Если как-то воздействовать на одно растения, то другие так же реагируют на это воздействие, хотя оно их непосредственно не касалось. Сознание у них тоже очень зачаточное трансовое, как в глубокой прострации. Оно даже не видовое, а скорее – всеобщее.

3) в царстве животных уже появляется индивидуальная чувственность, это в частности проявляется в существовании у них отдельных более или менее индивидуальных астральных тел (их еще

называют телом эмоций). Т.е. отдельное животное чувствует боль, но не целый вид или группа. Однако сознание у животных все еще групповое, видовое. То есть стая, группа животных знает больше, чем ее отдельный представитель. Например, стая перелетных птиц знает, куда лететь на зимовку, а отдельная птица – не знает. Или стая волков ведет себя умнее, чем отдельный волк. Особенно заметна такая организация через надсознание у насекомых. У высших животных есть зачатки интеллекта, т.е. как бы прото-индивидуальные ментальные тела, но это только зачатки тел.

4) Впервые все три начала: воля, сознание и чувственность на индивидуальном уровне проявляются у человека. У человека появляется в добавок к уже названным индивидуальным телам, еще индивидуальное тело ментальное – тело мысли. Оно способно работать уже с мысле-образами, воспринимать их, менять, порождать, уничтожать, разлагать, складывать... и так далее. Как мы уже говорили выше человек своим индивидуальным внутренним триединством подобен Богу. Однако эти три начала еще слабо развиты, но, главное, еще не гармонично взаимодействуют между собой. Нет внутренней стройности. Тем более, что мужчина создан так, чтобы у него от природы доминировала сначала именно воля. У женщины – чувственность. Но в течении жизни нужно стремиться к такому отношению этих трех начал, которое существует в Боге, полной гармонии и равнозначности, становиться внутренне стройными и по-настоящему богоподобными.

Михеич закончил записи на доске.

- Вот поэтому я попросил Юру из его диссертации зачитать то место, где говорится о возможных нарушениях стройности, т.е. гармоничного триединства в существе человека. Юра, ты подготовил? Юра кивнул головой, вышел на середину кабинета и начал свой доклад. (моя книга из главы 5)

Искажения триединства

Очень часто наблюдаются искажения триединства, приводящие к печальным последствиям. Главной причиной искажений является отказ от любви (осозанный либо не осозанный) и попытка

самоутвердиться, самовыразиться. Если тенденция к самодостаточности набирает огромную силу, если эгоизм главенствует, то вместо того, чтобы искать дополнения себя в других и через бытие других, через утверждение не себя, а других, что именно и характерно для любви - вместо этого человек идёт через исключительное самоутверждение к самоотрицанию и саморазрушению. Напомним, что любое существо, будучи воплощённым, преимущественно выражает в этом воплощении какой-то один из аспектов триединства. И для того, чтобы развивать полноценное триединство, ему требуется искать “своё другое”, как говорит Вл. Соловьёв, т. е. дополнение себя в триединстве через тех, кто выражает преимущественно другие аспекты троичности: например, мужчина ищет дополнение через женщину, и наоборот, мать - через ребёнка, дети - через родителей, наконец, человек - через Бога и в Боге находит своё гармоничное дополнение себя миром. “Я” постепенно в любви воссоединяется с “не-Я”, исцеляя (делая целым) в себе весь мир. Т. е. человек достигает всеединства с миром без потери индивидуально-неповторимого “я”.

Если же триединство искажается, то возникают обычно следующие ситуации. Допустим, вместо поиска триединства человек утверждает себя как преимущественно сознание. Получается ситуация, когда самодовлеющий интеллект пытается всё объяснить и обосновать из себя самого, без привлечения опыта чувств и без опоры на реальную деятельность (т.е. проявление воли), без опоры на опыт. Так, например, как было в средневековье, когда главенствовала схоластика, как метод познания с помощью только «чистого разума». У людей с эгоистической доминантой рассудочности очень холодные и вялые чувства, ибо они всегда тут же ментализируются и подавляются “разжижаются” рассудком, гипертрофированной рефлексией. По той же причине очень индифферентна и слабо выражена воля, ему проще мечтать, чем делать. Тогда он начинает утопать в схоластике, отвлекаясь от чувственных ощущений, не пытаясь сверить (проверить) с практикой бытия свои рассудочные построения. Он гордо абстрагируется от “низости” бытия, от “обманчивости” чувств. Логика и только логика, рассудочность в чистом виде - вот теперь его закон. И если он последовательно идёт по этому пути, не обманывая себя, не убегая от постановки новых и новых вопросов, то вскоре убеждается, что ничего

хорошего из его “чистого разума” не выходит, ибо в основном, вместо конкретных выводов, получаются бесконечные дискурсии - ряды рассуждений, которые не могут остановиться и прерваться, ибо не имеют для этого критериев. Математическая логика показывает, что без системы исходных аксиом, справедливость которой стоит вне логики, цельной теории не построишь. Но, где же их взять - эти исходные утверждения, да такие, чтобы они были верными? Как соединить их в правильную непротиворечивую систему? В самом сознании “в чистом виде” можно сделать любое(!) утверждение и его обосновать. Т. е. рассудок, оставаясь в гордом одиночестве, не имея опоры ни в чувствах, ни в опыте (действии - как проявлении воли), может логично обосновать всё, что угодно как прямое утверждение, так и ему совершенно противоположное. Возникает недоумение, тогда где же истина? И можно ли прийти к ней чисто логическим путём, если этот путь равно ведёт в ту и в обратную сторону? Вот тут бы рассудку и понять, что нет в нём одном самом по себе взятом самодостаточности, и обратиться к триединству, утверждая не себя и не свою только логику, но утверждая то, что даётся в живом чувстве и то, что удовлетворяет действию, практике (т. е. критерию воли). А вот и нет! Он горд, и гордо заявляет, что истины просто нет! Раз я её сам по себе достигнуть не могу - то её объявлю не существующей. А поскольку чувство истины, живущее в каждом из нас, волевое устремление к её поиску - интеллект задавил в своём самоутверждении, отказавшись от триединства с чувством и волей и желая доминировать в одиночку - то рассудок оказывается в тупике. И отрицая истину, отрицает в этом себя, как инструмент познания истины, т. е. приходит к самоотрицанию. Человек начинает ненавидеть всякое ментализирование и рассудочность с такою же силою, с какой любил это раньше. Начинает глушить интеллект разными способами (алкоголем, наркотиками, просто безумными выходками). Т. е. человек приходит к саморазрушению интеллектуального начала с тем же энтузиазмом, с которым пытался его самоутверждать. Результатом самоутверждения исключительно сознания т. о. является его самоотрицание и саморазрушение.

Такой путь прошли многие ещё многие из древнегреческих философов, став вначале скептиками, а затем, кое-кто и киниками

(циниками) и агностиками. Отрицание истины стало главным выводом подобных “школ” греческой классической философии. И эта трагедия самоутверждающегося интеллекта продолжалась и в другие времена, продолжается она для многих и сейчас. Такие исходы очень характерны особенно для нашей цивилизации европейского типа, ибо она слишком рационализирована и заментализирована. Более мягкий вариант нарушения триединства заключается в распространенном ныне типе человека, у которого игра ума стоит на первом месте. Он обычно любит строить красивые абстрактные схемы, увлекается этой игрой ума, так что его раздражает несоответствие реальности его абстракциям. Он, таким образом, становится врагом реальности, уходит в мир ментальных построений, в мир красивых безделушек рассудка, в виртуальный мир компьютерных игр и построений. Иногда он пытается насадить другим свои оторванные от жизни построения, не желая при этом корректировать их в соответствии с истинным положением дел, в соответствии с чувствами и желаниями других. Такие люди, увы, часто становятся руководителями различных “мозговых центров”, насаждающим свои выводы обществу. Часто, бывает так, что руководители государств или крупных фирм прислушиваются к их советам, дают им в руки бразды правления, и это может с большой степенью вероятности закончиться катастрофой. Гораздо реже человек совмещает в себе сильный рассудок, сочетающийся с реалистическим взглядом на мир, т. е. сочетающийся с практическим устремлением воли, а это уже ближе к реализации более гармоничной степени триединства, однако может быть еще очень далеко от истинной гармонии. В нынешнем информационном противостоянии России и Запада для западного обывателя и даже интеллектуала факты становятся неважными, важно становится «мейстримное», взятое как бы из «чистого разума», мнение, оно заменяет факты. Это состояние умов на Западе называли состоянием «постправды».

Другой пример продолжим как бы из первого. Когда рассудок приходит к самоотрицанию, к пониманию невозможности из себя самого познать истину (в гордом одиночестве), то эгоистичный человек начинает (пытается) утверждаться через другое начало - волю. И опять пытается делать это в исключительном утверждении лишь этого одного

из начал - такова тенденция эгоизма - утверждаться в отдельности, в исключительности (т. е. исключая всех остальных и всё остальное как ценность, которую тоже необходимо утверждать). Цинизм и есть самоутверждение воли. К нему приходят не только скептики, уставшие от пессимизма своих ментальных усилий. Просто есть люди (больше их, конечно, среди мужчин - ибо мужчина выражает преимущественно волевое начало), которые никогда не знали мучительных поисков истины, которых просто жизнь "научила", что сила - есть закон, что право имеет тот, кто сильнее. Причем, сильнее далеко не столько в физическом, сколько в психическом смысле - силы воли. У таких людей, в силу доминирования лишь волевого начала, ум очень ограничен и подчинён лишь узким целям стремления воли, при этом разум теряет гибкость - видит лишь прямолинейно, чувственность тоже огрублена, все мешающие воле чувства подавляются в зародыше. Такой человек лишен сочувствия и жалости. Это тип "салдафона", для которого прав тот, кто сильнее, а сила — единственный критерий истины. В силу подавления волей сознания, он часто бывает туповат. Однако иногда он бывает хитер и коварен. Это тип тирана и деспота. Скептики же говорят примерно так: раз истины нет, то нет и оправданных ею законов жизни, а, значит, я сам себе буду законом ("Раз Бога нет - то всё дозволено!". «Тварь ли я дрожащая или право имею?!»). Самоутверждающаяся воля так же приходит к своему самоотрицанию и саморазрушению. Дело в том, что для сильного проявления воли нужны сильные желания - стимулы. Если же воля человека разрушила все препятствия на пути к какой-то конкретной цели (обычно обладание чем-либо, или власть над кем-либо), то она становится в тупик: "Достиг я высшей власти..." - а счастья нет. Она не может успокоиться, на то она и воля - активное начало, да ещё гипертрофированная. Ей подавай преодоления! И тут человек начинает чудить! Силы кипят - девать их некуда. Он лихорадочно бросается от одного к другому делу, но если препятствия малы, то вновь неудовлетворённость - тоска, жажда влить куда-то силушку! И тут есть два конца с саморазрушением или самоотрицанием. Первый - наконец, найдёт коса на камень! В результате своего лихорадочного поиска приключений и борьбы - гибель (почти неизбежна). Или другой сценарий: человек находит более сильного и поскольку его

собственный идеал - это ни чем не ограниченная сила, то в этом более сильном он видит своего кумира, своего идола. Ему он подчиняет свою волю, т. е. отрицает своеволие - т. о. волевое начало приходит к самоотрицанию. А тот (кумир - “наполеон”), т. к. для него “двуногих тварей миллионы - орудие одно”, то он бросает этого на верную смерть без сожалений и угрызений совести. Т. о. и здесь, обычно, идёт саморазрушение - смерть!

Есть ещё и третий “сценарий”, когда уставший от самоутверждения воли, разочаровавшийся в нём, т. е. отрицающий это самоутверждение с тем же упорством, с которым утверждал когда-то, бросается в поток чувственных страстей. И опять же в этом новом увлечении эгоистическая тенденция к самоутверждению приводит к попытке утвердить чувственность как нечто самоценное, исключительное, сделать её самодовлеющей. К этому пришли эпикурейцы, гедонисты... Начинается погоня за сладостью жизни. Но к этому может стремиться и человек, не прошедший искусов первых двух самоутверждений, а изначально впитавший “урок” жизни, что наслаждения, чувственное удовлетворение - превыше всего. Люди, которые утверждают через чувственное начало в его исключительности из триединства обычно раньше или позже приходят к саморазрушению. В силу самоутверждения чувственности, сознание и воля подчинены этому лишь началу: сознание только и думает - как и где найти более изощрённые способы наслаждений, как изобрести новые, а воля направлена только к их достижению. Тяга ко всё более изощрённым, сильным, острым ощущениям толкает к алкоголю и наркотикам, половым извращениям и иным извращённым способам удовлетворения чувственного начала. В конце концов, либо быстро наступает смерть, либо усталость, отупение чувств - т. е. их самоотрицание. Человек уже с отвращением смотрит на то, что раньше его влекло с такой силой. Уже большие дозы не дают удовлетворения чувствам. Он становится безвольным, интеллектуально жалким существом, растлившим всё лучшее в себе, ибо чувственное в нём задавило две другие ипостаси.

Т. о. видно, что эгоизм всегда приводит к нарушению отношений триединства в человеке, в следствии чего это внутреннее нарушение

обязательно транслируется в мир внешних отношений. Т. е. у эгоиста нарушены внутренние отношения, прежде всего, с самим собою, а вследствие этого нарушены отношения с окружающими людьми, с окружающим миром. Одно из внутренних начал самоутверждается за счет двух других, угнетая и подавляя их собой. Как, очевидно, и здесь законы триединства играют первостепенную роль. Только гармоничное развитие триединства, идеология, требующая дополнения себя другими, требующие любви к другим, утверждения их бытия, - только это может дать импульс бесконечному развитию и совершенствованию человека, безграничному углублению его воссоединения с Богом, с миром, с самим собой.

- Получается, примиришься с самим собой, примиришься и с другими. Враждуешь с собой – враждуешь с другими? Так ли я поняла тебя, Юра?!

- Ну, в самых общих чертах так. Только примирение с собой – это не прощение себе любимому своих грехов и недостатков, как обычно советуют западные психологи, а устроение себя внутри, что все три начала были в гармонии.

- Помню – вмешался Николай – построение гармонически развитой личности было одной из целей в нашем коммунистическом прошлом.

- А что тут плохого? Сейчас вон в школе дети во всем правы, им потакают, а обязанностей они не знают. И к чему мы пришли? Растут такие неженки с гипертрофированным чувственным началом, как Юра описал, а воли на самовоспитание или совершение каких-то серьезных дел, да даже просто на нормальную учебу – у них нет! – Глаша возмущенно парировала Николаю. - И сознание, в результате, у них оказывается неразвитым. Налицо нарушение триединства!

- Смотри, Юра, твоя теория в действии... - Николай попытался пошутить.

- Знаешь, Коля, не до шуток! Это же просто национальная катастрофа приближается!

Михеич, видя, что разговор пошел не по той линии, что намечалась изначально, решил вмешаться:

- Уважаемые коллеги! Разговор об образовании мы обязательно продолжим. Но сейчас нужно остановиться. Ведь главные итоги так могут кануть в пустоту. Итак, сегодня мы говорили о человеке в контексте Божьего Замысла. Я думаю, вы много нового для себя узнали. Сейчас главное это все соединить и увидеть продолжение «красной» линии всех наших разговоров. Как бы ощутить ось, на которую «нанизывается» вся наша концепция – это ось Троиединство везде и во всем! Начинает у вас складываться такое впечатление?

- Пожалуй, да – первым ответил Николай. - Целостность и «Ось» концепции я осознаю! А вы? – он обратился к остальным гостям.

На мой взгляд это все удивительно, ведь на эту ось «нанизывается» не только наука, философия, но богословие – отец Пахомий, сложил вместе ладони рук, как бы символизируя то единство, которое он тоже ощущал в выстраиваемой Степаном Михеичем концепции.

- Грандиозно! Вера, разум и воля – все сложилось у меня теперь в сердце! – Глаша тоже поддержала присутствующих.

- Я рад за вас! – Михеич широко как-то по-детски улыбнулся. Тогда продолжим в другой раз?!

Все согласно закивали головами. Начали собираться по домам. Отец Пахомий подошел к доске с рисунками и обратившись к Михеичу сказал: «Что-то мне напоминает вот эта «бабочка» из высшего и низшего «я» с сердцем посередине?»

- Неужто полушария мозга человека?

- Откуда Вы Степан Михеич...? Точно, я же эту тему хотел разрабатывать по психологии давно еще, пока со мной все это не приключилось!

- Ну, так не поздно еще сейчас.

- Асимметрия полушарий мозга! Вот что у меня напрашивалось, когда нам Николай по разные асимметрии рассказывал и про дух, как вызывающее их начало.

- Замечательно! Можете Вы представить нам доклад на эту тему? Полагаю, будет интересно.

- Интересно-интересно... девки пляшут... Правда. Дайте мне дней пять.

- Да хоть и неделю. Мои консультации, если понадобятся – всегда к Вашим услугам!

- Думаю, понадобятся. Еще как понадобятся!

- Хорошо, на том и сговоримся. Пусть пока наши гости разбирают то, что уже накопилось. А мы подготовим им что-то новенькое.

На том они и порешили.

Глава 30. Мысль материальна.

Послушаем мы с вами, уважаемый читатель, диалог отца Пахомия со Степаном Михеичем о полушариях мозга и другом, с ними связанном. Отец Пахомий вспомнил старый свой интерес, который возник еще, когда он работал психологом. Интерес этот был связан с представлением о материальности мысли и особенностью работы полушарий мозга.

- Я все время, занимаясь ли раньше психологией, а теперь служа в церкви, убеждался на практике, что тезис о материальности мысли – верен! Помню, что первый раз, эта идея проникла в мое сознание еще в юности, когда я посмотрел замечательный фантастический фильм режиссера Квинихидзе «31 июня», помните?

- Помню такой. Там еще много музыки и танцев, как в мюзикле.

- Да музыка там замечательная Александра Зацепина. Актеры, песни, сюжет... Но для меня самым важным оказались некоторые мысли. Это же снимали по фантастическому роману Джона Пристли. В этом фильме я впервые и встретил серьезное отношение к многомерности пространства. Там один из героев говорит, что наши мысли и фантазии должны же где-то существовать! И связывает это с пятимерными мирами! Удивительное прозрение!

- Ну, не очень удивительное, поскольку представление об этом, правда, не в таком ясном виде, уже были в восточных мистических доктринах, потом в сочинениях Блаватской.

- Ну, да. Ну да! Но, все же, там не было четкой взаимосвязи иерархии иных миров с количеством измерений пространства.

- Согласен. Только в «Розе Мира» это положено в основу концепции.

- Когда я услышал от Вас, уважаемый Степан Михеич, что у человека впервые появляется тело в пятимерном мире, так называемое ментальное тело – тело мысли, если сказать по-нашему, то у меня, кажется, начал складываться в голове некий пазл.

- Про ментальное тело, конечно, тоже сказано впервые не мной, а теми же теософами, а у Даниила Андреева в «Розе Мира», оно называется – шелът .

- Неважно! Речь идет о том, что если есть пятимерные миры, где обитают мыслеобразы, имея там свое материальное воплощение, то у мыслящих существ должен быть инструмент воздействия на мыслеобразы, должно быть то, чем

их можно, во-первых, воспринимать, во-вторых, видоизменять – переделывать! Должно быть тело в тех мирах. Вот говорят же: мне в голову «пришла мысль». Обычно мы воспринимаем это метафорически, а мне кажется, что нужно воспринимать буквально. То есть, когда вполне материальный мыслеобраз в пятимерном мире входит в район восприятия ментального тела (а может быть, прямо в само это тело – ведь там все по-другому), то мысль становится «видимой» для человека?!

- Да, там многое иначе и нет таких жестких рамок и границ для «тела». Там это, скорее, похоже на нашу информационную действительность. Там тело, воспринимая мыслеобраз, легко создает его копию внутри себя, а потом уже с этой копией манипулирует, если у него есть соответствующие органы для манипуляций (программа – редактор, процессор) – условные «руки» и «ноги» для работы с мыслью.

- Пусть так. Но я теперь попытаюсь связать это с особенностями функционирования нашего человеческого мозга. – отец Пахомий нарисовал на доске человеческий мозг:

- Есть такая очень важная особенность работы нашего мозга – функциональная асимметрия. Слышали? – Михеич кивнул головой. – Я упрощенно изложу эту особенность, чтобы связать с нашими материалами. Сначала коротко нужно сказать о результатах опытов по исследованию функционирования полушарий головного мозга. Сонная артерия, которая снабжает мозг кровью, раздваивается вблизи мозга. Одна часть при этом проводит кровь в правое полушарие, а вторая – в левое. Когда чуть пережимали одну из артерий, то из-за ухудшения кровоснабжения соответствующее полушарие тормозилось, а другое бодрствовало. Человек, испытываемый, таким образом, жил с одним бодрствующим из полушарий и описывал свои состояния. Оказалось, что при бодрствовании левого полушария человек чувствовал некое эйфорическое состояние (общий бодрый фон). У него улучшались функции речи, счет давался легко, хорошо проходил анализ фактов и их связей, легко строились логические схемы и конструкции, легко давалась письменная речь. Но при этом притуплялись эмоции, речь была менее интонирована, хуже различались оттенки цветов, музыка не воспринималась эмоционально ярко. Происходило общее притупление чувств, при ярком взлете абстрактной мысли. Когда бодрствовало полушарие правое, а левое было заторможено, то картина менялась кардинально. Во-первых, общий фон существования был подавленным, угнетенным. Эмоции были обострены, оттенки цветов, интонации речи и музыка воспринимались ярко и четко. Однако связная речь была затруднена, логика нарушалась, счет, даже

достаточно простой, был затруднен, письмо было так же на низком уровне.

- Да, я об этих результатах читал.

- Ну, я продолжу. Если подвести предварительные итоги, то картина вырисовывается следующая: левое полушарие преимущественно отвечает за логическую и аналитическую сторону деятельности мозга, человеческого сознания, а правая – за образно-эмоциональную. Получается, что в сознании есть ярко выраженный волевой центр – активный, который способен перерабатывать мыслеобразы, анализировать их, разлагать, соединять, в общем, что-то в них менять. Он связан с левым полушарием. Есть второй центр чувственно-пассивный. Он отвечает за тонкое восприятие мыслеобраза, его как можно более точное и детальное копирование, сохранение, воспроизведение его во всех тонких оттенках и чертах. Правое полушарие его должно сохранять в целостности и единстве, а левое может абстрагироваться от тонкостей. Поэтому в левом полушарии все воспринимается без деталей, упрощенней, схематичней, «грубее». Итак, налицо такое триединство, когда в сознании, которое выражает себя преимущественно через мозг, присутствуют и воля и чувственность, то есть налицо триединство.

- Любопытно.

- Еще, если проанализировать, как мы строим изучение реальности, модели действительности, то тут тоже можно прийти к интересным выводам. Помните, как Юра «расшифровал» значение слова «разум»?

- Как «различать умение».

- Верно. То есть на первом этапе всякого изучения, мы начинаем с четкого различения изучаемых объектов от всего остального. Для этого мы даем им определения. Но эти определения, в основном, носят либо «волевой» характер, либо «чувственный».

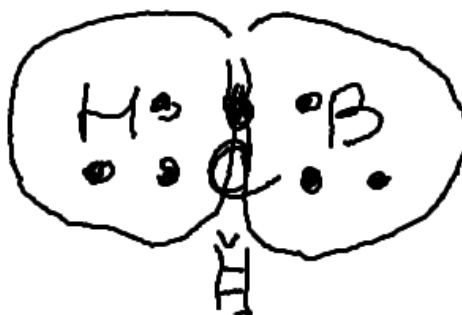
- Это как?

- Просто. «Волевой» характер определения – это, если определение дается через возможные с данным объектом операции:

стул – то, на чем можно сидеть, стол – то, на что можно поставить пищу, четное число – можно разделить на 2 без остатка... Здесь все строится на операциях, т.е. на действии, порождаемом волей. Но можно определять и по-другому: стол – гладкая, горизонтальная поверхность, стул – мягкий и удобный... . Здесь мы уже опираемся на чувственные ощущения от объектов, которым даем определения. То есть в мыслительном процессе властвует то же триединство, что и во всей человеческой деятельности. В сознании – одном из трех начал, проявляются и различаются два других – воля и чувственность.

- Точно подмечено! Хочу еще добавить, что это все и есть, то, что Кант называл познанием «от себя», так как мы строим наше определение на наших возможных операциях с предметом, и наших чувствах, им порождаемых...

- Да, верно... Но это еще не все. Я связываю левое полушарие с пятимерным ментальным телом и соответственно с высшим «Я» человека (в терминах традиционной психологии – «альтер эго»), которое живет в прекрасных мирах, где все ясно, гармонично и логично, а выражается в нашем мире преимущественно через левое полушарие человека. Отсюда такое ощущение у человека, когда бодрствует левое полушарие, ощущение гармоничности и логичности мира. А правое – связано с миром низшего «Я» человека, где есть страдания, угнетения, нарушения логики, много эмоций, страстей, грехов и преступлений. Поэтому общий фон при бодрствовании этого полушария – подавленный.

- А, пожалуй, вы правы, отец Пахомий!

- Но это еще не всё. Есть еще важная переключка с тем богословием, которое мы тут развивали в последние дни.

- Какая же?

- Ну, вот когда обнаружили такую асимметрию в функционировании мозга, то предложили ее использовать, например,

при лечении больных с маниакально-депрессивным психозом, применяли лоботомию, т.е. рассекали комиссуры – пучки волокон, связывающие полушария в одно целое. С тем, чтобы человек жил одним полушарием – левым. И, разумеется, это помогало. Люди переставали чувствовать постоянное угнетение, тревогу и прочие симптомы. Вроде это было хорошо. Однако у них терялись творческие способности. Они были практически всем всегда довольны, такие постоянно улыбающиеся идиоты. А для творчества нужно какое-то «недовольство», какая-то неудовлетворенность. И это напрямую связано с тем, что вы говорили о восходящих и нисходящих потоках.

- Поподробнее об этом, пожалуйста!

- Ну, вот, условно, через левое полушарие, которое связано с высшим «Я», идет нисходящий поток. В нем высшая гармония, в нем прекрасная стройность, логичность, завершенность... Но, как вы говорили, нужно все время творить лучшее! Верно?

- Да, в этом суть Божьего Замысла!

- Так вот без нижнего восходящего потока, который несет свободу от всего этого завершенного, который не достроен, не закончен... - без него разъять и снова воссоздать то старое совершенство, но на новом уровне, более высоком и совершенном, оказывается невозможным. Без правого полушария нет творчества, как и без левого. Они нужны оба. Оба потока должны встречаться в сердце для истинного богосотворчества. Да, уточню, «сердце» мозга – это так называемые комиссуры – волокна, соединяющие оба полушария, обеспечивающие их согласованность. Интересно, что в соответствии с законом, который вы называли, как закон развития, открытый Соловьевым, процесс развития мозга происходит именно так. Закон Соловьева выделяет три стадии развития любого объекта (субъекта): сначала в нем некие части находятся в безразличном смешении (почти что хаос), затем они проходят стадию различения и даже разделение, на которой они укрепляются и развиваются в своей самостоятельности и особенности, на этой стадии они даже могут пытаться укрепиться за счет других, подмять их под себя, поглотить... . Но на третьей стадии каждая, уже достаточно развитая самобытная часть начинает утверждать не себя, а других и соединяется с ними в новом прекрасном гармоничном

единстве, оставаясь самодостаточной и самобытной. Т.е. все части целого укрепляют друг друга в этой новой целостности. Так вот примерно, судя по данным изучения мозга, и происходит его развитие. Сначала полушария слабо отличаются друг от друга, асимметрии почти нет (на этой стадии у ребенка еще нет самосознания). Комиссуры тоже пока слабоваты, их относительно немного. Но с течением времени по мере обособления и нарастания особенности работы полушарий, нарастания асимметрии, растет и густота и мощность комиссур, соединяющих полушария, то есть растет их единство! Вот такая диалектика.

- Вывод замечательный!

- Это еще не все. Я хочу рассказать про, пожалуй, главный для меня, как бывшего психолога результат. Вот интересно, как Вы думаете, что с точки зрения внутренней психической жизни существенно отличает даже самых высших животных от человека?

- Что? Наверное, тот самый разум?

- У некоторых животных есть довольно развитый интеллект.

- Тогда что?

- Наличие самосознания! Даже у самых высших животных его либо нет либо оно в зачаточном состоянии. Например, опыты с обезьянами, шимпанзе, которые считаются наиболее близкими к человеку (это даже по генокоду ясно), показывают, что у них самосознания нет. В частности, это опыты с зеркалом. Когда шимпанзе ставили зеркало, что вначале у них возникал интерес к тому изображению, которое они там видели. Они пытались изучать его, но потом, когда никаких других подтверждений, что там есть реальный другой шимпанзе, они не получали (запахов не было, тактильных ощущений, звуков...), то они быстро теряли интерес к зеркалу. Были еще и другие аналогичные опыты. Или когда ребенок в малолетнем возрасте начинает произносить первые фразы, то он говорит о себе обычно в третьем лице: Коля кушать хочет, Маша хочет домой... (Это как попугай в клетке: «Кеша дурак!»). У ребенка на этой стадии развития еще нет самосознания. Для появления самосознания нужно внутреннее «зеркало». Нужен внутренний диалог двух «Я»! Таким «зеркалом»

служит асимметрия полушарий. Понимаете, опыты с полушариями показали, что это как бы два разных «Я» в человеке. Например, у них разная память об одном и том же событии, разные вкусы, разные предпочтения. Поэтому человек часто не может быстро выбрать что-то или не знает, как поступить, потому что он колеблется между этим двумя личностями. Для того, чтобы не возникало шизофрении, одно из полушарий всегда доминирует. В нем и помещается основная – ведущая личность. Но самосознание человека базируется на том, что одна личность внутри человека может думать о другой, оценивать ее, размышлять о ней, выстраивать с ней отношения, вступать в диалог и наоборот.

У животных асимметрия полушарий едва намечена, они практически симметричны. Там внутри нет двух полноценных личностей, и поэтому не могут сложиться отношения между ними, не может быть саморефлексии, нет самосознания.

- То есть, что же это получается: дух не так глубоко вошел в структуры животного, чтобы нарушить симметрию полушарий его мозга? Это перекликается с утверждением Макса Генделя, в книге, которую я упоминал «Космогоническая концепция розенкрейцеров», где он говорит, что дух лишь частично обитает в растениях и животных, а частично вовне, хотя в животных степень его погруженности – больше. В человека же дух входит уже полностью и обитает внутри настолько глубоко, что, видимо, даже нарушает симметрию полушарий, по крайней мере, функционально.

- Это удивительно, но старые факты и утверждения как-то четко находят подтверждение в нашей концепции со всех сторон! - Воскликнул отец Пахомий – Вы дадите мне эту «Концепцию розенкрейцеров» почитать? - и продолжил:

- Еще хочу добавить чисто психологическую картинку, которая тоже «плавно» вытекает из всей этой концепции. Помните, Юрий нам докладывал о нарушениях триединства внутри человека, можно сказать о расстройствах (мне, как психологу, ближе такой термин). Здесь вырисовывается похожая картина. Как я уже говорил, две личности внутри человека выстраивают отношения, ведут диалог, занимаются саморефлексией. Всегда для пользы психического

здоровья человека, должно доминировать лишь одно полушарие (одно и тоже все время), иначе может развиваться шизофрения. Но! Вот тут и возникают нюансы. Доминировать можно по-разному. Можно просто подавлять своего второго партнера, не признавая его прав на управляющую деятельность, не учитывать его мнения, его предпочтения, не принимать всерьез его желание тоже как-то повлиять на процесс жизнедеятельности человека. А можно, напротив, признавать в нем пусть и неравного, но важного и ценного партнера, мнения и предпочтения которого стоит услышать и даже иногда учесть. Порой даже посоветоваться с ним.

У многих людей внутренние отношения со вторым «Я» к сожалению, происходят по первому типу, то есть через угнетение и подавление второго своего «Я», человек находится не в ладу с самим собой. Он постоянно напряжен, т.к. приходится держать под контролем свое второе «Я», одергивать его, давить... Эти внутренние отношения, человек невольно берет за некий образец и транслирует на внешние отношения с окружающими людьми. Тогда тактика его внешнего поведения сводится либо к подавлению «партнеров», либо (если партнер оказывается гораздо сильнее), к рабскому подчинению ему. Такой человек в основном признает тип отношений хозяин-раб. Плохо бывает, когда он снимает психическое напряжение при помощи каких-либо средств (алкоголь, наркотики...). Тогда его доминирующее «Я» тормозится, а его угнетаемое второе «Я» освобождается от его контроля и, что называется, «отрывается» по полной. Оно выходит наружу, «захватывает власть» над поведением человека. При этом поведение человека может измениться до неузнаваемости.

Если же у человека во внутреннем мире отношение доминантного «Я», со вторым «Я», с партнером, миролюбивые, гармоничные, с учетом его запросов и потребностей (в разумных пределах), то и в своих отношениях с окружающими такой человек предпочитает поведение конструктивного сотрудничества, уважительного доброжелательного отношения к другим и тому подобного.

Конечно, воспитание, окружающая среда, традиции... накладывают отпечаток на поведение в том и другом случае, но это уже более сложная картина, которая интересна практическим психологам.

Отец Пахомий остановился. Посмотрел на Михеича. Тот одобрительно улыбался.

- Что ж, Вы сегодня дали неплохой анализ и ценное дополнение к нашим теоретическим построениям. Я еще добавлю, к Вашему анализу пару штрихов, если позволите?

- Охотно слушаю!

- Вы верно сказали, что для психического здоровья человека, необходимо чтобы одна личность доминировала над другой. Иначе начинается неразбериха и раздраз. Так и с точки зрения эзотерической высшее «Я» человека должно доминировать над низшим «Я» в ситуации нормального функционирования. Однако в нашем мире нарушенных связей, демонически искаженном или, как вы говорите, падшем, в нашем мире чаще доминирует низшее «Я». Люди живут на восходящих потоках, а нисходящих почти не чувствуют. Восходящие потоки энергий идут от низших чакр. Индийский философ и мистик Шри Ауробиндо называет их «витальными», от слова «вита» - по-итальянски «жизнь». Они призваны обеспечивать жизнь в низших мирах, проще говоря, жизнь физическую, которая, по-хорошему, должна подчиняться жизни высшей – духовной. Но демонические силы добились «повреждения» в человеческом существе – которое в христианской мистике известно, как «первородный грех», а в еврейской мистике, как «эйцехоре» – «семя дьявола». Есть такая стихия человечества Лилит, о которой, к сожалению, в канонических библейских текстах нет упоминания. Однако в «агаде» - устном предании иудаизма, это существо упоминается. Упоминается оно и в преданиях других древних народов Месопотамии. Сохранились даже ее изображения, хотя понимать их надо условно, ибо представляясь людям, она может принимать разные облики. Так что полностью отрицать ее существование не приходится. Стоит серьезно отнестись к ее деятельности, ибо она очень важна в жизни человеческого рода.

- Да, я давно хотел спросить Вас, Степан Михеич, об этой Лилит, еще, когда впервые прочел «Розу Мира».

- Лилит владеет как бы «клише» или «матрицей», по которой воспроизводится при рождении наше физическое и эфирное тело. В

«Розе Мира» объясняется, что женщина только вынашивает ребенка, а формирует его Лилит, которая нам не видима, но ощутима через физическое влечение мужчины и женщины друг к другу. Она единоприсутствует сразу во многих точках эфирного слоя и «кует» цепь рода не только человечества, но и многих, кто рождается в эфирном и физическом слое. Когда-то, очень давно, планетарный демон вторгся в мир Лилит, а через нее имеет влияние и на человеческие тела, ею формируемые. С тех пор цепи рода человеческого, которые формируются именно Лилит, несут в себе это первородное «повреждение», которое дает возможность демоническим силам влиять на низшее «Я» человека, усиливают его (делают восходящий поток более мощным), заставляя низшее «Я» бунтовать против высшего «Я» и против Бога. Об этом и сказано очень коротко в библейском тексте, как о грехопадении и бунте первых людей, Адама и Евы.

- Как именно этот бунт проявляется?

- Видите ли, если говорить очень упрощенно, то Лилит была создана, чтобы размножать низшие тела – эфирную, а затем (после грехопадения) и физическую плоть человека, создавать плотные, тела и обеспечивать их функционирование. То есть множество плотных тел человечества – это как бы ее стихия, среда ее существования и творчества. Именно она ответственна внутри нас за физическое влечение мужчины и женщины с целью размножения. Голос Лилит становится особенно «слышен» внутри человеческого существа в пору полового созревания, а через нее врывается в человека и голос демонических сил. Посмотрите, что происходит с подростками в пору полового созревания: происходит бунт против высших порядков, которые, как ему видится, ограничивают его свободы, свободы его низших желаний. Он бунтует против порядков, установленных родителями, школой, обществом взрослых, религией (если он был верующим)... Древний бунт никуда не делся, он все время воспроизводится в поколениях людей. Посмотрите, как подростков привлекает всякая демоническая чушь: тяжелый рок, его адской музыкой, грубость, насилие, жестокость, татуировки с черепами и оскаленными клыками, самоубийства... Они становятся агрессивными.

Порой они откровенно подражают темным силам и поклоняются им. Попадают к ним в плен. Демоническое притягивает их своим inferнальным обаянием.

- Да, проблема известная хорошо, но я и не думал, что она вот так напрямую связана с мистикой пола и выражена еще в библейских сказаниях.

- Как вы полагаете, почему в этом легко ранимом, «нежном возрасте» («тинэйдж» по-английски), посылается человеку первая любовь? Ведь мы уже говорили, что любовь, особенно невзаимная – огромное испытание для души, огонь палящий, боль и тяжесть, которые иногда кажутся неподъемными!

- Я помню, как кто-то из вас говорил, что душа жаждет любви и одновременно боится ее...

- Да! Так вот, отвечая на этот вопрос, почему любовь дается так рано еще не окрепшей душе, еще слабой и слишком нежной, я могу сказать, что это одно из средств, которое как спасательный круг «бросает» Бог юной душе, как щит, как альтернативу, чтобы она во время полового созревания не пала под тяжестью демонических влечений, не ожесточилась окончательно и бесповоротно!

- Слушайте, я вспомнил, что читал в одном исследовании по психологии, что подростки, которые не испытали первую любовь, гораздо чаще вырастают жестокими и даже нередко становятся садистами, насильниками и убийцами. Видимо, это травма, созданная натиском демонических сил, которую мы все испытали во время полового созревания, она может изуродовать душу на всю жизнь?!

- Думаю, Вы очень правы! Бывает так, что когда любовь приходит в юное сердце, и начинается борьба, то побеждает в ней не всегда Высшая сила. Тогда юношеское ожесточение все равно остается в человеке. Но, все же, основная волна демонического натиска на душу с возрастом и, особенно, с упорядочением половой жизни, проходит, ослабевает. Человек вроде входит в более-менее нормальную колею. Вот для чего нужна именно моногамия! Она упорядочивает половую жизнь и дает человеку шанс уменьшить натиск демонических сил.

- Да, разврат очень пагубно влияет на душу человека! Значит, так, оказывается, Лилит, как первая «Ева», «соблазняет» человека до сих пор со времен того давнего первого грехопадения Адама?

- В Библии, в эпизоде, где рассказано про изгнание первых людей из рая, говорится, что дал Бог им «одежды кожаные». Большинство исследователей понимают, что этот библейский символ означает обретение человеком физического тела и нисхождение его в мир более низкий и грубый – на «землю». Как комментирует этот эпизод «Роза Мира»? – Даниил Андреев пишет, что слой, в котором мы живем ныне, не был предназначен изначально для человечества, а был предназначен только для животных. И «изгнание» не было изгнанием, а, напротив – защитой людей. Бог, как мы уже говорили, никого не наказывает, Он всех защищает и спасает. Когда планетарный демон проник в мир Лилит, то это была катастрофа. Люди, ничем не защищенные от мощного влияния демонических сил, могли все стать жертвами Гатунгра (планетарного демона). «Ибо были наги и устыдились». Вот это «были наги» не означает буквальную физическую наготу, а именно незащищенность от влияния демонических сил, а потому они устыдились. Нужно было что-то срочно предпринимать, и людей эвакуировали в этот физический мир, который по первоначальному замыслу был предназначен только для животных. Это опускание их в более грубый мир, который давал людям новые более грубые тела, одновременно, этими телами ослаблял демонический натиск, защищало их от пагубного влияния. Это как рыцарю – тяжело в доспехах, но они его защищают, так и нам тяжело в теле физическом (не для нас оно, а для животного мира), но оно нас защищает. Несмотря на все «печальные обстоятельства», связанные с грехопадением, санкция Высших сил с Лилит не снята. Иначе бы цепь рода человеческого прервалась. Была взята тактика просветления плоти. Чтобы восстановить необходимую иерархичность подчинения низшего «Я» человека – высшему, выработаны в различных религиях свои методы, свой уклад жизни, свои традиции разных народов. Посты, воздержание, простая умеренность во всех телесных желаниях и отправлениях, следование чистоте в жизни и многое подобное – все это помогает держать в узде нашего «коня» - низшее «Я», чтобы им управлял всадник – высшее «Я». А когда восстанавливается

естественная иерархия, то есть человек становится праведником или даже святым, то сверху вниз нисходит не только дух человека, но и Дух Божий, сливаясь с ним в одну струю. Происходит то, что Серафим Саровский называл стяжанием Духа Святого или богосотворчеством.

- Да, это по нашим православным представлениям и есть цель жизни духовной. Я хочу уточнить, это получается, что «земля», на которую был переселен человек, которая порождает ему волчцы и тернии, где ему приходится «добывать хлеб свой в поте лица» - это все слой, предназначенный сначала для обитания только животных?

- Ну, да. Посмотрите на животных. Им природа приготовила соответствующую «одежду» для соответствующего климата, она приготовила им и «стол и дом». Для них среда обитания очень естественна, гармонична, они к ней максимально приспособлены. Возьмем такой не очень эстетичный предмет, как эскрименты. Животные чаще всего либо равнодушны к нему, либо интересуются, так как он дает им важную информацию...

- И некоторые их даже употребляют в пищу!

- Верно, но для человека это совершенно не так. Он испытывает отвращение к данному предмету. Вот есть такой лозунг: «Что естественно, то не безобразно!». Но для человека это не так. Он существо не совсем от мира сего. Как говорил все тот же Соловьев: человеку постоянно приходится бороться за свое человеческое достоинство. Мы не гадим прямо под себя, как животные, чистим зубы, чтобы не пахло изо рта, моемся с мылом, убираем жилище, носим одежду не только для тепла – все это не для выживания, как у животных, а просто потому, что этого требует наша высшая природа. У нас есть чувство стыда, которое не знакомо животным.

- Дарвиновская теория происхождения и эволюции видов здесь может только развести руками. Ведь просто как вид мы могли бы выжить, оставаясь на уровне троплодитов. Все эти фальшивые лозунги – назад к природе – это все дорога к деградации.

- С дарвиновской теорией в последнее время все очень не просто даже в среде ученых, особенно, когда молекулярная биология и геновая инженерия достигли больших глубин и высот. Сейчас многие

понимают, что создать путем случайных мутаций такие более развитые и совершенные виды, причем путем естественного отбора, как его понимал еще сам Дарвин – это просто нереально. Есть такая интересная работа нашего соотечественника, между прочим, доктора биологических наук Виктора Щербакова, в которой утверждается, причем на основе серьезных исследований, что тезис об изменчивости видов как способа выживания, не выдерживает критики. Например, автор говорит, что самыми живучими на земле являются древнейшие бактерии, которые со времен своего появления практически очень мало изменились. Они могут выдерживать огромные изменения температур и давлений, колоссальную радиацию, которые не выдержит ни один другой вид. Далее он опровергает расхожее представление о том, что жизнь – это постоянная изменчивость видов, постоянное совершенствование. Он говорит, что с нарастающей энтропией (хаосом и разрушением живых структур) жизнь борется в основном не совершенствованием, а простым копированием. Более живучим является тот вид, который имеет более мощную систему размножения. Те виды, которые размножаются мириадами – более живучи. Он так же показал, что если вид меняется под действием мутаций, то это может привести к гибели вида, так как появившиеся в результате мутаций изменения чаще всего или бесполезны или вредны, самопроизвольные изменения, согласно законам физики, приводят к нарастанию хаоса – энтропии. Он вводит величину мутагенного давления на вид. Не помню точно, но, кажется, что если оно более 0,06 процента, тот вид, скорее всего, исчезнет (только человеческий вид является исключением). Вот такие данные имеет современная биология – Михеич достал с полки какой-то научный журнал и подал его отцу Пахомию.

Тот взял журнал в руки, но сделал такой жест, что, мол, верит и так, отдав журнал обратно в руки Михеича. А Степан Михеич продолжал:

- Автор говорит: «Мысль, что сама эволюция является целью организмов, находит ся за пределами ест ест веннонаучной парадигмы». То есть наука не знает, зачем организмам эволюционировать в сторону усложнения и развития! Но для эволюции «природа» кое-что придумала – Михеич продолжил, отложив журнал.

- Например, становится понятным, что половое разделение в природе появилось именно как способ не случайного, а целенаправленного изменения генов. Если очень коротко, то можно сказать так. Женские особи предназначены, чтобы полностью, точно, без всяких изменений передавать, копировать генную информацию от поколения к поколению. Женщина не только хранительница домашнего очага, но и хранительница генофонда. У женщин так называемый полный набор хромосом XX. Мужчина специально обделен этим – у него XY набор. Он предназначен, чтобы в жизни искать что-то новое, попадать в разные экстремальные ситуации, чтобы вырабатывать полезные признаки или погибать, если признаки – бесполезны. Эти полезные признаки могут потом передаваться поколениям по цепи рода. Слышали про опыты с «крысиным раем»?

- А этот опыты, где крыс помещали в «идеальную» для их жизни среду, но из контейнера, где они жили был один тонкий канал выхода, где помещали по бокам электроды, бьющие током, когда крыса пролезала через электроды, они замыкались ее телом, и она получала удары тока – чем дальше по тоннелю – тем сильнее.

- Да, Вы верно описываете опыт. Понятно, что сунувшиеся туда крысы, получив удар током, возвращались обратно. Однако не все, до смертельной дозы в данном опыте дошли шесть крыс и все были самцами!

- Слушайте, но и эта биологическая информация укладывается в нашу концепцию! Ведь если мужская особь выражает собой преимущественно волевое начало, то ее главная функция – это что-то изменять, как-то развиваться. А женская – выражающая преимущественно чувственное начало, должна чувствовать, «отражая», сохранять, копировать как можно точнее. Материя склонна к симметриям, копированию, отражению, размножению... Верно? Материнское начало так и устроено. Это же нам Николай говорил на основании законов физики.

- Да. Наша цель, чтобы концепция единым образом охватывала и физику, и другие науки, и философию, и религию и даже лирику.

- Про лирику... - я начинаю понимать, что описание мужского поведения, как стремления к приключениям и подвигам, к свершениям и открытиям, а женского – как хранить очаг, ждать ненаглядного, родить детей, в начале питать их – это тоже охватывается этой нашей общей картиной.

- Не боитесь попасть под критику феминисток?! – Михеич похлопал отца Пахомия по плечу.

- Нет, у меня по сану с ними и так расхождения, так что...

- И вот небольшое, но важное дополнение к общей богословской картине: на небесах Бог существует в своем гармоничном триединстве, где все ипостаси равноправны, ни одна не доминирует, каждые две стремятся утвердить третью через любовь и сотворчество – то есть они находятся в совершенной стройности. Когда же кто-то воплощается во вселенной (на «земле»), то он должен различаться с другими воплощенными, а все различия могут базироваться только на первоначальном различии Лиц Троицы. Поэтому любое воплощенное существо выражает собой преимущественно одно из Лиц Троицы. Оно в нем доминирует изначально.

- Да, здесь я с Вами полностью согласен.

- Ну, что ж, у меня просьба, как всегда. Изложить содержание этой нашей беседы в виде доклада и прочесть всем участникам.

- Хорошо, но только с Вашей помощью!

- Договорились.

Глава 31. Эгрегоры. Наполеон.

Глафира и Николай тем временем увлеклись изучением «Розы Мира».

- Послушай, Коля! Меня смущает вопрос об эгрегорах. Я часто слышу это слово к месту и не к месту. То их хвалят и превозносят чуть ли ни как что-то Божественное, то так – не понятно что. Одна знакомая

все с придыханием мне рассказывала, что де она связана с эгрегором России, что она носительница его воли, так сказать, избранница... Ну, конечно, впечатление какой-то сумасшедшенки в этих ее рассказах были. Я с ней сейчас не общаюсь. А у них там, между прочим, целая секта. Она за главную. Еще есть у меня в Казани знакомые, последователи Порфирия Иванова, про его учение «Детка» что-нибудь слышал?

- Нет, не приходилось...

- О! там поклонение природе, общение с нею, как с живым существом. У них ритуалы. Энергообмен. Так вроде все безобидно и даже полезно для здоровья. Но дело не в этом. Как-то они пожаловались мне, что их главный взял над ними такую власть. Говорит, что сидит он дома, например, в ванной, и мысленно приказывает им собраться на какой-то площади, во столько-то. Они, сами не понимая зачем, приезжают на эту площадь в это время. Смотрят друг на друга и не недоумевают, почему они здесь оказались.

- Похоже на фантастику или мошенничество.

- Ну, я тоже как-то всему этому не доверяла. Но они говорили искренно, возмущались, так как им их главный сам это и раскрыл. Я попросила Степана Михеича пояснить. И ты, знаешь, что он мне ответил?!

- Что?

- Он сказал, что никакой неправды в этом нет. И сослался на эгрегоры. Говорит, мол, когда люди совершают определенные однообразные действия, имеют примерно одни мысли и психические состояния (часто экзальтированные), то в других слоях над таким сообществом людей формируется эгрегор. Это такое, как бы «облако», оно сгущается из их однотипных психических излучений.

- Постой. Сгущается – агрегатируется. Мне это напоминает само слово «эгрегор». Нечто вроде бозе-конденсации, когда одинаковые бозоны «сваливаются» в одно состояние.

- Ты меня всяким своими физическими терминами не смущай, мне и так непросто это все объяснить.

- Ну, и что дальше?

- А дальше, согласно законам всеобщего триединства, у эгрегора возникает некий эквивалент сознания, воли и чувственности. Почему «некий» эквивалент? - Так как эгрегор не имеет монады, созданной Богом. То есть эгрегоры – не Божьи создания. И, как написано в «Розе Мира», поэтому он не испытывает страдания при своем распаде. Эгрегор имеет одно неумное желание – подпитываться энергией от сообщества людей, его породивших. Для этого он выбирает адепта или несколько адептов, через которых передает свою волю «толпе». Он этих адептов подпитывает частью своей энергии, передает через них свои указания, диктует свою волю, поэтому они так харизматичны, неутомимы, «пиассионарны». Эгрегоры обязательно бывают у партий, церквей, племен, даже государств, у армий, у клубов фанатов, даже у семей...

- Постой! Я всегда не понимал, как человек далекий от армии, зачем в ней столько строевой муштры, которая никакой боевой подготовки не преследует. Все вместе: ать-два, ать-два... Теперь вроде становится понятней. Это же нужно для эгрегора – однотипные состояния, согласованные, синхронные действия. А без эгрегора армия – не армия. А так... сброд, толпа... Зачем речевки футбольным фанатам, беганье толпами, даже общие драки... - ага! Все это на укрепление единства, то есть эгрегора. Ну, допустим, принято! Дальше.

- Дальше, эгрегоры, находясь в промежуточных слоях, могут закрывать людям пути для обмена с этими высшими слоями, в этом их прямой вред. Степан Михеич мне объяснил, что когда какая-то старушка в храме «шипит» на прихожан, что не туда встали, не так поставили свечу, не так одеты, то это через нее говорит церковный эгрегор, а никак не Высшие силы.

- Определенно! Встречал я таких ревнительниц обряда. Они думают, что этим служат Богу, а оказывается это служба эгрегору.

- Да! Именно так. Так вот этот человек, из секты «парифирие-ивановцев» оказался адептом эгрегора, и получил влияние и силу через него, командовать этими людьми. Они сами создали эту ситуацию.

- Слушай, но я про армию хочу еще подумать! Ведь, получается, что полководцы – это своеобразные адепты армейского эгрегора. То есть бывают офицеры – просто армейские чиновники. А есть те, кто ощущает армию, как свое «тело», что ли – через эгрегор, и передает солдатам свою волю, усиленную энергиями эгрегора, воодушевляет их на бой.

- Ну, что-то в этом роде, наверное...

- А вот Наполеон..?

- Что Наполеон?!

- Он был адептом эгрегора своей армии? Как ты думаешь?

- А почему бы и нет?

- Слушай, я начинаю вспоминать... Признаюсь честно, что я ни школе, ни в студенчестве не читал «Войну и мир» Толстого. И только лет в сорок, в Америке, когда одолела меня однажды тоска по родине, взял я в руки «Войну и мир» и решил, прочту всю полностью, внимательно, от корки до корки.

- Ну, ты даешь!

- А что! Стал читать, конечно, книга гениальная! Но, понимаешь, я потом проанализировал, что более всего привлекло мое внимание, в отличие от других читателей. Стал знакомых расспрашивать. И вышел на следующую закономерность: женщин более всего в книге привлекают сцены лирические, любовные, мужчин – батальные, военные, а меня...

- А тебя?.. Физик ты мой неугомонный, все-то анализируешь!

- А меня, как ни странно, привлекло противостояние Кутузова и Наполеона.

- Так ведь они там не встречаются!

- Да, непосредственно – нет! Но есть духовное противостояние. Вот вспомни, когда перед Аустерлицким сражением генералы немецкие собираются на совещание, там присутствует и Кутузов с князем Болконским. Помнишь? Немцы планируют: вот тогда-то пойдет первая линия, а потом вторая..

- Помню. Там еще Болконскому становится стыдно за то, что Кутузов засыпает на этом совещании.

- Так вот, он же спросил потом у Кутузова, почему так? А тот ему ответил, что знает наперед, что сражение будет проиграно! Откуда он это знает? Я думаю, что и Наполеон заранее знал, что он выиграет сражение.

- Почему ты так думаешь?

- Сам Толстой объясняет это так: Наполеон перед Аустерлицем не чувствовал, что ему противостоит такой же мощный Дух, что стоит за ним самим. Впервые он почувствовал такой же по силе противостоящий Дух только в Бородинском сражении. Это все есть у Толстого. Читай! – глядя в удивленные глаза Глафиры, прибавил Николай.- А ведь он гений, зря бросаться словами в таком великом романе не будет.

- Да... как интересно! Я часто повторяю ученикам на уроках, что Кутузов был необычным человеком, несмотря на то, что к войне с Наполеоном был уже стар. Екатерина Великая, когда узнала, что Кутузов был серьезно ранен при штурме Измаила (пуля прошла сквозь голову рядом с глазом), но он остался при таком смертельном ранении жив, сказала примерно следующее: «Если Бог сохранил жизнь Кутузову, значит, он когда-то пригодится России». Слова оказались пророческими. Обычно я еще добавляю такое сравнение: сколько раз Россия была на грани расчленения и исчезновения: иго, смута, нашествие Наполеона, нашествие Гитлера, распад Союза в 1991 году..., но если Бог каждый раз сохранял Россию, значит, она зачем-то нужна в Его будущих планах.

- А, ведь, и правда. Какая ты у меня умница! – Николай обнял Глашу, поцеловал. – Меня этот разговор про эгрегоры заинтересовал. Если у тебя что-то еще есть, то я бы с удовольствием послушал.

- Я еще до завтра поищу через интернет.

Назавтра Глафира прибежала к Николаю и Юре с раннего утра. Лицо у нее было разгоряченное и сияющее.

- Вижу, что-то интересное есть! – Николай встретил ее у порога.

- Есть – с загадочным видом произнесла Глафира.
- Что у вас там за секреты? – Юра вышел к ним из комнаты.
- Да мы тут эгрегорами заинтересовались.
- Ну, и что нового нашли?

Николай и Глаша коротко пересказали Юре их вчерашние обсуждения.

- Но это еще не все, Глаша говорит, что нашла что-то новое. Ну, давай Глаша!

Глаша хитро улыбнулась и достала несколько распечатанных листов формата А4.

- Что-то у тебя так много!
- Все важно! Но начну с Лермонтова. Все же я (и не только я) считаю, что он был поэт и пророк. Ну. его знаменитые строки помните: «Настанет год. России черный год, когда царей корона упадет...».
- Помним, конечно.
- А вот в поэме «Бородино» есть такие строчки: «Не будь на то Господня воля – не отдали б Москвы...». Это вкладывается в уста ветерана битвы. Значит, в этом были убеждены многие.
- Ну, знаешь, просто тогда народ был верующим.
- Ладно, не буду сейчас спорить с вами. Но я твердо верю, что это убеждение было не случайным. Ты же сам говорил – обратилась она к Николаю, - что в противостоянии Кутузова и Наполеона прослеживается духовность.
- Это Толстой утверждает.
- Пусть так. И все же, как так сложилось, что Москву не защищали до конца, до последней капли крови, как в Великую Отечественную? Я вижу в этом план Провидения, действительно волю Высших сил!
- Сомнительно. Что за план такой? И какие доказательства?
- Давайте, я сначала расскажу о плане, а потом приступим к доказательствам.

- Ну, хорошо!

- Помните, мы про эгрегоры говорили, что они выбирают адепта и даже группу адептов, через которых влияют на толпу людей? В «Розе Мира» я вычитала, что между адептом и эгрегором должен существовать «волевой шнур», тот, через который он снабжается энергией и обратно может влиять на толпу уже через эгрегор .

- Это что-то новое.

- Так вот, этот шнур, разумеется в нашем мире не виден, но хорошо виден в иных мирах. Он, конечно же, защищен. Но защита эта не бесконечно сильна. Так вот, Наполеона нужно было заманить в Москву, чтобы там, в Кремле, над которым в иных мирах находится средоточие Духовных Сил русского народа, обрезать этот шнур, и тем очень сильно ослабить армию Наполеона.

- Любопытно!

- Только прошу, не перебивайте, а то я сама собьюсь. Я обещала предоставить вам доказательства. Но сначала о Кутузове. Он тоже был человеком с мистической интуицией. И хотя после дня Бородинского сражения он написал наутро приказ о наступлении (т.е. интуиция – штука ненадежная, и человек может сомневаться). Но проехав по частям русской армии и увидев ущерб, он склонился к плану сдачи Москвы. А вот теперь то, что раскопала на просторах интернета. Рассказ сбитенщика из Ярославля. – Глаша взяла листочки и стала читать:

В декабрьской книжке «Душеполезного чтения» за 1910 год «Видение Наполеона».

В декабрьской книжке «Душеполезного чтения» за 1910 год помещено народное предание 1812 года, распространенное особенно в бывшей Ярославской губернии под заглавием «Видение Наполеона». В нем рассказывается такое происшествие. Заняв Москву, Наполеон, как-то попробовав русского сбитня, который сварил мастер своего дела старик ярославец, приказал ему прийти со сбитнем и на следующий день. Его должен был сопровождать француз-приказчик из французской лавки с Кузнецкого моста, поступивший переводчиком во французскую армию. В рассказе он называется кургузым. «...Сбитенщик и кургузый дошли до Кремля. Ярославец уже приготовился по-

вчерашнему потчевать Наполеона и его свиту, но императору было не до сбитня. Он взволнованный ходил по царской площади. Его лицо подергивалось судорогами, кулаки крепко сжимались. Свита казалась растерянной. Что-то произошло... “Но я видел... я видел войско и странного полководца”, — ни к кому не обращаясь, говорил император французов настойчиво и с раздражением. Свита изумлялась, но не тому, что Наполеон видел, а тому, что она не видела ни войска, ни странного полководца. Просто у императора воображение болезненно расстроилось. Опустелая, похожая на кладбище, пылающая Москва, недостаток во всем и страх за будущее довели вождя до того, что он поддался обману зрения и чувств. Надо, чтобы доктора обратили внимание на это и употребили все средства: верховный вождь должен быть бодр и здоров... Между тем, вот что произошло.

Наполеон захотел полюбоваться окрестностями Москвы и поднялся на колокольню Ивана Великого. Солнце грянуло с небес. Бонапарт направил взор в сторону Воробьевых гор и вдруг встрепенулся, дрогнул и обратился к приближенным голосом, в котором чувствовался испуг. “Вы видите, там, на юго-западе движется армия! И с двух сторон подходят великие армии! Это русские!” — “Ваше величество, мы не видим там никаких армий”. Наполеон топнул ногой о деревянный помост. “Три армии... да, да! Они еще далеко, но они приближаются и будут в Москве. Да, да, скоро будут”. Он трепетал, стучал зубами и порывисто говорил: “Три великих армии! три! три!... как вы не видите?... Кажется, они не идут по земле, а несутся по воздуху, как Ангелы или демоны. И впереди — вождь. Вы видите вождя? Вы видите вождя?” — “Ваше величество, мы не видим вождя”. “Проклятие!” — потрясая кулаками, простонал Наполеон и стал торопливо спускаться по лестнице. Бледный, он рассеянно и злобно повторял: “Но я видел, я видел их. И этот предводитель весь в черном. Монах? Седые волосы, седая борода... с крестом в руках. Он осенил войско крестом... это необычайно! Что это? Кто этот черный вождь?” Наполеона трясло. В нем кипела злоба оттого, что никто не видел воздушных армий с необыкновенным предводителем монахом. Уже на площади Наполеон взглянул туда, но там уже ничего не было; солнце скрылось, тучи и дым висели над Воробьевыми горами. Тут как раз появились в Кремле сбитенщик с “языком”, т. е. с кургузым. “Пусть подойдет ближе”, —

приказал Наполеон и, когда они приблизились, спросил ярославца, не знает ли он такого монаха: тощего, но величественного и седого, как лунь. Сбитенщик в свою очередь спросил, а где он, император, встретил такого монаха. В Москве не один монастырь, не один, следовательно, может быть и такой монах... “Там, в воздухе, впереди войск”, — нетерпеливо произнес император. Кургузый перевел. Старик приосанился и, словно отчеканивая каждое слово, отвечал: “Вашему величеству известно должно быть, что простые монахи не ходят по воздуху, а единственно небесная сила открывалась вам. Не из нынешних монахов какой-либо вел воинов, а непременно угодник Божий, охраняющий Москву и Русь”. “Так, так, — сказал Наполеон своим, — у русских людей и городов есть свои святые покровители”. И обращаясь к сбитенщику, добавил: “Кто покровитель Москвы?” — “Святой и преподобный Сергей, Радонежский чудотворец”. Наполеон повернулся, сделал рукой знак старику, чтобы шел за ним, и все — Наполеон, приближенные, сбитенщик, кургузый — направились в Благовещенский собор. Старик оставил посудины со сбитнем на паперти и один из всех обнажил голову. “Показать мне изображение святого!” — сказал Наполеон. Старик подвел его к образу преподобного Сергия. “Это он!” — воскликнул Наполеон и отшатнулся, вдруг обвеянный страшным холодом. Но он долго не мог оторвать глаз от святого образа, и мысли одна за другой проходили в голове императора, тревожные мысли... Видение смутило, взволновало и устрасило, держало в своем плену гордого победителя. С ним не было подобного... Наполеон хотел сейчас освободиться от тягостного плена и не мог. Как будто судьба давала неумолимо понять, ему, что есть Божий перст, который указывает пути народам и правителям, и смиренным и гордым: пути к победе и величию, к падению и безднам. И глубокое раздумье взяло Наполеона. Он стал перебирать в памяти все события от того часа, когда он и “двенадцать других земель” 11 июня вторглись в пределы Российской империи, и до сегодняшнего видения в пылающей неприветливой Москве. Мало отрадного выпало на долю великой армии. Россия оказалась хорошей ловушкой, и этой ловушки не сломил даже Бородинский бой. “Что за радость, — думал Наполеон, — признавать себя победителем, если нет побежденных?” В раздумье он вышел из собора и вслух помыслил: “Что же это за народ

— русские, если их армию водят святые... таких-то надо побеждать!” И вздрогнул. — “Коня!” Ему подведи великолепного арабского коня. Наполеон сел в седло и, сопровождаемый свитой, поскакал из Кремля. Он желал забыть видение; он проскакал через всю столицу и явился в Петровский дворец, хотел там остаться и не мог. Он не находил себе места, не мог ничем отвлечься от тяжких дум, навеянных видением. Ему чудилось ликование тех трех армий, что вел святой Сергей, и, казалось, это ликование все громче и громче. Армии, значит, приближаются, и не застигнут ли они врасплох его и “двенадцать других земель”, с ним пришедших? И Наполеону стало жутко оставаться еще в Москве...»

- Понимаете, Наполеон тоже был мистик. Он верил, что является ставленником Высших сил. Хотя в «Розе Мира» Даниил Андреев пишет, что как раз наоборот, он был ставленником сил демонических, одним из предтеч антихриста. Он многое чувствовал и видел, из того, что нам недоступно. Он ощущал духовную силу людей и армий. Он управлял своей армией как своим «телом», через эгрегор. Я представляю себе это так. Идет сражение. Императору не обязательно знать через доклады ординарцев обстановку. Он чувствует ее всю. Знает, что туда, где он ощущает возможность провала, надо послать 20 тысяч конницы, а здесь подтащить орудия и начать обстрел, чтобы предотвратить возможность прорыва обороны... ну и так далее... Тут напротив, атаковать, как можно скорее, пока противник не опомнился...

- Слушай, Глаша, ты у нас все по-военному разложила, как какой-нибудь главнокомандующий.

- Наполеон чувствовал, какой немощный дух противостоит ему в Европе. Он ясно «видел», что за всеми этими королями, курфюрстами, императорами нет той поддержки, какую он переживал в себе. От Наполеона же исходила чудовищная сила воли и духа, которой он не только вдохновлял свою армию, но и покорял противников. Он «сделал себя сам», назначил императором. Представьте, какой переворот в умах это событие произвело тогда в европейском социуме. Ведь прочно была вбита в сознание мысль, что управлять государством, править народом может только кто-то королевских кровей! Но вот пришел Наполеон и показал, что, оказывается, можно не быть из

царского или королевского рода, а вот так вознести себя на «божничку». Помните у Пушкина: «Мы все глядим в наполеоны, двуногих тварей миллионы для нас орудие одно...». Вот ведь, тоже гений, точно описал отношение Наполеона, что к своим, что к чужим солдатам. И в «Розе Мира» так и написано, что Наполеону легко было утопить в крови не только Европу, но и Францию, ибо его победы давались ценой огромных потерь французов.

Ну, вот. Когда Наполеон попал в Кремль, то Высшие Силы духовного синклита России окружили его и обрезали этот самый волевой шнур. Что мог почувствовать Наполеон? Он почувствовал, что потерял прежнюю связь и влияние на армию. Внешне ничего не поменялось. Вот он Наполеон, вот Москва, им занятая, вот его армия. Но нет! Как бывает при влюбленности? Еще вчера человек мог пройти мимо другого, даже не обратив особого внимания, а сегодня – жить без него не может! Только тут было наоборот. До того ощущал он свою связь с армией, как с единым мощным отлаженным организмом, а теперь – пустота... .

- «Но из души любовь ушла, вот только, лишь вчера» - процитировал Юра свое давнее стихотворение. – Было у меня когда-то подобное переживание, если я правильно понял...

Глаша продолжила:

- Толстой пишет, что во время четырех недельного пребывания в Москве, Наполеон написал больше приказов, чем за всю кампанию в России до этого. А Толстой изучал все это по документам. Еще один важный момент. Если до этого все приказы Наполеона строго выполнялись, то ни один приказ во время пребывания в Москве не был до конца выполнен или был не выполнен совсем. Например, Наполеон три раза посылал большой конный отряд на захват Троице-Сергиевой Лавры. Однако отряд даже не доезжал до места назначения. Им все время грезилась засада из превосходящих русских войск. А хронологист Наполеона отмечал, что когда тот выезжал из Москвы, то сказал фразу: «Великой армии больше нет». А ведь армия на тот момент еще не была разбита! Но он уже почувствовал ее конец. Я как историк, рылась в некоторых архивах и нашла интересное документальное свидетельство всего сказанного выше. Пишет офицер армии Наполеона фон Иелен:

Записки офицера армии Наполеона фон Иеллина.

Неблагоприятные известия, полученные императором (Наполеоном) из Петербурга, заставили его решиться дать приказ к отступлению после пятидневного бесполезного пребывания в Москве. Между тем приближалась грозная зима, верная союзница русских. По окончании смотра, вечером 18 октября 1812 г. всей армии был дан приказ об отступлении. Главная армия успела отдохнуть во время пятидневного пребывания в Москве и могла выставить 100.000 солдат, способных к бою, хотя она и значительно пострадала от постоянных потерь при военной фружировке. Но эти солдаты уже не представляли собой прежнюю всемогущую армию; она не подвигалась военным маршем, а тащилась вялым, медленным шагом.

Войска спешили покинуть город в ночь на 19 октября и рано утром; некоторые отряды двинулись вечером 18 октября. Ночь была не только темна, но и бесконечно длинна, продолжаясь от 4 часов пополудни до 8 часов утра. Наконец к 9 часам утра вюртембергские отряды выбрались из города по дороге в Калугу, куда было решено отступать. Но какое странное зрелище представила собою великая армия!

Солдаты, не вышедшие еще из строя, шли обремененные всевозможной поклажей из Москвы. Каждый хотел что-нибудь захватить и доставить на родину, забыв, во время пребывания в городе, записаться необходимым.

Весь обоз походил скорее на толпу, нагрянувшую в беспорядке из неведомой страны, наряженную в всевозможные одежды и теперь уже напоминавшую собою маскарад. Эта толпа шла впереди во время отступления, постоянно нарушая порядок, желая ограбить награбленное имущество от расхищения солдат. Но так как среди узких улиц, загроможденных обломками разрушенных домов, обозы, повозки, кареты и коляски всевозможных видов постоянно наезжали друг на друга, то толпе было приказано обождать, пока не пройдут строевые войска. При этом происходила ужасная суматоха и беспорядок, впоследствии повторявшиеся при каждом переходе.

Сам Наполеон с величайшим трудом пробирался среди этого хаоса.

Вот в чем, по моей версии, заключался план Высших Сил – заманить Наполеона в Москву и там «совершить обрезание», разъединить этот единым непобедимый организм!

- Прямо иудаизмом запахло! – усмехнулся Юра.

- Слушайте, а я сейчас вспомнил то, что обычно упоминается на уроках физики – начал Николай, - когда изучается небесная механика. Любят приводить знаменитый диалог Наполеона и Лапласа. Лаплас написал книгу, в которой применил свой метод, называемый «метод малых возмущений» для объяснения движения планет солнечной системы. Он сумел, используя только закон гравитации Ньютона и свой метод, объяснить все расхождения в положении планет с теорией, которые имелись на тот момент. Всякие там вековые возмущения и т.п., а вернее, рассчитал все положения с огромной точностью, даже большей, чем было тогда доступно для наблюдений.

- Что ты нам хочешь мозги совсем запудрить, попроще изложи! – оживился Юра.

- Нет, но понимаете – это очень важно. Давайте, как предлагала Глаша, взглянем на ситуацию глазами людей того времени.

- Давайте.

- А именно, не простых людей, а ученых, академиков Французской академии наук. Их же боготворили. Так вот, после Великой французской революции, когда тоже на время веру отвергли, благодаря стараниям французской интеллигенции, как, кстати, потом и у нас, то на божничку поставили науку. Академиков именовали «бессмертными». Это произошло, в том числе и под мощным влиянием Лапласа. Конечно, мало кто мог разобраться в его сложнейшей математике, которую он применял в методе малых возмущений, во всех этих огромных рядах из множества слагаемых. Но все понимали результат: Лаплас объяснил все без Бога! Ведь как было до работы Лапласа? Все опирались на теорию Ньютона, но и она давала небольшие сбои, расхождения в вычислениях положения планет и их реально измеряемом положении на небесной сфере. Ньютон, который был очень религиозным

человеком, объяснял все просто, чтобы порядок не нарушался, Бог иногда вмешивается и поправляет положения планет. Ньютона тогда боготворили. Его механика царила безраздельно в Европе. Поэтому никаких вопросов по этому поводу не было. Но вот пришел Лаплас и все... Он объяснил все без Бога, причем очень точно. Воспользовавшись его методом, Леверье, несколько позже, чисто теоретически открыл новую планету Нептун. Думаю, этот факт вам известен? – Юра и Глаша кивнули.

- Это был триумф лапласовской картины мира. А картина эта была изложена в космологическом сочинении Лапласа. Один из экземпляров тот дал прочесть Наполеону. И состоялся этот знаменитый диалог, который и приводят на уроках и лекциях по физике. Когда Наполеон возвращал Лапласу его сочинение, то спросил: «Почему в Вашем сочинении нет упоминания Господа Бога?» - «Сир, в этой гипотезе я не нуждаюсь!» - гордо ответил Лаплас. Но только теперь я понимаю, какое внутреннее противоречие вскрывалось в этом кратком диалоге. В картине мира Наполеона Бога не могло не быть – ведь он явно чувствовал себя ставленником некоего мощного Духа. А Лапласу Бог был уже ни к чему. Это не могло не задеть Наполеона! Здесь встреча двух непримиримых миров! Двух противоположных картин мира и мироощущений! Коллизия! Драма! Я не зря сказал именно мироощущений. Ведь один из них – Наполеон ощущал действие Духа каждый день, особенно в моменты сражений и жизненных опасностей. А другой – Лаплас жил аналитическим умом и никакого духа не ощущал. Один был, можно сказать, мистический фаталист, верил в свою судьбу и предопределенность, а другой верил в предопределенность научную. Он тоже был своеобразный фаталист, только механистический, он писал примерно так, чисто теоретически, если знать первоначальные координаты и скорости всех частиц во вселенной на какой-то момент времени, то можно рассчитать их положение в любой наперед заданный момент времени с помощью механики Ньютона и его Лапласа метода. А поскольку картина мира тогда была сугубо механистична, то можно сказать, что и будущее состояние мира задавалось именно положением и скоростями частиц.

- Интересный аспект ты нам раскрыл – одобрительно сказал Юра.

- А знаете что?! – Глаша стояла с широко раскрытыми глазами – я бы хотела вас попросить? Давайте на этом материале проведем урок у старшеклассников! Такой комбинированный: литература-история-физика.

- Я не против, - сказал Николай, - только вся разработка, чур, на тебе!

- Согласна! Попрошу под это дело сдвоенный урок. Думаю, начальство будет не против.

- Слушайте, я тут еще одну вещь вспомнил: попался мне один материалчик, тоже на историческую тему, где сравнивались биографии Наполеона и Гитлера. – Юра встал с кресла - И там было найдено такое необычное совпадение: они родились через 129 лет, пришли к власти через 129 лет, вошли в Вену через 129 лет, начали войну против России через 129 лет... проиграли все окончательно через 129 лет. Не кажется ли вам, что слишком много совпадений? Но если принять розамировскую точку зрения, что они оба были предтечей антихриста, то вполне логично предположить, что им обоим дали одинаковое «клише» земной судьбы.

- А что, это тоже интересно – Глаша благодарно взглянула на Юру. – Ты, Юра, должен подвести под это все философскую основу.

- Основу? Это же надо всю «Розу Мира» вкратце изложить. Ведь только там встречается метаисторический подход. Нет, я не возьмусь!

- Ну, хоть кратенько, в виде тезисов... Добро?!

- Ой, Глаша! Тебе не возможно отказать. Попробую. – недовольно проворчал Юра.

Глава 32. Серьезный разговор.

И вот однажды после всех их разговоров, отец Пахомий пришел к Михеичу ночью, прямо после всенощной. Вид у него был тревожный. Михеич зажег свет, провел гостя в кабинет. Усадил в кресло.

- Чаю?!

- Нет. Хотя, пожалуй, а то я уже пол суток как ничего не ел.

- Яишенку?

- Можно и яишенку! – не отказался отец Пахомий. Михеич прошел на кухню и пригласил батюшку с собой.

- Ты садись вот здесь на табуреточку. Вижу, разговор у нас будет серьезным и долгим! – отец Пахомий утвердительно кивнул. Михеич включил электроплитку. Достал из холодильника яйца, налил масла. Сковорода одобритительно заскворчала. По кухне разнесся аппетитный запах.

- Ну, выкладывай свои опасения!

- Степан Михеич! Меня заботит судьба православия!

- О как! Это серьезно! Я ожидал такого разговора давно. А ты только что созрел.

- Да я тоже давно хотел его начать, но не знал как. А тут вот что-то допекло! Все это новое учение о Троице, о Замысле Божьем, о Его Имени... - все это так расходится с каноническим представлением! Это же может разрушить Православие! Или, по крайней мере, внести раскол!

- Разрушить не может! А вот внести раскол... - есть такая опасность. Вот, как ты думаешь, кто был прав, тогда при Никоне, патриарх или раскольники? Может, и не нужно было вносить никаких изменений в богослужения? Может, спокойней было следовать сложившейся традиции, оправдывая себя лозунгом «Русь, храни веру Православную!».

- А что, разве лозунг неправильный?!

- Вот тут закавыка! Русь не сама породила веру христианскую, а переняла ее от Византии. Спорить не будешь? – отец Пахомий помотал головой.

- Вообще, на первоначальном этапе развития России, на этапе «детства и отрочества» (это бОльшая часть исторической хронологии развития, вплоть до середины 19 века) роль России была в том, чтобы принимать что-то с Запада, что-то с Востока, усваивать, сохранять...

Россия исторически ходила в подмастерьях. Но просто копировать и хранить – это только одна часть задачи. Помнишь, что говорила нам Глаша, как она проводит аналогию на уроках истории между судьбой Кутузова и России?

- Помню.

- Она говорит, что раз Бог спасал много раз Россию, стоявшую на грани развала и гибели, то она зачем-то нужна Богу!?

- Я верю, что нужна!

- Это хорошо! Ну, а теперь вспомним притчу евангельскую о рабе лукавом и ленивом. Хорошо помнишь?

- Разумеется!

- Как думаешь, в чем ее главный смысл и посыл?

- Нельзя зарывать свой талант!

- Нельзя просто хранить, нужно развивать и приумножать! Вот главное ожидание Бога и от человека и от страны, от народа в данном случае. Россия брала на Западе лучшие образцы искусства, культуры, науки и умела их не только копировать, но развивать так, что добивалась высших, порой значительно лучших, чем на Западе, образцов и результатов! В литературе, музыке, живописи, в театре, балете, кино... в некоторых отраслях науки. Это когда она начала входить в «зрелый творческий возраст». Такую способность дал Господь России! Согласен?

- Конечно, согласен!

- Но вот в отношении религии Россия оставалась на позиции «раба лукавого и ленивого». Не было религиозного развития. Была только неуклюжая попытка Никона, и то, чем она обернулась – мы знаем. Впрочем, как и во всем остальном, развития не могло быть, по крайней мере, до середины 19 века. Но потом... Прежде чем, сказать про «потом», давай обсудим пророчества, ведь мы пытаемся вести разговор о Божьем Замысле по отношению к России, а тут без пророчеств от Него Самого не обойтись, не будем же мы сами выдумывать этот Замысел? Согласен?

- Ну, разумеется!

- Ты же изучал многие пророчества? Помнишь, я давал тебе ссылки в интернете? И просил распечатать и принести.

- Я принес – отец Пахомий достал папочку, в которой лежало немало распечатанных листов текста. Мехеич взял папочку с названием «Пророчества о России».

- Дай-ка гляну! А ты пока поешь.

- Я тут источники разделил на православные и не православные – уплетая яичницу, - сообщил батюшка.

- Эх, же вас в семинарии муштруют! «Православные» и «не православные» – это как «достоверные» и «не достоверные» - так что ли понимать? – Мехеич взглянул в глаза отцу Пахомию своим пристальным чуть насмешливым взглядом. Батюшка отвел глаза. Он почувствовал некое неудобство, понимая, что в этом постоянном делении на «своих» и «чужих» есть какая-то доля лукавства.

- Ладно. Я-то считаю так, что время показало, какой пророк действительно чего-то стоит и говорил правду, а какой – так себе, трепач или «в прелести», как вы говорите. Так вот, по этому показателю достоверности одно из первых мест по достоверности занимает Эдгар Кейси. Американец. Никакого прямого отношения, ни к православию, ни к России не имел, тем более нужно прислушиваться к таким людям, ибо личный мотив, который часто искажает даже информацию высших пророков, здесь явно отсутствует. Пророк должен быть беспристрастен! Что же писал Кейси? Ага! Вот: Кейси говорил: «В религиозном развитии России великая надежда для мира. Народ или группа народов, которые будут наиболее близки в отношениях с Россией, смогут жить лучше, постепенно меняя условия жизни во всем мире» (цитирование 3976-10, 8 февраля 1932 г.). 29 ноября 1932 года Кейси сказал: «Изменения грядут, может быть уверены, будет эволюция или революция в идеях религиозной мысли. Основы этого для всего мира в конечном счете придут из России; это будет не коммунизм, но то, чему учил Христос — его вид коммунизма». Кейси утверждал, что Россия будет новым центром мира. (Источник: [Какое будущее предсказал России американский пророк Эдгар Кейси](#) © Русская Семерка russian7.ru)

- Понимаешь? Здесь сказано именно «религиозное развитие(!) России». Теперь возьмем Вангу. Не морщись! Много, конечно, о ней наговорили всякого, но ведь очень многие ее предсказания были точными, а это главный критерий. Правда, есть одна разница между Кейси и Вангой, очень существенная. У Кейси все точно записывалось, была специальная стенографистка. Все записи хранятся в библиотеке конгресса США. Тут все документально точно. С другими же пророчествами придется в большинстве случаев, как говорится в следственной практике, довольствоваться показаниями свидетелей. Я прочту то, что писатель Валентин Сидоров воспроизвел в своей книге. Тут я не сомневаюсь. Сидорова знал лично. Он ко мне приезжал. Правда, я не дал ему добро на статью обо мне. Мужик порядочный, честный. Вот что он писал в книге «Людмила и Вангелия», цитируя Вангу: «Новый человек под знаком Нового Учения явится в России, и он будет править Русью всю жизнь ...Новое учение придёт из России - это самое древнее и самое истинное учение - распространится по всему миру и придёт день, когда все религии в мире исчезнут, и их заменит это новое философское учение Огненной Библии».

- Опять говорится о новом учении. По крайней мере, не о том старом православии, за которое так стеной стоят многие наши священники и прихожане. Вот и православные пророки уже в XX веке предрекали (Святитель Феофан Полтавский, 1930 г.): «Вы меня спрашиваете о ближайшем будущем и о грядущих последних временах. Я не говорю об этом от себя, но то, что мне было открыто старцами. Приход антихриста приближается и уже очень близок. Время, разделяющее нас от его пришествия, можно измерить годами, самое большее – десятилетиями. Но перед его приходом Россия должна возродиться, хотя и на короткий срок. И царь там будет избранный Самим Господом. И будет он человеком горячей веры, глубокого ума и железной воли. Это то, что о нем нам было открыто, мы будем ждать исполнения этого откровения. Судя по многим знамениям, оно приближается; разве что из-за грехов наших Господь отменит его и изменит Свое обещание. В России будет восстановлена монархия, самодержавная власть. Господь предызбрал будущего царя. Это будет человек пламенной веры, гениального ума и железной воли. Он прежде всего наведет порядок в

Церкви Православной, удалив всех неистинных, еретических и тепло-хладных архиереев. И многие, очень многие, за малыми исключениями, почти все будут устранены, а новые, истинные, непоколебимые архиереи станут на их место... Произойдет то, чего никто не ожидает. Россия воскреснет из мертвых, и весь мир удивится. Православие в ней возродится и восторгается ует. Но того Православия, что прежде было, уже не будет. Самим Богом будет поставлен сильный царь на престол».

- Про царя православного...

- Про это мы поговорим немного позже, сейчас я хочу остановиться на судьбе православия. Чем хуже, например, православие греческое? Оно древнее и так сказать автохтоннее. Его тоже можно просто хранить, а Грецию сделать центром мирового духовного возрождения. Почему бы и нет, если дело только в том, чтобы хранить веру?! Но ничего такого о греческом православии мы в пророчествах не найдем. Можно прочесть еще много подобных пророчеств. Главная мысль такая: Россия может и должна создать новую духовную цивилизацию, которая даст ориентир развития всего человечества на несколько веков вперед (может и меньше, до прихода антихриста). Но, понимаешь, новый порядок, должен сначала родиться в головах. Чтобы создать новую цивилизацию, новый уклад жизни, в котором духовность будет пронизывать все сферы существования, нужно сначала новое учение. Это учение должно быть тотальным в хорошем смысле этого слова, то есть всеобъемлющим, охватывающим все сферы познания, творчества и жизни. Это и будет новым православием. Старое православие, за которое вы так держитесь, не спасло Россию от трагедии 1917 года. Потом громили церкви, преследовали и убивали священников, да просто верующих. Откуда такое богоборчество в народе, который еще вчера считался почти сплошь и рядом православным?

- Темные силы постарались!

- Так ведь они всегда старались, но что-то до этого не очень получалось!

- Интеллигенция наша русская подлила масла в огонь!

- Но как интеллигенция, которая в основном была страшно далека от народа, смогла внушить огромным массам, воспитанным(!) в православии – это жесткое богоборчество, этот воинствующий атеизм, эту ненависть к религии, попам, церквям, иконам...?! Жил-жил народ православный, и вдруг в его значительную часть вошли бесы! Как так случилось!? Как произошел такой перелом? Должны быть какие-то скрытые причины, какие-то приводные ремни и пружины этого движения, этих перемен! Если мы не поймем этих причин, то простое восстановление православия в его дореволюционном виде, простая реставрация, не даст никаких гарантий от повторения этой трагедии! Это ты понимаешь?

- Понимаю!

- А многие ли в церкви это тоже понимают?

- Увы, мало кто об этом размышляет. Вот восстановили храм или построили новый, освятили, службы начали – и хорошо, и слава Богу! А вообще-то, многие батюшки с тревогой наблюдают, что народу-то приходит на службы мало, храмы – полупустые. Многие архиереи увлеклись стяжательством. Доход их больше волнует, чем стяжание Духа Святого.

- То-то и оно. Но продолжу о причинах. Я раньше говорил о том, что Россия до 19 века все ходила в подмастерьях, но и народ и правители ее чувствовали, что не зря стране дан такой размах, такие потенции, такая вера. Понимали они смутно, что есть какая-то миссия от Бога, миссия всемирная. Не даром Бог не давал нашей цивилизации слиться ни с какой из существующих, пусть более совершенных, так как у России предполагался свой путь. Чувствовали это руководители, политические и общественные деятели из числа родомыслов. – Михеич увидел на лице отца Пахомия вопрос и начал пояснять:

- Ну, вспомни! У каждого крупного народа есть Богом данный Дух народоводитель – Демиург. Он определяет исторические пути развития народа так, чтобы тот осуществлялся в соответствии с планом Провидения Божьего. Демиург посылает родомыслов, как людей, которые наиболее чувствительны к его инспирациям. Выводит их на ведущие роли в политике, науке, культуре...

- Ах, да – «пассионарии» по Гумилеву.

- Ну, называй как хочешь, суть от этого не меняется. У простого же народа, который за сохой, который занят повседневным трудом почти беспросветно, у него голос Демиурга звучит в душе бессознательно, точнее, в виде надсознания. Чтобы понятно было, приведу такой исторический пример, сам, кстати, вычитал недавно, изучая биографию Канта. Оказывается, когда Пруссию первый раз покорили русские при Екатерине Второй, то весь взрослый народ Кенигсберга во главе с бургамистром был приглашен на городскую площадь для принятия присяги Ее Величеству и принятия православия. Они дисциплинированно вышли. Немцы любят порядок. Если курфюрст какого-либо княжества решил сменить веру, то ее безропотно меняли подданные. Это для них не было предательством, а нормой жизни! А когда Кенигсберг вернулся в подданство прусскому королю, то они снова дисциплинировано вышли и приняли опять присягу Фридриху и протестантизму. А у нас как ?!

- Да, уж у нас не так!

- Верно! Когда Никон внес свои поправки в богослужебные книги и практику богослужения, то тут сам знаешь, какая буча поднялась. И ведь шли за веру на костры! Сейчас для нас не так важно, правы были или нет, но у них было ощущение, что на народе лежит религиозная миссия!

- Да, я тоже замечал странную разницу, например, изучая наполеоновские войны в Европе и Отечественную войну в России. Там народ не воевал. Воевали только профессиональные военные. Разве в Испании было не совсем так. Но в целом, народ мирно принимал новых правителей и новые порядки, лишь бы давали им жить тоже. Поворчат, да и в избушки на клюшки! У нас же народ поднялся! Наш затюканный крепостничеством народ. Неграмотный, сырой и убогий, безоружный взял дубину и пошел!

- Верно, очень верно подмечено, батюшка. Наш народ многое может стерпеть, только в вопросах веры и миссии идет до конца! Вот и нашли мы первую «зацепочку», чтобы попытаться объяснить, что же

произошло с народом нашим в 1917 году. Здесь нужно говорить именно о миссии.

- И как же вы это объясните?

- Народ наш чувствовал, что лежит на нем миссия обновления духовной жизни, и не только для себя, но и для всего мира. Идея «всемирной революции», таким образом, имела почву не просто в учении большевиков, а в подсознании (надсознании) народа. И этим же подсознанием, этой же народной «чучечкой», ощущали люди, что церковь и самодержавие свою работу в направлении осуществления миссии не выполняет. Извините за выражение, но «затхлость» того православия и самодержавия, которые существовали в России накануне революции, чувствовала не только передовая интеллигенция, но значительная часть народа, так же как потом затхлость коммунистической идеи в СССР 80-х почувствовал советский народ. Но Провидению было видно, что в недрах церкви нет такого движения, которое могло бы изменить ее изнутри. Предпринимались попытки изменить контекст мировоззрения извне. Усилился интерес к восточным духовным учениям, возникли идеи «русского космизма». Однако в эту бучу, конечно, не могли вмешиваться темные силы. Они посылали своих вестников и темных миссионеров. Это интересно проследить на судьбах двух Владимиров. Владимиру Соловьеву был противопоставлен Владимир Ульянов-Ленин.

Сначала о Владимире Соловьеве, вот что пишет Даниил Андреев в «Розе Мира» (сразу извиняюсь за длинную цитату): («Роза Мира» книга XI «Миссии и судьбы 3»)

Какая странная фигура - Владимир Соловьёв на горизонте русской культуры! - Не гений - но и не просто талант; то есть как поэт, пожалуй, талант, и даже не из очень крупных, но есть нечто в его стихах, понятием таланта не покрываемое. - Праведник? - Да, этический облик Соловьёва был исключительным, но всё же известно, что от многих своих слабостей Соловьёв при жизни так и не освободился. - Философ? - Да, это единственный русский философ, заслуживающий этого наименования безо всякой натяжки, но система его оказалась недостроенной, большого значения в истории русской культуры не имела, а за границей осталась почти неизвестной. - Кто же он? Пророк?

- Но где же, собственно, в каких формах он пророчествовал и о чём? Может быть, наконец, «молчаливый пророк», как назвал его Мережковский, - пророк, знаменующий некие духовные реальности не словами, а всем обликом своей личности? Пожалуй, последнее предположение к действительности ближе всего, и всё-таки с действительностью оно не совпадает.

Философская деятельность Соловьёва диктовалась намерением, которое он очень рано для себя определил: подвести под богословское учение православия базис современной положительной философии. Часто, конечно, он выходил далеко за пределы этого задания; на некоторых этапах жизни даже уклонялся от строгой ортодоксии, вследствие чего, например, его капитальная работа «La Russie et l'Eglise universelle»* даже не могла быть опубликована в России. Но он постоянно был озабочен тем, чтобы не оказаться в религиозных отщепенцах, и вряд ли что-нибудь рисовалось ему в более отталкивающем виде, чем судьба ересиарха.

* «Россия и Вселенская церковь» (фр.) - Ред.

И всё же он оказался - не ересиархом, конечно, но предтечей того движения, которому в будущем предстоит ещё определиться до конца и к которому православная ортодоксия, во всяком случае сначала, быть может, отнесётся как к чему-то, недалёкому от ереси.

Великим духовидцем - вот кем был Владимир Соловьёв. У него был некий духовный опыт, не очень, кажется, широкий, но по высоте открывшихся ему слоёв Шаданакара превосходящий, мне думается, опыт Экхарта, Бёме, Сведенборга, Рамакришны, Рамануджи, Патанджали, а для России - прямо-таки беспримерный. Это - три видения, или, как назвал их сам Соловьёв в своей поэме об этом, «три свидания»: первое из них он имел в восьмилетнем возрасте во время посещения церкви со своею бонной, второе - молодым человеком в библиотеке Британского музея в Лондоне, а третье - самое грандиозное - вскоре после второго, ночью, в пустыне близ Каира, куда он устремился из Англии, преодолевая множество преград, по зову

внутреннего голоса. Отсылаю интересующихся и ещё незнакомых с этим уникальным религиозным документом к поэме «Три свидания»: она говорит сама за себя. Цитировать её в настоящее время я лишён возможности, а передавать её содержание собственными словами не дерзаю. Осмелюсь констатировать только, что Соловьёв пережил трижды, и в третий раз с особенной полнотой, откровение Звенты-Свентаны, то есть восхищение в Раорис, один из наивысших слоёв Шаданакара, где Звента-Свентана пребывала тогда. Это откровение было им пережито в форме видения, воспринятого им через духовное зрение, духовный слух, духовное обоняние, органы созерцания космических панорам и метаисторических перспектив - то есть почти через все высшие органы восприятия, внезапно в нём раскрывшиеся. Ища в истории религии европейского круга какой-нибудь аналог или, лучше сказать, предварение такого духовного опыта, Соловьёв не смог остановиться ни на чём, кроме гностической идеи Софии Премудрости Божией. Но идея эта у гностика Валентина осложнена многоярусными спекулятивными построениями, с опытом Соловьёва, по-видимому, почти ни в чём не совпадавшими, тем более, что он сам считал какие бы то ни было спекуляции на эту тему недопустимыми и даже кощунственными. Идея эта не получила в историческом христианстве ни дальнейшего развития, ни, тем более, богословской разработки и догматизации. Это естественно, если учесть, что эманация в Шаданакар великой богорождённой женственной монады совершилась только на рубеже XIX века, - метаисторическое событие, весьма смутно уловленное тогда Гёте, Новалисом и, может быть, Жуковским. Поэтому до XIX века никакого мистического опыта, подобного опыту Соловьёва, просто не могло быть: объекта такого опыта в Шаданакаре ещё не существовало. В эпоху гностицизма воспринималось другое: происшедшее незадолго до Христа низлияние в Шаданакар сил Мировой Женственности, не имевшее никакого личного выражения, никакой сосредоточенности в определённой богорождённой монаде. Эхо этого события достигло сознания великих гностиков и отлилось в идею Софии. В восточном христианстве образ Софии Премудрости Божией всё-таки удержался, хотя и остался никак не связанным с православною богословскою доктриной и даже как-то глухо ей противореча. Слабые попытки увязать одно с другим приводили только

к абсурду, вроде понимания Софии как условно-символического выражения Логоса, Христа.

Сам Соловьёв считал, что в девяностых годах прошлого века для открытой постановки вопроса о связи идеи Софии с православным учением время ещё не пришло. Он хорошо понимал, что вторжение столь колоссальной высшей реальности в окостеневший круг христианской догматики может сломать этот круг и вызвать новый раскол в церкви; раскол же рисовался ему великим злом, помощью грядущему антихристу, и он хлопотал, как известно, больше всего о противоположном: о воссоединении церквей. Поэтому он до конца своей рано оборванной жизни так и не выступил с провозвестием нового откровения. Он разрешил себе сообщить о нём лишь в лёгком, ни на что не претендующем поэтическом произведении. Личная же скромность его и глубокое целомудрие, сказывающиеся, между прочим, в кристальной ясности языка даже чисто философских его работ, подсказали ему - окружить повесть о трёх свиданиях, трёх самых значительных событиях его жизни, шутливым, непритязательно-бытописующим обрамлением. Поэма осталась мало известной вне круга людей, специально интересующихся подобными документами, - круга, у нас немногочисленного даже и перед революцией, а ныне и вовсе лишённого возможности как-либо проявлять себя вне стен своих уединённых комнат. Но влияние этой поэмы и некоторых других лирических стихотворений Соловьёва, посвящённых той же теме, сказалось и на идеалистической философии начала века - Трубецком, Флоренском, Булгакове - и на поэзии символистов, в особенности Блока.

Из всего только что сказанного как будто бы ясно, что грядущее рождение Звенты-Свентаны в Небесной России силами демиурга Яросвета и Навны имеет к идеям Соловьёва самое прямое отношение, ибо Звента-Свентана - это не что иное, как выражение Женственной ипостаси Божества для Шаданакара. Всякому ясно, следовательно, что такие идеи, вытекающие из откровения Вечной Женственности, не совпадают с пониманием Троичности в ортодоксальном христианстве. И не удивительно, что В. Соловьёв, пёкшийся о воссоединении

христианства, а не о его дальнейшем дроблении на конфессии и секты, не торопился оглашать свой пророческий духовный опыт.

Была, вероятно, и вторая причина. Хорошо знакомому с историей религии Соловьёву не могли быть неизвестны факты, показывающие, что вторжение в религиозные организации и в культ представлений о различии божественно-мужского и божественно-женского начал чревато исключительными опасностями. Понятое недостаточно духовно, недостаточно строго отделённые от сексуальной сферы человечества, вторжения эти ведут к замутнению духовности именно сексуальной стихией, к кощунственному отождествлению космического духовного брака с чувственной любовью и, в конечном счёте, к ритуальному разврату. Насколько можно судить, положительный опыт - лицезрение Звенты-Свентаны в этом облике сверхчеловеческой и сверхмирской женственной красоты - был для Соловьёва настолько потрясающим, настолько несовместимым ни с чем человеческим или стихийным, что духовидца с тех пор отталкивали какие бы то ни было спуски в слои противоположных начал. Он знал, и хорошо знал, о существовании Великой Блудницы и о возможных страшных подменах, подстерегающих всякое недостаточно чёткое, недостаточно окрепшее сознание, уловившее зов Вечно-Женственного сквозь замутняющие слои страстных, противоречивых эмоций. Но существование великой стихии человечества - Лилит, ваятельницы и блюстительницы плоти народов, осталось, по-видимому, для него неясным. Он употребляет раза два или три выражение «простонародная Афродита», но, очевидно, понимает при этом неопределённое смешение двух начал: стихийного и сатанинского. Их спутанность, нерасчленённость в представлениях Соловьёва - несомненна. Но указание на подстерегающую в этом направлении опасность, сделанное хотя бы в такой неотчётливой форме, было всё же необходимо в высшей степени. После происшедшего с Александром Блоком можно только пожалеть, что это предупреждение Соловьёва не было сделано с большею разработанностью.

В том, что миссия Соловьёва осталась недовершённой, нет ни капли его собственной вины. От перехода со ступени духовидения на ступень пророчества его не отделяло уже ничто, кроме преодоления

некоторых мелких человеческих слабостей, и вряд ли может быть сомнение в том, что, продлись его жизнь ещё несколько лет, эти слабости были бы преодолены. Именно в пророчестве о Звенте-Свентане и в создании исторических и религиозных предпосылок для возникновения Розы Мира заключалась его миссия. Тогда Роза Мира, вернее, её зерно, могло бы возникнуть ещё внутри православия, его изменяя и сближая со всеми духовными течениями правой руки. Это могло бы произойти в России даже в условиях конституционной монархии. Соловьёв должен был бы принять духовный сан и, поднимая его в глазах народа на небывалую высоту авторитетом духовидца, праведника и чудотворца, стать руководителем и преобразователем церкви. Известно, что в последние годы жизни перед внутренним взором Соловьёва всё отчётливее раскрывались перспективы последних катаклизмов истории и панорама грядущего царства Противобога, и он сосредоточился на мечте о воссоединении церквей и даже о будущей унии иудаизма и ислама с христианством для борьбы с общим врагом - уже недалеко во времени рисовавшимся пришествием антихриста. В его письмах имеются бесспорные доказательства, что в подготовке общественно-религиозного сознания к этой борьбе он видел в последние годы своё призвание. Мы не можем знать, в каких организационных и структурных формах религиозности совместил бы он преследование этой задачи с пророческим служением Вечной Женственности. Формы эти зависели бы не от него одного, но и от объективных условий русской и всемирной истории. Но и само течение этой истории было бы иным, если бы первые тридцать лет двадцатого столетия были бы озарены сиянием этого светлейшего человеческого образа, шедшего прямой дорогой к тому, чтобы стать чудотворцем и величайшим визионером всех времён.

Призвание осталось недовершённым, проповедь - недоговорённой, духовное знание - не переданным до конца никому: Соловьёв был вырван из Энрофа в расцвете лет и сил тою демонической волей, которая правильно видела в нём непримиримого и опасного врага.

Обаяние его моральной личности, его идей и даже его внешнего облика - прямо-таки идеального облика пророка в настоящем смысле

этого слова - воздействовало на известным образом преднастроенные круги его современников чрезвычайно, и это несмотря на всю недоговорённость его религиозного учения. За 15 лет, протёкшие от его смерти до революции, было издано многотомное собрание его сочинений и появилась уже целая литература о Соловьёве и его философии. Работа эта была оборвана на сорок с лишним лет с приходом предшественников того, о ком он предупреждал. Подобно завесе гробового молчания, опущенной на весь отрезок жизни Александра Благословенного после Таганрога, глухая вода безмолвия сомкнулась и над именем Владимира Соловьёва. Его сочинения и работы о нём были сделаны почти недоступными, и имя философа проскальзывало только в подстрочных примечаниях к стихам Александра Блока, как имя незадачливого идеолога реакции, внушившего молодому поэту кое-какие из наиболее регрессивных его идей. Философская бедность России повела к провозглашению вершинами философии таких деятелей XIX столетия, в активе которых числятся только публицистические, литературно-критические или научно-популярные статьи да два-три художественно беспомощных романа. Единственный же в России философ, создавший методологически безупречный и совершенно самостоятельный труд «Критика отвлечённых начал», замечательную теодицею «Оправдание добра» и ряд провидческих концепций в «Чтениях о богочеловечестве», «Трёх разговорах», «России и Вселенской церкви», - оказался как бы не существовавшим. Дошло до того, что целые интеллигентные поколения не слыхали даже имени Владимира Соловьёва, покоящегося на московском Новодевичьем кладбище под обескрещенной плитой.

Что в Синклите России могуч Пушкин, велик Достоевский, славен Лермонтов, подобен солнцу Толстой - это кажется естественным и закономерным. Как изумились бы миллионы и миллионы, если бы им было показано, что тот, кто был позабытым философом-идеалистом в России, теперь достигает и творит в таких мирах, куда ещё не поднялись даже многие из светил Синклита».

- Получается, что Провидение предпринимало попытки изменить православие российское изнутри. «Соловьёв должен был стать

величайшим чудотворцем и духовидцем, принять сан, а затем и возглавить Православную Церковь. Тогда бы не произошло революции ибо идеи преобразования веры были реализованы в условиях конституционной монархии». – Михеич закончил чтение, посмотрел на батюшку, тот с удивлением произнес:

- Интересный поворот истории! Я много думал о корнях этой революции. О страшном изломе русской жизни.

- Да, но в 1900 году 47-ми лет от роду, Владимир Соловьев умер от непонятной болезни. Как поясняет Даниил Андреев, он был вырван темными силами из нашего мира. А силу набирать начал другой Владимир – Ульянов-Ленин. С его помощью темные сумели подменить в сознании народа представление о путях осуществления своей всемирно исторической задачи. Было внушено, что церковь и самодержавие только мешают этим задачам, их нужно смести. Значительная часть масс, наиболее активных, восприняла эти идеи с энтузиазмом, тем более, что они оправдывались совершенно благими намерениями (не идей господства над миром, как в нацистской Германии), а идеей всемирного братства народов на базе коммунистического учения. Идей всеобщего благосостояния и процветания, развития и совершенствования, как отдельного человека, так и всего человечества. Но для этого: долой царя! Круши церковь! «И пошли они, солнцем палимы...».

- Да, об этом я как-то не задумывался.

- Это называется тонкая подмена, темные силы – специалисты в таких делах.

- Ну, это нам ведомо.

- Они сыграли на самом сокровенном в русской душе.

- Выходит, что сыграли. Об этом же было Фатимское предупреждение.

- Да, еще весной 1917 года в Португалии.

- Все сходится.

- Но теперь, почему было попущен такой погром православной церкви в России, ведь, может быть, можно было как-то смягчить? -

Русская душа, если берет что-то, то идет до конца, до исступления. Такова ее особенность. Почему мы более Запада преуспели в литературе, музыке, балете, живописи... ? Мы же брали их формы, вполне аккуратные, сдержанные, законченные, оформленные, ограниченные – и начинали их расширять, шли до конца, до «Черного квадрата» Малевича. От того все получалось грандиозней, масштабней, величественней, шире и глубже. «Широк русский человек, я бы сузил» - помните у Достоевского.

- А как же!

- Легкий Западный атеизм, в форме интеллектуального сомнения, нам нужно было довести до края, до тотального воинствующего массового навязанного атеизма. Почему у нас был так популярен Ницше еще до революции, причем более чем в Европе? Потому что он, со своей «сумашедшкой» в учении, со своими крайностями, нам очень подходил!

- Да, эта странность тоже бросается в глаза.

- Если машина не едет, то ее нужно сначала разобрать, а потом собрать по-новому. Вы поняли, о чем сейчас я?!

- Догадываюсь, кажется, о православии в России?

- Верно! Была попущена разборка «машины» со страшными крайностями, но не для того, чтобы снова собрать, как было! Так она снова не поедет! Здесь, как у раба лукавого и ленивого, закопать талант – не выйдет! С нас спросят! Еще как спросят! Нужно талант пускать в рост. Иначе отнимется у того, кто не имеет или стыдливо прячет.

- Теперь, я, кажется, понимаю. Но ведь какая работа предстоит, сколь трудная работа. По-моему, большинство не готово к ней. Особенно в церкви.

- Наша главная задача, показать, что мы не противопоставляем новое учение православию, а видим его как развитие, новую ступень совершенствования старой доброй веры. Основы остаются основами.

- Тяжело это донести до клира церковного, ох как тяжело! Все очень недоверчивы, подозрительны ко всяким изменениям. Везде им мерещится антихрист.

- Именно он и мерещится, не давая дорогу позитивным изменениям! Они, чрезвычайно боясь его, становятся им одержимы! Он их запугал и взял тем самым в плен, это известная тактика террористов, взять на испуг и тем заставить выполнять свою волю. На этом сыграли темные силы еще во времена пришествия Христа. Они упорно насаждали мнение, что сила Христа от дьявола, а Сам Он – лжепророк, соблазнитель народных масс. Но, давайте же не бояться! Остерегаться нужно, но не бояться! Страх парализует волю и притупляет разум. Лучше укрепимся пророчествами о будущем. Почитайте их вслух, чтобы укреп наш дух! О! стих нарисовался!

Михеич подал папку отцу Пахомию: «Ну, давайте как на службе, там же читают древние пророчества вслух. А мы почитаем пророчества более близкие к нашим временам и тем укрепим свой дух, ибо они нам дают почувствовать, что с нами Бог! Итак, начинайте».

Отец Пахомий начал читать листки из папки:

Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. 1906–1908 гг.

«Я предвижу восстановление мощной России, еще более сильной и могучей. На костях мучеников, как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая – по старому образцу; крепкая своей верою во Христа Бога и во Святую Троицу! И будет по завету святого князя Владимира – как единая Церковь! Перестали понимать русские люди, что такое Русь: она есть подножие Престола Господня! Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский».

Преподобный Анатолий Оптинский. 1917 г.

Будет шторм. И русский корабль будет разбит. Но ведь и на щепках и обломках люди спасаются. И все же не все погибнут. Надо молиться, надо всем каяться и молиться горячо... Явлено будет великое чудо Божие... И все щепки и обломки, волею Божией и силой Его, соберутся и соединятся, и воссоздастся корабль во всей красе и пойдет своим путем, Богом предназначенным...

А Россия будет спасена. Много страдания, много мучения. Надо много и много перестрадать и глубоко каяться всем. Только покаяние через страдание спасет Россию. Вся Россия сделается тюрьмой, и надо много умолять Господа о прощении. Каяться в грехах и бояться творить

и малейшие грехи, а стараться творить добро, хотя бы самое малое. Ведь и крыло мухи имеет вес, а у Бога весы точные. И когда малейшее на чаше добра перевесит, тогда явит Бог милость Свою над Россией...

Но сперва Бог отнимет всех вождей, чтобы только на Него взирали русские люди. Все бросят Россию, откажутся от нее другие державы, предоставив ее себе самой. Это чтобы на помощь Господню уповали русские люди. Услышите, что в других странах начнутся беспорядки и подобное тому, что и в России (во время революции – ред.), и о войнах услышите и будут войны – вот, уже время близко. Но не бойтесь ничего. Господь будет являет Свою чудесную милость.

Схиеромонах Аристоклий А фонский. 1917-18 гг.

Конец будет через Китай. Какой-то необычный взрыв будет, и явится чудо Божие. И будет жизнь совсем другая на земле, но не на очень долго. Крест Христов засияет над всем миром, потому что возвеличится наша Родина и будет, как маяк во тьме для всех».

Преподобный Нектарий Оптинский, 1920 г.

«Россия воспрянет и будет материально не богата, но духом богата, и в Оптиной будет еще 7 светильников, 7 столпов. Если в России сохранится хоть немного верных православных, Бог ее помилует. А у нас такие праведники есть».

- Пока остановитесь!

- Но тут еще много есть.

- Давайте, я добавлю еще пару индийских пророков, для полноты картины, хотя там тоже больше чем только пара давали подобные предсказания – Михеич начал читать материалы из другой папки, которая была у него в руках:

Баба Вирса Сингх с детских лет имел видения о том, что Русь имеет высокое предназначение духовного водителя человечества. Во время своего первого визита в Россию в 1989 году, выступая по центральному телевидению, он предупреждал, что если ход реформ будет таким, какой он есть, то СССР развалится. Предсказание сбылось. Вот его слова: «В России будет много духовных людей... Россия много страдала, народ много страдал, и это страдание сменится радостью и

любовью. Богом решено, что счастье будет дано России. Россия снова станет великой, экономически развитой державой, обладающей огромными запасами природных ресурсов».

«Историческое предназначение России – стать духовным лидером человечества, – говорил Махараджи. – Эти времена для вашей страны приближаются».

Вивекананда был солидарен со своим учителем. Он сделал предсказание, в котором говорилось о том, что в будущем Россия станет духовным оплотом мира. Этому будут предшествовать тяжёлые времена, и спасительный путь русскому народу укажет Индия. Другое пророчество гуру уже сбылось: он предсказал революцию 1917-го года.

- Давайте до остальных наших участников доведем всю эту информацию, назовем все эту беседу «Судьбы России и православия в 21 веке».

За окном уже встало утро. Михеич с отцом Пахомией вышли на крыльцо. Пахло сырым садом. Свежий воздух какой-то вдохновенной силой наполнял грудь. Отцу Пахомию стало легко на сердце. «Бог все устроит лучшим образом, чаянья наши не напрасны!» - подумал он.

- А что Вы, Степан Михеич, думаете по поводу царя православного и восстановления монархии в России?

- О! Это большая тема. Позвольте, сейчас я не буду отвечать на этот вопрос, выберем время, а Вы пока сами подкопите материал, пособирайте мнения не только из интернета, но и у своих коллег.

- Соберу. Но тему очень хотелось бы обсудить.

- Обсудим. – Михеич подал руку батюшке. Тот крепко пожал ее с благодарной улыбкой и отправился восвояси.

Глава 33. Роль личности в истории.

Михеич снова попросил через несколько дней собраться всех участников «консилиума» в библиотеке. Тему он объявил заранее «Будущее России, мира, православия и будущий православный царь». Попросил всех подготовиться. В назначенный час все собрались, и Михеич начал:

- Читая «Розу Мира», вы, я полагаю, все убедились в том, насколько велика роль личности, человеческой личности в истории. Какое бы огромное влияние не имели, скажем, Демиурги народов на надсознание, или демоны государственности – уицраоры на подсознание колоссальных масс людей, какие бы эмоции не вызывали в массовом бессознательном стихии, какими бы ни были прочие потусторонние влияния на человеческую психику из иных миров, но все же сильнее всего на ход истории человечества оказывается влияние через воплощенного человека. С другой стороны, постулатом метаистории нужно считать тот факт, что любой человек, который оставляет существенный след в истории своего ли народа, страны, тем более, человечества, должен иметь поддержку невидимых сил. До рождения ему даются дары светлые или темные, а его жизненная задача – реализовать их через свою биографию. Обе стороны борются за или против деятельности такого человека. То, что ждет Россию и мир впереди не будет исключением. Ближайшая эпоха, которая, как мы все надеемся, будет светлой, эпоха, в которой будет преобладать духовность и братское отношение людей и народов друг к другу, тоже должна быть начата под влиянием некоей необыкновенной личности. Называют эту личность, точнее ее положение и влияние на будущее по-разному. Одни говорят, что это будет царь православный в России, другие говорят верховный правитель, в «Розе Мира» Даниил Андреев называет его духовным вестником Высших Миров... Но все сходятся на том, что для того переворота, который должен произойти в жизни мира и России нужна такая личность, очень многим одаренная и имеющая сильнейшую поддержку из этих Высших Миров. Когда мы читали в «Розе Мира» о том, каким должен был стать Владимир Соловьев, то там упоминаются такие слова, что он должен был «стать чудотворцем и величайшим визионером всех времён». Вот что еще говорит Даниил Андреев о возможном воплощении такой личности в будущем: «Может быть, такой человек не придёт или придёт не скоро. Возможно, что Розу Мира будет возглавлять не он, а коллектив достойнейших. Но если бы Провидение направило такую великую душу в наш век - а Оно её уже направило - и демонические силы не сумели бы устранить её, - это было бы для всей земли величайшим счастьем. Потому что более могучего и светлого воздействия на

человечество, чем воздействие гениального художника слова, ставшего духововидцем и праведником и возведённого на высоту всемирного руководства общестественными и культурными преобразованиями, не может оказать никто. Именно так ому человеку и только так ому может быть вверен необычайный и небывалый в истории труд: этический контроль над всеми государствами Федерации и водительство народами на пути преобразования этих государств во всечеловеческое братство. На свой необычайный пост он мог бы прийти только сквозь строгий искуc. Такому сану не может соответствовать ни молодость, ни даже зрелый возраст; лишь старость. Испытания и борьба страстей должны быть давно изжиты. Что до самого избрания, то оно, мне кажется, могло бы быть осуществлено лишь через тот или иной вид плебисцита. Да и в годы правления верховного наставника Собор следил бы за его действиями. Уклонение его от пути влекло бы передачу власти достойнейшему».

Нужно понять, что это не будет просто политический деятель, даже гениальный политик не сгодится на это место. Этого мало. Ведь речь идет не только о серьезных политических и экономических изменениях, но об изменениях религиозных. Чтобы за ним в этом важном вопросе пошли огромные массы людей, нужно чтобы была очевидной поддержка его со стороны Высших Сил. Это должна быть грандиозная фигура в плане философского уровня, научного и религиозного развития, праведник, чудотворец, прозорливец, для которого иные миры – открытая книга. Его церковь тоже будет состоять из таких людей, не просто рукоположенных иереев, но тех, кому открыто нечто надмирное. В центре этой церкви будет стоять духовно, обновленная церковь православная, а к ней в той или иной форме будут примыкать остальные духовные организации правой руки всего мира. При основании обновленной церкви православной будут чудесные явления, будут подтверждения Свыше, знамения о том, что это не есть некое самозванство и строительство очередной секты, а есть Воля Провиденья Божьего, реализация Его Замысла для данного исторического периода. Это в чем-то будет похоже на многочисленные чудеса, которыми сопровождалась первоначальная жизнь и становление христианской церкви в самом ее основании. Мы можем

прочсть об этих чудесах в «Деяниях апостолов». Это обязательно будет, ибо новая религия не строится, как новая идеология, просто переворачиванием истин в умах и обычной пропагандой этих идей. Она строится с явным влиянием, манифестацией и демонстрацией тех потусторонних начал, с которыми религия воссоединяет человечество (напомню, слово «религио» переводится как «воссоединяю»).

- Давайте, почитаем, что предсказывают об этой личности разные пророки – Степан Михеич передал слово отцу Пахомию, он перечислит именно православные пророчества о грядущем «царе православном»: «Царь грядет...» (Святитель Афанасий (Сидячий) в Харькове /51/).

Прп. Анатолий (Потапов): «Судьба Царя - судьба России. Радоваться будет Царь - радоваться будет и Россия... Не будет Царя - не будет и России... Как человек с отрезанной головой уже не человек, а смердящий труп, так и Россия без Царя будет трупом смердящим» /50/.

Пророк монах Авель, предсказавший императору Павлу I его убийство, Александру I - разорение французами Москвы и предрекший мученичество Николая II, предсказывал и о последнем Царе. Его явление не вызовет никаких сомнений и разногласий у людей, так что не будут спорить: «Здесь Царь, или там», но все скажут: «Вот он!». Пророк Авель оставил и указание на имя этого Царя - два правителя с таким именем восседали на русском троне, но не на троне царей /50/.

А в конце нашего разговора об этом Поля добавила: «Еще будет защитник Веры — Царь — умнейший человек... Готовится Самим Богом!» (Св. блаженная Пелагия Рязанская /17/).

«Сейчас видел я царя, на престоле сидящего и пред ним стоящих двух храбрых отроков, имеющих на главах царские венцы. И дал им Господь в руки оружие на супротивных, и побеждены будут враги их, и поклонятся все народы и будет царство наше умирено Богом и устроено. Вы же, братие и отцы, молитесь со слезами Богу и Пречистой Его Богоматери о державе царства российской земли». (Преп. Кирилл Белый /44/).

«Россия вновь станет великою странюю и процветет аки крин небесный. Наследник последнего царя Николая Второго править будет во время возрождения России, и имя его — Михаил. Перед ним два тезоименитых Михаила будут на престоле России — но не царском — а

этот воссядет, как на царский престол...» (преп. Серафим Саровский /43/).

«И в России должен быть Царь, предызбранный Самим Господом. Он будет человеком пламенной веры, великого ума и железной воли. Так о нем открыто. (...) Произойдет то, чего никто не ожидает. Россия воскреснет из мертвых и весь мир удивится. Православия, что прежде было, уже не будет. (...) Самим Богом будет поставлен сильный Царь на Престоле. Он будет большим реформатором и у него будет сильная Православная вера. Он низринет неверных иерархов Церкви, он сам будет выдающейся личностью, с чистой, святой душой. У него будет сильная воля. Он придет из династии Романовых по линии матери. Он будет Божиим избранником, послушным Ему во всем». (Святитель Феофан Полтавский /51/).

«О (грядущем) Государе же не пекись, Его Господь сохранит, Он в душе христианин, чего не могут про себя сказать иные даже из духовных великих особ. Велик был Государь Император Петр I Алексеевич, за что Великим и Отцом Отечества справедливо наречен, а по вере в Господа (грядущий Государь) и соравнен (с Петром Великим) быть не может; сами разсудите, Петр Великий жил во времена такие, когда и одним взглядом дорожили царским первейшие бояре как Милостию Божиею и все безмолвно Царю покорялись, так Ему было легко управляться, а ныне не тот народ уже стал. Вот ея то (верую в Господа) Он (грядущий Русский Царь-победитель антихриста) и выше Петра Великого, за нелицемерную Веру Его Православную и поможет Ему Бог во всем и возвеличит во дни Его так Россию над всеми врагами ея, что Она станет превыше всех царств земных и не только нам у иностранцев уже не придется учиться ни чему, а еще и им доведется бывать в нашей Земле Русской да учиться у нас и Вере Православно-христианской и жизни благочестивой по этой вере». (Пророчества Преподобного Серафима Саровского /34/)

Спрашивавшим о будущем /о. Николай Гурьянов/ не давал строить иллюзии, говорил, что жизнь будет все тяжелее и тяжелее, потому что Удерживающего нет, т.е. Помазанника. И благословлял проводить молебные пения о спасении Отечества нашего и народа от Богоборческого ига жидовского и обольщения близгрядущего антихриста. О светской власти говорил, что лучшего не ждите. Но

говорил также, что со временем будет и царь, царь грядет. (/12/ «Соль Земли» (Фильм 3), отец Николай Гурьянов, 1:13).

Пока не покаемся за цареубийство соборным покаянием, хорошо жить не будем, будем в крови купаться. Новый царь придет только после соборного покаяния и после того, как пройдет война. (/12/ «Соль Земли» (Фильм 2), Схиархим. Христофор, 1:46).

«Говорил /схиархимандрит Христофор/ что на малое время нам Господь снова пошлёт царя, но прежде будут войны, что вновь к власти придут коммунисты и масоны, что начнутся тогда страшные гонения, страшнее, чем в послереволюционные годы» (Книга: Схиархимандрит Христофор /20/, с. 483-484).

«Батюшка /схиархимандрит Христофор/ говорил, что будет рассвет России, она расцветёт после этих страданий. Сейчас будут страдания (и ИНН будут навязывать, и карточки, и перепись, и паспорта), и нам надо выстоять, пройти через эти страдания. В последнее время, говорил он, люди много будут болеть, но не отчаивайтесь, это будет во очищение душ ваших. А потом он сказал:

- Россия процветёт, будет новый царь, она воскреснет и освободится от этой заразы сатанинской, и жизнь будет очень хорошая, благочестивая... но всё зависит от нашего покаяния, нужно соборное покаяние, чтоб был у нас новый царь, без покаяния царь не придёт.

Батюшка нам говорил, что всё это творят жидомасоны, только они тайно всё творят и из космоса управляют нами, они даже наше общение друг с другом будут знать. Они хотят затоптать веру православную, стереть её в порошок. И тогда царь даст благословение казакам идти защищать веру.

- Если все трудности переживём, перетерпим – говорил он, - если нас Господь подкрепит пронести всё это, то возрождение России будет» (Книга: Схиархимандрит Христофор /20/, с. 332).

Преп. Лаврентий Черниговский: «Россия вместе со всеми славянскими народами и землями составит могучее царство. Окармливать его будет царь православный, Божий помазанник. Царь будет от Бога.

В России исчезнут все расколы и ереси.

Гонения на Церковь Православную не будет.

Господь Святую Русь помилует за то, что в ней было страшное и ужасное предантихристово время. Просиял великий полк мучеников и исповедников, начиная с высшего духовного и гражданского чина, митрополита и царя, священника и монаха, младенца и даже грудного дитяти, кончая мирским человеком. Все они умоляют Господа Бога, Царя Сил, Царя Царствующих, в Пресвятой Троице славимого Отца и Сына и Святаго Духа.

Нужно твёрдо знать, что Россия - жребий Царицы Небесной и Она о ней заботится и ходатайствует о ней сугубо.

Весь сонм святых русских с Богородицей просят пощадить Россию.

В России будет процветание веры православной и прежнее ликование, только на малое время, ибо придет Страшный Судия судить живых и мертвых.

Русского православного царя будет бояться даже сам антихрист.

При царе будет Россия самое мощное царство в мире. А другие все страны, кроме России и славянских земель, будут под властью антихриста и испытают все ужасы и муки, описанные в Священном Писании.

Россия, кайся! Прославляй ликуя Бога и пой Ему: Аллилуйя. (Преп. Лаврентий Черниговский /45/).

Еще один вопрос задали /архимандриту Серафим у (Тяпочкину)/ - о возможности восстановления монархии в России. Старец ответил, что это восстановление надобно заслужить. Оно существует как возможность, а не как предопределенность. Если будем достойны, выберет русский народ Царя, но это станет возможным перед самым воцарением антихриста или даже после него» - на очень короткое время» (Архимандрит Серафим (Тяпочкин) /40/).

О. Таврион: Духовенство предастся антихристу. Мы в том грешны, что не заступились за царя. Если будет покаяние российского народа за цареубийство, Господь даст Царя. Царь обличит духовенство, архиереев. (/12/ «Соль Земли» (Фильм 4), Архимандрит Таврион, 3:31).

«Помню, что в декабре 1991 года он /отрок Вячеслав/ говорил мне , что ... в России, наконец-то появится правитель, который скажет

народу правду о Горбачеве и Ельцине, и весь народ ужаснется». Крашенинникова В.А. «Посланный Богом» /25/, с.66).

«Старец /схиархимандрит Исаия/ почитал Царя за его духовность и образованность. Летом 2010 года у него спросили: «Батюшка, а будет Царь в России?» - «Будет Царь, будет Царь», отвечал». (Схиархимандрит Исаия (Коровай) /27/, с.56).

«Батюшка /схиархимандрит Исаия/ говорил, что придет время, и в России будет царь. Россия выстоит. Он верил в пророчества высокодуховных людей по этому поводу. Будут еще настоящие православные патриоты, которые изменят ситуацию в мире». (Схиархимандрит Исаия (Коровай) /27/, с.68).

Преподобноисповедник Иоанн (1970) будущему схиепископу Алипию (Погребняку): «А еще, даст Бог, ты доживешь и будешь участвовать в помазании на Царство православного Самодержца» (Схиархимандрит Исаия (Коровай) /27/, с.381).

«Но говорил /схиархимандрит Христофор/, что будет ещё возрождение России, что ещё будет царь» (Книга: Схиархимандрит Христофор /20/, с. 212).

«... батюшка /схиархимандрит Христофор/ говорил про Афон, что как Царица Небесная туда пришла, Так Она оттуда и уйдёт, ибо осквернит Афон бабья нога.

А потом начнутся гонения ещё страшнее, чем в 1937-м: будут разрушать храмы, осквернять и уничтожать святыни, монастыри превращать в концлагеря. ... Времена наступят такие тяжёлые, что живые будут завидовать мёртвым. Но через это надо пройти, это необходимо для очищения России. Если покаемся, выстоим, то Господь пошлёт и расцвет, и будет новый Царь, и Россия воскреснет, из щепочек соберётся и освободится от этой сатанинской заразы, будет бедна, но духом богата. Все будут стремиться к нам для спасения, все будут тянуться к Православию». (Книга: Схиархимандрит Христофор /20/, с. 87).

Будет страшный голод, потом война, она будет очень короткая, и после войны останется очень мало людей. И только после этого у нас будет новый царь. И жизнь будет очень хорошая, благочестивая, Божия. Длительность такой жизни будет зависеть от наших молитв:

умолим Бога, продлит ее. (/12/ «Соль Земли» (Фильм 2), Схиархим. Христофор, 2:11).

Батюшка /о. Николай Рагозин/ говорил, что должен быть еще у нас царь, но все зависит от того, как люди будут молиться. (/12/ «Соль Земли» (Фильм 1), протоиерей Николай Рагозин, 1:28).

Практически предсмертные слова одесского старца Ионы (Игнатенко). Он сказал, что через год после моей смерти начнутся большие потрясения, начнется война, начнется голод. Умер он 20 декабря 2012 года. Продлится это два года, он сказал: с 2014 по 2016 и закончится большой войной.

Он отвечал на вопрос о том, как начнется Третья мировая война.

У него спрашивали:

-А как она, будет?

-Будет. Через год после моей смерти всё это начнется.

- А как начнется, что Америк а нападет на Р оссию?

-Он говорит: «Нет».

-А что, Россия нападет на Америку?

-Он говорит: «Нет».

- Ну, а что тогда?

- И вот он говорил, что в одной стране, которая меньше, чем Россия, возникнут очень большие серьезные нестроения, будет очень большая война, будет очень, очень много крови, будет это два года, после чего будет русский Царь».

Вот это его последние слова /59/.

Из беседы с православным священником отцом В. (весна 2013 г. /37/):

- Старцы говорили, что если будем каяться, то будет православный Правитель (или православный Царь) в России, который будет противостоять антихристу. Люди надеются, молятся об этом. На крестном ходе в листовках мы читали, что по нашим грехам Царя не будет. Может, Вы что-то скажете об этом?

- Нам надо надеяться, молиться, просить Царя, каяться, и у Господа всё готово. Тут могут говорить, что не будет, а Царь может быть, даже можно и не сомневаться в этом. И только просить, и просить, и просить.

Покаяние наше, молитвы, просьбы. Вот это самое лучшее, да, а говорить можно много.

Афонский старец Гавриил (Карейский): «Русь, Россия, Святая Русь воспрянет только при одном условии: если мы все будем горячо молиться за нашу страну, если мы будем грехи наши исправлять и не повторять... Русь воспрянет. Русь будет опять Святой. И Русь будет с Царем» (/61/, 22:03).

- Как видите, очень много предсказаний очень разных людей и в разные времена. В данном случае их объединяет только православная вера и сравнительно недавние сроки. Но есть и другие источники, не из православной «когорты», тот же Эдгар Кейси, Ванга и некоторые другие. Трудно заставить себя не верить такому потоку откровений. Но я сейчас хочу рассказать вам не о конкретной ожидаемой личности, а о том, в каком виде может возродиться «монархия» на данном этапе истории. Начнем с символов царской власти. Что вы о них помните и знаете?

- Ну, корона... - начал несколько неуверенно Николай.

- Скипетр и держава – подхватила Глаша.

Степан Михеич держал вопросительную паузу. Значит еще что-то недосказано.

- А, мантия...

- Трон!

- Хватит – Михеч улыбнулся. – А как вы думаете? Это вот случайный набор или есть у него какой-то особый, скрытый мистический смысл?

- Ну, раз Вы спрашиваете, то, думаю, что смысл есть! – выпалила Глаша.

- Верно, девонька. – хитро улыбнулся Михеич. – Но, чтобы рассказать вам все более-менее понятно, придется начать издалека. Есть такое любопытное место в Библии, которое требует расшифровки.

- В Библии редкие места не требуют комментариев – вставил отец Пахомий.

- Верно! Но я процитирую из Ветхого Завета почти самое начало, книга «Бытие», глава 6:

1 Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери,

2 тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали _их_ себе в жены, какую кто избрал.

3 И сказал Господь [Бог]: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками [сими], потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет.

4 В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди.

5 И увидел Господь [Бог], что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время;

6 и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем.

7 И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их.

8 Ной же обрел благодать пред очами Господа [Бога].

- Здесь упоминаются какие-то «сыны Божии», «исполины», «сильные, издревле славные люди»... Дни их Бог сократил до ста двадцати лет или умножил? Что скажите, отец Пахомий?

- Да, согласен. Существует много толкований этого места. Однозначности нет.

- Есть книга Еноха, неканоническая, но ее включили в канон эфиопские православные. В их церкви эту книгу почитают наряду с другими книгами Ветхого Завета. Собственно, нашли ее европейские исследователи именно в Эфиопии. Хотя она упоминается в сочинениях некоторых средневековых отцов церкви в Европе, т.е. была им известна. Согласно этой книге двести Ангелов Стражи были направлены

Богом на землю для того, чтобы помогать человечеству двигаться в нужном направлении по пути духовного цивилизационного развития. Они воплотились, т.е. обрели плоть. Но с нею, как мы помним, они получили и «эйцехоре» - семя дьвола. Они стали вожделеть «дочерей человеческих», стали брать их в жены, хотя прекрасно понимали запрет на такие действия со стороны Бога. Рассуждали они примерно так. Нам мало, люди умножаются. Так пусть родятся помощники нам, которых мы воспитаем, научим, и они будут так же как мы ревностно служить Богу. Но запрет был дан не зря. Случилось то, что «эйцехоре» в этих отпрысках ангелов и людей, расцвело еще более пышным цветом. А нужно отметить, что родившиеся дети вырастали гигантами, исполинами, имели рост в несколько метров, колоссальную телесную мощь. Они владели не только колоссальной телесной силой, но еще и магическими способностями, этот дар они получили от отцов-ангелов. Семя дьявола позволило повлиять на них темным силам, и они стали злобными и человеконенавистническими существами.. Более того, они стали пожирать людей. В подтверждение этой версии истории у многих народов есть предания о существовании гигантов- людоедов, циклопов, великанов и прочих тому подобных существ. А еще ангелы-отцы учили своих жен магии. Там, в книге Еноха, перечислены даже имена этих падших ангелов, среди них, между прочим, есть и имя Азazelь.

Так вот, не человечество хотел смыть с лица земли Бог, а вот этих опасных для всего рода человеческого, исполинов, среди которых только Ной остался верен Богу. Ной, благодаря Богу, спасся. Остальные... тут тоже не все сразу померли. Еще долго на земле оставались реликтовые великаны-людоеды, многие жили в глухих местах, в пещерах, еще кое-где их семя давало всходы и в роде человеческом. Но катастрофа была предотвращена. И вот потомки Ноя должны были все-таки выполнить функцию, возложенную до этого на Ангелов Стражи – научить человечество путям праведным перед Богом. Если прочесть родословную потомков Ноя после потопа, то можно понять ее как то, что посылал Ной своих детей и внуков в разные концы земли к людям, населявшим те края, чтобы его потомки исполняли роль царей-священников «мельхиседеков», земных водителей племен и народов на пути к верной религии и верному духовному деланию.

Отсюда уже появляются перечисленные нами магические символы власти и начинаются их «приключения». Дело в том, что жили потомки Ноя очень долго. Вступать они в связи с земными женщинами не имели права. Они должны были в течении своей земной жизни выбрать и воспитать преемника и «касту» жрецов, как его опору. Преемнику предназначали «вспомогательные» магические инструменты: скипетр, корона, держава, трон и прочее. Но, давайте, подробнее разберем их предназначение.

Начнем со скипетра. Этот предмет был предназначен для направления, фокусировки и управления мощностью энергий, которые шли через тело избранника-царя (вибраций волевых – «мужского» типа). О нем подробно написано в книге Элизабет Хейч «Посвящение». Такие жезлы-скипетры были у фараона, его жрецов, были они и у Моисея и Аарона. Есть даже описанный в Библии эпизод, когда Аарон превращает жезлы жрецов и фараона в змей. А для этого нужно было владеть большой магической силой, превосходившей силу жрецов и фараона. Это была демонстрация Богом того, кому Он благоволит. С помощью скипетра можно было, например, осуществлять инициацию энергетических центров человека – «чакр», чтобы они начинали работать в другом режиме, направляя жезл на определенный центр, его можно было пробудить, перевести в другой диапазон вибраций. Можно было исцелять. Направляя на соответствующие больные органы тела человека. Можно было убивать, выжигая центры. Можно даже было перемещать огромные массивные плиты при строительстве, на время лишая их веса. Вот как, по описанию Элизабет Хейч, осуществлялось строительство древних мегалитических сооружений: скипетр направлялся на огромный каменный блок, тот становился на время практически невесомым, его можно было легко перемещать и устанавливать в нужном месте. И еще поверхность каменных блоков можно было почти мгновенно нагреть этой энергией, направляемой скипетром так, что она становилась пластичной. Отсюда чудеса мегалитической полигональной кладки, когда огромные камни неправильной формы без всякого раствора прилегают друг к другу так, что волосок не проходит между ними, а поверхность выглядит чуть округлой, как бы «отекшей». Скипетром можно было не только исцелить, но и убить на расстоянии. В общем, это был один из мощней

орудий магической царской власти. Отсюда появился образ «волшебной палочки», который фигурирует во многих сказках. Скипетр соответствовал «мужскому» волевому началу из царской троичности. Царь его держит в правой руке, а нужно отметить, что левое «волевое» полушарие перекрестно связано именно с правой рукой и правой, «мужской» половиной человеческого тела.

Теперь о державе. Это магический круглый шар. Который потом, в христианские времена стал снабжаться еще крестом. Держава тоже играла огромную роль, т.к. поддерживала особенно материальную сторону существования рода-племени. Она во время богослужений полагалась на «алтарный камень» в центр сооружения, которое не было таким вот в современном понимании храмом со стенами и крышей. Просто на местности камнями отмечалось положение, где во время богослужения должен был стоять верховный жрец, он же верховный правитель, царь по чину мельхиседека. А другие камни указывали положение двенадцати помощников, жрецов «второго ранга», которые стояли вокруг, каждый в направлении своего знака зодиака. Каждый жрец-помощник имел вспомогательный малый жезл. Они направляли свои жезлы в определенные моменты богослужения на алтарный камень, точнее, на державу, стоящую на нем. А верховный, направлял сверху. Через жезлы в шар поступала энергия (только теперь жезлы держали левой рукой). Богослужение начиналось за некоторое время до рассвета в определенные времена года, когда соответствующие светила выстраивались на небе в определенных конфигурациях. Особенно важны были положения Солнца и Луны. Потому некоторые церковные праздники празднуются по солнечному календарю (т.е. в определенную календарную дату в каждом году, т.к. она соответствует положению Солнца на небе). А некоторые праздники отмечаются по лунному календарю, когда важнее положение Луны. Все это делается, чтобы достичь гармонии земного народа с космическими энергиями, которые идут на землю со всех сторон, как установлено Богом. Положение камней в таких мегалитических, как, например, в Стоунхендже, устанавливались с учетом положения Луны и Солнца в их важнейших положениях и сочетаниях. Служители культа, подготовленные, чтобы выдерживать потоки мощнейших энергий, становились на свои места возле камней. Народ собирался вокруг

камней, выложенных на местности, окружая их неким хороводом. В центр, к алтарному камню, вставал Верховный Жрец и клал на него державу. Вокруг в первом круге становились двенадцать жрецов помощников с малыми жезлами. Народ располагался дальше, тоже образовав большой круг – хоровод. Им нельзя было подходить близко, так как во время богослужения энергия в центральном круге достигала такой мощи и напряжения, что простой неподготовленный человек мог просто погибнуть. Начинали читать и петь молитвы, начиналась литургия. Энергия и напряжение росло. Воздух наэлектризовывался. Песнопения звучали все громче, народ водил вокруг хоровод с песнями, воздававшими хвалу Богу. Наконец, наступал момент рассвета. Первые лучи солнца показывались над горизонтом. Жрецы направляли свои жезлы, фокусируя вспомогательные энергии со всех 12-ти «зодиакальных» секторов космоса на алтарь, которые они получали через свои тела, как некие вибрации. Происходил мощный выплеск энергии. Соединялись энергии Солнца, Луны, светил, главное – Божественной Женственности. Ею заряжалась держава. Потом эта благодатная энергия попадала в кровь к женщинам рода, когда они несколько позже, в конце богослужения, или позже, на следующий день, когда сила энергии несколько ослабевала. Верховный Жрец» обходил народ и давал целовать державу женщинам. Эта энергия помогала женщинам не только быть здоровыми самим, но и рожать здоровых детей, продолжать крепкую цепь рода. Потом этой энергией державы «облучали» семена растений, чтобы те давали большие и здоровые всходы, «обрабатывали» и самок скота, с теми же целями. Более того, поселения тогда в основном строили по кольцевому принципу, чтобы в центр поселения ставить державу, которая образовывала как бы некую невидимую полусферу над поселением, эта полусфера благодатной энергии защищала невидимо от вторжения темных сущностей. Жизнь в поселении была сравнительно мирной и спокойной, благодаря этой защите. Периодически державу нужно было «подзаряжать» на богослужениях. На ней держалась (отсюда название – «держава») вся «хозяйственная» жизнь рода-племени, жизнь, связанная с женской функцией рода-племени. Она выполняла функцию именно женственную, и царь держал ее в левой руке – левой «женственной» половины тела человека. Древние богослужения не

предполагали храма, как закрытого сооружения. Главными «трансформаторами» энергий были не купола и стены храма, а тела самих людей, участвующих в богослужениях. Недаром же Христос выбрал себе именно двенадцать апостолов. Думаю, не оборвись Его миссия на земле, мы были бы свидетелями таких богослужений, где принимали бы участия все 12 апостолов по кругу, а Христос стоял бы в центре. И не в храме это было бы, а в Духе и Истине.

Перейдем к короне-венцу. Она тоже играла особую роль в поддержке царственно-магического служения мельхиседека. Когда прямой потомок Ноя завершал подготовку себе преемника, то наставлял момент его инициации для служения. Как мы уже говорили, в мозгу человека есть центры мистического восприятия и излучения, но они до поры «спят», чтобы их «разбудить», т.е. инициировать, нужен особый обряд, таинство помазания на царство. Чтобы было понятно, используем аналогию. Все вы, возможно не раз, были на, так называемом, УЗИ.

Присутствующие согласно закивали головами.

- Так вот, вы должны помнить, что кроме ультразвукового аппарата, используют глицерин, им намазывают кожу над исследуемой областью.

- Да, довольно неприятно это – сморщилась Глаша.

- А зачем это делают?

- Ну, это просто – начал объяснять Николай – ультразвук от излучателя в основном отражается на границе двух сред кожа-воздух. Внутрь попадает очень мало. А вот намазывание глицерином делает переход ультразвука из аппарата под кожу пациента значительно лучшим. Подробности, думаю, не нужны?

Все опять согласились.

- Верно глаголешь, Николай! – Михеич продолжил. - Так вот, чтобы те потоки энергий, которые должны попасть на центры в мозгу человека и пробудить их, не отразились снова наружу от прочной костяной оболочки, используют специальное масло – миро. Его не только специально готовят, но и намаливают. Корона играет роль «усилителя», точнее, фокусировщика энергий Высших сил на

определенных участках мозга человека. Помазывают маслом голову царя во время специального богослужения, а затем одевают корону. Если это не случайный человек, а подготовленный наставником, который собственно и совершает этот обряд, то после надевания короны, в преемнике просыпаются дары, необходимые для правления народом не от имени себя любимого, а от Высших сил, которые теперь с ним на связи. Кроме того, есть определенное, как сейчас говорят, защищенное «место силы» или связи – это трон, на который перед принятием важных государственных решений, облачившись в корону, должен воссесть государь. Он говорит: «Мы, царь-государь всея..., порешили так-то и так-то. Быть по сему!». Кто эти «Мы»? Это не царь один самолично, а и те, кто за ним стоит в синклите человечества, кто дал ему совет свыше. Корона соответствует сознанию во внутреннем опыте человека. То есть налицо триединство атрибутов царской власти: скипетр – воля, держава – женственная чувственность, корона – сознание – принятие решений. Мантия нужна была для дополнительной защиты. Накинув ее, царь в мирах, нам невидимых, становился защищенным и невидимым для темных потусторонних сил.

- О, как все продумано! – восхитилась Глаша.

- А мне кажется, что я воочию увидел те древние богослужения, что осуществлялись тогда мельхиседеками и их преемниками – задумчиво произнес отец Пахомий. Я как будто унесся в ту эпоху. Мне показалось, что сам я стою в этом кругу-хороводе и пою молитвы.

- Да и у меня немножко было как бы видение – согласился Юра. – Как же это было величественно и прекрасно!

- Главное, в высшей степени духовно! – воскликнул Николай.

- А это может уже нынче повториться, в наше время? - Глаша вопросительно посмотрела на Степана Михеича.

- «Лучшее не повторяется!». Будет, думаю, будет нечто подобное, но только, возможно, еще лучше, ведь человечество с тех пор сильно изменилось, выросло...

- Ну, с духовной точки зрения, мне кажется, изменений мало – скептически отрезал Николай.

- Будем еще хороводы водить! – мечтательно сказала Глаша, подняв глаза к небу.- А я вот вижу это все и слышу как бы музыку из «Кармины бураны» Орфа, финал из композиции «О Фортуна». У меня всегда мурашки, когда я ее слушаю.

- Да вещь мощная... , пожалуй, подходит.

- Нет, ребята, - возразил Михеич, - не так вы все представляете! Ну, да ладно, вот когда это реализуется, тогда можно будет говорить. Все будет гармоничнее, тоньше и духовнее... - Он как-то посмотрел над их головами, точно, увидел нечто в будущем.

- Но, главное, вы теперь понимаете, что когда пророчат нам восстановление монархии, то подразумевается не та монархия, которая рухнула в 20-м веке, а древняя, в хорошем смысле, магическая, когда восстанавливается связь земного с небесами, с Высшими силами. Это «религию» - воссоединяю, но на другом уровне, не тот вялый, и мало кем ставимый в центр событий, институт общества, которые в наше время мало на что способен влиять, а мощный организм, в который втянется все человечество, который будет полностью определять цивилизацию будущего.

- А вот шапка первосвященника и царская корона очень похожи, мы по истории с учениками разбираем этот вопрос, о символах власти. Смотрим изображения. Да, там корона очень похожа на два полушария мозга человека, соединенных комиссурами, как мы с вами разбирали, - Глаша указала на обложку одной книги, на которой была изображена большая императорская корона.

- Верно, форма этого головного убора не случайна. Вообще, раньше понимали, что головной убор во многих случаях не просто защита от непогоды или вражеского оружия, а нечто священное, магическое. Форму ему придавали в соответствии с глубинными знаниями. Например, у астрологов была шапка в виде конуса, у священников одного уровня – одни головные уборы, у другого – другие. Все не случайно. Это имело не только утилитарный смысл...

Было уже поздненько, на улице потемнело. Николай ждал Глашу, когда она закончит разговор с Михеичем, чтобы проводить ее до дома.

- Ты, паря, не жди Глашу. Мне с ней поговорить надо. А до дому я сам ее провожу. У нас же в Колмогорском не шалят, все спокойно!

Николай пожал плечами, подумал: «Какие такие секреты у Михеича могут быть с Глашей? Но, уповая на мудрость старика, решил пойти сразу к Юре домой.

Глава 34. Тревога.

Михеич попросил Глашу задержаться, сославшись на важный разговор.

- Присаживайся, девонька, на диванчик, нужно мне кое-что тебе рассказать.

Глаша видела, что лицо Михеича имело тревожное выражение. Какие-то невеселые мысли переполняли его ум. Она тоже посерьезнела и настроилась на то, чтобы как можно спокойнее принять, возможно, невеселые новости.

- Понимаешь ли Глафира, что ведем мы здесь не шуточные игры. Речь идет о будущем России и мира?!

Глаша закивала головой.

- А в этих «играх» участвуют не только светлые силы, но есть те, кто всему этому препятствует! Я хочу тебе показать кое-что, чтобы ты убедилась в этом сама. Знаю девонька, что молиться ты умеешь с детства, поэтому для тебя ничего трудного не будет.

С этими словами Михеич подошел к одному из высоких книжных шкафов, которые почти сплошь заполняли пространства вдоль стен кабинета. Взялся рукой за край, и Глафира не успела уловить, как шкаф развернулся на 180 градусов, с другой стороны шкафа оказался великолепный иконостас, деревянный резной работы. Наверху, как и положено, была икона Троицы. Затем шла икона Спасителя и святых, ангелов и архангелов. Практически все соответствовало канонам, которые Глаша знала хорошо.

- Ну, что, матушка, помолимся?! —, Михеич взял подсвечник, зажег свечи, они встали на колени и Михеич нараспев начал молитву:

- Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! Слава Тебе, слава Тебе, слава Тебе! Пресвятая Троица...

Глаша молча повторяла эту не совсем знакомую ей молитву, втягивалась в этот напев Степана Михеича и как бы впадала в какой-то транс. Стены кабинета с книжными стеллажами стали покачиваться и расплываться. Она увидела какие-то исполинские фигуры. Некоторые были с крестами в руках, некоторые опирались на посохи, некоторые просто стояли, глядя с дружественными улыбками на Глашу и Михеича. От фигур исходил свет и какая-то благодать, и тонкие ароматы наполнили кабинет Михеича. У Михеича в руках тоже появился посох.

- Что! Видишь, девонька? – закончив молитву, обратился к Глаше Степан Михеич.

Глаша невольно протянула ему руку, озираясь вокруг.

- Кто это Степан Михеич?!

- Не бойся, матушка, это свои! Присмотрись, может, кого узнаешь?

Глаше показалось, что фигуры сошли с иконостаса: вот это был любимый ею особо Сергей Радонежский, а это архангел Гавриил, это Моисей...

- Вижу, узнаешь. Они помогают нам невидимо и защищают всех нас, ибо много есть тех, кто желал бы нашей смерти. Давай вот на ковре-то самолете подыдемся и посмотрим на тех – других...

Глаша вдруг ощутила, как ковер, постеленный в кабинете, старинный персидский, начал подниматься вместе с ними и медленно перемещаться вбок. Скорость стала постепенно возрастать, наконец, он помчался. Глаша крепко схватилась за руку Михеича.

- Не бойсь, девонька, со мной не упадешь.

На ковре они вылетели сквозь потолок и воспарили над усадьбой, понимаясь все выше и над Колмогорским.

- Смотри внимательно, Глаша!

Глаша увидела, что крылатые фигуры, которых она рассматривала еще внизу, в библиотеке, образуют вокруг Колмогорского кольцо. И от них как бы полусфера накрывает все село, простираясь далеко за его

границы. Полусфера была из тонкого света, а за ней простиралась тьма. Из этой тьмы иногда возникали фигуры, ужасные с огненными языками, с черными крыльями, с гривами и рогами. Они бросались на купол и тут же отскакивали обратно, не в силах пробить защиту.

- Ишь, сколько дряни нанесло! – воскликнул Михеич, - не хотят они нам дать жить спокойно. Ну, да дело поправимое. Все видела?

- Видела! – воскликнула Глаша, крепко держась за руку Михеича.

- Ну, тогда домой, - Михеич взмахнул посохом. Они очень быстро вернулись обратно.

Стены в кабинете возвратились в прежнее положение. Михеич подошел к иконостасу, быстро его развернул. И все оказалось, как было прежде. Глаша стояла на ковре, голова у нее слегка кружилась, она пыталась сосредоточиться, рассматривая какие-то узоры на старинном ковре.

- Ух, Степан Михеич! Страшно-то как!

- Я же зачем тебе все это показал? Чтобы ты помогла мне.

- В чем же Степан Михеич?

- Звал тебя Николай в Москву?

- Было дело.

- А ты как?

- Да, пока не согласилась. У меня же здесь дети, дом... работа.

- Нельзя сейчас вам никому покидать Колмогорское. Здесь вы под надежной защитой, а вот там, в миру... Там с вами все может приключиться, даже самое худшее. – Михеич серьезно посмотрел в глаза Глафире. – Ты это понимаешь?!

- Кажется, теперь... да...- неуверенно отвечала Глаша.

- Понимаешь, Николай рвется в Москву, у него там научная работа, гранты. А перед нами с тобой стоит неимоверно трудная задача – уговорить его остаться здесь!

Глаша вспыхнула пунцовой краской. Она тоже тайно мечтала об этом, но даже не представляла, как можно добиться такого.

- И что же он будет здесь делать?

- Пусть учителем физики с тобой в школу пойдет, у вас же как раз освободилась вакансия!

- Это он-то, ученый с мировым именем в школу... Что-то Степан Михеич, Вы ставите задачи невозможные!

- Научкой он и здесь сможет продолжать заниматься. Я ему помогу обеспечить канал для научных публикаций. А работа учителем еще поможет ему выработать смирение, с этим у него пока плохо. Это один из последних искусов, который ему нужно пройти до начала исполнения своей миссии. – Степан Михеич загадочно посмотрел на Глашу.

- О какой миссии вы говорите?

- Я пока не имею права раскрыть тебе все, но чтобы порадовать, скажу одно – суждено вам вступить в брак. Семью создать!

Глаша снова вспыхнула. Опустила глаза и голову, пытаясь спрятать улыбку радости.

- Больше пока не могу ничего сказать. Ну, что, внученька, поможешь мне Николая уговорить?!

- Конечно, с радостью, Степан Михеич! – хотя в тайне Глаша боялась, что такой разговор может привести к их ссоре с Николаем. Она знала, как дорога для него его работа, наука, которая была содержанием его жизни.

- Настройся, завтра приходите вместе с Николаем. Будем вести беседы.

На следующий день они пришли вместе. Глаша оделась по парадному и уговорила Николая – одеть галстук.

- Никак сватать меня ведешь? – усмехнулся Николай.

- Ну, а что? Родители у меня померли. Здесь благословить меня тятя не может, так хоть Степан Михеич благословит! Он мне, почитай теперь, за отца родного – в тон шутке Николая отвечала Глафира. – Да просто я хочу, чтобы ты понял – разговор предстоит нешуточный, серьезный! А галстук, он, знаешь, обязывает!

- О да! Галстук обязывает! – важным тоном произнес Николай, стоя перед зеркалом и подтягивая узел галстука поплотнее. – Нет, мне кажется, я выгляжу в нем как деревенский гармонист на свадьбе!

Своего галстука у Николая не нашлось, пришлось одолжить у Юры. Николай морщился, крутил головой, строил гримасы.

- Юра, а кроме этого с пальмами дурацкими у тебя ничего нет?!

- Там в шкафу целая связка! – крикнул Юра из соседней комнаты.

Глаша открыла шкаф и вынула вешалку с галстуками.

- Вот, нужен строгий однотонный!

- А мне нравится вот этот с драконом!

Глаша взглянула на галстук, который выбрал Николай, и холод пробежал по ее телу. В фигурке дракона, вышитого на галстуке, она вдруг узнала одно из тех чудовищ, что видела вчера на ковре самолете у Михеича.

- Прошу тебя, только не этот!

- А что! По-моему, очень серьезный дракоша! Грозен, аки василиск!

Юра выглянул из соседней комнаты.

- Ну, как Юрок?! – Николай держал на ладони черный галстук с вышитым кроваво-красным драконом.

- А, это я из Китая привез.

- Коля! Пожалуйста! – Глаша умоляюще смотрела на Николая.

- Или этот, или я вообще ничего не надену! – с этими словами Николай вырвал из рук Глафиры связку галстуков и бросил ее обратно в шкаф.

Глаша отвернулась к окну. Ее глаза наполнились слезами: «Да, - подумала она – гордыни и упрямства в нем, покамест, слишком много!».

Он таки надел этот галстук с драконом. И так они явились в гости к Михеичу.

Повстречав их как обычно на крыльце библиотеки, Михеич сразу обратил внимание на галстук Николая. Он молча посмотрел в глаза Глафире. У них как бы состоялся мгновенный диалог, в котором вопросительный взгляд Степана Михеича получил полный ответ Глафиры, ответ неутешительный, горький, как фамилия Николая.

- Проходите, гости дорогие!

Они прошли в кабинет.

- Ну, какой такой секретный сговор у вас тут вчера состоялся? – Николай улыбался, но несколько натужно.

- Вам всем сейчас грозит опасность. Только в Колмогорском можно обеспечить защиту от нее. Поэтому, Коля, буду говорить прямо, без обиняков: тебе нельзя сейчас в Москву!

- Как! У меня там грант! На кафедре группа исследовательская сформирована под меня и мое направление... . Людей подведу, если я не поеду.

- Ну, людям можно все объяснить. Они смогут приезжать сюда для консультаций с тобой.

- Да можно и дистанционно, по скайпу! – вмешалась Глафира.

- Нет, как вы это себе представляете?! Как я смогу это начальству и коллегам объяснить? Какая опасность?! – Николай посмотрел вопросительно на Глашу.

- Коля! Все очень серьезно! – Глаша смотрела на него широко раскрытыми глазами, в которых был написан неподдельный ужас. И Николай хоть и не понимал ничего, но ему передались чувства Глафиры.

- Ну, хорошо! Допустим, я сообщу в Москву, как-то объясню. Но сколько вы полагаете мне жить безвыездно здесь?

Николай и Глаша вопросительно взглянули на Михеича.

- Боюсь, что не менее десяти лет.

- Что!!! – Николай вскочил с дивана – десять лет в этом захолустьи!? Что я здесь буду делать!

Глашу зацепили слова про «захолустье».

- Коля, но ведь мы будем вместе!

- Мы и в Москве прекрасно будем вместе! Там у меня работа, а тебе работу мы найдем элементарно! Там, знаешь, сколько вакансий учителей! Правда, жилье сначала нужно будет снимать.

- Коля, но у меня же тут дом и дети!

- Дак, что... Аленка твоя нынче поступит в ВУЗ. В Москве таких возможностей масса. На бюджет не пройдет, на платное пристроим! Будет там жить с нами, а сын придет из армии, сначала здесь за хозяина дома останется, а потом, глядишь, и ему в столице дело какое-то найдется, Москва – она полна возможностями!

Глаша все больше внутренне поражалась тому, как Николай свысока смотрит на все, что связано с ней и ее родным селом.

- Почему ты думаешь, что Аленка на бюджетное место не пройдет? Она у меня девчонка – умница!

- Да я так просто сказал. В Москве практически везде конкурсы жуткие.

- Павел у меня тоже не дурак. В армию он после школы пошел, потому что у нас так принято, у староверов, что мужчина должен армию пройти, чтобы быть настоящим мужиком. А уж потом высшее образование профессия...

Николай видел, что зацепил Глашу и сожалел, что вот так походя мог ее обидеть, но ведь он не хотел цеплять и обижать, что же она..?

Глаша покраснелась, от чего стала еще хорошей. Она встала спиной к Николаю и лицом к окну. Николай подошел, положил ей руки на плечи.

- Глаша, не сердись, я не хочу тебя терять из-за глупостей, как было это много лет назад. Допустим, я соглашусь. Мы останемся здесь, что я буду тут делать, десять лет?

Глаша развернулась к нему. Посмотрела прямо в глаза. Там она увидела его любовь и нежность, и подкатываемая было обида стала сходиться на нет темной отхлынувшей волной. Она улыбнулась,

прижалась к Николаю. Он обнял ее. А она, закрыв ладошкой дракона на галстук, мягко и нежно сказала:

- Учителем поработаешь, Коля. Ведь я столько лет работаю учителем и ничего...

- Учителем? – уже примирительно произнес Николай – а что, в жизни многое нужно попробовать. Учитель физики Николай Горьков! Звучит гордо! - он засмеялся.

Напряжение, которое висело последние несколько минут в кабинете Михеча, рассеялось. Улыбались все трое.

- Ну, что с первого сентября оформлюсь. Ну, а в Москву все-таки ненадолго, чтобы уладить формальности – съезжу?

Николай и Глаша вопросительно взглянули на Михеича.

- Категорически – нет!

Николай глубоко вздохнул покривил немного губы.

- Ну, нет, так нет.

- Пойдем, Коля, погуляем, а то что-то мне душно стало – Глаша взяла Николая под руку. Они попрощались с Михеичем. Он перекрестил их, когда они повернулись в нему спиной на пороге библиотеки. Он любовался этой парой, идущей по тропинке сада... Казалось бы все улажено, но какая-то тревога все еще не покидала его сердце.

- Чую я, не все еще закончено – он вздохнул и вернулся в дом.

Глава 35. Дракон.

Они пошли на реку. Глашино сердце тоже не унималось, да и по виду Николая она понимала, что не все еще разрешено. Он как-то уклонялся от разговоров, все больше молчал. Какая-то тоска появилась в его взгляде.

- Коля, ты что загрустил? Иль тебе не нравятся наши окрестности? Смотри, какой вид с берега на храм!

- Окрестности у вас живописные, что сказать, но я просто не представляю, как можно жить здесь безвыездно десять лет...?!

Глаша потупила голову. Она не знала, что отвечать на это Николаю. Она и сама не представляла, что будет дальше со всеми с ними? Тревога на сердце разрасталась.

- Может, пойдем ко мне в гости? Аленка обещала пирожков с черемухой напечь...

- Что-то нет настроения. Я, пожалуй, к Юре пойду. Кое-что в интернете по работе посмотреть надо...

Они расстались невеселыми. Каждый со своей какой-то тяжелой думой пошел домой. У Юры, где остановился Николай, он так же был молчалив. На все вопросы отвечал отговорками. Юра так и не смог добиться от него, что за разговор состоялся у Михеича.

Ночью Николаю не спалось. Тревожные размышления переполняли мозг. Все вертелись вопросы, как же он, не попрощавшись с коллегами, расстанется с ними. Он вспоминал, как в Москве по его возвращению из Америки собрали группу молодых перспективных ученых, аспирантов и даже кандидатов наук, которые занимались астрофизикой по тематике, которую когда-то Николай начал с Фридманом. Как он произнес воодушевленную речь, в которой наобещал им широкие перспективы. Он помнил их взгляды, которые с доверием смотрели на него. И сейчас, даже не повстречавшись с ними, он должен просто предать их... Отказаться от работы! Нелепо это все выглядело. Ну, конечно, же он уважал Михеича, доверял ему, но какие-то опасности он опять увидал?! Как-то нелепо все! Нельзя же так! А еще десять лет заточения здесь! Конечно, здесь он будет с Глашей, это отрадой ложилось на его сердце. Это скрашивало все те, как казалось ему, лишения, которые он должен будет понести. Такая ссылка. А она – жена декабриста! Ой, все это какая-то чушь! Чушь! Чушь!

За окном посерело. Он посмотрел на часы. 5 часов! Как когда-то тогда в юности в первую ночь в Юрином доме. Он встал. Пошаркал по комнате. Надел брюки. Пошел в спальню Юры.

- Юрок! Спишь?! – Юра оторвал голову от подушки:

- А! Что?! Мы что-то проспали?

- Юрок! Добросишь меня на своей тачке до Казани? Мне срочно в Москву нужно сгонять.

Юра взял в руки настольные часы.

- Елы-палы! Пять часов! Что так срочно?!

- Да мне нужно пока Глаша с Михеичем не догадались, а то будет разговоров! Я на пару денечков смотаюсь, улажу там все дела и обратно!

- Ох! Что-то не нравится мне все это! Что тебе Михеич вчера сказал? Небось, чтобы не ездил.

- Да, не... ну сказал. Но понимаешь, мне очень нужно! Там люди ждут, будут волноваться... В общем, долго объяснять. Ну, будь другом! Подбрось!

- Ладно! - ворчливо произнес Юрий. - Сейчас, только кофе выпьем, а то глаза слипаться за рулем будут.

Они выпили кофе. Вышли, завели машину. Уже поднималось солнце, когда они выехали на трассу.

Все шло нормально до 55 километра. На шоссе было мало машин, они подъезжали к райцентру. Дорога здесь стала шире, по две полосы с каждой стороны. Вдруг слева из второго ряда огромный черный джип, не подавая сигнала стал перестраиваться на их полосу. Он буквально подрезал юрину машину.

- Ты че творишь! – Юра крутанул руль вправо, резко тормознул. Последнее, что он запомнил, был кроваво-красный силуэт дракона, намалеванный на черной боковине джипа. Их машину перевернуло несколько раз через крышу, кинуло на обочину и врезало в бетонный столб ограждения. Юра очнулся быстро. Кровь сползала по виску. Дверь была распахнута, он свисал на ремне безопасности. Вроде, был жив, только голова сильно болела и кружилась.

- Что с Колей! - мелькнула у него первая мысль. Он стал протягивать руку, чтобы отстегнуть ремень. Рука слушалась плохо. Тут подбежали какие-то люди. Один спросил: «Как самочувствие!?»

- Я нормально, - ответил Юрий. - А как там Коля?!

- Его сильно шибануло! Вроде жив, но без сознания!

Михеич не мог уснуть. Тревога в его душе разрасталась. Он стал читать молитву и вот перед ним появились видения. Под куполом защиты прокопана нора, серая змея вползает через нее прямо в сердце Николая. Сворачивается там клубком и начинает вибрации. Николай мечется по помещению, какой-то серой клетке, потом возникает Юра. Оба он садятся на серого коня. Юра хлещет его по бокам. Конь несет их к краю купола, туда, где защиты уже нет... Сверху к Михеичу приближается светящаяся фигура.

- Венцегор! Нужна твоя помощь, быстро собирайся!

Через несколько секунд библиотекарь уже оказался в доспехах со светящимся мечом в правой руке. Быстро подлетел к нему белый крылатый конь. Он вскочил верхом и понесся туда, на помощь к Юре и Николаю.

Они уже выскочили за край защиты. Вокруг них сгущалась тьма. В друг из этой тьмы вылетел страшный кроваво-красный дракон:

- Он мой! Он мой! – кричал дракон, изрыгая столбы пламени и дым. Ударом мощной лапы он отбросил с коня Юру и возил свой коготь в грудь Николая. Несмотря на грады светлых стрел, которые летели со стороны крылатых фигур, стоящих в кольце вокруг Колмогорского, дракон удерживал Николая в когтистой лапе и отражал стрелы взмахами крыльев. Венцегор устремил своего коня навстречу дракону. Точно направил меч и сумел осечь тот самый коготь, который был возен в грудь Николая и удерживал его в лапах дракона. Дракон взвыл. Громко хлопнул крыльями. Одна из стел вонзилась ему прямо в глаз. Он дернул головой, взвыл еще сильнее и понесся обратно куда-то в свою тьму. А Венцегор тем временем, изрядно подпаленный огненным дыханием дракона, едва держась на коне, все-таки подхватил Николая и унес за купол защиты...

Глафира проснулась в шестом часу. Тревога переполняла ее грудь. Позвонить Николаю? А вдруг я его в такую-то рань разбужу? Он и так уже, кажется, недоволен мною и этим навязанным ему решением. Она ходила по кухне из угла в угол. Боль в груди и тревога только

усиливались. Нет! Что-то не то! Может, Юре позвоню!? Если и разбужу, то он меня поймет. Она набрала номер. Трубку взяли не сразу. Голос был не юрин.

- Юра! Юра?! Это кто?!

- Женщина, здесь беда, ваш Юра попал в аварию!

- А Николай!

- Второго, значит, зовут Николай?

- Что с ними?! Где они?

- Живы. Находимся на 55 километре шоссе. Юра сейчас подойдет, а вот с Николаем гораздо хуже.

- Что, что с ним!

- Без сознания. Часть стойки вошла в грудь. Нужен срочно доктор. Скорая пока не подъехала.

- Ждите! Будет!

Она наскоро что-то накинув на себя, побежала к Михеичу. Когда она вбежала в библиотеку, то ей показалось, что что-то горит. Запах шел из кабинета Михеича. Она бросилась туда. Там она застала странную картину, какой-то мужчина в русских доспехах и шлеме сидел в кресле за столом, упав на стол ничком. И видимо спал или был без чувств. От него шел запах гари. Она не сразу решилась прикоснуться к нему. Он оторвал голову от стола. Слава Богу, это был Михеич, но что за странный наряд?!

- погоди, девонька, я сейчас! Он встал из-за стола, качаясь зашел за полку, а оттуда почти мгновенно вышел в своем любимом подряснике, улыбаясь.

- Степан Михеич! Беда! С Колей и Юрой беда! Авария!

- Знаю, девонька. Сейчас едем. У Кожухиных уже автомобиль заводят.

Они выбежали из библиотеки. Кожухины жили рядом. У них уже и правда хозяин прогрел мотор. Они забежали, в руках у Михеича был какой-то старинный саквояж. Он попросил.

- Хозяин, Андрей Петрович! Срочно твоя помощь нужна: вопрос жизни и смерти!

Через полчаса они были на месте. Еще не прибыл автомобиль МЧС, а медики поделаться ничего не могли. Николаю нужно было вынимать только с помощью спецтехники, ибо стойку они вытащить из груди так не могли. Подошел Михеич.

- Отойдите все!

- А Вы кто такой?!

- Неважно, отойдите! – последнюю фразу Михеич сказал таким тоном, что возражать никто не стал. Дым на минуту заволок машину и фигуру Михеича возле нее. Секунд через тридцать Михеич вышел из дыма, держа Николая на руках.

- Да, вы что, с ума сошли?! - подскочил врач скорой. - Вы же его могли убить!

- Живой он и будет жить.- Михеич улыбнулся, укладывая Николая на носилки скорой.

- Только везите не в райцентр, а к нам в колмогорскую больницу. Там есть место реанимации.

- Ну, это не вам решать! – врач скорой опять насупился.

- Так это же Михеич! – шофер скорой подошел к группе людей, стоящих возле носилок.- Иван Спиридоныч, я же Вам, помните, рассказывал, как он мне мать мою практически с того света вернул. Я за него ручаюсь! В Колмогорском у нас безнадежных на ноги ставят.

Врач с недоверием посмотрел на старичка, но после того, как он видел, что он смог вытащить его из машины, он уже стал склонным, чтобы поверить в чудесную силу этого легендарного целителя. Он, конечно же, слышал о библиотекаре, но считал это выдумками.

- Так, - Михеич склонился над лежащим на носилках Николаем. – Два верхних ребра поломаны, задето легкое. Большое внутреннее кровотечение. Чтобы он мог сам дышать срочно нужен катетер, для отвода крови из легких. Есть у вас катетер?

- Есть - удивленно ответил врач.

- Кровотечение я сейчас остановлю. И срочно в Колмогорское! Там мы его на ноги поставим!

- А, ладно, повезем!

Две недели Николай был в коме. Глаша почти не отходила от постели. Она разговаривала с ним. Михеич был за второго штатного врача. Он сказал Глаше, что самое страшное позади. Теперь, я полагаю, он будет соблюдать наши советы и рекомендации.

- А до свадьбы все заживет!

- А свадьба-то вообще будет?

- Будет, девонька! И года не пройдет, как будет.

Наконец, Николай пришел в себя. Был еще слабым, но пытался улыбаться. Это очень радовало Глашу. Она смотрела внимательно на все его эмоциональные проявления и не находила той тревоги и тоски, которую она видела до аварии.

- Коля, ты теперь уже не хочешь в Москву? Только скажи правду!

- Нет, нужно только чтобы там знали, что случилось, и группу моюпустили, а то люди будут надеяться.

- Хорошо, мы с Москвой уже поговорили, ситуацию объяснили. Они все понимают правильно!

- А я «там» такое повидал – Николай с улыбкой погрузился в свои какие-то грезы, потом махнул рукой – Мне там все объяснили. Я теперь готов жить в Колмогорском хоть до конца жизни!

- Кто объяснил?

- Долго рассказывать, но я тебе когда-нибудь все расскажу, а пока кое-что мне рассказывать невелено – не время. Видел я там и родителей своих. Они сожалели, что не смог перед их смертью с ними побыть. Но теперь уж что. Они сказали, что там у них все хорошо, что молиться за них все равно нужно...

- Ну, ты не волнуйся так, тебе сейчас силы нужно беречь! – видя, как Николай напрягся при рассказе о родителях, сказала Глаша. Он держал ее ладонь своей руке, но опять глядел не на нее, а куда-то в глубь своей памяти.

- Успокоился? Ну, вот и хорошо! Поспи! – она погладила его по голове.

Глава 36. Кот Шредингера нюхает «цветок» Гюйгенса.

Прошло несколько месяцев. Николай уже чувствовал себя хорошо и начал работать в колмогорской средней школе учителем физики и астрономии. Однако увиденное «там», в иных мирах, не оставляло его мысли. Часто он пытался понять яркие запомнившиеся образы и перевести их на язык науки. Он помнил, что когда задавал вопросы «там» о Вселенной, то ему показали такой, как он сам его назвал «цветок», где множество микроскопических маленьких круглых головок составляли огромную «шапку» великолепнейшего соцветия, причем, в отличие от земных цветов, каждая головка как бы прорастала в другую, а вся «шапка» росла и развивалась, захватывая все больше о больше пространства в его воображении.

- Что это? – спрашивал Николай.

- Скоро поймешь, – отвечали ему светлые сущности, с которыми он беседовал.

Ученики были рады, что у них физику теперь преподает «такой умный дядька». Глаша являлась классным руководителем одного из выпускных классов. Она объяснила своим подопечным, что теперь на них лежит особая ответственность, чтобы они не проявили себя неблагодарными неучами... Но им и так было интересно почти все, что было связано с Николаем. Они нередко пытались задавать ему вопросы о жизни в Америке, но он ловко уходил от обсуждений своей персоны и личной жизни, а вот вопросы по научной теме поощрял. Всегда он пытался найти какие-то неожиданные аналогии, понятные и наглядные образы, которые бы дошли до каждого из его учеников.

Свадьбу Николай с Глашей наметили на лето, когда будут каникулы. Жили они пока порознь, уважая старообрядческие обычаи Глаши. Глашина Аленка поступила в Казанский университет, но вернулся со службы Павел. Так что Глаше не было одиноко. Дом не

пустовал. Снова наступила весна, которая в Колмогорском всегда была цветучей, ароматной и обворожительной.

Однажды утром в учительской Глаша как всегда весело поздоровалась с Николаем, но тот ответил как-то с тревогой, с некоторой заботой в голосе.

- Коленька, что-то случилось?

- Да! Тут позвонил мне вчера мой сокурсник Шура Дюрягин. Он сейчас зав. кафедрой общей физики в казанском университете. Говорит, мол, не знал, что я тут «под боком» обосновался учителем в школе. Хочет пригласить меня к себе, преподавать астрофизику. Обещал на неделе приехать. Уговаривать будет. Трудно мне будет обосновать ему, почему я тут в школе обретаюсь.

Глаша задумалась. Проблема не представлялась ей сложной, но все эти разговоры, уговоры... конечно, все это не прибавляло здоровья.

Однако в конце рабочего дня, когда Николай по обычаю пошел провожать ее домой, она обняла его, поцеловала и сказала весело:

- А я, кажется, знаю, как помочь твоей проблеме!

- Как?

- Тот, кто нам мешает – тот нам поможет!

- Это что «Кавказскую пленницу» устроим?

- Почти. Понимаешь, ребята мои всё хотят встретиться с тобой вне уроков, поговорить о физике, космосе, философии. У них много вопросов.

Коля посмотрел на нее вопросительно.

- Да ты не беспокойся, это вопросы не о личной жизни. Он у меня умные. Вон Артур Дорохов, который олимпиаду районную по физике выиграл, а друзья у него... Они все о космосе мечтают. В отряд космонавтов грезят записаться. Я им говорю, а вы знаете, какие там требования? Они кивают, но, говорят, мол, все выдержим. Спортом занимаются. На областных соревнованиях в призерах.

- Ну, ребята отличные. Мне всегда нравится, как они ведут со мной дискуссии на уроках, очень умно, вежливо и корректно. Но как ты с их

помощью хочешь решить мою проблему?

- Я предлагаю сделать так: скажу ребятам, что из Казани, из университета, приезжает ученый, физик, твой коллега. Назначим встречу с ним и с тобой в библиотеке. Михеич, по-моему, будет только рад! А там он увидит, как ты здесь с ребятами «зажигашь», и поймет, что есть у тебя стимул здесь оставаться. Нужно же кому-то поколения будущих ученых готовить?!

- Мысль дельная! Я тут как раз к его приезду статью одну подготовил. И мы подискутируем по теме статьи прямо в библиотеке. Устроим такой открытый научный диспут. Постараюсь изложить суть статьи так, что и нашим старшеклассникам она будет понятна. Да и с Михеичем как раз мне есть там, что обсудить. Умница ты у меня! Ладно, сделаем по-твоему, а там видно будет.

В школе Глаша объявила своему классу, что в библиотечке послезавтра намечается встреча с ученым-физиком из Казани, будет открытый научный диспут. Приглашаются все желающие. Разговор будет серьезным и научным. Предполагается обсуждение статьи, которую написал ваш учитель физики Николай Иванович Горьков. Научная дискуссия будет серьезной, так что детям до 17 вход «воспрещен»! Ну, в смысле, тот, кто не рассчитывает на понимание материала, может не приходить.

Послезавтра в библиотеку пришел весь класс. Даже те, кто называл себя гуманитариями, просто хотели посмотреть на научную дискуссию хоть раз в жизни между настоящими учеными. Может потом не придется больше никогда. Тем более, что участвовал их любимый учитель. Вообще вся обстановка, гость из Казани... Напросились даже взрослые, учителя, родители.

- Коля, а, можно, придут еще и другие люди?!

- Да ради Бога! Только бы поняли. Мы ведь с Александром Дюрягиным спорить будем всерьез.

- Ну, ты постарайся изложить как-то попонятней! Ты же теперь учитель, доблесть обязывает!

- Уж напрягусь.

Дюрягин приехал накануне вечером. Они с Юрой и Николаем просидели долго за полночь. Вспоминали студенческие годы, философские дискуссии, случаи разные. Обсуждали все свои приключения, пока были в разлуке... Можно было не спешить. У Николая уроков завтра не было, а встречу в библиотеке назначили на время, удобное всем – на вечер. Утром Николай с Шуриком Дюрягиным горячо обсуждали статью Николая, которую тот предлагал опубликовать в университетском сборнике, и обсуждение которой было вынесено на публичную сцену в библиотеку села Колмогорское.

Итак, библиотечный читальный зал был полон. Но по условию Николая старшеклассников посадили на первые места, чтобы они могли задавать вопросы. Была доска и мел, а что еще нужно настоящему ученому и оратору? Николай начал:

- Сегодня у нас необычная встреча, к нам приехал Александр Михайлович Дюрягин, доктор физико-математических наук, зав. кафедрой общей физики Казанского университета. Сегодня мы с ним хотим провести публичную дискуссию по поводу одной моей научной статьи. Поскольку статья не является чисто физической, а более философской, речь в ней идет скорее об концептуальных подходах к пониманию современной физики, то, я полагаю, многое будет понятно уважаемой публике. По ходу дискуссии можно будет задавать вопросы, если они у вас возникнут. Но для начала, чтобы вы могли втянуться в обсуждаемые проблемы, я прочту небольшую вступительную лекцию – не возражаете?

Зал закивал, а потом захлопал в ладоши в знак одобрения.

- Сегодня мы с вами поговорим о загадках природы и проблемах физики. Одно порождает другое. Развитие физики до, примерно, последней четверти девятнадцатого века было практически гладким и безоблачным. Она хорошо объясняла, как движутся планеты в солнечной системе, как пар гоняет поршень в двигателе, как течет ток по проводам... и многое прочее, при этом, не вступая в конфликт со здравым смыслом...

- А Эйнштейн говорил, что здравый смысл – это тот пласт предрассудков, который мы накапливаем до семнадцати лет! – не

выдержал Артур, который и на уроках позволял себе реплики, Николай же почти никогда его не одергивал, так как реплики были по делу. Но тут, сидевшая сзади Артура, во втором ряду, Глаша, положила руку на плечо Артура, и когда он повернулся, показала ему, приложив пальчик к губам – молчи!

- Верно. А почему он это сказал? – парировал Николай.

Артур хотел было вскочить и начать отвечать, но вовремя понял, что вопрос риторический, да и глашина рука снова опустилась на его плечо.

- Потому, что сам Эйнштейн был автором таких теорий и гипотез, которые противоречили так называемому «здравому смыслу», за что его часто критиковала не только «почтенная публика», но даже его коллеги. Однако вернемся к развитию физики. Как я уже сказал, до почти конца девятнадцатого века физика не покушалась на такие, казалось простые и очевидные понятия, как непрерывность тел, пространства и времени... То, что тела сплошные, казалось столь незыблемым и очевидным, что вроде и говорить тут было не о чем. Но постепенно сначала в химии, а затем и в самой физике начала набирать силу идея дискретности, то есть прерывности строения вещества.

То, что все тела состоят из молекул, между которыми есть пустые от вещества промежутки, вы теперь узнаете, что называется «с молодых ногтей», но когда-то это было неочевидным. Однако благодаря трудам таких ученых, как Максвелл, Больцман, Эйнштейн, Штерн, Перрен и многим другим постепенно идея молекул и атомов проникла в физику. Физика нередко вступала в конфликт с философией. Тот же Больцман, работавший в Венском университете и разрабатывавший сложнейшие основы молекулярной теории, наткнулся на скепсис коллег. Юм и другие физики, приходившие на его семинары, задавали вопрос: а вы видели хоть одну молекулу? Что мог ответить в то время Больцман, когда еще не было никаких электронных и тоннельных микроскопов? А они смеялись. И уходили с его семинаров, устраивая ему публичную обструкцию. А ведь это и была «философская» реакция на то, что физика отдалялась от очевидности. Юм и его соратники были последователями философии позитивизма, в которой главный тезис был примерно таким: можно обсуждать и включать в научные теории

только то, что очевидно, неочевидные же вещи нужно отсекаать «бритвой Оккама», слышали о такой?

- Слышали! – ответил сосед Артура, - небось, знаем, что это не электробритва какая-то!

Кто-то в первом ряду хихикнул.

- Потише, ребята!- приструнила их Глаша.

- Но вернусь к идее атомов и молекул. Известно, что пришла к нам она из древности, еще от Демокрита, а это, примерно, пятый век до нашей эры! Как они тогда додумались до этого, если даже в конце девятнадцатого века люди, ученые сомневались в этой идее?

- Да, Вы же нам рассказывали! – воскликнула Надя Варакосова.

- Ну, давай Надя! Нам нужно это вспомнить вслух, чтобы пойти дальше.

- Да, Вы говорили, что греки вот... делили капельку воды. Ну, в общем... делили-делили. А дальше я... забыла... - Надя покраснела, но выручил ее Артур, который уже рвался в бой, вытянув вверх свою длинную руку.

- Ну, давай, Артур!

- И вовсе они не делили капельку воды, ну то есть в реальности, а рассуждали о делимости тел. Как долго чисто теоретически можно делить какое-либо тело? Одни отвечали банально, мол, можно делить бесконечно, если были бы инструменты и зрение острое, а другие, во главе с Демокритом, говорили, что природа не может терпеть долго такие «издевательства» и должна поставить предел делимости и запретить дальше определенного уровня или размера делить вещество. Эти, уже неделимые частички они и называли «атом», что значит «неделимый».

- Верно! Вообще, в древности такие понятия как «совершенство» или «благородство» были вполне научными. На такие вопросы, как почему планеты движутся по кругу, можно было исчерпывающе ответить: потому, что круг – совершенная фигура. Или почему огонь (в смысле Солнце) должно располагаться в центре – потому, что это наиболее соответствует его благородному характеру. Поэтому

аргумент, что природа не будет «терпеть» бесконечной делимости, был вполне в ходу.

- Еще – продолжал Артур, - сторонники гипотезы атомов полагали, что в природе несколько десятков или сотен видов таких атомов, которые носятся хаотически в космосе и могут сцепляться друг с другом и расцепляться. Вы еще нам показывали страницу из древнего трактата, где атомы были нарисованы разного цвета с такими крючочками. А все тела, которые мы наблюдаем – это результат сцепления мирриадов атомов.

- Все верно. Андрей Зазнобин хочет что-то добавить?

- Да, Вы еще говорили, что понятие «атом» и понятие «элемент» по своему содержанию очень близки. «Элемент» переводится как «простейший», а простейший по своему определению не может быть сложен из чего-то еще, иначе тогда он сложный. А раз он состоит только из самого себя, то он не может быть разделен, а, значит, он неделим, то есть «атом».

- Радует, что вы все это помните. Так вот, химики, которые приняли эстафету от алхимиков, постарались избежать их ошибок. Чего хотели алхимики?

- Найти философский камень! – опять воскликнула Надя Варакосова, которая очень хотела реабилитироваться за прошлый промах.

- Зачем, Надя? Он что им философию лучше помогал понять?

- Нет, он мог превращать все вещества в золото. По крайней мере, они так думали.

- Верно, но постепенно, в ходе проведения многочисленных реакций алхимики и вслед за ними химики обнаружили, что среди всех веществ есть такие, которые ни во что не превращаются, ни на что не распадаются, а остаются собой. Их поэтому называли элементами, то есть простейшими. А остальные вещества есть комбинация этих простейших, то есть сложные. И к несчастью для алхимиков оказалось, что золото относится к таким простейшим – элементам. То есть в ходе химических реакций ни один элемент не может превратиться в золото.

Элементы стали называть атомами. Ну, то есть как, элемент – общее понятие простого вещества, а атом простейший представитель – частичка этого вещества-элемента. Так древняя идея обрела новое дыхание сначала в химии, а потом в физике.

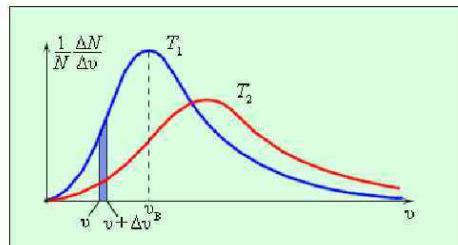
- Но вот о «поле» было твердое мнение, что оно сплошное. Напомню, что понятие «поля» ввел в физику Майкл Фарадей. Это вид материи (наряду с веществом), который передает взаимодействие между телами. А вещество – это вид материи, из которого состоят тела.

Видно было, как ученики соглашались – все это они разбирали с учителем на уроках в школе.

- Но вот настал очередной драматический момент в развитии физики, ее идей и представлений о природе. Произошло это в 1900 году. Как раз на рубеже веков. Помните, я вам рассказывал об открытии Макса Планка?

Ученики снова начали энергично кивать.

- Но вот что я вам не рассказывал тогда, это некоторые важные подробности. Сегодня придется о них упомянуть, чтобы вы лучше понимали дальнейшую логику рассуждений, особенно в нашей грядущей дискуссии. Начнем. Гениальный Максвелл еще в конце третьей четверти девятнадцатого века построил чисто теоретически функцию распределения молекул газа по скоростям и получил вот такой график:

Распределение молекул по скоростям.

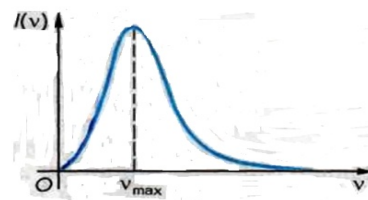
$$T_2 > T_1.$$

Николай взял мел и быстро начертил на доске график.

- Ну, вот примерно так. Потом это распределение было блестяще подтверждено в опытах Штерна. Это мы тоже кратко разбирали. А Макс Планк бился над проблемой описания спектра излучения «абсолютно черного тела». В то время была очень популярна тема исследований в физике – всякие излучения. Были открыты, еще в начале 19 века:

инфракрасное, ультрафиолетовое, затем в конце века – рентгеновское. Все измерения спектра излучений наложили на систему координат и получили график, очень похожий на то, что Максвелл получил для молекул газа (только вместо скорости по оси абсцисс была отложена

Распределение энергии теплового излучения по частотам

частота). Я полагаю, посмотрел на этот график Планк, посмотрел, да и подумал, что раз графики похожи, то и формула должна быть похожа. Взял, да и подогнал ее под формулу Максвелла (я, конечно, сильно упрощаю творческий процесс Планка). И она блестяще совпала с экспериментальным графиком! Казалось бы все – победа! Формула, которую столь долго искали многие физики мира – найдена! Но тут его стали терзать смутные сомнения. А, ведь, нужно понимать характер Планка. Он был такой немец, до мозга костей! Любил во всем порядок и логику. Вот он нашел формулу, но не вывел ее из основательной теории, а «подогнал под ответ», как иногда делают плохие студенты с решением трудной задачи. Это пахнет каким-то жульничеством. Какая тут наука?! Где теория, где обоснования?! И он стал думать, но, видимо, ему в голову не пришло ничего иного как такое логическое рассуждение, что раз выводы похожи, то и основания должны быть схожи! И он придумал, что излучение тоже дискретно! Носятся такие «молекулы» - кванты излучения в пространстве, а потому и график похож. И тут было сделано важнейшее открытие: он вместо скорости приписал кванту излучения частоту (что было видно из графиков), и вывел хорошо вам теперь известную формулу $E = h\nu$ для энергии кванта, вместо $E = mv^2/2$ у Максвелла. Но и это еще в данной драме идей не все. Планк понимал, что он покусился на что-то негласно «святое» в физике. «Поле» – откуда это название, откуда это понятие, и как мы его себе можем представить? Ну, там силовые линии... Но главное – ему нет начала и конца, оно непрерывно. Ну, должно же быть хоть что-то непрерывно?! Ан, оказывается – нет! И в конце своей статьи Планк пишет, что ему самому не очень нравится эта идея, идея прерывности излучения, идея квантов, но он по другому не может это

объяснить и «призывает» других физиков – найти лучшее основания для его формулы, ведь формула-то блестяще описывает экспериментальные данные!

Николай взял паузу, смотрел на аудиторию, ему казалось, что он разъяснил все достаточно понятно. По внимательным взглядам ребят и взрослых он понял: «Зашло!»

- Итак, Планк стал революционером в физике поневоле, а не из желания выделиться.

- А вы нам еще рассказывали, как он поступал в университет на физику, и что сказал ему профессор на экзамене... - Надя Варакосова снова подала реплику.

- Ну, про бесперспективность физики – подтвердил Артур.

- Верно! Потом я рассказывал вам, как эта идея квантов, даже вопреки мнениям самих авторов гипотез, пробивала себе дорогу в физике.

- А я запомнила про квантового ученика... - опять вставила Надя.

Николай вспомнил, что вначале изучения темы «Основы квантовой физики» он попробовал дать понять ученикам ее необычность. В его памяти возник класс и глаза учеников, с любопытством, скепсисом или даже со скукой смотревшие на него:

- Вот представьте, что в вашем классе появился «квантовый ученик». Так он ничем не отличается от других учеников, но перемещается как-то странно. Вот прогремел звонок. Колосков! Сядь! Не вставай, звонка не было, это я для примера говорю. Все ученики спокойно, не торопясь (вы же старшеклассники, негоже вам, как первоклашкам бежать сломя голову к двери?!) идут к двери, непрерывно перемещаясь от точки к точке пространства. А этот «квантовый» тут исчезнет, а там появится, снова там исчезнет – в другом месте появится. Вот так он перемещается, так «перемещаются» квантовые частицы, например, электроны внутри атома. Вам же рассказывают сначала, чтобы вас не шокировать, что электроны непрерывно летают по орбиталам. Так? А на самом деле все не так, они «скачут» там, как блохи...

Колосков воскликнул: «Так это же телепортация! Вот бы мне так!».

- Сначала изучи основы квантовой физики, а потом может что-то и получится.

- Ну, вот у вас, у учителей, всегда так скучно – сначала изучи... А мне бы сразу. Щелк пальцами – и дома. Щелк и в Москве или в Нью-Йорке. А вот Вы, говорят, там были? Расскажите...

Но вернемся в библиотеку.

- Да, с развитием квантовой механики физика становилась все «безумнее», все дальше она уходила в своих моделях от наглядной реальности, но, тем не менее, все точнее описывала микромир и строила на основе этих описаний новую надежную технику. Давайте дадим слово нашему гостю Александру Михайловичу. Он нам еще «безуминки» добавит. Правда, Александр Михайлович?

Дюрягин вышел к доске:

- Мне придется тоже начать с истории. Сразу скажу, что некоторые подробности, рассказанные нам Николаем Ивановичем про Планка – это, так сказать его личный взгляд на дело. Никто точно не знает, как там было у знаменитого немецкого профессора. Но гипотеза действительно была слишком смелой и нашла дальше свое развитие у Эйнштейна. Как вы должны знать, Эйнштейн предложил считать кванты света такими странными объектами, у которых сочетаются свойства частиц вещества (корпускул) и волн в некой среде. Корпускулярно-волновой дуализм. То есть вслед за Планком он развил гипотезу о том, что поток излучения дискретен (прерывен) и кванты – это такие квазичастицы – фотоны, от греческого «фотос» – свет. В классической физике такое немыслимо. Там либо это частицы – либо волны. Проявления у них слишком разные. Но свет ведет себя в одних явлениях как поток частиц, в других – как волны. Вообще в квантовой физике чаще всего не бывает так или не так, а, напротив, и так и эдак. Про кота Шредингера слышали?

Кое-кто из ребят закивал головами.

- Все же, позвольте, я вам перескажу со своими пояснениями, так как это поможет нашему делу. Шредингер – это один из основателей квантовой механики. И вот, чтобы лучше объяснить ее странности, он

придумал, ставший теперь знаменитым мысленный эксперимент. Еще раз повторю, эксперимент мысленный, так что ни одно животное во время него не пострадало!

Ребята дружно засмеялись. Так вот, представьте себе ящик, в который посадили кота. Александр Михайлович нарисовал на доске ящик с трубочкой. Ну вот, кот в нем сидит, но дышать он может только через трубочку. К трубочке, по которой кот получает воздух, прикреплена ампула с ядовитым газом. Яд из нее может попасть в трубочку. Но процесс этот чисто случайный и ни от чего не зависит. Никто не может сказать: уже попал туда яд, или еще не попал... Таким образом, пока мы не заглянули в ящик, мы не знаем, жив кот или мертв. С точки зрения классической логики и физики – кот либо жив, либо мертв.

- Ну...

- А по квантовой механике выходит, что пока мы туда не посмотрим, он одновременно и жив, и мертв!

- Это как?!... – ребята заволновались.

- Только, когда мы проведем наблюдение за котом. Откроем ящик, то кот перейдет из этой суперпозиции состояний в одно из двух: он действительно, будет или жив, или мертв.

- Ерудна какая-то...

Тут вмешался Николай:

- Александр Михайлович, можно я уточню!

- Пожалуйста!

- Ну, вот поясню еще одним примером. Помните, я говорил с вами о размерах атома и атомного ядра?

- А, это когда атом мысленно до метра увеличили!..

- Правильно, молодцы, помните...

- Там еще ядро все равно мизерное – правильно?..

- Да! Так вот. Представьте, что позади меня на доске настоящий увеличенный атом. В центре доски ядро, а где электрон?

- Ну, где – летает по орбитали...

- Я же вам говорил, что представление о том, что электрон летает по орбитали – неверное. Само слово «квант» - это примерно нечто конечное, ограниченное, типа – порция чего-либо, кусок. Особенность квантования заключается в том, что привычная нам непрерывность теряется. Все происходит какими-то порциями, скачками, вспышками... Там, в микромире, все раздробленно... Но вернемся к электрону. Он хитрый! Пока я на него не смотрю (ведь он сзади меня), он находится везде, но с разной вероятностью. Везде одновременно! Это как шаловливый мальчонка, когда на него не смотрит строгая учительница, он успевает бегать везде.

- Это как так? Везде одновременно!

- Но стоит мне развернуться и посмотреть на него, он перестает «хулиганить», и тут же оказывается на каком-то определенном месте! Тут или тут – Николай развернулся к доске и начал ставить точки вокруг «ядра» атома.

- А как он понимает, что Вы на него посмотрели?!

- Сие науке пока неизвестно! – отметил Дюрягин.

- Есть разные версии... - добавил Николай Иванович.

- Расскажите!

- Собственно в этом и суть моей статьи. Есть современные теории струн и мембран. Артур, глядя на Николая Ивановича снова кивал, он читал популярные статьи об этой «новой волне» в теоретической физике и даже когда-то, в начале учебного года задавал вопросы учителю, но тогда Николай Иванович ответил уклончиво, что, мол, изучим кое-какие темы, тогда и будем разговаривать. Артур вовсе не обиделся, но обещание запомнил и все ждал, когда же наступит такое время.

- В этих теориях, - продолжал Николай Иванович, - присутствует многомерность пространства, то есть общее количество пространства больше трех и доходит до десяти (а с учетом времени – и до одиннадцати). Вот тогда и объединяются теория гравитации с квантовыми теориями полей. Там присутствуют такие странные для нас

объекты: как струны и браны. Ну, образ струн вам легко представить, а бранами называют некие многомерные «поверхности» в этих многомерных мирах. Все, что мы наблюдаем – в физике микромира – это результат взаимодействия струн и бран. Николай нарисовал на доске плоский прямоугольник как бы в повернутой проекции, и «проткнул» его «струной».

- Вот это место, где струна пересекается с браной мы и принимаем за элементарную частицу.

- А мы что, живем в этой плоскости? – задал вопрос Артур.

- Да, только она не двумерна, а трехмерна. Это наша трехмерная Вселенная. Но дело, с моей точки зрения, еще интересней. Однако сначала давайте поясним про трехмерный мир – нашу вселенную-брану. Здесь нам поможет аналогия. Когда возникает граница раздела двух сред с разными свойствами, например, жидкость-газ, то возникает особое проявление электромагнитных сил – поверхностное натяжение. Помните, мы такую тему факультативно изучали? Они, эти силы, существенно двумерны, т.е. это двумерное проявление трехмерной силы. Оно как бы «отщепляется» от электромагнитного взаимодействия, но условно. Вы сами понимаете, что это не какая-то новая сила природы, но особенности у нее есть. Даже своя формула зависимости от длины границы свободной поверхности жидкости. Если бы существовали двумерцы, тело которых было бы построено на этих силах, то они жили бы в этих поверхностях и наблюдали бы только то, что там есть. Их зрение и прочие органы чувств были бы двумерны.

Николай нарисовал на «бране» такого смешного плоского человечка:

- Знакомьтесь – это двумерец, он же плоскатик. Живет на границе раздела жидкость-газ.

Николай показал рукой на доску, как будто поздоровался с нарисованным человечком. Ребята, лица которых были напряжены от слишком необычной информации, заулыбались. Этого-то Николай и хотел, а то обстановка становилась слишком тревожной. Могла потеряться нить рассуждений.

- Позвольте вопрос, - обратился к Николаю Дюрягин, - а почему мы не наблюдаем эти ваши многомерные миры? Ну, там четырехмерные, пятимерные... Ведь физика все-таки наука экспериментальная и опирается именно на наблюдаемое.

- Вот позитивисты тоже так рассуждали, когда возражали Больцману. Аргумент типа: не видим, значит, нет – он не всегда срабатывает! – парировал Николай. И продолжил:

- Я отвечу на ваш вопрос несколько необычно. Давайте посмотрим внимательно на наши тела физические и органы чувств. Все в них протекает только на одном виде взаимодействия – электромагнитном. Все биохимические реакции, все органы чувств, все, что мы воспринимаем, вся информация о мире приходит к нам через электромагнитное взаимодействие. Остальные три фундаментальные взаимодействия никак напрямую в этом не замешаны, а играют роль только опосредовано, через влияние на электромагнитные силы.

Теперь я постараюсь показать, что электромагнитные силы существенно трехмерны – это трехмерное «отщепление» от многомерной Единой Силы или Единого Взаимодействия. Начнем с электромагнитной волны. Она может существовать только в пространстве трех измерений, т.к. все три вектора, ее характеризующие: магнитная индукция, напряженность электрического поля, скорость распространения – образуют тройку взаимно перпендикулярных векторов – как трехмерные оси декартовых координат. Почему они не существуют как чисто электромагнитные в четырехмерном пространстве? – На чем построена моя гипотеза – на выводах Калуцы о связи электрического заряда с движением в четвертом направлении. Как говорят, таким образом, заряд «геометризуется», т.е. сводится к уже простому и известному – к поступательному движению. Но тогда в четырехмерном пространстве зарядов нет – есть просто движение! А нет зарядов – нет особого электромагнитного взаимодействия! Он не исчезает, а согласно современной стандартной модели, превращается в электрослабое. Только вот в современной теории это объединение электрического и слабого происходит просто при высоких энергиях в том же трехмерном пространстве, а с моей точки зрения, это связано с другим – с бóльшим

количеством измерений пространства. Одно другому не противоречит, т.к. у меня есть даже формула (в какой-то главе приводится), что при повышении количества пространственных измерений повышается базовая частота осцилляций вакуума, что связано с повышением энергий частиц в виртуальных парах. ($\nu = 10^{7 \times n}$, где n – количество измерений пространства).- Николай выписал формулу на доске. - Там уже не электрон с позитроном осциллируют, а частицы потяжелей. Наш трехмерный вакуум я называю электрон-позитронным. В нем только эти истинно элементарные частицы могут в свободном виде перемещаться (о нейтрино особый отдельный разговор).

С кварками такое дело – они свободны только в пространствах 5-ти, 6-ти и 7-ми измерений, не зря же у них есть три дополнительные «степени свободы» - три цветовых «заряда»: красный зеленый и желтый, а в нашем трехмерном мире могут появляться только в конфайменте в комбинациях. Им зря, на мой взгляд, приписывают электрический заряд. Такой странный: $1/3e$ и $2/3e$, который в нашем мире наблюдаться у свободных частиц не может! Это только чтобы объяснить заряд у адронов. Но в нашей концепции этого совсем не нужно.

Да, еще при более высоких энергиях (а с моей точки зрения – при еще более высоких количествах изменений пространства) отдельное электрослабое исчезает как отдельное, а объединяется с сильным взаимодействием.

Так вот, вернемся к электромагнитным силам. Они есть трехмерная «проекция» единого взаимодействия. Они создают наше физическое тело. И когда мы его «одеваем» при рождении в этом мире, то видим и ощущаем только трехмерную реальность. Это как если бы ты одел очки, которые пропускают только ультрафиолет. Ты бы видел несколько иную реальность, чем невооруженным глазом.

Николай не заметил, как перешел на научный диспут с применением разных неизвестных аудитории фактов и терминов. Он остановился. Дюрягин смотрел на него с пониманием, но с сомнением в глазах. Видно, что выставить какие-то аргументы против, он сейчас не

может, но и принять столь экзотическое толкование физической модели реальности – тоже не может.

Остальные смотрели на их дискуссию, как на разговор умных иностранцев на одном им понятном «птичьем» языке. Опомившись, Николай, посмотрел на аудиторию, быстро оценил и понял ситуацию, которую нужно было спасать. Он обратился к старшеклассникам:

- Ребята, я понимаю, что трудненько вам все это воспринимать, но вы сейчас послушайте, попробуйте сформулировать вопросы. Хорошо?!

Ребята закивали. Впрочем, они были готовы к такому повороту событий. Глаша с ними поработала. Они воспринимали само присутствие на этом диспуте, как возможность соприкоснуться со сложным и заманчивым миром науки, в котором потом им хотелось бы жить и творить. Сама эта возможность уже вдохновляла их, чтобы потерпеть твердость и тяжесть «гранита науки».

- Дальше я попытаюсь говорить попонятнее и меньше применять незнакомых вам терминов! – Николай говорил, как бы извиняясь. И извинения публикой принимались. Он это видел. Но, понимая, что столь много новой информации переварить не только юным, но и взрослым – слишком трудно, Николай предложил сделать паузу.

Народ высыпал из библиотеки в сад. Кто-то из взрослых закурил. Кто-то отправился домой. Видимо не всем любопытствующим было по силам вы сидеть эту «говорильню» до конца. Глаша сказала своим старшеклассникам:

- Кто устал и не понимает, можете идти домой. Разговор это уже детский.

Но никто из них не ушел в наступившую темноту вечера.

Глава 37. На гребне вселенской волны.

Николай, после перерыва предложил снова продолжить дискуссию профессору Дюрягину:

- Александр Михайлович, прошу, излагайте.

- Начну, ребята, снова с истории создания квантовой механики, ибо здесь важна не сама история, а концептуальное развитие идей. Мы уже

говорили, что Эйнштейн развил гипотезу квантов Макса Планка и предложил считать свет как потоком частиц, так и волной в пространстве. Ввел он для этого понятие «фотон», как такую частицу электромагнитного излучения, которая сочетает в себе, казалось бы не сочетаемое: свойства волн и частиц. И так же, примерно, как и Макс Планк, был не очень доволен тем, что ему приходится соединять вместе «коня и трепетную лань». Физики тоже далеко не все приветствовали такой подход. Но для того, видимо, чтобы пробить скепсис физиков, случился такой казус. В физику пришел, как бы со стороны, некий морской офицер, который не был скован физическими предрассудками и научным здравым смыслом. Это был Луи Де Бройль. Да, вот так, из морских офицеров. Обычно физиками не становятся в солидном возрасте, да еще без серьезного физического образования. Это я вам сразу скажу, как заведующий кафедрой. А то есть такие авантюристы, которые думают, что могут порождать серьезные научные теории без соответствующей квалификации. Но случай, о котором я вам рассказываю, был исключением. Бывший французский морской офицер с хорошим инженерным образованием, почитав некоторые работы по новой квантовой физике, заметим, неплохо поняв их, выдвинул блестящую гипотезу о том, что не только фотону, но всем элементарным частицам должны быть присущи одновременно свойства частицы и волны! Защитил диссертацию на эту тему. Но его гипотеза была принята далеко не всеми физиками. Некоторые считали ее чепухой! Вот тот самый Шредингер, у которого кот ни жив ни мертв (точнее, наоборот), он относился к гипотезе Де Бройля, мягко скажем, без энтузиазма. Когда ему его научный руководитель дал задание разобрать работу Де Бройля с аспирантами, то тот сначала только поморщился. Что это за работа?! Математики почти нет, экспериментальных подтверждений нет, одни рисунки волн электрона вокруг атомного ядра. Но Шредингер вынужден был заняться выполнением задания и решил (как австриец, а немцы и австрийцы близки по свойствам характера) придать работе солидные математические очертания. Он понимал, что волновые решения следуют из волновых уравнений. Начал искать в этом направлении и нашел! Нашел знаменитое теперь волновое уравнение Шредингера, которое идеально описывает поведение частиц при взаимодействии

(правда, нужно отметить, что в не релятивистском случае). Решением его и являются волновые функции, обычно обозначаемые греческой буквой ψ . Это открытие произвело большую «волну» в мире физиков. Уравнение легло в основу квантовой теории. Однако когда потом стали с ним разбираться, то поняли, что ни к какой реальной «волне» оно не относится, а описывает плотность вероятности нахождения частицы в состоянии с данными параметрами: энергией, импульсом, координатой... Например, чтобы рассчитать конкретные координату, импульс, энергию частицы, нужно соответствующий оператор физической величины домножить справа на волновую функцию ψ частицы и слева и ей сопряженную ψ^* . Профессор написал на доске: $\langle \psi | f | \psi^* \rangle$

- Знаменитый «брекет» Дирака.

Артур вовсю тянул руку.

- О, появились вопросы, - заметил Николай, - спрашивай, Артур!

- Профессор, а почему вы говорите – «умножить справа», «умножить слева», ведь от перемены мест сомножителей произведение не меняется?!

- Это верно юноша не для всех операций умножения. Для чисел – да, операция умножения коммутативна, а для функций и операторов – нет.

- Да, увы, Артур, высшая физика использует в своих описаниях действительности далеко не школьную математику – пояснил Николай, - продолжайте, Александр Михайлович.

- Да, о чем я? Теперь волновые функции Шредингера не связывают ни с какими реальными волнами, а считают лишь удобным способом математического описания вероятностного характера поведения элементарных частиц. А вот ваш учитель, Николай Иванович, смотрит на дело по-другому. На этом у нас с ним и возникают расхождения в толковании. Ну, о сам об этом вам расскажет.

- Да, я полагаю по-иному. Вот попытайтесь вспомнить, когда каждый из вас узнал, что мы живем в расширяющейся вселенной, не возникли у вас вопрос, а в чем расширятся вселенная?!

Тут уже не удержалась Глаша.

- У меня такой вопрос когда-то возник.

- У меня тоже – откликнулись некоторые из учеников и взрослых.

- Ну как Вы на него ответите, Александр Михайлович?

- Никак – пожал плечами Дюрягин – просто расширяется и все...

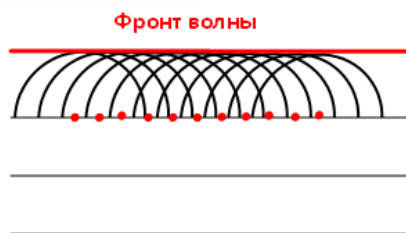
- Неубедительно! По моей гипотезе наша Вселенная – это трехмерный фронт волны, которая распространяется в многомерном пространстве. И к этому фронту применим принцип Гюйгенса-Френеля. Давайте вспомним. Николай повесил на доску заранее заготовленный плакат, в котором была информация об этом принципе:

Принцип Гюйгенса

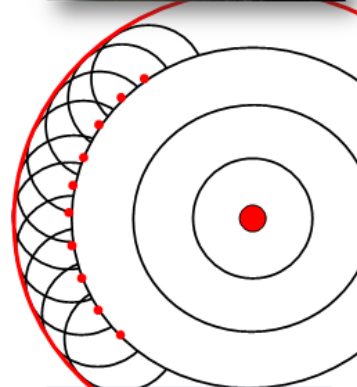
1678 г.

Каждая точка фронта волны является источником вторичных волн. Поверхность, огибающая вторичные волн, определяет положение фронта волны в данный момент времени.

Фронт волны

Рассмотрим плоскую волну

Рассмотрим сферическую волну

На мой взгляд, волновые функции элементарных частиц описывают реальные волны только в многомерном пространстве. Эти «вторичные» волны накладываясь друг на друга и интерферируя, образуют фронт волны – нашу наблюдаемую трехмерную вселенную! Слово «наблюдаемую» здесь ключевое. Вот заметьте, на плакате видно, что вторичные волны как-то странно взаимодействуют: вперед по ходу волны они распространяются, а назад – нет! Почему? Можно указать лишь одну причину – они сзади точно компенсируют друг

друга, а спереди – усиливают. Таков результат интерференции. Вот давайте еще раз посмотрим на конструкцию «брекет» Дирака, которая позволяет вычислить значение физического параметра: $\langle \psi | f | \psi^* \rangle$. В ней есть волновая функция ψ и комплексно сопряженная с ней ψ^* . А что значит комплексно-сопряженная?

Артур воскликнул: «Я знаю!».

- Ну расскажи нам, Артур.

Тот вышел к доске и стал писать попутно объясняя:

- Вот, если число комплексное, то у него есть действительная и мнимая части: $a + i*b$, а у комплексно сопряженного стоит знак минус перед мнимой частью $a - i*b$. Замечательным свойством таких чисел является то, что при их сложении и умножении мнимая часть исчезает.

- Вот! Мнимая часть исчезает! Молодец, Артур! Садись. Обсудим дальше. Ведь что нужно физикам при вычислении, чтобы мнимые части величин исчезали, иначе полученная величина не описывает ничего целиком относящегося к нашему миру. Мнимая часть – из миров иных. Из других измерений. И результат будет обладать неопределенностью для нашего мира. У волновой функции есть такой фазовый множитель $e^{i\phi}$. А комплексно-сопряженная волновая функция – это и есть функция, которая описывает волну в противофазе $e^{-i\phi}$. Накладываясь, такие волны, в результате интерференции точно компенсируют друг друга. Комплексная часть исчезает! В «сухом» остатке мы имеем только действительную часть числа, то есть только то, что принадлежит нашему миру. Так из миров потенциальных возможностей, где электрон находится сразу везде, образуется в результате взаимодействия вторичных волн (волны электрона и волны «наблюдателя»), конкретное положение электрона в атоме. Волны исчезают. Остается конкретная «точка». А наблюдение – это и есть взаимодействие наблюдателя и наблюдаемого.

Николай остановился и посмотрел на аудиторию. Впечатление у него осталось двойное. Видно было, что что-то понято, но далеко не все...

- Ну, вот, я посмотрел на электрон, мы с ним провзаимодействовали, и из всех его положений все скомпенсировались, кроме одного – так понятней?

Неясно было, понятней или нет. Ну, что ж бывает и так.

- Получается, что в какой-то момент времени взаимодействие частиц приводит к тому, что их волновые функции «накрывают» друг друга в противофазе «позади» фронта волны, то есть, благодаря интерференции, они компенсируют друг друга везде (кроме одной точки), так как находятся в противофазе. Там возникает «прошлое» положение фронта волны, т.е. нашей вселенной, «прошлое» состояние вселенной, в котором все состояния частиц, их параметры четко и однозначно определены. То есть прошлое - однозначно, его изменить нельзя, а вот «впереди» фронта волны волновые функции усиливают друг друга, в результате интерференции, поэтому в будущем тот же электрон может находиться где угодно с разной вероятностью, а потенциально находится везде (как мы уже разбирали). Будущее неоднозначно! И не нужно никакого Хью Эверетта с его бесконечным количеством ветвящихся вселенных.

- Да, неплохо получается. Одна из проблем квантовой механики решается. Но возникает другая проблема – вступил в дискуссию Александр Михайлович – волны должны быть когерентны, ну, то есть либо в одной фазе находиться – либо в противофазах, а иначе ничего не «срастется» в этой предложенной Николаем Ивановичем картине мира.

- Да, это хорошее замечание! – Николай ничуть не смутился. – В физике квантовых полей (проще говоря, в современной стандартной модели) как раз эта тема и является важнейшей. Волновые функции частиц определены до фазового множителя, ну вот мы писали – Николай указал на запись $e^{i\Phi}$ на доске. Ну, как неопределенный интеграл – первообразная, слышали - ребята закивали.

- Он же определен с точностью до константы. Можно прибавить к нему любую константу, от этого верность ответа не пострадает. Так и при решении волнового уравнения Шредингера, можно домножить волновую функцию на любой фазовый множитель, от этого решение не

станет неверным. Понимаете, если предположить, что фазовый множитель случаен у разных частиц, т.е. одинаков не у всех функций, то точной компенсации при интерференции не получится. Но тут нас выручает математика! Попробую объяснить. При предположении, что фазовый множитель не одинаков у всех волновых функций, то есть зависит от координаты частицы, то, оказывается, появляется (в гамильтониане) такое дополнительное слагаемое, которое соответствует тензору электромагнитного поля. Говоря проще, если какая-то частица вдруг «вздумает» выпасть из единого фронта волны – нашей вселенной, то тут же появляются силы (электромагнитные), которые как бы ее вставляют обратно в этот единый фронт. Это называется электромагнитное поле «калибрует» разность фаз частиц. Это поле удерживает целостность фронта, ибо фронт волны – множество частиц, колеблющихся в одной фазе. Математически это сложно, но уж поверьте мне на слово. Желающим рекомендую почитать как-нибудь потом учебник Боголюбова, Ширкова – «Введение в теорию квантовых полей», там это хорошо разобрано.

- Ну, Николай Иванович, у нас не всякий студент способен понять эту книгу, а Вы школьникам предлагаете! – вступился за и так замороченных ребят профессор Дюрягин.

- Да я так, к слову пришлось... - смутился Николай. – Подведем итоги! В чем суть моего взгляда на квантовую механику, по сравнению со взглядом, сложившимся в стандартной модели? В стандартной модели берется во внимание только наш трехмерный мир. Иных миров не предполагается. А математические приемы подсчета физических величин считаются чисто формальными. Я же считаю, что наш мир есть лишь один из миров в их многомерной совокупности. С точки зрения пространств большего количества измерений наша вселенная выглядит как трехмерный фронт единой волны, распространяющейся в многомерных пространствах. И мы, как сёрфингисты, на своих «досочках» - физических телах, несемся вместе с этой глобальной волной из прошлого в будущее!

Николай сделал паузу. И подвел итог:

- Что ж, на этом наш сегодняшний диспут можно считать оконченным. Я вижу, что далеко не всё понятно, но – главное – есть

вопросы, а они стимул развития. Дерзайте, вопрошайте, ищите ответы – в этом залог успеха!

Видно было, что сегодняшнее мероприятие Глаша придумала не зря. Ребята горячо обсуждали еще что-то у доски. Артур рисовал какие-то схемы. Прошло минут пятнадцать еще, пока все наконец, «остыли».

Все стали расходиться по домам. Николай поинтересовался у Дюрягина, как его впечатление от диспута?

- Ну, вы тут «зажигаете»! Я считаю, что твоим ученикам повезло!

- А какие умницы среди них встречаются?! А! Один Артур чего стоит!

- Это точно! Я бы хотел, чтобы и с нашими студентами ты провел такой семинар. Только конечно уровень сложности можно приподнять и историческую часть укоротить.

- Пускай приезжают сюда в библиотеку! Здесь у этого места дух особый! Заметил?

- Что-то есть. Теперь я, кажется, понимаю, почему ты тут осел. Старая любовь?!

- Единственная!

- Да, еще этот твой Михеич. Такой старичок-домовичок вашего места. Ты мне о нем что-то рассказывал. Кажется еще в студенчестве?

- Давно это было, а он все тот же, загадочный старик. Одно слово – кудесник! Все понимает, все знает, и сдается мне, понимает он больше нашего даже в физике! А уж во всяких мирах...

- Да вот про «миры»... Ты это все серьезно воспринимаешь или как одну из возможных гипотез?

- Серьезно.

- И у тебя есть основания?

- Есть, но сейчас распространяться об этом не хочу. Потом как-нибудь обсудим с тобой, поплотней.

На следующий день профессор Дюрягин уехал в Казань. Они с Николаем договорились, что иногда студентам будут устраивать

выездные семинары в Колмогорском.

Глава 38. Венчание.

Наступило лето. Как и планировали Николай с Глашей стали готовится к венчанию. Тут еще нужно заметить одну очень важную вещь. За годы, пока Михеич поселился в Колмогорском, отчуждение старообрядцев и православных постепенно сходило на нет. Все чаще из старообрядческой общины приходили на службы в местный храм, стали там крестить детей, главным образом из-за того, что многие в крестные хотели позвать Михеича, а тот советовал им крестить детей в православной церкви. Со своей стороны Михеич уговорил отца Пахомия посещать старообрядцев в их домах, бывать на их службах. Сначала им всем это было немного диковато, но как-то постепенно одежда священника примелькалась на свадьбах, похоронах и других важных моментах жизни старообрядческой общины села Колмогорского. Нельзя сказать, что местная православная община совсем слилась со старообрядцами, но острое религиозное неприятие ушло в прошлое. Старообрядцы в свою очередь внесли своими строгими нравами новую волну чистоты в жизнь села. Почти пропало пьянство, сквернословие, к семейным узам молодежь стала относиться серьезней. Меньше стало разводов. Молодежь стремилась вернуться после окончания ВУЗов на малую родину. Конечно, работы на всех не хватало, но даже те, кто обрел квалификацию, специальность, семью и кров вдали от села, не забывали свое Колмогорское и помогали расцвету села, как могли.

Библиотека села стала известной далеко за его пределами. Появилось даже предложение придать ей статус региональной, построить в селе культурно-выставочный центр по изучению старинной литературы. Михеич отнекивался, говорил, что староват для всех таких изменений. Процесс двигался постепенно, без спешки. Утверждали архитектурный проект. Михеич настаивал, чтобы усадьбу, сад и дом не трогали, а только подновили. Хотя были такие предложения – все снести и выстроить нечто грандиозное заново. Михеич переживал. Глаша собрала группу активистов в поддержку сохранения старого

здания библиотеки. В общем, было много ненужной суеты вокруг. Ну, а подготовка к свадьбе шла своей чередой.

Приехала на каникулы Аленка. В доме Колосковых кипела жизнь. Павел готовился поступать в технический университет на специальность «сельскохозяйственное машиностроение». Николай подтягивал его по физике и математике. Нужно было пересдать ЕГЭ. Дети смотрели на новое замужество матери с одобрением, они любили ее, она была для них авторитетом, и они не желали ей одинокой старости. Николай обоим был симпатичен. Историю их любви дети узнали только теперь.

Вечером, когда Николай и Павел занимались подготовкой к экзаменам, Аленка уединилась с матерью. Ей были интересны всякие подробности, связанные со свадьбой и венчанием.

- Мам, а ты будешь в обычном платье или специальное, свадебное заказала? А мне хочется, когда я замуж буду выходить, чтобы все было красиво, платье белое, фата... Машины белые...

- Был бы твой тятя жив, он бы не одобрил.

- Да, помню, как один раз он меня чуть не выпорол ремнем по-серьезному. Хорошо, что ты тогда вступилась.

- Помню, из-за макияжа твоего. Это ж надо в восьмом классе... Ты тогда так неуклюже намазалась, прости за выражение!

- Так я же в первый раз. Ты же у нас макияж не используешь. Учиться мне было не у кого. А я тогда, мама, в первый раз влюбилась! В Витю Ласточкина из десятого Б класса. Даже помню, с чего все началось. Иду я по школе, а там такой стенд висел «Чемпионы нашей школы». На первом месте фотография Вити. Такой, знаешь серьезный, мужественный... Я его, конечно и раньше видела, но мы не дружили, разный возраст – разные компании. А тут я вечером снова вспомнила про Витю, его фотографию, что он чемпион школы по бегу. Он мне показался очень красивым парнем, я подумала, может самый красивый в нашей школе, высокий, спортивный. Заснула я с этой мыслью, а когда проснулась, то почему-то опять про него сразу вспомнила. Мне захотелось его увидеть, попасться ему на глаза, может, я ему понравлюсь? Целый день я в школе на переменах «охотилась» за ним, подглядывала, как он на уроки ходит, в школьную столовую. И, знаешь,

мне так неприятно было, когда он со своими одноклассниками общался, улыбался им, а не мне... Дальше больше, помнишь, я вдруг записалась в секцию по легкой атлетике, на бег... Хотя, какая из меня, казалось бы тогда была бегунья?

- Я помню, сразу тогда поняла, что с тобой что-то не то происходит. Помню, как ты приходила изможденная с тренировок, а все уговаривала тебя – мол, брось ты это занятие, не твое это, да и учебе мешает. Но ты упорно тренировалась. Наш колосковский характер проявила. Помню, когда ты заняла третье место по району. Это ж не благодаря твоей физической природе, а вопреки. Я так тобой гордилась.

- А вот Витя – нет! Я думала: займу место, он оценит, проявит внимание.

- А он что?...

- Ну, подошел, так почти равнодушно поздравил. Так у него роман тогда был с Алисой Селезневой, у нее еще кличка была «Гостья».

- А почему «гостья»?

- Ну, помнишь кино «Гостья из будущего», там тоже Алиса Селезнева была.

- А! Ну, да.

- Ну, вот, он эту «гостью» все время после школы провожал, а то и в гости к себе приглашал... А я плакала от обиды... хотелось мне этой «гостье» гадость какую-нибудь устроить... – Аленка рассказывала так, как будто все было только вчера, даже слезы на глазах у нее навернулись.

- Ну, девочка моя! – Глаша прижала Аленку к себе. Та свернулась комочком, как котенок. – А сейчас где этот Витя?

- Да, где-то в Волгограде учится, вроде... Да, ладно, мама, я уже по нему не сохну, а нравится мне сейчас один мальчик с философского факультета... Мам, ну зачем на свете есть такая любовь, мучительная, неразделенная?! Для чего Бог так попускает?

- Попробую тебе рассказать, тем более ты теперь у нас психолог, должна знать. Только ты пообещай мне, что воспримешь всерьез, а не отмахнешься.

Аленка закивала головой, потом посмотрела в глаза матери. Ее взгляд молча пообещал, все о чем Глаша просила.

- Ну, начнем с того, что мир нашей планеты многослоен. Я тебе уже как-то начинала рассказывать, когда ты все спрашивала меня о том, что дядя Николай со мной обсуждает.

- А, помню – многомерности.

- Ну, да многомерности. Но сейчас мы не об этом. В этих слоях живет много разных существ, одни из которых – это стихии.

- Они какое-то отношение к стихам имеют?

- Имеют, но давай о психике, ты же психолог?!

- Давай.

- Вам будут рассказывать в университете о разных теориях либидо, мозговых процессах, нейронах... - все это частично верно, но претендует на полное объяснение свойств психики человека. А это не так. Однако запомни, главное в человеке и его психологии - личность и во влиянии на него – главное – личность! Много личностей из иных миров невидимо влияет на психику человека. Но я пока расскажу о стихиях. Это такая группа духов, которые воплощаются... впрочем, давай-ка я «Розу Мира» возьму, прочитаю, так точнее будет. Где же..., где же... а вот, нашла: «Стихиями называются те монады, которые проходят свой путь становления в Шаданакаре преимущественно сквозь царства Природы. При этом нельзя забывать, что аспектом своеобразного царства Природы является и человечество. Стихийные, именно стихийные силы, кипящие в нём и без которых немыслимо его существование, выражают, хотя и не исчерпывают, этот его аспект. Неудивительно поэтому, что есть и такие стихии, которые связаны не с природой в общепринятом смысле слова, а с человечеством, с его стихийным, природным аспектом». Они обычно живут в слоях, как бы параллельным с нашим физическим слоем. Однако: «Это не значит, впрочем, что монада никакой стихии, ни на одном из отрезков

своего пути не может принять инкарнацию в плоти человека, даймона или ангела. Может вполне. Так же, как и некоторые человеческие монады начали создавать для себя форму из более плотных материальностей в незапамятные времена не в человеческих слоях, а в сакуале стихиалей или в сакуале ангелов. Но для них это явилось кратковременным сравнительно этапом. Столь же кратковременны для отдельных стихиалей их инкарнации в человеческих или любых иных формах».

- Вот еще: «Стихии природы в Энрофе - вода, воздух, земля, растительный покров, минеральные слои, магмы и, наконец, та «жизненная сила», арунгвильта-прана, присутствие которой - непереносимое условие всякой органической жизни в Энрофе, - всё это, по большей части, не плоть стихиалей, а скорее внешний концентрический круг среды их пребывания, пронизанный ими, движимый ими и преобразуемый, - арена и материал их творчества, их веселия и гнева, их борьбы, игры и любви. Собственная же плоть стихиалей имеет, в большинстве, струящийся характер: границы формы непостоянны и способны к взаимопроникновению».

- Слушай, мама, я когда-то пыталась втихаря читать эту твою «Розу Мира», но мало что в ней поняла. А можешь ты как-то попроще объяснить?

- Попробую. Ну, вот древние языческие народы поклонялись стихиям. Знаешь об этом. Перун, например, был богом грома и молнии.

- Ну, конечно знаю!

- Только вот одно уточнение. Поклонялись они не самим стихиям, как утверждают учебники научного атеизма, а тем «богам», которые владели этими стихиями, управляли ими. Они ощущали их как личности, которые могут вызвать дождь или снегопад, помогут вырастить урожай, или могут в гневе разрушить жилище человека...

- Да, но, мама, это сейчас объясняет физика, все эти природные явления. Даже прогнозы погоды создают, которые на короткий срок достаточно точны.

- Это так, но одно другого не исключает. Вот послушай еще одно место из «Розы Мира»: « - Что за нелепость, - подумают иные. - Как будто мы не располагаем исчерпывающими данными, отчего и как возникают туманы, ветер, роса, не знаем механики образования дождя, рек, растительности? И такие сказки преподносятся с серьезным видом в середине XX столетия! Недаром автор намекает на то, что ему легче столкнуться с детьми: зрелому человеку не пристало слушать такие басни.

Они заблуждаются, эти абсолютисты научного метода познания: ни малейшего противоречия науке здесь не имеется. Подчеркиваю: науке, объективной и серьезной, а не философской доктрине материализма. Ведь если бы существовало какое-нибудь разумное микроскопическое существо, изучающее мой организм и само в него входящее, оно имело бы основание сказать, в ту минуту, как я шевельнул рукой, что эта глыба вещества, состоящая из таких-то и таких-то молекул, дернулась оттого, что сократились некоторые её части - мускулы. Сократились же они потому, что в моторных центрах произошла такая-то и такая-то реакция, а реакция была вызвана такими-то и такими-то причинами химического порядка. Вот и всё! Ясно как день. И уж, конечно, такой толкователь возмущился бы, если бы ему вздумали указать, что «глыба» шевельнулась потому, что таково было желание её обладателя, свободное, осознанное желание, а мускулы, нервы, химические процессы и прочее - только передаточный механизм его воли.

Изучением этого механизма занимается физиология. Это не мешает существованию психологии - науки о том сознании, которое этим механизмом пользуется.

Изучением стихий природы как механизмов занимаются метеорология, аэродинамика, гидрология и ряд других наук. Это не должно и не будет мешать со временем возникновению учения о стихиях, о тех сознаниях, которые пользуются этими механизмами».

- Ну, вот, видела ты как дети играют с песком, пересыпая из ведерка в чашечки, а как они кидают в лужи камень и изучают волны от него, как они возятся с пластилином... дети могут заниматься этим часами.

- Видела, конечно...

- Нам кажется это наивным и бесполезным, но для стихий, этих «струящихся духов», такая деятельность является очень важной, даже содержанием их существования. Они громоздят тучи, несут ветры, раскручивают торнадо, «доют» из облаков дождь, сыпят снег, покрывают ковром из трав наши поля... - и все это доставляет им столько удовольствия, столько эмоций. Понимаешь, почему дети их лучше понимают, а они детей?!

- Мам, а для чего они, эти стихии. И для чего они все это делают?

- Они предназначены, чтобы взаимодействовать с другими духами, например, с человеком. Как я понимаю, в Божьем Замысле, человек не должен был преобразовывать ландшафт природы, ее формы, выращивать себе пропитание с помощью только своей или животной мускульной силы, а тем более с помощью механизмов, которые насилуют природу. Он должен был вступить в контакт с просветленными стихиями, и благодаря их огромной телесной мощи преобразовывать окружающий мир. Это похоже на работу мастера и подмастерья. Вот мастер-кузнец выковывает из железа тонкую деталь, а подмастерье следит за тем, чтобы железо оставалось горячим и ковким. Между прочим, для этого ему нужно затрачивать гораздо больше усилий, чем мастеру, а, значит, быть куда мощней его. Так человек обладает куда более острым умом, чем обычная стихия, он может точно поставить задачи и определить формы, в которых будет производиться преобразование природы, а стихия должна поддерживать свою, данную ей во власть среду, в том состоянии, чтобы воля и разум человека могла из нее «лепить» что угодно. Так великие маги древности вызывали духов природы или «девов», которые служили им подмастерьями в деле преобразования окружающей среды. Насыпать огромную дамбу из камней, налить целое озеро из воды, насадить по берегам деревья – для этого не требовалась куча рабов, с их хилой человеческой силой или десятки бульдозеров и экскаваторов... Понимаешь, о чем я?

- Это как в сказках.

- Да, сказки и рассказывают, как должно было быть, но человечество пошло по пути технического развития, где совсем ненужными оказались души природы, стихии и стихии, вот сейчас мы пожинаем плоды этого разлада с природой. Все эти взбунтовавшиеся стихии, которые чем дальше, тем больше портят человечеству жизнь, так и будут восставать, если мы не наладим с ними контакт. Для этого нужно понять, что они есть, изучить их психологию и место в Божьем Замысле.

Глаша остановилась, посмотрела на Аленку, та была очень серьезной.

- Наверное, скоро и твоя любимая психология будет изучать не только психику человека, но и стихий. Вот есть такая, одна из важнейших для человечества стихия – Лилит. Среда ее «творчества» - это множество физических и эфирных тел человечества. Она должна была быть, как и любая стихия помощником человеку в создании и развитии плотных тел. Женщина не создает тело ребенка, а только вынашивает, предоставляя ему питательную среду. Лилит «следит» за тем, чтобы тел было больше, качество их было лучше. Отдельная человеческая личность ее не интересует, ее интересует масса, множество, «среда»... Она, в том числе отвечает за «либидо», т.е. сексуальное влечение мужчин и женщин друг к другу. Что говорит библия о создании Лилит (правда, сразу скажу, что там она называется сначала «женой», а потом – Евой): «И сказал Господь Бог: неже человеку быть одному; сотворим ему помощника, соответственного ему». Заметь, Бог создает помощника человеку, а ведь мужчину и женщину – их создал он ранее... И потом, интересно, что именно человек называет ее женою, а не Бог... (см. Быт. Глава 2:23). Находясь в своем слое, в тоже время Лилит может единоприсутствовать в огромном множестве тел, влиять на них, «ремонттировать» их, когда человек спит... Ее роль в жизни наших физических тел огромна.

Но когда-то, в глубокой древности, когда люди еще не жили в нашем слое, в мир Лилит сумел вторгнуться Планетарный демон. Он внес в нее свое семя, на древнееврейском «эйцехоре». Ну, с чем сравнить? А вот, с вирусной программой в компьютере. С тех пор все порождаемые Лилит цепи рода несут эту «программу» демонического

влияния на тех, кто получает с помощью Лилит сформированные тела. Это известно в религии, как первородный грех.

- Знаешь, меня всегда волновало, почему это мы несем ответственность за грехи Адама и Евы? Они, значит, согрешили, а мы расхлебываем. А теперь вроде понятнее становится.

- Да, библейское сказание о грехопадении Адама и Евы – это и есть переложенное на язык образов вот это древнее происшествие. Только с одним уточнением. Не было изгнания их из рая.

- Как это?

- Бог никого не наказывает! Он всеблаг. Это мое твердое убеждение. Помнишь, ты читала в моих рассказах историю об Агасфере.

- А «вечный жид»? Помню! Интересные у тебя сказочки получились.

- Суть рассказа об Агасфере в чем?

- В чем же?

- Есть такая легенда, что Бог наказал Агасфера за то, что он Не помог Христу при Его шествии на Голгофу. Велел ему жить здесь в нашем мире до второго пришествия.

- Да, а кто-то грезит о вечной жизни как о великом даре, а тут оказывается – наказание!

- Я же пыталась сказать, что никого Бог не наказывал, а Агасфер сам, понимаешь, сам выбрал себе такую долю, сказал, что хочет дожидаться пришествия Христа. Ну, вот его просьбу и удовлетворили.

- А что же там с Адамом и Евой. Почему же не наказание?

- Понимаешь, после того, как с Лилит случился такой казус, люди, жившие тогда в другом слое в эфирных телах оказались совершенно беззащитными перед демоническим влиянием. Катастрофа грозила ужасная. Демон мог их всех демонизировать, и они стали бы его рабами навеки. «И увидели, что они наги и устыдились» - эту библейскую фразу нужно понимать как беззащитность перед действиями демона в эфирном плане. Для защиты людей они срочно

были эвакуированы в физический мир, где получили плотные физические тела. Помнишь? Сказано «и дал им Бог одежды кожаные» - это про получение физических тел. Эти тела пусть и более грубые, однако дают хоть и не полную защиту, но значительно ослабляют действие демонических сил на человека.

- Интересно!

- Однако, когда происходит половое созревание, голос Лилит в человеке очень усиливается и демоническое влияние обостряется. Вспомни, когда еще в конце седьмого класса ты перестала на какое-то время носить нательный крестик? Я-то это заметила, отец – нет, а то бы такого ремня тебе всыпал!

- Это точно!

- А потом помнишь, ты начала изучать культуру «готов», всякие черепа на плащах – фу, мерзость!

- Ну, малая была – глупая.

- Помнишь, грубить мне пыталась? Отцу-то небось боялась...

- Ой, мама, лучше не вспоминать, переходный возраст – одно слово.

- Ну, вот понимаешь теперь, как влияет Лилит и через нее демонические силы на психику человека? Древний бунт, описанный в библии, воспроизводится в новых и новых поколениях. Люди начинают склоняться к агрессии, насилию, извращениям, любить демоническое и т.д.

- Ну, да, вроде понятно! Но у нас на факультете вряд ли про эту Лилит кто-то всерьез воспримет.

- Это сейчас. Пройдет время – примут! А ты уже сейчас можешь это знать. – Аленка посмотрела на мать с сомнением.

- А вот теперь ответ тебе про вопрос о любви, в столь раннем возрасте. Она дается как «спасательный круг» душе человеческой. Я же помню, как ты, влюбившись в Витьку, стала меняться в лучшую сторону. Как твой характер закалялся. Как ушли в сторону все эти дебилские увлечения.

- Мам, ну он для меня был, ну чуть ли не как Бог. И мне хотелось стать достойной его.

- Не сотвори себе кумира!

- Ну, понимаешь, я не могла больше ни о чем и ни о ком думать – все о нем, да о нем. Он был для меня везде. Во всем. Мне казалось, что если я его не увижу, то дышать перестану и умру.

- Понимаешь, это состояние, когда человек перестает во внутреннем мире быть для себя самодовлеющим центром бытия, когда он «переселяется» в другого. Он им и в нем живет. Для него теперь дороже не свои интересы, чаянья и мечты, а то, чем живет любимый.

- Точно говоришь! Все так и было.

- Почитай статью Владимира Соловьева «Смысл любви». Там об этом еще лучше сказано.

- А как у вас с дядей Николаем было? Расскажи.

- Да так и было.

- Ну, вы же оба любили друг друга, вам в этом смысле повезло.

- Так повезло, что мы аж на тридцать лет расстались.

- Эх, жалко!

- А с папой как у тебя было?

- Папу вашего я уважала. Да, ты сама знаешь, в нашей среде: «да убоится жена мужа своего». Нет, папа был строгим, но добрым. Один раз только на тебя руку поднял. Но мы это уже вспоминали. Жили мы в согласии, вас растили. Забот было столько, что о Николае я вспоминала нечасто. Были ведь и свои радости с вами. Первые зубки прорезались, первый шаг сделали, в первый класс пошли...

- Знаешь, а оно может быть и хорошо, что нас с Николаем судьба сначала развела. Мы были слишком разных взглядов на жизнь. По-разному воспитаны. А потом, любовь, я считаю, должна пройти искусы и испытания, а иначе... Ведь в чем суть любви? – Она подрывает человеческий эгоизм на корню, изнутри. Человек перестает быть эгоцентричным – все о себе да, о себе любимом, все для себя. Он живет другим и для другого. И готов, не задумываясь, даже жизнь

положить за него. А когда сразу двое полюбили друг друга, то этап духовного становления в любви может не успеть произойти. Получится такая «сладкая парочка», в которой эгоизм будет вдвоем. Все для себя любимых!

Понимаешь, в любви на первом месте должны стоять духовно-душевные отношения, а уж потом физические. Сначала там, в иных мирах душа одного человека должна проникнуть в душу другого. Браки заключаются на небесах. Должно произойти взаимопроникновение душ. Только тогда они смогут жить душа в душу. А это выражение имеет отнюдь не переносный смысл. Ранняя же физическая близость уводит любовь вниз, в область сексуальных наслаждений. Теряется тот тонкий настрой друг на друга, та способность «услышать друг друга за тысячу верст», которая сопровождает истинную любовь. Один человек начинает видеть в другом не столько душу, сколько источник физических наслаждений. А расстояния и испытания, разлуки, напротив, заставляют человека настроиться на другого, прислушаться изнутри себя, и услышать его там внутри, где бы он ни был физически. Понимаешь, почему мы, староверы, верны древним традициям, когда стыдливость не осмеивалась, а была добродетелью?!

- Помнишь, ты говорила, что душа человека больше всего жаждет любви и одновременно боится ее? Правда, всем хочется любви, но не хочется, чтобы она была неразделенной, ведь это такая мука!

- Но эта мука, как лекарство человеческой душе, она через боль делает ее чище и выше.

Венчание было назначено на субботу. Да, белое платье было пошито для Глаши, а то ведь в свое время она венчалась без пышностей и особых церемоний, как было принято у староверов. И одежда была под стать всему староверческому быту, традиционной и без излишеств. Аленка была рада за мать. Народу в церкви было немало. Все село уважало не только Глашу, но и Николая. Теперь он был свой, колмогорский.

Все шло в соответствии с канонами. Службу вел отец Пахомий, помощником был Степан Михеич, который тоже был облачен в соответствующую одежду. Над головами новобрачных держали венцы.

Потом, когда обряд был закончен, и Михеич с отцом Пахомием зашли в алтарь, Михеич увидел странный изумленный взгляд батюшки.

- Что-то странное увидели?!

- Да, Степан Михеич, может, Вы объясните мне!

- Спрашивайте!

- Когда над их головами держали венцы, все было нормально.

Когда их убрали, то над головой Николая я ясно увидел другой венец, который не исчез и оставался над ним, куда бы он ни пошел. Это что? Скажите?!

Михеич чуть-чуть улыбнулся, но потом принял серьезный вид. Он не сразу стал отвечать батюшке, а, сложив руки, прочел тихо какую-то молитву. Пока он ее читал, в алтаре появились какие-то светлые всполохи и потрескивания, как будто воздух стал наэлектризованным, затем Михеич провел рукой над семисвечником и свечи вспыхнули разом. Он посмотрел сквозь огонь свечей в глаза отцу Пахомию и сказал:

- Это, батюшка, вы видели венец родомысла над его головою.

- Что сие значит?

- Значит, будет другое венчание! Венчание его на царство. Вы готовы?

- Когда? – ошеломленно спросил священник.

- Примерно через двенадцать лет, так что не торопитесь.

- А что делать сейчас?

- Не мне Вам рассказывать, что главный способ духовного деланья – это молитва. Иоанн Шанхайский в свое время, будучи в иммиграции в Китае, предложил слегка изменить одну молитву, добавив в нее просьбу за государя-императора, зная, что России может быть в будущем дан новый духовный лидер, добавить слова о будущем царе. Это молитва иконе Богоматери Ченстоховской. Вот эта молитва:

О всемилостивая Госпоже, Царице Богородице, от всех родов избранная и всеми роды небесными и земными ублажаемая! Воззри милостивно на предстоящая пред святою иконою Твоею люди сия,

усердно молящаяся Тебе, и сотвори предстательством Твоим и заступлением у Сына Твоего и Бога нашего, да никтоже изыдет отсюда тощ упования своего и посрамлен в надежде своей, но да примет кийждо от Тебе вся по благому изволению сердца своего и по нужде и потребе своей, во спасение души и во здравие телу.

Наипаче же осени и огради покровом Твоим, милосердая Мати, благочестивейшего грядущаго Государя Императора нашего, имя Господи Ты его веси, и весь царствующий дом его: отжени от Него молитвами Твоими всякаго врага и супостата, утверди житие его в мире и тишине, да и мы вси тихое и безмолвное житие поживем во всяком блазе и чистоте. Удержави царство Его во еже быти в нем Царству Христову. Управи пути и советы его, да возсияет во днех его правда и множество мира, и да возрадуется сердце его о сущих в державе его, якоже сердце отца о чадах своих веселящаяся: на сопротивныя же и лукавнующия в сердцах своих последи пред лицом его ужас и трепет, да поне страхом вразумятся и престанут от лукавств своих.

Моли, милосердая Владычице, пренебеснаго Бога, да присно соблюдет церковь свою святую во Православии и твердей вере до конца веков. Призирай благосердием, Всепетая, и призрением милостиваго Твоего заступления на все Царство Всероссийское, царствующыя грады наша и град сей и святой храм сей, и на сия богатая Твоя милости неоскудно изливай, Ты бо еси всесильная Помощнице и Заступнице всех нас. Приклонися к молитвам раб Твоих и прошением их, услыши воздыхания и молитвы, имиже раби Твои молятся на святем месте сем. Аще и иноверный или иноплеменник, zde проходя, помолится, услыши и милостивно соделай, яже к помощи ему и ко спасению.

О Всепетая Мати, надеждо наша преблагая! Собери разсеянных, неверных же и иноверных во странах наших на путь истинный настави, отпадшия от благочестивыя веры паки возврати и Святей Православней Кафоличестей Церкви их сопричти. В домех нашим мир утверди, старость поддержи, юныя настави, младенцы воспитай, сирья и вдовицы заступи, плененныя свободи, болящия уврачуй, на суде и в заключениях и в заточениях и в горьких работах сущия

помяни, ограждающи ны присно от всякаго зла благостию Твоею, и утеши милостивным Твоим посещением и вся благодетельствующая нам.

Даруй же, Благая, земли плодоносие, воздуху благорастворение и вся, яже на пользу нашу, дары благовременныя и благопотребныя молитвами избранных угодников, святых Кирилла и Мефодия. Прежде отшедшыя отцы и матери, братию и сестры наша упокой в селениях святых, на месте злачне, на месте покойне, идеже несть печаль и воздыхание. Егда же приспее и наше от жития сего отшествие и к вечней жизни преселение, предстани нам, преблагословенная Дево, и даруй христианскую кончину жития нашего безболезненну, непостыдну и Святых таин причастну, да и в будущем веце сподобимся вси, купно со всеми святыми, безконечныя блаженныя жизни во царствии возлюбленного Сына Твоего, Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение, со Безначальным Отцем и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

- Вот сейчас активно призывают – покаяться нашему народу за убийство царя Николая Второго.

- Да, крестный ход даже бывает на месте их расстрела в Екатеринбурге, каждый год.

- Но вот ведь вопрос, в чем главная цель покаяния? Это не просто обозначение некоего извинения?

- Главная цель покаяния – это не повторить грех в будущем!

- Верно глаголите, батюшка. В чем был главный грех, который привел к убийству царя – в том, что его предали, его не приняли! И вот придет будущий «царь», будет он чем-то неугоден народу (а праведники и пророки всегда были чем-то неуютны народу, ибо обличали грехи, говорили неудобную правду), и народ его снова захочет «распятъ». Вот в этом главная опасность! И если народ поймет, что уже нельзя так поступать, когда созреет плод покаяния – такое настроение в народе, что не предадим в этот раз царя, даже если не все в его объяснениях нам Замысла Божьего будет созвучно с укоренившимися взглядами и верованиями, вот тогда Бог и откроет его. Ведь сумели же темные силы около двух тысяч лет назад убедить верхушку иудейского народа, что Христос – лжемессия, а те настроили против Него народ, который кричал: «Распни Его! Распни!». Главное, на чем играли эти силы – на том, что фарисеи и саддукеи будто бы

лучше, чем Христос, знают, как правильно служить Богу, а Он, де, нарушает заповеди и другие каноны веры. И если нынче народ будет убежден, что он лучше грядущего «царя» знает, как верно служить Богу, то зачем ему царь? Он снова не примет его и предаст.

- Да, увы, такой вариант возможен. Теперь я, кажется, понимаю, в чем истинный смысл покаяния за цареубийство. Не просто просить, прости нас Боже, что убили помазанника Твоего, а, Боже, пошли нам того, кто выведет нас маловеров на путь истинной веры! И мы примем его, и пойдём за ним. В этом будущее России.

Заметки

[←1]

* Ах, ты помощник дьявола!

** Не будем ссориться при детях.

*** Не нужно поминать имя дьявола все, как и имя Господне, не потому что оно священо, но чтобы лишний раз не радовать его.